

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 13 № 1 / 2023

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 13 № 1 / 2023

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Рускевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2022

 Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке.

Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 27.02.2023.

Дата выхода в свет 24.03.2023. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 28,1.

Тираж 1000 экз. Заказ 7.

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office:**
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

© Southwest State University, 2022

 Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 27.02.2023.
Release 24.03.2023. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 28,1.
Circulation 1000 copies. Order 7.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Обязательственное право Молдавии XVI – XVII веков.....	10
<i>Погорлецкая И. И.</i>	
Катехоническая концепция государства в российском политико-правовом дискурсе	21
<i>Сафронов Н. А.</i>	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	30
Оригинальные статьи	
Понятие «частной жизни» в цивилистической доктрине и правоприменительной практике	30
<i>Санников Д. В.</i>	
Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией: практическая имплементация... 43	
<i>Кораблева Н. Ю.</i>	
Правовое регулирование семейного предпринимательства в Российской Федерации: некоторые тенденции развития.....	53
<i>Пономарев Д. А.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	64
Оригинальные статьи	
Киберэкстремизм: понятие и разграничение с иным информационным деструктивным воздействием на человека в киберпространстве.....	64
<i>Ильиных Н. А.</i>	
Вклад Д. И. Курского в кодификацию уголовного законодательства (к 100-летию Уголовного кодекса РСФСР 1922 года).....	75
<i>Трошкина Д. Э.</i>	
Воспрепятствование оказанию медицинской помощи в системе уголовно-правовых норм.....	86
<i>Глебова Е. П.</i>	
Проблемы использования единого понятия пенитенциарной преступности при совершенствовании нормативно-правового регулирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	98
<i>Данилин Р. А.</i>	
Мошенничество в сфере купли-продажи автотранспортных средств: особенности совершения и меры профилактики.....	109
<i>Хныков Е. Р.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	122
Оригинальные статьи	
Бабушкины иконы и «естественный» пост: православная культура в повседневной жизни «обычных» граждан позднего СССР.....	122
<i>Апанасенок А. В.</i>	
«Под виц-мундиром русской службы»: о влиянии революционной деятельности И. П. Огрызко на ход винной реформы 1863 г.....	138
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	

Развитие здравоохранения в период «застоя» на Южном Урале (1965–1985 годы).....	149
<i>Никуленкова Р. А.</i>	
Организация специализированного торгового обслуживания работников железнодорожного транспорта в 1930-е годы (по материалам Курского региона).....	166
<i>Коровин В. В., Коровин Р. В.</i>	
Динамика сети учебных заведений и контингента учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в первые послевоенные годы (1945 – 1947)	177
<i>Хисамутдинов Д. Р.</i>	
Реализация задач инструкторского аппарата в системе образования в России 1919–1921 годов (на примере Курской губернии).....	192
<i>Соловьянова М. В.</i>	
Влияние немецко-фашистской оккупации на уровень механизации сельского хозяйства Ленинградской деревни.....	201
<i>Кулярский Д. Д.</i>	
Научный экскурс в историю военного искусства.....	210
<i>Абрамов А. П.</i>	
Развитие городского электрического транспорта в городах Центрального Черноземья в преддверии Великой Отечественной войны: особенности и результаты.....	222
<i>Давыдов А. С.</i>	
К сведению авторов	242

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES	10
Original articles	
Law of Obligations of Moldova in the 16th – 17th Centuries.....	10
<i>Irina I. Pogoretskaya</i>	
The Catechonic Concept of the State in the Russian Political and Legal Discourse.....	21
<i>Nikita A. Safronov</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE	30
Original articles	
The Concept of “Private Life” in Civil Doctrine and Law Enforcement Practice.....	30
<i>Denis V. Sannikov</i>	
Trade and Cooperation Agreement Between EU and UK: Practical Implementation.....	43
<i>Natalia U. Korableva</i>	
Legal Regulation of Family Business in the Russian Federation: Some Development Trends.....	53
<i>Dmitrii A. Ponomarev</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCE	64
Original articles	
Cyberextremism: Delimitation from other Information Destructive Impact on a Person in Cyberspace.....	64
<i>Nikita A. Ilyinyh</i>	
D. I. Kursky's Contribution to the Codification of the Criminal Legislation (to the 100th Anniversary of the RSFSR Criminal Code of 1922).....	75
<i>Diana E. Troshkina</i>	
Obstruction of Medical Care in the System of Criminal Law.....	86
<i>Ekaterina P. Glebova</i>	
Problems of Using a Single Concept of Penitentiary Crime in Improving the Regulatory and Legal Regulation of the Penal Enforcement System of the Russian Federation.....	98
<i>Roman A. Danilin</i>	
Criminal-Legal Features of Fraud Committed in the Sale and Purchase of Vehicles.....	109
<i>Eugene R. Khnykov</i>	
HISTORICAL SCIENCES	122
Original articles	
Grandmother's Icons and "Natural" Fasting: Orthodox Culture in the Daily Life of "Ordinary" Citizens of the Late USSR.....	122
<i>Alexander V. Apanasenok</i>	
“Under the Uniform of the Russian Service”: the Influence of the Revolutionary Activities of I. P. Ogryzko on the Course of the wine Reform of 1863.....	138
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	
The Development of Healthcare During the Period of "Stagnation" in the South Urals (1965–1985).....	149
<i>Regina A. Nikulenkova</i>	
Organization of Specialized Commercial Service of Railway Transport Workers in the 1930s (Based on Materials from the Kursk Region).....	166
<i>Vladimir V. Korovin, Roman V. Korovin</i>	

Dynamics of the Network of Educational Institutions and the Contingent of Students of the System of State Labor Reserves of the Chkalov Region in the First Post–War Years (1945–1947).....	177
<i>Dinar R. Khisamutdinov</i>	
Implementation of the Tasks of the Instructor Apparatus in the Education System in Russia 1919-1921 (on the Example of Kursk Province).....	192
<i>Marina V. Solovyanova</i>	
The Influence of the Nazi Occupation on the Level of Mechanization of Agriculture in the Leningrad Village	201
<i>Daniil D. Kulyarskiy</i>	
Scientific Excursion into the History of Military Art.....	210
<i>Alexander P. Abramov</i>	
The Development of Urban Electric Transport in the Cities of the Central Chernozem Region on the Eve of the Great Patriotic War: Features and Results.....	222
<i>Alexey S. Davydov</i>	
Information for authors	242

Обязательственное право Молдавии XVI – XVII веков

И. И. Погорлецкая¹ ✉

¹ Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
25 Октября, д. 128, г. Тирасполь 3300, Молдавия

✉ e-mail: begass.iren@mail.ru

Резюме

Актуальность. Обращение к области обязательственных правоотношений Молдавии XVI – XVII веков продиктовано ошибочным представлением о том, что в феодальном обществе обязательственное право не имело широкого распространения. При этом многочисленный актовый материал XVI – XVII веков свидетельствует об интенсивном развитии обязательственного права и его отдельных институтов в молдавском государстве. В статье освещаются вопросы обязательственных правоотношений в Молдавии XVI – XVII веков.

Целью статьи является определение основных характеристик обязательственного права молдавского государства, а также особенностей отдельных видов договоров: мены, дарения, купли-продажи, займа, ссуды и др.

Задачи: проанализировать отрасль обязательственного права Молдавии XVI – XVII веков, источники его правового регулирования; определить основные виды гражданско-правовых договоров, раскрыть сущность права преимущественного приобретения.

Методология. Методологической основой послужил исторический метод исследования. Наряду с историческим методом исследования были использованы принципы объективности и научности.

Результаты научного исследования показали, что, несмотря на интенсификацию развития обязательственного права в Молдавии XVI – XVII веков, в государстве отсутствовал единый национальный юридический сборник, направленный на урегулирование частноправовых отношений. Частично воспринятые нормы византийского права (Синтагма М. Властаря, Византийский Земледельческий закон), а также Уложение Василия Лупу 1646 года не вытеснили нормы обычного права (обичеул пэмынтулуй), которые преимущественно регулировали обязательства. Регулирование обязательственных отношений нормами обычного права имело следствием сохранение некоторых общинных институтов, таких как идея солидаризма, которая состоит в наличии коллективных субъектов и коллективной ответственности (семья, община), права преимущественного приобретения («протимисис»).

Выводы. В целом можно сделать вывод, что область обязательственных правоотношений интенсивно развивалась и имела тенденцию к смешению различных типов правоотношений, таких как мена, купля-продажа, дарения, ссуда, заем и др. Это объясняется неразработанностью юридической терминологии и техники, а также характером имущественного оборота с его чертами натурализации. Развитие обязательственного права происходило путем постепенной замены личной ответственности по договорам ответственностью имущественной.

Ключевые слова: обязательственное право; обычное право; право преимущественного приобретения; условное землевладение; господарские грамоты.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Погорлецкая И. И. Обязательственное право Молдавии XVI – XVII веков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 10–20. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-13-1-10-20>.

Поступила в редакцию 22.12.2022

Принята к публикации 26.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Law of Obligations of Moldova in the 16th – 17th Centuries

Irina I. Pogoretskaya¹✉

¹ Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko
25 October Str. 128, Moldova 3300, Tiraspol

✉ e-mail: begass.iren@mail.ru

Abstract

Relevance. The appeal to the field of binding legal relations in Moldova of the XVI-XVII centuries is dictated by the erroneous idea that in feudal society, the law of obligations was not widespread. At the same time, numerous acts of the XVI – XVII centuries testify to the intensive development of the law of obligations and its individual institutions in the Moldovan state. The article highlights the issues of binding legal relations in Moldova of the XVI – XVII centuries.

The purpose of the article is to determine the main characteristics of the law of obligations of the Moldovan state, as well as the features of certain types of contracts: barter, gift, sale, loan, etc.

Objectives: to analyze the branch of the law of obligations of Moldova in the 16th-17th centuries, the sources of its legal regulation; to determine the main types of civil law contracts, to reveal the essence of the right of first refusal.

Methodology. The methodological basis was the historical method of research. Along with the historical method of research, the principles of objectivity and scientific character were used.

The results of the scientific research showed that despite the intensification of the development of the law of obligations in Moldova of the XVI – XVII centuries, there was no unified national legal collection in the state aimed at regulating private law relations. Partially accepted norms of Byzantine law (the Syntagma of M. Vlastar, the Byzantine Agricultural Law), as well as the Code of Vasily Lupu of 1646, did not displace the norms of customary law (obicheyul pamyntului), which primarily regulated obligations. The regulation of binding relations by the norms of customary law resulted in the preservation of some community institutions, such as the idea of solidarity, which consists in the presence of collective subjects and collective responsibility (family, community), the right of pre-emptive acquisition ("protimisis").

Conclusions. In general, it can be concluded that the field of binding legal relations has been intensively developing and has tended to mix different types of legal relations, such as barter, purchase and sale, gifts, loans, etc. This is due to the lack of development of legal terminology and techniques, as well as the nature of property turnover with its naturalization features. The development of the law of obligations took place by gradually replacing personal liability under contracts with property liability.

Keywords: law of obligation; customary law; right of pre-emption; conditional land tenure; gospodar's charters.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pogoretskaya I. I. Law of Obligations of Moldova in the 16th – 17th Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(1): 10–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-10-20>.

Received 22.12.2022

Accepted 26.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Многочисленный актовый материал XVI–XVII вв. свидетельствует об интенсивном развитии обязательственного права и его отдельных институтов в молдавском государстве. Это определялось

интенсификацией товарно-денежных отношений и увеличением количества совершаемых гражданско-правовых сделок.

Говоря об источнике правового регулирования обязательственно-правовых отношений, следует назвать, прежде всего, правовую обычай. Как отмечал В. М. Гри-

бовский: «В древние времена обычай имеет первенствующее значение среди источников права... На обычном праве основывались частные сделки, договоры...» [1, с. 14]. По мнению В. И. Сергеевича, «вся жизнь древних княжений определялась обычаем» [2, с. 14].

А. Н. Егунов указывает на славянский фактор в обычном праве молдаван. Он пишет, что во время правления Александра Доброго «от частых столкновений молдаван с славянами, в особенности же с болгарами, образовывалось... основанное на обычаях и известное под названием «обычая», законодательство; в состав его преимущественно входили следующие статьи: наследство, раздел наследства, завещания, повинности и некоторые правила, относящиеся до вотчинного права и до межевания» [3, с. 196].

В числе обычаев, сложившихся в области земельного права, можно назвать обычаи межевания хотара села, установки различного рода межевых знаков, измерения долей веревкой или по столбам. В документах упоминается древний обычай межевания «ку бразда ын кап» – «с бороздой на голове». Известен и другой обычай, при утверждении собственности на землю, так называемого права предпочтительного приобретения родовой вотчины родственниками, для чего они первыми подлежали опросу перед сделкой продажи земли. В случае нарушения данного обычая возникало право родового выкупа «отнины» и «дедины» [4, с. 11].

Нормы обычного права регулировали куплю-продажу, организацию публичных торгов с аукциона, продажу недвижимости и др.

Л. А. Кассо отмечает те затруднения, с которыми сталкивается исследователь гражданского права Молдавии в конце средних веков. Он «встретится с затруднениями, известными нам из истории русского права, т. е. с отсутствием юридических сборников и официальных памятников» [5, с. 16].

Ф. А. Грекул в числе письменных источников права молдавского средневекового государства называет «многочисленные разновидности актового материала: грамоты («хрисовулы, шли «урики»), жалованные (акты, закрепляющие переход земельной собственности с живущими на ней крестьянами в руки светской и духовной феодальной знати и подтверждающие ее судебные права и фискальные привилегии); дарственные, или данные (акты дарения движимого и недвижимого имущества); купчие (акты купли-продажи движимой и в особенности недвижимой частной собственности); меновые (акты обмена движимой и недвижимой частной собственности); духовные (завещания о передаче движимого и недвижимого имущества по воле завещателя); вкладные (грамоты о вкладах движимого и в особенности недвижимого имущества, сделанных на имя церковно-монастырских корпораций, главным образом, «на помин души»); деловые, или раздельные (акты раздела имущества, крепостных крестьян и холопов); межевые (акты, устанавливающие или подтверждающие границы земельных владений, угодий и т. д.); несудимые (одна из разновидностей жалованных грамот, закрепляющих и определяющих судебные права и привилегии светских и духовных феодалов); правые (акты, содержащие разбор тяжб и судебные приговоры); тарханные, или льготные (одна из разновидностей жалованных грамот, подтверждающих фискальные права и привилегии светской и духовной феодальной знати «и дающих бессрочные или временные льготы»); описи движимого и недвижимого имущества в феодальных хозяйствах; уставные грамоты («оуставнищества», или «листы глейтованные», содержащие, главным образом, торговые привилегии иностранным купцам); кабальные записи, или заемные закладные кабалы (акты залога движимой и в особенности недвижимой частной собственности под взятую ссуду деньгами и натурой);

договоры, заключавшиеся молдавскими господами с властями других стран, ограничивавшие переходы за границу крепостных крестьян и холопов; господарские грамоты и указы о сыске и возврате беглых крестьян и холопов их прежним владельцам и т. д.» [6, с. 43–44].

И. Богдан указывает на то, что молдавские грамоты делятся на «внешние» и «внутренние». Если первые закрепляют привилегии купцам, то вторые относятся к области земельного права [7, с. 80].

А. Кочубинский указывает на то, что большое количество молдавских грамот XV–XVII вв. содержат сведения о пожалованных вотчинах [8, с. 396].

В грамотах XVI – начала XVII в. отражен процесс роста крупного феодального и монастырского землевладения в данный период, появляются тенденции к возникновению условного землевладения без права распоряжения и наследования земель. Крупные бояре все больше проникают в долевые резешские села, что приводит к нарушению единства земельного хотара [9].

Молдавскому средневековому обществу был известен институт иммунитетных привилегий. Крупным феодалам предоставлялось право содержания отрядов воинов, суда в отношении населения, проживающего на их территории. Крупные феодалы получали от господаря специальные грамоты – «слобозии» или «тарханные» (на Западе их называли иммунитетными, в России – тарханскими). Слобозией фактически оформлялись права феодалов над сельским населением (право суда, сбора налогов и т. д.). В Молдавии сохранились иммунитетные грамоты только духовных феодалов. Распространение иммунитетов означало ослабление власти господаря и усиление власти феодалов. И все же по важнейшим делам (например «за татьбу и дивки волочение») право суда над крестьянами принадлежало господарю [10, с. 144]. Иммунитетные грамоты закрепляли право феодалов на внешнеэкономическое

принуждение крестьян. Они способствовали разложению волошской общины и усиливали степень феодального владения.

Целью статьи является определение основных характеристик обязательственного права молдавского государства, а также особенностей отдельных видов договоров: мены, дарения, купли-продажи, займа, ссуды и др.

Методология

При написании статьи был использован исторический метод исследования, который позволил выявить генезис обязательственно-правовых институтов права средневекового молдавского государства. Наряду с историческим методом были использованы принципы объективности и научности исследования, позволившие исследовать закономерности развития обязательственного права с учетом его особенностей, его адекватного отражения в ходе исследовательской деятельности.

Результаты и их обсуждение

В обязательственном праве Молдавии особое место принадлежало гражданско-правовому договору. Действительность договора зависела от соблюдения ряда формальностей, таких как подписание грамот свидетелями, покупателем, соприсяжниками [11, с. 100]. Возникновение права собственности могло быть связано с рядом ритуальных действий, таких как присяга, судебный поединок, присяжные-поручители. Договор мог быть заключен как в устной, так и в письменной форме. Допускалась подпись договора духовными отцами или близкими родственниками сторон в случае их неграмотности. В качестве нотариальной формы договора можно рассматривать практику засвидетельствования договора уездными, волостными властями или главой сельской общины [11, с. 113].

Наличие свободной воли выступало в качестве обязательного условия дей-

ствительности сделки. Если сделка была совершена путем обмана, она могла быть признана недействительной. Покупатель незаконно приобретенной вещи мог быть привлечен к суду за участие в краже или укрывательстве [11, с. 132]. К личности лица, совершавшего гражданско-правовую сделку, предъявлялись определенные требования: достижение возраста совершения сделки, пол, социальное и имущественное положение сторон. Возрастной ценз для совершения сделки устанавливался в пятнадцать лет.

К основаниям прекращения обязательства можно отнести: исполнение обязательства, истечение срока его действия, смерть одной из сторон. Обязательство могло быть изменено или прекращено по воле господаря.

В случае нарушения договорных обязательств предусматривалась имущественная ответственность. Например, Византийский земельный закон устанавливал ответственность за нарушение договорных обязательств: «Если земледелец взял у какого-либо обедневшего земледельца виноградник для обработки исполу и не обрезал его, как полагается, не окопал и не обнес его частоколом, пусть не получит ничего из плодов». «Если взявший поле исполу у бедного [неимущего] земледельца, находящегося в отсутствии, раздумав, не возделает поля, – вдвойне столько отдаст плодов» [12, с. 104].

В качестве субъекта ответственности при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства могли выступать члены семьи: супруг и дети. К числу особенностей молдавского законодательства можно отнести возможность привлекать к ответственности семью. В основу этого принципа была положена коллективная ответственность. например, жена отвечала по долгам мужа всем своим имуществом [13]. Согласно Византийскому земельному закону субъектом коллективной ответственности могла выступать и община: «Если не имеющий

средств для обработки своего поля земледелец бежал и ушел в чужие края, то пусть ответственные перед казной за подати собирают плоды, и не имеет права возвратившийся назад земледелец взыскивать с них что-либо. Если земледелец, убежавший со своего поля, платит [платил] ежегодно казенные экстраординарные налоги, то пусть собирающие плоды и пользующиеся его полем понесут ответственность в двойном размере» [12, с. 104].

К числу наиболее распространенных договоров исследуемого периода можно отнести договоры купли-продажи, мены, займа, найма, дарения, поклажи и т. п. Очень часто в молдавском праве отмечалось смешение обязательств, когда один договор по своей форме смешивался с другим, например, договором мены при совершении добавки: одежды, коня, сбури и т. д., а договор займа часто походил на договор ссуды.

Как в любом феодальном государстве, где основным средством производства выступала земля, особое место отводилось отчуждению родовой вотчины. Отчуждение вотчины «осуществлялось посредством выдачи отступной грамоты, подтверждавшей отказ продавца от своего права собственности на имущество и передачу всех вещных прав покупателю» [11, с. 132]. Право собственности на землю не передавалось в полном объеме по договору купли-продажи. Это было обусловлено тем, что за продавцом сохранялось право выкупа земельного участка. Совершение сделок с недвижимостью осуществлялось в присутствии свидетелей: «Если договорились друг с другом два земледельца перед двумя или тремя свидетелями обменяться землями и договорились бы окончательно, пусть остается их обмен законным, прочным и непоколебимым» [3, с. 25].

Молдавскому феодальному праву был известен институт права преимущественного приобретения, получивший распространение начиная с XV в. [12,

с. 103] и именовавшийся в дальнейшем византийским термином «протимисис». На праве преимущественного приобретения следует остановиться более подробно.

Возникновение права преимущественного приобретения относится к XV в. Его развитие продолжается на протяжении XVI–XVII вв. и утверждается юридическими актами. К XVIII в. данный обычай становится господствующим и получает название «дрептул не скрис», «обичеюл пэмынтулуй». А. И. Галбен указывает на четыре периода эволюции «преимущественного права приобретения». Первый период относится к XV в. и длится до конца XVI в. Данный период характеризуется тем, что, наряду со стремлением обычного права сохранять неотчуждаемость недвижимой собственности, начинает применяться писаное право (например, Уложение Александра Доброго), которое отражало интересы экономически господствующего класса. Второй период охватывает период XVII – начало XVIII в. и характеризуется развитием и укреплением права отчуждения земель. Третий период относится к XVIII в., когда обычай отчуждения земли становится господствующим. Четвертый период относится к началу XIX в., при этом его существование охватывается всего несколькими десятилетиями. В дальнейшем он отмирает.

Преимущественное право имело три основные формы: преимущественное право приобретения родственников, жителей одного поселения и соседей, а в XVIII–XIX вв. – преимущественное право приобретения первого владельца и его родственников [14, с. 78–81].

Право преимущественного приобретения недвижимости получило широкое распространение в Молдавии в качестве формы защиты вотчинного землевладения. Его сущность заключалась в том, что совладелец не имел право отчуждать недвижимость, не уведомив об этом родственников, а в случае их отказа – соседей.

Институт протимисиса имел целью «воспрепятствовать посторонним лицам приобрести недвижимость, в рамках одного поселения» [14, с. 78–81].

А. И. Галбен отмечает [11, с. 120], что на основе многочисленных документов можно прийти к выводу, что продаваемую недвижимость откупали, как правило, кровные родственники [15] или резеши [16; 17] дольщики. Иногда выкуп осуществлялся всем родом, резешами (*tuturor neamurilor, razesilor si rudelor*) [17, с. 57–58].

В том случае, если родственники, резеши или соседи не могли откупить недвижимость, в действие вступали нормы продажи имущества с аукциона, или публичных торгов. К ним прибегали в исключительных случаях, согласно нормам обычая земли [19–22]. Продажа с публичных торгов имела две формы: по решению суда, в случае, если должник не мог заплатить долг, и в случае, когда лицо наказывалось за «хитлянство», т. е. государственную измену [23, с. 156–158].

При этом «если продавалась недвижимость феодала, то представитель уездного исправничества громким голосом объявлял, под барабанный бой, о предстоящей продаже, разъезжая по соседним селам, ярмаркам, улицам городов, столицы, в господарском Диване» [24, с. 43]. В связи с частыми злоупотреблениями при продаже с публичных торгов в конце XVII в. решением господарского Дивана публичные торги должны были производиться только через Диван. Продажа недвижимости с публичных торгов получает активное развитие лишь с начала XVIII в.

Право преимущественного приобретения, до его разложения в XIX в., хоть и преодолевалось посредством существующих «лазеек», соблюдалось самим господарем. Воспользоваться правом преимущественного приобретения можно было в течение 6 месяцев. По их истечении лица теряли право выкупа своей недвижимости. Лицо, имеющее право пре-

имущественного приобретения, не получившее извещение о продаже либо получившее его с опозданием, сохраняло за собой это право. Право выкупа по закладным сохранялось в течение 6 месяцев, а для тех, кто находился за границей – до 5 лет.

Ряд молдавских господарей (например, Гр. Гика (1735–1741), Гр. А. Гика (1764–1767)) пытались предпринять меры с целью недопущения обхождения права преимущественного приобретения. Однако данные меры были неэффективны и не смогли помешать образованию крупных латифундий. Например, в 1785 г. господарский диван «предлагал запретить дарственные записи, содержащие скрытую форму продажи недвижимости, так как над ними преимущественное право не имело силы» [14, с. 79]. Однако данные попытки не помешали образованию крупных латифундий. Только в 1785 г. в результате принятия Соборническул хрисов были предприняты попытки регламентации дарственных записей, которые касались домов, садов, поместий, к которым должно было применяться преимущественное право. Однако это касалось продажи только сельской недвижимости; при продаже городского недвижимого имущества продолжали действовать старые обычаи земли. Письменные документы свидетельствуют о том, что попытки обойти право преимущественного приобретения со стороны крупных латифундистов не прекращались. И до 1785 г. чаще всего это происходило при помощи именно дарственных записей, на которые не распространялось действие права преимущественного приобретения. Становясь собственником даже небольшого участка, проникнув в резешскую общину, бояре разоряли резешей и скупали за бесценок их земли.

Еще одним путем проникновения в резешскую общину было побратимство. Побратимами назывались крестные братья, которые становились равноправными

членами общины. Документы на заключение договоров о побратимствовании назывались «Запись» или «Договор». Институт «побратимства» получил наибольшее распространение в XVIII и особенно в XIX в. с целью преодоления положений права преимущественного приобретения.

К числу широко распространенных договоров на территории Молдавии можно отнести договор мены, дарения. Предметом мены могли выступать как движимые, так и недвижимые вещи. К договору мены прибегали, когда речь шла как о движимом, так и о недвижимом имуществе, например, когда владельцы долевых участков хотели соединить распыленные владения [11, с. 127–128]. Иногда под видом договора мены совершались другие договоры, такие как купля-продажа, дарение [11, с. 128].

Договор дарения в Молдавии имел особенности. Он часто встречался в виде подарков на «помин души». Данный договор активно использовался для увеличения церковно-монастырского землевладения. Господарь предпринимал попытки ограничить рост церковного землевладения, вводил запреты на дарение недвижимого имущества церкви, однако это успешно преодолевалось практикой «вкладов» имущества в церковные учреждения [11, с. 115].

В конце XVII в. отмечается рост количества договоров дарения со стороны крестьян своему феодалу, что свидетельствовало о практике злоупотреблений и фальсификаций с целью отчуждения долевых участков земли, домов и другой недвижимости. Договор дарения, как и купли-продажи недвижимости, не обеспечивал одаряемому окончательного права собственности, т. к. ограничивался прямым запретом «распоряжаться подарком или находился под хронической угрозой обратного выкупа» [11, с. 115].

Договор залога получил распространение в Молдавии в конце XVI в. В качестве кредиторов обычно выступали фео-

дали. Первое упоминание о залоге относится к 1577 г. [18, с. 61] Залог представлял собой обязательство, в силу которого к залогополучателю переходило право владения и пользования имуществом залогодателя без полного перехода права собственности на вещь. Большое распространение получил залог земли – ипотека (например, грамота от 28 марта 1662 г., грамота от 2 марта 1666 г.). Грамота от 7 июня 1670 г. раскрывает последствия залога, если стоимость заложенной земли превышала денежную сумму займа. В этом случае залогополучатель должен был выплатить эту разницу при получении права собственности на заложенную вещь [4, с. 11].

В качестве предмета залога могли вступать земли, дома, лавки, корчмы, приданное, подтвердительно-запродажные документы и др. [11, с. 126] Пределы пользования заложенной вещью устанавливались договором. Предмет залога мог фактически не переходить в пользование кредитора, а оставаться у залогодателя. У залогодержателя находились лишь документы на заложенное имущество, которые давали право последнему лишить должника возможности распоряжаться им.

При заключении договора залога стороны должны были определить условия пользования кредитом в течение определенного времени. При этом за залогодателем сохранялось право выкупа заложенной вещи в течение шести месяцев. Для находящихся за границей срок выкупа залога составлял пять лет [14, с. 82].

В случае несоблюдения залогодателем условий договора отданная под залог недвижимость переходила к кредитору. Согласно нормам обычного права вещь переходила в собственность кредитора в случае несостоятельности должника или продажи ее с торгов.

Залог способствовал процессу первоначального накопления капитала, а также развитию права преимущественной покупки вещи. В случае несоблюдения

условий договора залога заложенная вещь подлежала продаже.

Выводы

В исследуемый период продолжает развиваться область обязательственных правоотношений, в частности таких договоров, как купля-продажа, мена, дарение, ссуда, заем и др. Основным источником права продолжает выступать обычай. Нормы обычного права регулировали куплю-продажу, организацию публичных торгов с аукциона, продажу недвижимости и др. В числе письменных источников молдавского права исследуемого периода можно назвать многочисленные разновидности актового материала: грамоты («хрисовулы, или «урики»), жалованные, купчие, духовные, вкладные, межевые, несудимые, правые, тарханные, или льготные и др. В грамотах XVI – начала XVII в. отражен процесс роста крупного феодального и монастырского землевладения, появляются тенденции к возникновению условного землевладения без права распоряжения.

Молдавскому средневековому обществу был известен институт иммунитетных привилегий, который оформлялся специальными грамотами – «слобозиями» или «тарханными» грамотами. Распространение иммунитетов означало ослабление власти господаря и усиление власти феодалов.

Гражданско-правовой договор продолжал выступать основным средством, направленным на передачу права собственности. Договоры могли заключаться как в устной, так и в письменной форме. В период XVI – начала XVII в. молдавское право уже знало институт недействительности сделки, если она была совершена обманным путем.

Субъектом гражданско-правовой ответственности могла выступать семья, а в некоторых случаях и община. К числу распространенных видов договоров можно отнести договоры купли-продажи, мены, займа, найма, дарения и т. п.

В Молдавии было известно право преимущественного приобретения, получившее с XV в. широкое распространение. Право преимущественного приобретения имело три формы: преимущественное право приобретения родственников, жителей одного поселения и соседей, а в XVIII–XIX вв. – преимущественное пра-

во приобретения первого владельца и его родственников.

В целом можно сделать вывод, что область обязательственных правоотношений имела тенденцию к смешению различных типов правоотношений, таких как мена, купля-продажа, дарения, ссуда, заем и др.

Список литературы

1. Грибовский В. М. Древнерусское право: Краткий обзор чтений по истории русского права. Вып. 1. Древнейший земско-княжеский период. Пг.: Тип. «Двигатель», 1915. 131 с.
2. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2014. 488 с.
3. Егунов А. Н. Местные гражданские законы Бессарабии. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1881. 255 с.
4. Молдавия в эпоху феодализма. Т. 5. Славяно-молдавские и молдавские грамоты и записи. 1661–1670 / под ред. П. В. Советова. Кишинев: Штиинца, 1987. 328 с.
5. Кассо Л. А. Византийское право в Бессарабии. М.: Тип. Московского ун-та, 1907. 71 с.
6. Грекул Ф. А. Аграрные отношения в Молдавии в XV – первой половине XVII в. / под ред. Л. В. Черепнина. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1961. 456 с.
7. Суляк С. Г. О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (к историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4(42). С. 73–97.
8. Кочубинский А. А. Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 347. 1903. Июнь. С. 389–418.
9. Молдавия в эпоху феодализма. Т. 1. Славяно-молдавские грамоты. XV в. – первая четверть XVII в. / под ред. Л. В. Черепнина. Кишинев: Штиинца, 1961. 454 с.
10. Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма: от древнейших времен до начала XIX в. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1964. 440 с.
11. Галбен А. И. Из истории феодального права Молдовы конца XVIII – начала XIX века (турецко-фанариотский период). Кишинэу: Руксанда, 1998. 384 с.
12. Сборник документов по социально-экономической истории Византии / отв. ред. Е. А. Косминский. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 320 с.
13. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1308. Оп. 1. Д. 27. Л. 17–56.
14. Галбен А. И. К истории преимущественного права приобретения в Молдавии // Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия: Общественные науки. 1977. № 1. С. 78–81.
15. НА РМ (Национальный архив Республики Молдова). Ф. 41. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–107.
16. НА РМ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 275. Л. 15–44.
17. НА РМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–18.
18. Галбен А. И. Дин «обичеюл пэмынтулуй» ал Молдовеи феудале (сек. XVIII – прима жум. а сек. XIX). Кишинэу: Штиница, 1986. 106 р.

19. НА РМ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 384. Л. 5.
20. НА РМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 220. Л. 54–56.
21. НА РМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–100.
22. НА РМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–89.
23. Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. I. Очерки истории землевладения в XV–XVIII вв. Кишинев: Штиинца, 1972. 512 с.
24. Боршевский А., Сосна Б. Юридические аспекты применения норм обычного права в Молдове // *Revista Nationala de drept*. 2009. Nr. 9.

References

1. Gribovskij V. M. *Drevnerusskoe pravo: Kratkij obzor chtenij po istorii russkogo prava*. Vyp. 1. *Drevnejshij zemsko-knyazheskij period* [Old Russian law. Short review of readings on the history of Russian law. Issue 1. The most ancient Zemstvo-princely period]. Petrograd, Tip "Dvigatel", 1915. 131 p.
2. Sergeevich V. I. *Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava* [Lectures and research on the ancient history of Russian law]; ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zercalo Publ., 2014. 488 p.
3. Egunov A. N. *Mestnye grazhdanskije zakony Bessarabii* [Local civil laws of Bessarabia]. St.-Petersburg, Tip. M. Ettingera, 1881. 255 p.
4. *Moldaviya v epohu feodalizma*. T. 5. *Slavyano-moldavskie i moldavskie gramoty i zapisi. 1661–1670* [Moldova in the era of feudalism. Vol. 5. Slavic-Moldovan and Moldavian letters and records. 1661–1670]; ed. by P.V. Sovetova. Kishinev, Shtiinca Publ., 1987. 328 p.
5. Kasso L. A. *Vizantijskoe pravo v Bessarabii* [Byzantine law in Bessarabia]. Moscow, Tip. Moskovskogo Univ., 1907. 71 p.
6. Grekul F. A. *Agrarnye otnosheniya v Moldavii v XV – pervoj polovine XVII v.* [Agrarian relations in Moldova in the XV – the first half of the XVII century]; ed. by L. V. Cherepnina. Kishinev, Kartya Moldovenyaske, 1961. 456 p.
7. Sulyak S. G. *O yazyke slavyano-moldavskih gramot XIV–XVII vv.: K istoriografii vo-prosa* [On the language of the Slavic-Moldovan letters of the XIV-XVII centuries. To the historiography of the issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2016, no. 4 (42), pp. 73–97.
8. Kochubinskij A.A. *Chastnye moldavskie izdaniya dlya russkoj shkoly (bibliograficheskie zametki)* [Private Moldavian publications for the Russian school (bibliographic notes)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*, is. 347, 1903, June, pp. 389–418.
9. *Moldaviya v epohu feodalizma*. T. 1. *Slavyano-moldavskie gramoty. XV v. – pervaya chetvert' XVII v.* [Moldova in the era of feudalism. Vol. 1. Slavic-Moldovan letters. (XV century – first quarter of the XVII century)]; ed. by L. V. Cherepnin. Kishinev, Shtiinca Publ., 1961. 454 p.
10. Mohov N. A. *Moldaviya epohi feodalizma: ot drevnejshih vremen do nachala XIX v.* [Moldavia of the era of feudalism: from ancient times to the beginning of the 19th century]. Kishinev, Kartya moldovenyaske, 1964. 440 p.
11. Galben A. I. *Iz istorii feodal'nogo prava Moldovy konca XVIII - nachala XIX veka (turecko-fanariotskij period)* [From the history of the feudal law of Moldova in the late 18th - early 19th century (Turkish-Phanariot period)]. Kishinev, Ruksanda Publ., 1998. 384 p.
12. *Sbornik dokumentov po social'no-ekonomicheskoi istorii Vizantii* [Collection of documents on the socio-economic history of Byzantium]; ed. by E. A. Kosminskii. Moscow, AN SSSR Publ., 1951. 318 p.

13. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 1308, op. 1, d. 27, l. 17–56.
14. Galben A. I. K istorii preimushchestvennogo prava priobreteniya v Moldavii [On the history of preemptive right of acquisition in Moldova]. *Izvestiya Akademii nauk Moldavskoj SSR. Seriya: Obshchestvennye nauki = Proceedings of the Academy of Sciences of the Moldavian SSR. Social Sciences Series*, 1977, no 1. pp. 78–81.
15. NA RM (National Archive of the Republic of Moldova) [National Archives of the Republic of Moldova], f. 41, op. 1, d. 116, l. 1–107.
16. NA RM, f. 40, op. 1, d. 275, l. 15–44.
17. NA RM, f. 41, op. 1, d. 14, l. 1–18.
18. Galben A.I. The custom of the land in feudal Moldavia (mid – XVIII-about the middle of the XIX century). Kishinev, Shtiintsa, 1986. 106 p. (In Romanian)
19. NA RM, f. 40, op. 1, d. 384, l. 5.
20. NA RM, f. 41, op. 1, d. 220, l. 54–56.
21. NA RM, f. 45, op. 1, d. 119, l. 1–100.
22. NA RM, f. 45, op. 1, d. 120, l. 1–89.
23. Sovetov P. V. Issledovaniya po istorii feodalizma v Moldavii. T. I. Ocherki istorii zemlevladieniya v XV–XVIII vv. [Studies on the history of feudalism in Moldova. Vol. I. Essays on the history of land ownership in the XV–XVIII centuries]. Kishinev, Stiinta, 1972. 512 p.
24. Borshevskij A., Sosna B. Yuridicheskie aspekty primeneniya norm obychnogo prava v Moldove [Legal aspects of the application of customary law in Moldova]. *Revista Nationala de drept*, 2009. no. 9.

Информация об авторе / Information about the Author

Погорлецкая Ирина Ивановна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдавия,
e-mail: begass.iren@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1626-7394

Irina I. Pogorletskaia, Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko, Tiraspol, Moldova,
e-mail: begass.iren@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1626-7394

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-21-29>

Катехоническая концепция государства в российском политико-правовом дискурсе

Н. А. Сафронов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru

Резюме

Актуальность. В переломные эпохи всегда возрастает интерес к темам метафизического осмысления бытия и не только отдельного человека, но политической формы общественного устройства – государства. Одной из малоизученных в правовой науке выступает христианская катехоническая теория государства как сил, удерживающая мир от вселенского зла и прихода антихриста, причем не любого государства, а избранного Богом. В российском консервативном дискурсе таким государством считалась Россия как восприимчица Римской (Византийской) империи.

Цель: исследование генезиса катехонической теории государства в российской политико-правовой доктрине.

Задачи: изучение эволюции теории «катехона», ее анализ в современном политико-правовом дискурсе и осмысление практической востребованности на современном этапе.

Методология. В статье используется комплекс общенаучных и специально-юридических методов исследования. Историко-правовой и отчасти междисциплинарный характер статьи обусловил значимость использования трансцендентального метода, метода теоретико-правовой интерпретации правовых идей и юридической герменевтики.

Результаты исследования носят политико-правовой характер и включают практические предложения по совершенствованию отечественной государственности, в частности: построение властеотношений на христианско-концептуальной основе, где власть и народ связаны системой единых духовно-нравственных ценностей; развитие государства в сложной форме – духовно-политической империи, неоднородной этнически, экономически, политически, но с единым центром управления; признание единства и неделимости государственной власти, призванной служить реализации духовно-нравственных идеалов.

Выводы. Исследование генезиса катехонической концепции государства показало, что отечественная консервативная политико-правовая доктрина исходила из миссианского предназначения России как сверхгосударства (духовно-политической империи), призванной удерживать мир от воцарения антихриста. В настоящее время эта идея активно распространяется в политическом дискурсе.

Ключевые слова: катехон; учение о катехоне; государство; правовая доктрина; теократическая концепция; правовая теория; христианская эсхатология.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Сафронов Н. А. Катехоническая концепция государства в российском политико-правовом дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 21–29. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-21-29>.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Принята к публикации 24.01.2023

Опубликована 27.02.2023

© Сафронов Н. А., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(1): 21–29

The Catechonic Concept of the State in the Russian Political and Legal Discourse

Nikita A. Safronov¹ ✉

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru

Abstract

Relevance. In critical epochs, there is always an increasing interest in the topics of metaphysical comprehension of being and not only of an individual, but also of the political form of social structure – the state. One of the little-studied in legal science is the Christian catechonic theory of the state as a force that keeps the world from universal evil and the coming of the Antichrist. And not any state, but one chosen by God. In the Russian conservative discourse, Russia was considered such a state, as the successor of the Roman (Byzantine) Empire.

Purpose: to study the genesis of the catechonic theory of the state in the Russian political and legal doctrine.

Objectives: to study the evolution of the theory of "catechon", its analysis in the modern political and legal discourse and comprehension of practical relevance at the present stage.

Methodology. The article uses a complex of general scientific and special legal research methods. The historical-legal and partly interdisciplinary nature of the article determined the importance of using the transcendental method, the method of theoretical and legal interpretation of legal ideas and legal hermeneutics.

The results of the study are of a political and legal nature and include practical proposals for improving the national statehood, in particular: the construction of power relations on a Christian-conceptual basis, where the government and the people are connected by a system of common spiritual and moral values; the development of the state in a complex form - a spiritual and political empire, heterogeneous ethnically, economically, politically, but with a single the center of government; recognition of the unity and indivisibility of state power, designed to serve, the realization of spiritual and moral ideals.

Conclusions. The study of the genesis of the catechonic concept of the state showed that the domestic conservative political and legal doctrine proceeded from the mission mission of Russia as a superstate (spiritual and political empire), designed to keep the world from the reign of the Antichrist. Currently, this idea is actively spreading in political discourse.

Keywords: catechon; doctrine of catechon; state; legal doctrine; theocratic concept; legal theory; Christian eschatology.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Safronov N. A. The Catechonic Concept of the State in the Russian Political and Legal Discourse. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(1): 21–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-21-29>.

Received 19.12.2022

Accepted 24.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

В последнее время в публицистической литературе и публичном дискурсе стали появляться проекты, например: «Русская доктрина» (В. В. Аверьянов и др.), «Проект Россия» (Ю. В. Шалыганов и др.), «Третья империя» (М. З. Юрьев), «Пятая империя» (А. А. Проханов),

«Солнце Севера», «Евразийский союз молодежи» (А. Г. Дугин) и др., обосновывающие мессианскую роль России в современном мире стать «катехоном». «Россия, – отмечается в «Русской доктрине», – явила долгожданный в истории синтез духовно-политической империи и интерконфессионального сверхгосудар-

ства, то есть “римской” и “греческой” форм Катехона – “Удерживающего”¹.

«Катехон» («удерживающий») – термин, используемый преимущественно в теологии. Его появление связано со Вторым посланием апостола Павла Фессалоникийцам, содержащем пророчество о том, что конец света не наступит «пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2Фес. 2:7)².

Методология

Специфика предмета исследования обусловила необходимость использования комплекса общенаучных, частнонаучных, специально-юридических и богословских методов исследования. Историко-правовой и отчасти междисциплинарный характер работы определил значимость использования трансцендентального метода, методов систематизации, толкования, теоретико-правовой интерпретации правовых идей и юридической герменевтики.

Результаты и их обсуждение

В богословской мысли понятие «удерживающего» имеет немало интерпретаций. Так, в православной традиции доминируют три основных толкования: «катехон» – это православная империя, удерживающая мир от зла силой государственной власти; «катехон» – это благодать Святого Духа, которой человечество лишится за поклонение злу и оскудение любви; «катехон» – это проповедь Евангелия, которая в конце времен прекратится.

Многие богословы видели в «удерживающем» христианскую империю. Так, Святитель Иоанн Златоуст отмечал: «Одни говорят, что это благодать [Свято-

го] Духа, а другие – Римское государство; с этими последними я больше согласен. Почему? Потому что если бы апостол говорил о Духе, то не выразился бы об этом неясно, но [сказал бы] определенно, что теперь препятствует ему явиться благодать Духа, то есть [чрезвычайные] дарования, потому что они давно оскудели. Но так как [апостол] говорит о Римском государстве, то понятно, почему он только намекает на это и до времени говорит прикровенно. Он не хотел навлечь на себя чрезмерной вражды и бесполезной опасности. <...> Чтобы открыться ему в своё время, говорит, ибо тайна беззакония уже в действии»³. Второе послание легло в основу христианской эсхатологии и определило ее фундаментальные категории – «антихрист», «апостасия» (отступление), «аномия» (тайна беззакония), «катехон» (удерживающий).

Связь понятия «катехона» с понятием государственной власти, удерживающей общество от греха, породило зарождение и развитие в политико-правовой мысли концепции «государства-катехона».

Раннехристианская катехоническая концепция представлена в трудах Иоанна Златоуста, Евсевия Кесарийского, Ефрема Сирина, Козьмы Индикоплова и др. Политическое оформление катехонической теории базировалось на византийском толковании христианской эсхатологии, согласно которому представление о «катехоне», удерживающем мир от зла, пришествия антихриста и наступления конца света, связывалось с самодержавной властью христианского императора (автократа). Византийская империя (Новый Рим) представлялась государством, реализующим эсхатологические пророчества.

¹ Русская доктрина. URL: <http://www.rusdoctrina.ru/page95570.html> (дата обращения: 30.10.2022).

² Второе послание к Фессалоникийцам (Солунянам). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Второе_послание_к_Фессалоникийцам_\(Солунянам\)#2:7](https://ru.wikisource.org/wiki/Второе_послание_к_Фессалоникийцам_(Солунянам)#2:7) (дата обращения: 30.10.2022).

³ Иоанн Златоуст. Беседы на второе послание к фессалоникийцам апостола Павла. URL: <https://bookitut.ru/KNIGA-OB-ANTI-KhRISTE.85.html> (дата обращения: 30.10.2022).

Согласно российской интерпретации катехонической идеи удерживающая сила могла принадлежать лишь мощному православному имперскому государству, назначение которого препятствовать распространению вселенского зла. «Такая миссия “удержания”, с одной стороны, наделяла государство сакральным значением, но с другой – обозначала его конечность и несовершенство» [1, с. 14].

Определение российской государственной власти как удерживающей силы связано с именем монаха псковского Спасо-Елизарова монастыря Филофея (ок. 1465–1542) – автора политической теории «Москва-Третий Рим», изложенной в посланиях великому князю Василию III и дьяку Михаилу Григорьевичу Мунехину¹. Концепция старца Филофея, выводившая преемственность власти-катехона, базировалась на библейских предсказаниях великого пророка Даниила, предрекавшего существование нескольких сменяющих друг друга царств². Согласно толкованию христианских богословов, в частности Ипполита Римского (II век) и святого Ефрема Сирина (IV век), это Вавилонское царство, Ахеминидская империя (Первая Персидская империя, или Мидо-Персия), Греческая империя (империя Александра Македонского). О последнем царстве Ефрем Сирин писал: «Возставит Бог небесный царство, еже во веки не разсыплется. Царство сие не иудейскому народу дано будет»³.

¹ Послания старца Филофея. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-9/17 (дата обращения: 30.10.2022).

² Пророчества Даниила. URL: <https://bible-mystery.org/stati/dukhovnyj-navigator/35-prorochestva-daniila-tajny-biblii/> (дата обращения: 30.10.2022).

³ Ефрем Сирин. Толкование на книгу пророчества Даниила. URL: https://kistine.ru/library/efrem_sirin-128.htm (дата обращения: 30.10.2022).

Большинство богословов видели в последнем царстве Римскую империю (православное царство), ценность которой в сохранении и передаче истинного знания – православия. Менялась территория православного царства, его политический центр, но идейная основа оставалась сохраненной. Рим, Новый Рим – Константинополь, Третий Рим – Москва. Сакральная передача власти состоялась, когда Великий князь Иоанн III обвенчался с племянницей последнего византийского императора – Софьей Палеолог, восприняв символ христианской империи – двуглавого орла (династической эмблемы Палеологов).

Катехоническая теория находила отражение и в трудах преподобного Иосифа Волоцкого, учение о власти которого стало главной доктриной российского (московского) самодержавия. Наиболее последовательно мысли Филофея были развиты в сочинениях яркого представителя отечественной политической мысли второй половины XVI в. Ивана Семеновича Пересветова, полагавшего, что значение Русского государства в сохранении православной веры и построении властвования на христианских началах. Господь попустил падение Византии (греческого царства) по причине отпадения его от христианских идеалов. «В каком царстве правда, – писал он, – там и Бог пребывает, и не поднимется Божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в Божественном Писании. Богу правда – сердечная радость, а царю – великая мудрость и сила»⁴.

В духовном смысле русское государство действительно явилось восприимчивым Византии уже на том основании, что Россия восприняла византийскую модель христианства. Форма организации власти

⁴ Пересветов И. С. Большая челобитная Ивана Пересветова царю Ивану Васильевичу Грозному. URL: <https://history.wikireading.ru/177552> (дата обращения: 30.10.2022).

и государственного устройства также во многом опирались на византийские традиции. Мысль об особой миссии России в мире, уникальности ее исторического пути, особом призвании являлась центральной в консервативном политическом дискурсе.

Развитие идей о русском мессианском народе не могло не отразиться на политико-правовой доктрине XIX – начала XX в. Ряд представителей российской консервативной общественно-политической мысли стали сторонниками катехонической концепции [2; 3; 4; 5]. Теория государства-катехона развивалась в парадигме христианской эсхатологии, где самодержавная власть понималась как сакральное служение. В политическом дискурсе эта идея трансформировалась в охранительную правовую доктрину.

Нельзя не согласиться с А. А. Васильевым, что «термин “охранительство” стали широко использовать во второй половине XIX в. в связи с характеристикой государственного режима Российской империи» [6, с. 10]. Однако морфология происхождения термина «охранительство» уходит в глубокую древность. Некоторые авторы, в том числе В. А. Томсинов, утверждают, что понятие «охранительство» непосредственно связано с зарождением русской государственности. В философско-религиозных памятниках древнерусской литературы князь как гарант государственности нес «охранительную» функцию по отношению к православной вере, тем самым исполняя «всякую правду». В. А. Томсинов отмечал, что «среди функций князя одной из важнейших считалась функция защиты православного христианства, идея о князе – охранителе православия дополняла концепцию его богоизбранности. Согласно данной идее князь, будучи избранным Богом на престол, не просто призывался к православной вере, но должен был хо-

рошо знать Христово учение и служить опорой Святой церкви» [7, с. 21].

Сторонники охранительной политико-правовой мысли (К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, К. П. Победоносцев, И. А. Ильин, И. Л. Солоневич и др.), следуя православной традиции, под «удерживающим» понимали православную державу, символом которой считали самодержца (царя, императора), а сотериологическую функцию империи – центральной. Так, К. Н. Леонтьев отмечал, что мистическое значение Российской империи в удержании «народов на пути безверия, наиболее позднего наступления последних времен. ...Для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста» [8, с. 100].

Л. А. Тихомиров, опираясь на Откровение Иоанна Богослова и размышляя о семи эпохах христианской истории, которые он называл тысячелетним царствованием Христа на земле, связывал историю России с четвертой – Фиатирской эпохой. «Россия, – писал он, – родилась в третью эпоху и принимала оживленное участие в четвертой. В ней особенно типично развилось христианское государство именно с консервативным оттенком Фиатирской эпохи, как бы усвоив наставление: “Только то, что имеете – держите пока приду”. Это был типичный девиз русской веры, с начала Руси и до недавнего времени. России было также дано видное участие в спасении язычников жезлом железным, и долго они сокрушались перед ней именно, как сосуды глиняные» [9, с. 24].

К. П. Победоносцев характеризовал природу власти как «дело – священное». «Слово священный, – писал он, – в первоначальном смысле значит: отделенный, на службу Богу обреченный. Итак, власть – не для себя существует, но ради Бога, и

есть служение, на которое обречен человек. Отсюда безграничная и страшная сила власти, и безграничная, страшная тяжесть ее... Дело власти – есть дело непрерывного служения, а потому в сущности, – дело самопожертвования» [10, с. 238–239]. И. А. Ильин также видел сущность монархического правосознания в православной вере, считая государство политическим организмом, имеющим духовную природу, а форму властвования – самодержавие – символом и принципом единства страны.

Революционная эпоха обострила эсхатологические настроения. Американский историк Д. Х. Биллингтон отмечал: «Нигде в Европе объем и сила апокалиптической литературы не сопоставима с тем, что дала Россия при Николае II» [11, с. 601]. По мнению В. А. Шнирельмана, «особый импульс этому задал расстрел царской семьи, в чем сторонники русской эсхатологии увидели сознательное уничтожение “удерживающего”» [12, с. 505]. В советской историографии тема «катехона» не поднималась. Лишь в трудах мыслителей русского зарубежья (И. А. Ильина, И. А. Солоневича и др.) тема русского народа-богоносца и возрождения империи продолжала существовать.

Реанимация идеи пришла на современность. Появляется ряд публикаций, направленных на осмысление миссии России в современном мире [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. В 2016 г. в России был создан интеллектуальный клуб «Катехон», заявленной целью которого стало «осмысление русского пути, цели русской государственности, высшей миссии русской истории»¹.

Нельзя не согласиться с членами клуба, что «Катехон» и есть самое краткое изложение Русской Идеи»¹.

Выводы

На наш взгляд, специфическими чертами российского государства должно стать:

- признание духовных основ государственности (и доктринальное, и властно-публичное, и правовое), базирующихся на христианской догматике;
- построение властеотношений на христианско-концептуальной основе, где власть и народ связаны единой нравственной идеей, воплощенной в православии (так называемая идеократическая государственность);
- признание единства и неделимости государственной власти, призванной служить реализации духовных христианских идеалов; это служение признается особым, которое сродни церковному, монастырскому послушанию;
- придание особого статуса Православной церкви, идеалом взаимоотношения с которой признается «симфония властей»;
- существование государства в особой сложной политико-территориальной форме – империи, неоднородной этнически, экономически, политически, но с единым центром управления.

Таким образом, консервативная политико-правовая доктрина (дореволюционная и современная) в парадигме христианской эсхатологии и в присущей ей иррациональной мистической форме видит миссианскую роль России как государства «катехона», призванного удерживать мир от воцарения антихриста.

¹ Время катехона. К вселенскому через русское. URL: <https://tsargrad.tv/articles/vremja-katehona-k-vselsenskomu-cherez-russkoe> 283426 (дата обращения: 30.10.2022).

Список литературы

1. Будрайтскис И. Б. Что «удерживает» катехон? Конечность государства в консервативной и социалистической мысли // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5, № 2. С. 13–33.
2. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Пушкино, Московская обл.: Грааль, 2001. 141 с.
3. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство: чем и как либерализм наш вреден. М.: ДАРЪ, 2005. 491 с.
4. Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. М.: ФондИВ, 2008. 671 с.
5. Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М.: ФИВ, 2000. 587 с.
6. Васильев А. А. История русской консервативной правовой мысли (VII – XX вв.): монография. Барнаул: Азбука, 2011. 272 с.
7. Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X – XVIII века. М.: Зерцало, 2003. 255 с.
8. Леонтьев К. Н. На могиле Пазухина // *Антихрист (Из истории отечественной духовности): антология* / под ред. А. С. Гришина, К. Г. Исупова. М.: Высшая школа, 1995. 415 с.
9. Тихомиров Л. А. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира // *Православное обозрение*. 1979. № 47. С. 23–55.
10. Победоносцев К. П. Власть и начальство. Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева. М.: Синодальная тип., 1896. 366 с.
11. Биллингтон Д. Х. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001. 879 с.
12. Шнирельман В. А. Антихрист, катехон и Русская революция // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019. № 1-2. С. 488–515.
13. Васильев А. А. Генезис и эволюция консервативной правовой мысли России: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 198 с.
14. Васильев А. А. Охранительная концепция права в России: монография. М.: Юстицинформ, 2013. 439 с.
15. Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 1999. 234 с.
16. Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской истории: (ист.-правовые очерки). СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2006. 236 с.
17. Дугин А. Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России; Мыслить пространством. 4-е изд. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 924 с.
18. Кочеров С. Н. Русская идея: сущность и смысл: монография. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. 186 с.
19. Серегин А. В. Монархия. Идея, история и перспективы: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 342 с.
20. Сафронова Е. В. Правовой феномен российского самодержавия // *Ученые записки Крымского государственного университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2021. Т. 7, № 3-2. С. 240–252.

References

1. Budrajtskis I. B. Chto "uderzhivaet" katexon? Konechnost gosudarstva v konservativnoj i socialisticheskoj mysli [What "holds" the catechon? The Finiteness of the State in Conservative and Socialist Thought]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 13–33.
2. Ilin I. A. Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious experience]. Pushkino, Moscow region, Graal Publ., 2001. 141 p.
3. Leontev K. N. Vizantizm i slavyanstvo: chem i kak liberalizm nash vreden [Byzantism and Slavs: how and how our liberalism is harmful]. Moscow, GIFT Publ., 2005. 491 p.
4. Solonevich I. L. Zagadka i razgadka Rossii [The Riddle and the solution of Russia]. Moscow, FondIV Publ., 2008. 671 p.
5. Tihomirov L. A. Religiozno-filosofskie osnovy istorii [Religious and philosophical foundations of history]. Moscow, FIV Publ., 2000. 587 p.
6. Vasilev A. A. Istoriya russkoj konservativnoj pravovoj mysli (VII – XX vv.) [History of Russian Conservative Legal Thought (VII – XX centuries)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2011. 272 p.
7. Tomsinov V. A. Istoriya russkoj politicheskoy i pravovoj mysli. X – XVIII veka [History of Russian political and legal thought. X – XVIII centuries]. Moscow, Zerkalo Publ., 2003. 255 p.
8. Leontev K. N. Na mogile Pazukhina [On the grave of Pazukhin]. Antikhrisť (Iz istorii otechestvennoj dukhovnosti) [The Antichrist (From the history of Russian spirituality)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995. 415 p.
9. Tihomirov L. A. Apokalipsicheskoe uchenie o sud'bah i konce mira [The Apocalyptic doctrine of the destinies and the end of the world]. *Pravoslavnoe obozrenie = Orthodox Review*, 1979, no. 47, pp. 23–55.
10. Pobedonoscev K. P. Vlast' i nachal'stvo. Moskovskij sbornik [Power and superiors. Moscow collection]. Moscow, Synodal'naya tip., 1896. 366 p.
11. Billington D. X. Ikona i topor: Opyt istolkovaniya istorii russkoj kultury [Icon and axe: Experience of interpreting the history of Russian culture]. Moscow, Rudomino Publ., 2001. 879 p.
12. Shnirelman V. A. Antikhrisť, katekhon i Russkaya revolyuciya [Antichrist, Catechon and the Russian Revolution]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov v Rossii i za rubezhom = State, religion, church in Russia and abroad*, 2019, no. 1-2, pp. 488–515.
13. Vasil'ev A. A. Genezis i evolyuciya konservativnoj pravovoj mysli Rossii [Genesis and Evolution of Conservative Legal Thought in Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 198 p.
14. Vasil'ev A. A. Ohranitel'naya koncepciya prava v Rossii [The protective concept of law in Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 439 p.
15. Velichko A. M. Gosudarstvennye idealy Rossii i Zapada. Paralleli pravovykh kul'tur [State ideals of Russia and the West. Parallels of legal cultures]. St. Petersburg, Yuridicheskii in-t Publ., 1999. 234 p.
16. Velichko A. M. Cerkov' i imperator v vizantijskoj i russkoj istorii : (ist.-pravovye ocherki) [The Church and the Emperor in Byzantine and Russian History: (Historical and Legal Essays)]. St. Petersburg, Yuridicheskii in-t Publ., 2006. 236 p.
17. Dugin A. G. Osnovy geopolitiki: Geopoliticheskoe budushchee Rossii. Myslit' prostanstvom [Fundamentals of Geopolitics: The Geopolitical Future of Russia. Thinking in space]. Moscow, ARCTOGEO Center Publ., 2000. 924 p.
18. Kocherov S. N. Russkaya ideya: sushchnost' i smysl [Russian idea: essence and meaning]. Nizhniy Novgorod, NGPU Publ., 2003. 186 p.

19. Seregin A. V. Monarhiya. Ideya, istoriya i perspektivy [Monarchy. Idea, history and prospects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 342 p.

20. Safronova E. V. Pravovoj fenomen rossijskogo samoderzhaviya [The legal phenomenon of the Russian autocracy]. *Uchenye zapiski Krymskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* = *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 2021, vol. 7, no. 3-2, pp. 240–252.

Информация об авторе / Information about the Author

Сафронов Никита Алексеевич, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9933-6668

Nikita A. Safronov, Lecturer of Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kris1996z@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9933-6668

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-30-42>

Понятие «частной жизни» в цивилистической доктрине и правоприменительной практике

Д. В. Санников¹ ✉

¹Адвокатский кабинет

ул. Б. Хмельницкого, д. 31, г. Пермь 614042, Российская Федерация

✉ e-mail: denis.sannikov@rambler.ru

Резюме

Актуальность исследования определена наличием статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, продемонстрировавшей позицию отечественного законодателя о необходимости правовой регламентации нематериальных благ гражданина. Однако появление в гражданско-правовом поле специальных нормативных положений, касающихся частной жизни, не способствовало цивилистической научной активности: традиционно этот феномен исследуется в контексте конституционных и уголовных исследований. С учетом гражданско-правовой отраслевой принадлежности «частной жизни» существует объективная потребность в цивилистических разработках на этот счет.

Цель – анализ степени научной разработанности понятия «частная жизнь» в цивилистической доктрине и соответствующей тематике научных исследований правоприменительной практики, носящей разъясняющий характер.

Задачи: изучить причины закрепления понятия частной жизни в рамках отдельной статьи кодифицированного акта гражданского законодательства; выяснить конституционные основы частной жизни лица; осуществить анализ определений Конституционного Суда РФ, в которых излагается наиболее обобщенное представление о частной жизни гражданина; определить особенности интерпретации частной жизни Европейским судом по правам человека; рассмотреть некоторые научные взгляды на понятие частной жизни и ее содержательное наполнение.

Методология. В процессе исследования были использованы следующие методы: догматический, сравнительно-правовой, межотраслевой, историко-правовой, метод юридического толкования.

Результаты. Степень исследованности понятия частной жизни лица является недостаточной, особенно в сфере цивилистической науки. В связи с этим термин «частная жизнь», изучаемый преимущественно как социальное явление, характеризуется правовой неопределённостью.

Выводы. Установлено, что «частная жизнь» – это социальное понятие, что предопределяет его дефинирование преимущественно не через правовые, а через социальные явления, в том числе сферы жизнедеятельности. Выяснено, что межотраслевое изучение «частной жизни» преимущественно представителями конституционного, уголовного и гражданского права детерминировано тем объективным обстоятельством, что неприкосновенность частной жизни гарантируется на конституционном уровне, а охраняется разноотраслевыми нормами права.

Ключевые слова: частная жизнь; личная жизнь; неприкосновенность; гражданское законодательство.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Санников Д. В. Понятие «частной жизни» в цивилистической доктрине и правоприменительной практике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-30-42>.

Поступила в редакцию 14.12.2022

Принята к публикации 16.01.2023

Опубликована 27.02.2023

© Санников Д. В., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(1): 30–42

The Concept of “Private Life” in Civil Doctrine and Law Enforcement Practice

Denis V. Sannikov¹ ✉

Lawyer's office

31 B. Khmel'nitsky Str., Perm 614042, Russian Federation

✉ e-mail: denis.sannikov@rambler.ru

Abstract

Relevance of the study is determined by a special positivization of Article 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation – ‘Protection of the private life of a citizen’, which demonstrated the position of the domestic legislator, who took a course on detailed legal regulation of intangible benefits of a citizen. However, the appearance of special regulations concerning ‘private life’ in the civil law field did not contribute to the surge of civil scientific activity: traditionally, this phenomenon is investigated in the context of constitutional and criminal investigations. Taking into account the civil-law branch of ‘private life’, there is an objective need for civil developments in this regard.

The purpose of the study is to analyze the degree of scientific elaboration of the concept of ‘private life’ in the civil doctrine and the relevant topics of scientific research of law enforcement practice, which is explanatory in nature.

Objectives: to study the determinants of the positivization of ‘private life’ within the framework of a separate article of a codified act of civil legislation; to find out the constitutional foundations of a person's ‘private life’; to analyze the definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which set out the most generalized idea of ‘private life’; to determine the specifics of the interpretation of ‘private life’ by the European Court of Human Rights; to consider some scientific views on the concept of ‘private life’ and its content.

Methodology of scientific research. In the course of the research, the following methods were used: dogmatic, comparative-legal, intersectoral, historical-legal, method of interpretation.

Results. The degree of research into the concept of ‘private life’ of a person is insufficient, especially in the field of civil scientific developments. In this regard, the term ‘private life’, studied mainly as a social phenomenon, is characterized by legal uncertainty, which in turn requires further scientific research.

Conclusions. It is established that ‘private life’ is a social concept, which determines its definition mainly not through legal, but through social categories, including spheres of life; it is found out that the intersectoral study of ‘private life’ mainly by representatives of constitutional, criminal and civil law is determined by the objective fact that the inviolability of private life guaranteed at the constitutional level, and protected by diversified norms of law..

Keywords: private life; personal life; privacy; civil legislation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sannikov D. V. The Concept of “Private Life” in Civil Doctrine and Law Enforcement Practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(1): 30–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-30-42>.

Received 14.12.2022

Accepted 16.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

С 1 октября 2013 г., т. е. уже более девяти лет, действуют взаимосвязанные нормативные положения ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации

(далее – ГК РФ)¹ «Охрана частной жизни гражданина», которые появились в ре-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [ред. от 25.02.2022] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2022).

зультате широкомасштабной реформы гражданского законодательства¹. Подобные новеллы гражданского законодательства стали закономерным последствием поэтапной реализации Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее – Концепция)². Так, в Концепции, в частности, обращалось внимание на необходимость модернизации главы ГК РФ, посвященной нематериальным благам, в части ее дополнения «развернутой системой детальных правовых норм», нацеленных на конкретные виды нематериальных благ и личных (неимущественных) прав граждан. При этом подчеркивалась значимость учета как достижений цивилистической доктрины, так и позитивного зарубежного опыта правового регулирования нематериальных благ и личных (неимущественных) прав. В качестве стран, преуспевших в этом направлении правового регламентирования, указывались Франция, Германия и Украина.

Современное состояние правовой регуляции нематериальных благ и личных (неимущественных) прав в целом и частной жизни гражданина в частности дает основание для оценки степени достижения тех ключевых целей, которые были обозначены применительно к данным объектам в Концепции. Очевидно, что глава 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита» не содержит подробной правовой конкретизации большого спектра видов нематериальных благ. Такой кон-

кретизации удостоены только честь, достоинство, деловая репутация, изображение гражданина и частная жизнь. Однако совершенно очевидно, что нематериальные блага характеризуются более объемным содержательным наполнением: это следует как из перечня, содержащегося в п. 1 ст. 150 ГК РФ, так и из факта его открытости, который обеспечил правоприменительную практику новыми судебными спорами в отношении благ, не упомянутых в этом перечне [1]. Несмотря на более чем девятилетний срок существования соответствующих нормативных положений, до сих пор не сложилось единого научного представления о родовом понятии ст. 152.2 ГК РФ – «частной жизни».

Методология

Методологические рамки научного изыскания являются показателем качества научной работы [2, с. 6–7], поскольку эти рамки создают её необходимые границы и демонстрируют средства, которыми оперирует исследователь. Прежде всего стоит отметить онтологические предпосылки познания «частной жизни», в качестве которых выступают достижения теории права, выполняющей интегрирующую функцию в условиях углубляющейся специализации правовых наук [3, с. 12]. Исходной философской предпосылкой познания «частной жизни» выступает и формальный нормативизм, позволяющий сфокусироваться на текстах нормативно-правовых актов [4, с. 204].

Стоит заметить, что в основе настоящего исследования лежит базовый методологический подход, получивший широкое распространение в научной цивилистической среде, сущность которого сводится к представлению о принципиальном делении научных познавательных приемов на всеобщие, общенаучные, частнонаучные и специально-юридические. Так, всеобщий метод настоящего научного изыскания представлен диалектическим материализмом, нашедшим

¹ О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2022).

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

объективацию, прежде всего, через законы и категории диалектики. Диалектический материализм выполняет в рамках настоящей работы не только методообразующую, но и мировоззренческую функцию. К примеру, гносеологическое значение таких категорий диалектики, как «форма» и «содержание», заключается в их применении к понятию «частной жизни» в контексте наполнения правовым содержанием («правовая форма» и «правовое содержание» частной жизни). Среди общенаучных методов познания «частной жизни» особенную ценность имеют следующие приемы: классификация – в контексте классификации нематериальных благ и личных (неимущественных) прав; сравнение – в контексте сравнения «частной» жизни и «публичной» жизни; структурно-функциональный – в контексте определения функций правового понятия «частной жизни» и др. Перечисляя частнонаучные методы, нельзя не отметить значимость конкретно-социологического метода с учетом социальной природы «частной жизни». Специально-юридический методологический арсенал изучения «частной жизни» представлен догматическим, историко-правовым, компаративистским, межотраслевыми методами, а также различными видами юридического толкования.

Результаты и их обсуждение

Рассуждая об отраслевой сущности понятия «частная жизнь», важно сделать ряд следующих умозаключений. История проникновения этого термина в современное российское законодательство начинается с конституционных основ, а именно положений ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ¹. Так, и ч. 1 ст. 23, и ч. 1

ст. 24 Конституции РФ упоминают о «частной жизни», при этом в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ «частная жизнь» называется в связке с презумпцией ее неприкосновенности, а также наряду с личной и семейной тайной, защитой своей чести и доброго имени. Что касается ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, то ее содержание сконцентрировано, главным образом, на информации о частной жизни лица, сбор, хранение, использование и распространение которой вопреки воли такого лица не допускается.

Статус конституционных основ у положений, регламентирующих частную жизнь, безусловно, способствует конституционно-правовой квалификации частной жизни гражданина. Однако наличие соответствующих нормативных предписаний о частной жизни гражданина в нормах гражданского законодательства позволяет говорить и о гражданско-правовой отраслевой принадлежности частной жизни. Именно с появлением специального законодательства М. Н. Малеина связывает гражданско-правовой статус «частной жизни» физического лица [5, с. 10]. Вслед за ней В. В. Алейникова заключает, что вопрос о гражданско-правовой природе частной жизни «ни у кого не вызывает сомнений» [6, с. 184]. По мнению указанного ученого, дискуссионными остаются вопросы содержательного и классификационного характера.

Излишним будет отмечать отсутствие легального определения понятия «частная жизнь». Это обстоятельство, в частности, предопределяет объективную необходимость поиска ответа на соответствующий вопрос – о понятии частной жизни лица – в иных плоскостях, в том числе доктринальной и правоприменительной. Стоит заметить, что в научной литературе предлагается не просто ввести понятие «частной жизни» в дефинитивные категориальные ряды, но и принять в отношении данного понятия разъясняющее постановление Пленума ВС РФ, а также отдельный федеральный закон по

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2022).

аналогии с Законом США о защите частной жизни человека от 1974 г. [7, с. 29]

Упоминание в научных публикациях, посвященных частной жизни гражданина, определений Конституционного Суда РФ, носящих толковательный применительно к частной жизни характер, стало устоявшейся научной традицией. В Определении Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О¹ впервые упоминается содержательное значение «частной жизни гражданина». Конституционный Суд РФ разъясняет, что понимание частной жизни сопряжено с определённой областью жизнедеятельности человека. Главными отличительными признаками этой области выступают концентрация вокруг жизни одного человека, функциональное существование для него и невключенность в эту область публично-властных субъектов при условии ее правомерности. При разъяснении сути «частной жизни» Конституционный Суд РФ акцентирует внимание на двух моментах: дифференциации частной жизни и ее неприкосновенности, а также интерпретации частной жизни Европейским Судом по правам человека. Что касается первого момента, то обозначенная дифференциация весьма условна: в действительности «частная жизнь» гражданина всегда понимается в увязке с правом на ее неприкосновенность. Однако если «частная жизнь» как таковая касается, как уже было отмечено, определённой области жизнедеятельности, то право на неприкосновенность частной жизни

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/ (дата обращения: 09.11.2022).

предполагает гарантированную государством возможность осуществления контроля за личной информацией, прежде всего в контексте ее неразглашения. По второму моменту стоит пояснить следующее: Европейский суд по правам человека, ссылаясь на ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод², посвященную праву на уважение частной и семейной жизни, обращает внимание на функциональное значение нормативного закрепления права гражданина на частную жизнь, в качестве которого выступает защита от своевольного вмешательства со стороны публично-властных субъектов. Следовательно, Европейский суд по правам человека оперирует категорией «частная жизнь», прежде всего в специальном инструментальном ключе: отграничении частной сферы жизнедеятельности отдельной личности от публичного пространства, представленного деятельностью государственно-властными органами. Последующие определения Конституционного Суда РФ, упоминающие «частную жизнь» гражданина, апеллируют к проанализированному Определению Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О³.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 24 июня 2013 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2, ст. 163.

³ См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 158-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого

Анализ Постановлений Европейского суда по правам человека позволяет сформулировать содержательный контент «частной жизни», включающий в себя, главным образом, три структурных компонента: физическую и психологическую неприкосновенность личности¹, персональные данные², изображение гражданина³. Оценивая экстраполяцию представления о структурных компонентах «частной жизни», нашедшего отражение в практике Европейского суда по правам человека, В. В. Алейникова замечает неприменимость подобного представления применительно к отечественному правопорядку с учетом самостоятельного правового регулирования изображения гражданина, позиционирующегося в качестве отдельного нематериального блага [6, с. 186]. Аналогичный взгляд на обозначенную проблематику

Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции»: Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2010 г. № 644-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.11.2022).

¹ Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии» (жалоба № 59320/00): Постановление ЕСПЧ от 24 июня 2004 г. // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 09.11.2022).

² Бургхартц (Burghartz) против Швейцарии (жалоба № 16213/90): Постановление ЕСПЧ от 22 февраля 1994 г. // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 09.11.2022).

³ По вопросу приемлемости жалобы № 42409/98 «Вольфганг Шюссель (Wolfgang Schussel) против Австрии»: Решение ЕСПЧ от 21 февраля 2002 г. // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 09.11.2022).

отражен и в работе М. Н. Малеиной [8, с. 18].

Сложность выяснения действительного содержания понятия «частная жизнь» обусловлена и тем обстоятельством, что сама по себе частная жизнь гражданина находится вне правового поля и не требует правовой регламентации. Однако потребность в ее охране и защите вызывает к жизни соответствующий корпус норм, обеспечивающий ее удовлетворение [9, с. 7]. При этом по своему объему «частная» жизнь – это самая объемная сфера жизнедеятельности человека [10, с. 153].

Анализ доктринальных позиций относительно понятия «частной жизни» позволяет прийти к выводу о том, что ученые предлагают различные «наполнители» этого понятия. Немаловажным фактором при этом выступает отраслевая принадлежность исследователя. Так, изучая феномен уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни, И. А. Шевченко предложил под «частной жизнью» понимать два типа свобод – свобода правомерного поведения и свобода мысли человека [11, с. 8]. При этом при дефинировании соответствующего понятия И. А. Шевченко сделал акцент на тех сферах жизнедеятельности, в которых эта свобода присутствует, поместив в один ряд интимную, личную, семейную и деловую сферы. Интересной в определении И. А. Шевченко видится также обращение внимания на информации об этих сферах как составные компоненты «частной жизни». Оценивая содержательное наполнение проанализированного понятия «частной жизни», можно заметить, что раскрытие «частной жизни» через синонимичные ей, однако также непонятные по содержанию термины – «интимная жизнь», «личная жизнь», «семейная жизнь», представляется не вполне удачным, особенно с учетом того, что термины «частная жизнь» и «личная жизнь» зачастую отождествляются. Стоит заметить, что подобное отождествле-

ние имеет свою историю. Известно, что советский этап развития отечественного законодательства характеризуется отказом от дореволюционных разработок «неприкосновенности частной жизни» [12, с. 12] и восприятием новой государственной идеологии, отрицающей «частное» как таковое [13, с. 14]. Эти обстоятельства и обусловили появление термина «личная жизнь» и ее советское научное понимание [14, с. 142].

И. Л. Петрухин, определяя частную жизнь, выделяет в ней такой родовой признак, как «сфера», а далее перечисляет содержание этой сферы, включая в нее семейную жизнь, родственные и дружеские связи, домашний уклад, интимные и другие личные отношения, привязанности, образ мыслей, творчество и др. [15, с. 11] Во многом схожий методологический прием избран Н. П. Лепешкиной для определения частной жизни. Так, квалифицируя ее в качестве социального явления, указанный исследователь дополняет определение «частной жизни» теми сферами жизнедеятельности, в которых она получает свою реализацию (внутренняя духовная сфера, сфера межличностного общения, сфера поведения, имущественная сфера) [16].

Иной подход к определению частной жизни прослеживается у тех исследователей, которые в поисках сфер применения этой жизни перечисляют те сферы жизнедеятельности, которые не относятся к частной жизни. Например, по мнению Ю. Е. Сысоева, «частная жизнь» — это прежде всего ее обстоятельства, которые находятся за рамками служебной, трудовой, общественной и политической деятельности [17, с. 11]. Аналогичное понимание представлено в работах Г. Б. Романовского, по мнению которого «частная» или «личная» жизнь включает в себя все сферы жизнедеятельности, кроме общественной и профессиональной [18, с. 10]. Существенным недостатком описанного методологического приема является его

неконкретность, предопределённая неясностью действительного содержания перечисленных сфер жизнедеятельности, их пересечением, невозможностью вычленения той или иной сферы в чистом виде, динамичностью этих сфер, их существенная зависимость от времени своего бытия. Такое знание о частной жизни не является в полном смысле этого слова научным.

Наконец, третий методологический прием, используемый для характеристики частной жизни, отличается тем, что, не перечисляя сферы жизнедеятельности, делается вывод о том, что носитель этой «частной жизни» не считает необходимым придавать эту сторону своего бытия огласке [19, с. 204].

Обращение к тексту ст. 152.2 ГК РФ позволяет заключить, что законодатель ассоциирует частную жизнь прежде всего с теми или иными сведениями о ней. Так, в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ упоминаются такие сведения, как сведения о происхождении гражданина, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. Юрико-технический анализ п. 1 ст. 152.2 ГК РФ позволяет заключить о примерности обозначенного перечня сведений и его очевидной неограниченности исключительно ими. Интересно, что, судя по п. 1 ст. 152.2. ГК РФ, законодатель ограничивает «частную жизнь» и «личную жизнь» гражданина, хотя в научной литературе нередко отмечается тождество этих понятий [20].

Вероятно, вводя термин «частная жизнь» в гражданское законодательство, законодатель преследовал цель создания некоего «рамочного» понятия, объединяющего частные случаи проявления частной жизни. Причем правоприменительный потенциал этого рамочного понятия всегда предопределен конкретными ситуационными особенностями, на что в контексте «частной жизни» лица обращалось

внимание и в судебной практике¹. По этому поводу Ю. И. Лейбо, Г. П. Толсто-пятенко и К. А. Экштайн совершенно справедливо замечают, что отсутствие объективной возможности в формализации сфер жизнедеятельности, подпадающих под «частную жизнь», обуславливает определение диапазона применимости соответствующих норм права исходя из индивидуальных условий каждой жизненной ситуации [21, с. 119].

Наибольшую трудность представляет отграничение персональных данных от иной информации, относящейся к частной жизни лица. Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»² включает в легальный терминологический аппарат два однопорядковых термина: «персональные данные» и «персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения»³. При этом под первым понятием предлагается понимать любую информацию, относящуюся к конкретному субъекту. Как справедливо заметил А. И. Савельев, перечень сведений, относящихся к персональным данным, объективно не может быть закрытым [22]. Из анализа судебно-арбитражной практики следует, что в качестве персональных данных принято квалифи-

цировать любую информацию, идентифицирующую конкретное физическое лицо⁴.

Выяснение действительного содержания понятия «частная жизнь» сопряжено и с определением места этого нематериального блага в системе нематериальных благ и личных (неимущественных) прав личности. Цивилистическая доктрина изобилует подходами к категоризации нематериальных благ и личных (неимущественных) прав. Так, классическая классификация нематериальных благ представлена их делением на биологические и социальные [23, с. 110–395]. При этом по версии Л. О. Красавчиковой, поддерживающей обозначенную классификацию, право на частную жизнь относится ко второй классификационной группе. В целом разделяя мнение Л. О. Красавчиковой, В. С. Толстой предлагает переименовать социальные личные (неимущественные) права в «права, обеспечивающие социальную жизнь человека» [24, с. 92–93]. Аналогичный критерий положен О. Н. Ермоловой в классификацию нематериальных благ [25, с. 26]. В интерпретации М. Н. Малеиной, классифицирующей личные (неимущественные) права по целевому признаку, неприкосновенность личной жизни входит наряду с правом на тайну в класс, получивший наименование «личные неимущественные права, обеспечивающие автономию личности» [5, с. 21–22].

Несколько иную точку зрения в рамках обсуждаемой проблематики занял В. Л. Слесарев, поместив «частную жизнь» в группу личных (неимущественных) прав, связанных с неприкосновенно-

¹ См., например: Решение Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19 июня 2018 г. № 2-3676/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W6GZKnTUPZUw/> (дата обращения: 09.11.2022).

² О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: [ред. от 14.07.2022] // Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2022).

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: Федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2022).

⁴ См., например: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 24 июня 2015 г. № 18-АПГ15-7; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 апреля 2018 г. № Ф03-629/2018 по делу № А37-1226/2017 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 09.11.2022 г.).

стью личной жизни [26, с. 128]. Оригинальной видится классификация Е. А. Михно, в основе которой лежит такой признак, как объект причинения вреда. В рамках этой классификации особого внимания заслуживают две группы личных (неимущественных) прав: те, нарушение которых приводит к вторжению в частные дела, и те, нарушение которых приводит к публичному разглашению фактов, могущих быть достоянием узкого круга субъектов [27, с. 101]. В научной литературе справедливо отмечается сложность уместения «частной жизни» в одну классификационную группу, если классификация основана на таком признаке, как целевая направленность.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем ряд последовательных выводов, ставших закономерным результатом настоящего научного изыскания.

Во-первых, «частная жизнь» – это социальное понятие, что предопределяет ее дефинирование преимущественно не через правовые, а через социальные категории, в том числе сферы жизнедеятельности, научная разработка которых является достоянием не правовых, а социальных наук.

Во-вторых, «частная жизнь» как явление объективной действительности отражает человеческую сущность и характеризует ее индивидуальность, занимает большую часть жизнедеятельности индивида и находится за рамками правового регулирования. Однако потребность в охране и защите частной жизни, а также информации о ней предопределяет обращение к разноотраслевым правовым средствам и инструментам.

В-третьих, межотраслевое изучение «частной жизни» преимущественно представителями конституционного, уголовного и гражданского права обусловлено тем объективным обстоятельством, что неприкосновенность частной жизни гарантируется на конституционном уровне,

а охраняется разноотраслевыми нормами права. Однако это обстоятельство не влияет на гражданско-правовую отраслевую сущность частной жизни.

В-четвертых, исследовательские подходы к определению «частной жизни» могут быть условно сгруппированы в три научные группы: 1) характеризующие «частную жизнь» через перечисление относящихся к ней сфер жизнедеятельности; 2) характеризующие «частную жизнь» через перечисление не относящихся к ней сфер жизнедеятельности; 3) характеризующие «частную жизнь» через ее недоступность окружающим, помимо воли ее обладателя. К числу наиболее существенных недостатков этих подходов относятся: раскрытие неизвестного («частная жизнь») через неизвестные («личная жизнь», «интимная жизнь», «внутренний мир» и т. п.); выяснение правового содержания «частной жизни» с помощью неправовых, а социальных категорий и понятий (сферы жизнедеятельности); стремление к даче исчерпывающего понятия «частной жизни» с учетом динамичности самой жизни, ее многоаспектности.

В-пятых, определение «частной жизни» должно прямо коррелировать решению конкретной научной задачи. Если поставлена такая научная задача, как выяснение социального наполнения этого явления, то наиболее распространенный подход к характеристике «частной жизни» через сферы жизнедеятельности является приемлемым. Однако если поставлена иная научная задача (например, разработка правового определения понятия «частная жизнь»), то для решения обозначенной задачи наиболее подходящим является функциональный подход, т. е. первоначальное выяснение функций, выполняемых понятием «частная жизнь» в правовом поле. Иными словами, исследователю надлежит ответить на вопрос: для чего законодатель вводит понятие «частная жизнь» в легальный категориальный

аппарат. Отвечая на поставленный вопрос, заметим, на наш взгляд, функциональное значение правового понятия «частная жизнь» выражается, главным образом, в двух направлениях: это максимально условное отграничение частной

жизни от публичной и создание «рамочного» понятия, определение которого должно носить ситуационный характер применительно к каждой возникающей ситуации.

Список литературы

1. Михеева Л. Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.]; под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. 492 с.
2. Габов А. В., Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Вступительная статья // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 5–13.
3. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. 224 с.
4. Методологические проблемы науки: материалы заседания Президиума Акад. наук СССР / Акад. наук СССР. М.: Наука, 1964. 350 с.
5. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 244 с.
6. Алейникова В. В. Охрана частной жизни гражданина (ст. 152.2 ГК РФ): теоретический и правоприменительный аспекты // Закон. 2019. № 7. С. 183–195.
7. Баринов С. В. К вопросу об определении понятия «частная жизнь» // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 28–30.
8. Малеина М. Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 18–28.
9. Петрухин И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М.: Юрид. лит., 1989. 192 с.
10. Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. 99 с.
11. Шевченко И. А. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 23 с.
12. Галыгина И. П. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 25 с.
13. Жеребкин В. П. Уголовно-правовая охрана частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 25 с.
14. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. 405 с.
15. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М.: Изд-во ИГиП РАН, 1998. 232 с.
16. Лепешкина Н. П. Неприкосновенность частной жизни, что это? // Адвокатская практика. 2005. № 2. С. 37–39.
17. Сысоев Ю. Е. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному вмешательству в частную жизнь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.
18. Романовский Г. Б. Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 18 с.

19. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма : Инфра-М, 2006. 767 с.
20. Малеина М. Н. Частная жизнь «за стеклом»: правовые проблемы проведения интерактивных игровых шоу в реальном времени и способы их решения // Законодательство. 2002. № 2. С. 29–34.
21. Лейбо Ю. И., Толстопятенко Г. П., Экштайн К. А. Права и свободы человека и гражданина. М.: Изд-во ЭКОМ, 2000. 447 с.
22. Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.
23. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 435 с.
24. Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. М.: ООО Изд-во «ЭЛИТ», 2006. 198 с.
25. Ермолова О. Н. Нематериальные блага и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 150 с.
26. Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 167 с.
27. Михно Е.А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 163 с.

Reference

1. Miheeva L. Yu. Modernizaciya instituta nematerial'nyh blag: dostizheniya i perspektivy [Modernization of the institute of intangible benefits: achievements and prospects]. Kodifikaciya rossijskogo chastnogo prava 2019 [Kodifikaciya rossijskogo chastnogo prava 2019]; ed. by D. A. Medvedev. Moscow, Statut Publ., 2019. 492 p.
2. Gabov A. V., Golubcov V. G., Kuznecova O. A. Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij. Sbornik nauchnykh statej. Ezhegodnik* [Methodological problems of civil studies: a collection of scientific articles. Yearbook]; ed. by A. V. Gabov, V. G. Golubcov, O. A. Kuznecova. Moscow, Statut by Publ., 2017, Is. 2, pp. 5–13.
3. Puginskij B. I. Grazhdansko-pravovye sredstva v hozyajstvennyh otnosheniyah [Civil legal means in economic relations]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984. 224 p.
4. Metodologicheskie problemy nauki. Materialy zasedaniya Prezidiuma Akad. nauk SSSR [Methodological problems of science: materials of the meeting of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 350 p.
5. Maleina M. N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita [Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection]. Moscow, MZ Press Publ., 2000. 244 p.
6. Alejnikova V. V. Ohrana chastnoj zhizni grazhdanina (st. 152.2 GK RF): teoreticheskij i pravoprimeritel'nyj aspekty [Protection of a citizen's private life (Article 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation): theoretical and law enforcement aspects]. *Zakon = Law*, 2019, vol. 7, pp. 183–195.

7. Barinov S. V. K voprosu ob opredelenii ponyatiya "chastnaya zhizn'" [On the question of defining the concept of "private life"]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, vol. 4, pp. 28–30.
8. Maleina M. N. Pravo na tajnu i neprikosновенность personal'nyh dannyh [The right to secrecy and inviolability of personal data]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, vol. 11, pp. 18–28.
9. Petruhin I. L. Lichnaya zhizn': predely vmeshatel'stva [Personal life: limits of intervention]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1989. 192 p.
10. Krasikov A. N. Ugolovno-pravovaya ohrana prav i svobod cheloveka v Rossii [Criminal law protection of human rights and freedoms in Russia]. Saratov, Saratov Univ. Publ., 1996. 99 p.
11. Shevchenko I. A. Ugolovno-pravovaya ohrana neprikosновенности chastnoj zhizni. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal and legal protection of privacy. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnoyarsk, 2005, 23 p.
12. Galygina I. P. Ugolovno-pravovaya harakteristika narusheniya neprikosновенности chastnoj zhizni. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal-legal characteristics of violation of privacy. Cand. legal sci. abstract diss.]. Tomsk, 2006. 25 p.
13. Zherebkin V. P. Ugolovno-pravovaya ohrana chastnoj zhizni. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal and legal protection of private life. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2003. 25 p.
14. Kutafin O. E. Neprikosновенность v konstitucionnom prave Rossijskoj Federacii [Inviolability in the constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 405 p.
15. Petruhin I. L. Lichnye tajny (chelovek i vlast') [Personal secrets (man and power)]. Moscow, IGIP RAN Publ., 1998. 232 p.
16. Lepeshkina N. P. Neprikosновенность chastnoj zhizni, chto eto? [Privacy, what is it?]. *Advokatskaya praktika = Law practice*, 2005, vol. 2, pp. 37–39.
17. Sysoev Yu. E. Ugolovno-pravovye sredstva protivodejstviya nezakonnomu vmeshatel'stvu v chastnuyu zhizn'. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal legal means of countering illegal interference in private life. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2011. 30 p.
18. Romanovskij G. B. Konstitucionnoe regulirovanie prava na neprikosновенность chastnoj zhizni. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Constitutional regulation of the right to privacy. Cand. legal sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 1997. 18 p.
19. Baglaj M. V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii [Constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, Infra-M Publ., 2006. 767 p.
20. Maleina M. N. Chastnaya zhizn' "za steklom": pravovye problemy provedeniya interaktivnyh igrovyyh shou v real'nom vremeni i sposoby ih resheniya [Private life "behind the glass": legal problems of conducting interactive game shows in real time and ways to solve them]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2002, vol. 2, pp. 29–34.
21. Lejbo Yu. I., Tolstop'yatenko G. P., Ekshtajn K. A. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina [Human and civil rights and freedoms]. Moscow, Ekom Publ., 2000. 447 p.
22. Savel'ev A. I. Napravleniya regulirovaniya bol'shih dannyh i zashchita neprikosновенности chastnoj zhizni v novyyh ekonomicheskikh realiyah [Directions of regulation of Big data and protection of privacy in new economic realities]. *Zakon = Law*, 2018, vol. 5, pp. 122–144.
23. Krasavchikova L. O. Ponyatie i sistema lichnyh, ne svyazannyh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lic) v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii. Diss. dokt. yurid.

nauk [The concept and system of personal, non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation. Dr. legal sci. diss.]. Ekaterinburg, 1994. 435 p.

24. Tolstoj B. C. Lichnye neimushchestvennye pravootnosheniya [Personal non-property legal relations]. Moscow, Elit Publ., 2006. 198 p.

25. Ermolova O. N. Nematerial'nye blaga i ih zashchita. Diss. kand. yurid. nauk [Intangible benefits and their protection. Cand. legal sci. diss.]. Saratov, 1998. 150 p.

26. Slesarev V. L. Ob'ekt i rezul'tat grazhdanskogo pravonarusheniya [Object and result of a civil offense]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1980. 167 p.

27. Mihno E. A. Kompensaciya moral'nogo vreda vo vnedogovornyh obyazatel'stvah. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for moral damage in non-contractual obligations. Cand. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 1998. 163 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Санников Денис Викторович, адвокат, Адвокатский кабинет, г. Пермь, Российская Федерация,
e-mail: denis.sannikov@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-7779-991X

Denis V. Sannikov, Lawyer, Lawyer's Office,
Perm, Russian Federation,
e-mail: denis.sannikov@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-7779-991X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-43-52>

Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией: практическая имплементация

Н. Ю. Кораблева¹ ✉

¹Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, д. 38, г. Москва 119034, Российская Федерация

✉ e-mail: korabl-nat@mail.ru

Резюме

Актуальность. В статье представлен анализ практической имплементации положений соглашения о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией, подписанного сторонами 30 декабря 2020 года. Рассматриваются аспекты таможенного регулирования, включая отсутствие тарифов и квот при четком соблюдении правил страны происхождения товара. Несмотря на то, что соглашение между сторонами было подписано чуть более двух лет назад, данный вопрос по-прежнему остается не до конца изученным, чем и объясняется его актуальность. При этом сложности, связанные с практической имплементацией соглашения, могут быть в дальнейшем учтены участниками других интеграционных объединений, включая ЕАЭС, при заключении и последующей имплементации положений аналогичных соглашений.

Цель данной статьи заключается в осмыслении ключевых положений соглашения о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией, включая положения о товарах и услугах, с учетом их дальнейшей практической имплементации.

Задачи: выявить и подвергнуть последующему осмыслению ключевые положения соглашения о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией; выявить сложности, с которыми столкнулись подписанты данного соглашения в ходе практической имплементации его положений.

Методология. Методологическую основу данной статьи составил метод научного познания, включая методы анализа и сравнения, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования отличают прикладной характер с элементами научной новизны. Автором рассмотрены возникающие сложности, связанные с практической имплементацией положений соглашения о торговле и сотрудничестве.

Вывод. Подписанное соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией заложило прочную правовую основу дальнейшего взаимодействия сторон, несмотря на сложный переговорный процесс, предшествовавший подписанию данного соглашения, и остающиеся «подводные камни» на пути успешной практической имплементации его положений.

Ключевые слова: Европейский союз; Соглашение о торговле и сотрудничестве; практическая имплементация; отсутствие тарифов и квот; правовая основа; сотрудничество.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кораблева Н. Ю. Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией: практическая имплементация // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 43–52. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-43-52>.

Поступила в редакцию 14.12.2022

Принята к публикации 20.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Trade and Cooperation Agreement Between EU and UK: Practical Implementation

Natalia U. Korableva¹ ✉

¹Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka Str., Moscow 119034, Russian Federation

✉ e-mail: korabl-nat@mail.ru

Abstract

Relevance. The article presents the analysis of practical implementation of trade and cooperation agreement between EU and the UK signed on the 30th of December 2020. It also reflects key aspects of customs regulation, including absence of tariffs and quotas in case of full compliance with the rules of origin. Despite the fact that the agreement was signed two years ago, the aspects of its practical implementation haven't been studied properly, although the difficulties that both parties face could be taken into account by participants of other integration unions including EEU.

The purpose is to reveal and present further comprehension of the key aspects of trade and cooperation agreement between EU and the UK including trade and services provisions with regard to their practical implementation.

Objectives are to identify and comprehend key provisions of trade and cooperation agreement between EU and the UK; to reveal the difficulties that both parties face regarding practical implementation of some key aspects of the agreement.

Methodology. The study was carried out on the basis of the general scientific method, including methods of analysis and comparison as well as formal-legal and comparison-legal methods.

Results. The results of the research are substantiated with elements of scientific novelty. The author has studied the difficulties arising from practical implementation of the provisions of the agreement.

Conclusion. The author declares that trade and cooperation agreement has formed a strong legal basis for further interaction between the parties despite the difficulties that are to be overcome.

Keywords: European Union; Trade and cooperation agreement; Practical implementation; Absence of tariffs; Legal basis; cooperation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Korableva N. U. Trade and Cooperation Agreement Between EU and UK: Practical Implementation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 43–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-43-52>.

Received 14.12.2022

Accepted 20.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

История развития и становления отношений между государствами европейского континента насчитывает ни одно тысячелетие. Нельзя сказать, что эти отношения всегда были дружественными. Менялись враги и союзники, активно велись войны, сменялись лидеры. Однако неизменным оставалось желание развивать торгово-экономические отношения,

как с ближайшими соседями, так и с остальными европейскими государствами.

Двадцатый век, принесший две опустошительные войны, заставил многие европейские страны по-иному взглянуть не только на проблему обеспечения собственной безопасности, но и на необходимость сплочения на основе формирования единого экономического пространства [1, с. 20], которое бы способствовало

росту благосостояния и процветания народов Европы.

Первой попыткой подобного объединения стало создание ЕОУС¹ в 1951 г., а затем Евратома² и ЕЭС³ в 1957 г., итогом деятельности которых стал Таможенный союз, а затем единый рынок [2, с. 24]. В 1973 г. государством-членом ЕЭС становится и Великобритания, которая в итоге вышла из состава ЕС спустя практически 50 лет непростого членства, чему предшествовали длительные переговоры, продолжавшиеся около 4 лет. Рассматривались различные сценарии возможного прекращения членства Великобритании в ЕС [3, с. 5], включая жесткий вариант брекзита, т. е. выход Соединенного Королевства из интеграционного объединения без подписанного соглашения.

Тем не менее 24 декабря 2020 г. соглашение о выходе Великобритании из состава ЕС все же было подписано, а 30 декабря 2020 г. стороны заявили о подписании Соглашения о свободной торговле и сотрудничестве, что позволило заложить правовую основу дальнейшего взаимодействия сторон.

Несмотря на то, что с момента подписания соглашения прошло практически два года, проблема практической имплементации положений соглашения остается недостаточно изученной, чем и объясняется актуальность данного исследования. В рамках статьи будут рассмотрены ключевые аспекты практической имплементации положений соглашения, включая правовые пути преодоления возникающих сложностей.

Методология

Методологической основой данного исследования послужил комплекс обще-

научных и юридических методов научного познания. Для достижения поставленных целей были применены следующие методы: формально-юридический метод, исторический метод, метод анализа и синтеза. Ключевое место в проведенном исследовании отводится сравнительно-правовому методу, включая метод юридического анализа, позволившего автору прийти к логически обоснованному заключению.

Результаты и их обсуждение

Еще до официального подписания Соглашения эксперты предрекали возникновение определенных проблем, связанных с реализацией его положений. Прежде всего это касалось введения таможенных формальностей [4, с. 89], к чему британская сторона, как показала практика, оказалась не совсем готова. Последующее возникновение проблем ожидалось также и в связи с ограничением свободы перемещения для граждан ЕС и Великобритании, реализации положений Протокола по Ирландии/Северной Ирландии [5, с. 12] и, наконец, в связи с появлением сложностей, связанных с четким соблюдением правил определения страны происхождения товара.

Введение таможенных формальностей стало первым шагом при подписании Соглашения о торговле и сотрудничестве (далее – СТС) между ЕС и Великобританией. По сути, это обычная практика, применяемая при подписании подобного рода соглашений с третьими странами. В случае с Соединенным Королевством данная мера скорее препятствует «открытой» торговле [6, с. 29], нежели стимулирует ее, по крайней мере, на данном этапе.

Будучи неготовой к тому, как все будет выглядеть на практике, британская сторона столкнулась с серьезными задержками грузов на границе из-за приме-

¹ Treaty establishing the European Coal and Steel Community. 1951. 11951K/TXT.

² Treaty establishing the European Atomic Energy Community. 1957. 11957A/TXT.

³ Treaty establishing the European Economic Community. 1957. 11957E/TXT.

нения таможенных проверок и формальностей [7, с. 132]. Задержки были также вызваны увеличением сроков оформления документов. В итоге британские компании ощутили на себе все прелести выхода Соединенного Королевства из Таможенного союза, включая существенные убытки. Прежде всего это коснулось поставщиков товаров с коротким сроком действия: продукции рыболовного промысла и морепродуктов. Экспортеры морепродуктов в ЕС до сих пор пытаются приспособиться к необходимости заполнять огромное количество документов для того, чтобы их продукция все же оказалась на рынке ЕС. В свою очередь, из-за введения таможенных формальностей и возросшей в связи с этим таможенной бюрократии экспедиторы из ЕС были вынуждены отказаться от контрактов на доставку товаров в Соединенное Королевство [8, с. 42].

Согласно положениям Соглашения, стороны договорились не вводить тарифы и квоты на товары, участвующие в торговле между ЕС и Великобританией. На практике же это означает, что товар должен быть произведен непосредственно на территории Великобритании и не может быть импортирован в нее из какой-либо другой страны, например, Индии, а затем оказаться на прилавках ЕС без уплаты соответствующих пошлин. Безусловно, данная ситуация регулируется правилами происхождения товара. Однако на практике очень сложно соблюсти установленные правила, особенно если речь идет об обработанной сельскохозяйственной продукции, которая изначально может включать в себя компоненты, произведенные в разных странах [9, с. 406]. Аналогичная ситуация и с промышленными товарами. В частности, соблюдение положений Соглашения в сфере автомобилестроения уже привело к росту потребительских цен на автомобильную продукцию в Великобритании. И прежде всего, это связано со стоимостью аккумуля-

ляторов – компонента, считающегося наиболее дорогим, например, при производстве электромобилей¹.

Как справедливо отмечают эксперты, по окончании переходного периода, предусмотренного СТС в сфере автомобилестроения, Великобритания может столкнуться с существенными проблемами [10, с. 84], связанными в первую очередь со вступлением в полную силу правил происхождения товара. Согласно положениям Соглашения в данной сфере, определенный процент компонента, составляющего конечную продукцию, должен быть произведен непосредственно на территории Великобритании для того, чтобы товар мог в дальнейшем претендовать на применение к нему нулевых тарифов.

Возможно, сложившаяся ситуация подтолкнет Великобританию к созданию собственной сильной аккумуляторной промышленности для того, чтобы сократить импорт аналогичной продукции из Азии. Следует отметить, что Европейская комиссия, в свою очередь, объявила о создании фонда в размере 2,9 млрд евро, которые будут направлены на поддержание исследований в области создания новых аккумуляторных технологий, а также строительство заводов по производству аккумуляторов². Таким образом, Европейский союз демонстрирует готовность и желание начать активно продвигать европейскую аккумуляторную промышленность.

В результате сложностей, связанных с оформлением грузов на границе и повлекших за собой существенную задержку в поставке товаров, Великобритания

¹ Giles Ch. What are the economic effects of Brexit so far? // Financial Times. 2018, June 24. URL: <https://www.ft.com/content/dfafc806-762d-11e8-a8c4-408cfba4327c018> (дата обращения: 03.11.2022).

² Европейская комиссия. 2021. 26 июня. URL: <https://ec.europa.eu/> (дата обращения: 03.11.2022).

впервые за многие десятилетия столкнулась с продовольственным дефицитом. Полки в магазинах заметно опустели, что не могло не вызвать панику у британцев, привыкших к высоким стандартам и высокому уровню жизни.

Несмотря на заверение Бориса Джонсона, на тот момент премьер-министра Великобритании, о том, что Соглашение о торговле и сотрудничестве «устранило все барьеры» в торговле с ЕС, на практике все оказалось совсем иначе. Перестав быть частью единого рынка с 1 января 2021 г., Великобритания сразу же ощутила на себе действие нетарифных барьеров в виде таможенных формальностей и возросшей бюрократии [11, с. 180], возникших на пути поставки товаров, предоставления услуг и перемещения рабочей силы.

Следует отметить тот факт, что Великобритания импортирует около 50% продовольственных товаров. До выхода Соединенного Королевства из состава ЕС, именно Европейский союз был ключевым торговым партнером Великобритании. Около 60% британского импорта ввозилось из Европы, и до брексита все продовольственные поставки осуществлялись без каких-либо ограничений и сопутствующих сложностей [12, с. 34]. Не удивительно, что после снятия подобных преференций британцы оказались не готовы к столь стремительному изменению ситуации, что и привело к временному образованию дефицита продовольствия.

Последствия топливного кризиса дали о себе знать уже осенью 2021 г. Начались серьезные перебои с поставкой горючего. Невозможно было заправиться ни бензином, ни дизельным топливом, которые в одночасье стали недоступны [13]. Причина данного кризиса оказалась достаточно банальной. Великобритания столкнулась с нехваткой водителей, которые по большей части были гражданами Европейского союза и после выхода Соединенного Королевства из состава ЕС покинули территорию Великобритании.

Очевидно, что возникновение данной проблемы связано, прежде всего, с тем, что вопрос перемещения лиц по большей части остался за рамками СТС и не был до конца отрегулирован [14, с. 110]. Установленные рамки пребывания граждан ЕС на территории Великобритании и сложности, связанные с оформлением документов, вынудили граждан ЕС оставить свои рабочие места и вернуться на континент. Следует отметить, что с 1 января 2021 г. для получения британской рабочей визы сроком на пять лет гражданам ЕС необходимо предоставить запрос от работодателя, документ, подтверждающий гарантированный годовой доход, который должен быть не ниже 29 тыс. евро, а также продемонстрировать определенный уровень владения английским языком и наличие профессиональных компетенций. В свою очередь, британские граждане, изъявляющие желание работать в одном из 27 государств – членов ЕС, должны получить долгосрочную визу или вид на жительство на стандартных условиях, предъявляемых ко всем иностранцам, въезжающим с этой целью на территорию ЕС.

В сфере предоставления услуг также наблюдаются определенные сложности, связанные с введением новых правил, закрепленных в СТС. Сфера услуг составляет около 80% ВВП Великобритании, поэтому потеря рынка ЕС, даже частичная, будет иметь и уже имеет негативные последствия для экономики Соединенного Королевства. До выхода Великобритании из состава ЕС все государства-члены интеграционного объединения могли свободно предоставлять услуги, будь то финансовые, страховые или юридические, на территории любого другого государства-члена. И этому во многом способствовало взаимное признание профессиональной квалификации [15, с. 151]. С 1 января 2021 г. Великобритания перестала быть частью этого взаимного признания. На сегодняшний день для того, чтобы британские компании могли ока-

зывать финансовые услуги на территории ЕС, необходимо получить разрешение от соответствующего органа того государства-члена ЕС, где будет предоставляться эта услуга.

Следует отметить тот факт, что переговоры об условиях доступа британских компаний на европейский рынок финансовых, банковских, страховых, юридических и прочих видов услуг все еще продолжаются [16, с. 4]. Во многом это объясняется тем, что данная сфера практически осталась за рамками подписанного соглашения. Были согласованы лишь стандартные условия допуска на рынок услуг, включая обязательства по недопущению дискриминации. Эти положения, как правило, входят в любое соглашение о свободной торговле, заключаемое с третьей страной.

В связи с утратой права напрямую поставлять услуги на территории ЕС с января 2021 г. многие британские финансовые учреждения еще до официального выхода Великобритании из состава ЕС начали переносить проведение некоторых операций в такие города, как Париж, Дублин и Амстердам [17, с. 87].

На сегодняшний день у британских компаний, стремящихся предоставлять финансовые услуги на рынке ЕС, все же есть альтернатива. С одной стороны, они могут открыть полноценные филиалы на территории ЕС на соответствующих условиях, предъявляемых интеграционным объединением. С другой стороны, можно дожидаться принятия решения Европейской комиссией о признании эквивалентности британского законодательства в сфере оказания данного вида услуг европейскому законодательству [18, с. 10]. Очевидно, что подобное ожидание может стоить британским компаниям существенных финансовых потерь.

Тем не менее готовность сторон пересматривать отдельные положения Соглашения, препятствующие продвижению на практике торгово-экономических отношений между Великобританией и

ЕС, говорит об обоюдном желании найти компромиссное решение. Речь, безусловно, не идет о предоставлении открытого доступа к единому рынку ЕС, однако, возможно, сторонам удастся договориться об определенных послаблениях в виде унифицированного подхода к оформлению соответствующих документов.

Несмотря на то, что сторонам в ходе непростых переговоров все же удалось прийти к компромиссному решению по вопросу распределения квот на рыболовство и вопросу доступа в территориальные воды Великобритании рыболовецких судов из ЕС, на практике все выглядит не так уж радужно. Достаточно вспомнить недавний конфликт, возникший между Францией и Великобританией [19, с. 3]. Камнем преткновения опять стал остров Джерси, находящийся под протекцией Соединенного Королевства.

Согласно положениям СТС рыболовецкие суда из ЕС все же получили доступ в территориальные воды Великобритании, несмотря на попытки британской стороны в ходе переговоров этот доступ прикрыть. При этом необходимо получить лицензию от местных властей острова, доказав, что промысловая деятельность велась рыбаками из ЕС на данной территории задолго до выхода Великобритании из состава ЕС. По сути, это означает, что власти острова Джерси получили единоличное право выдавать лицензию судам из ЕС. В итоге только 41 французское судно смогло получить разрешение на вылов рыбы вблизи острова Джерси, хотя речь шла о предоставлении лицензии по крайней мере 344 судам [20, с. 147]. Более того, лицензию смогли получить лишь суда, длина которых превышала 12 метров.

Введение подобных ограничений в первую очередь ударило по французским рыбакам, суда которых были меньше обозначенного выше размера, и по рыбакам, которые столкнулись со сложностью доказать свою предшествующую промысловую деятельность в водах вблизи

острова Джерси. Согласно заявлению французских властей, выданные разрешения содержат временные ограничения, т. е. лимитируется количество дней, когда французские суда могут заниматься рыболовным промыслом в британских территориальных водах. Ограничения коснулись и используемого рыбаками из ЕС оборудования. Французские власти настаивают на том, что данные меры не могут считаться действительными и иметь юридическую силу, т. к. их введение не было согласовано с представителями ЕС. В свое оправдание власти острова Джерси заявляют о том, что у французских рыбаков было достаточно времени до 1 января 2021 г., чтобы привести документы в надлежащий вид. Они также ссылаются на «ужасающую» бюрократию внутри Европейского союза, по причине которой в документы на предоставление лицензии, которые неоднократно пересылались из одной инстанции в другую, были внесены неверные сведения. При этом сами власти острова Джерси заблаговременно уведомили владельцев европейских судов о необходимости предоставления новых документов для получения лицензии.

Министр моря Франции Анник Жирарден уже в мае 2021 г. выступила с заявлением, в котором обозначила готовность Пятой Республики прибегнуть к санкциям в случае, если и далее будет иметь место ограничение доступа французских судов в воды острова Джерси. Была озвучена и готовность французской стороны отказаться от импорта рыболовной продукции с острова Джерси во Францию.

В свою очередь, представители британского правительства заявили о том, что согласно положениям Соглашения о выходе Великобритании из состава ЕС, власти Джерси сохраняют за собой право регулировать распределение квот в своих территориальных водах. Тем не менее, как говорится в заявлении канцелярии премьер-министра Великобритании, бри-

танская сторона, включая власти острова Джерси, готовы к проведению дискуссий по данному вопросу с представителями Европейской комиссии, как это и должно происходить согласно положениям Соглашения в случае возникновения спорных ситуаций.

К сожалению, вопрос, связанный с распределением квот на рыболовство и получением доступа в британские территориальные воды, хоть и был урегулирован на бумаге, в действительности до сих пор остается не до конца разрешенным. Согласно положениям СТС предполагается создание специализированного комитета для решения возникающих между сторонами споров, в рамках деятельности которого, по всей видимости, и предстоит урегулировать возникшие разногласия. Стороны по-прежнему готовы к диалогу, а значит, есть надежда на то, что рано или поздно вопрос рыболовства перестанет быть камнем преткновения, как для британской, так и для французской стороны.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ практической имплементации положений Соглашения позволяет нам сделать выводы о том, что, несмотря на имеющиеся в нем недочеты, соглашение работает и позволяет сторонам беспрепятственно осуществлять торгово-экономическую деятельность. Стороны открыты к ведению диалога по широкому кругу вопросов, включая возможность последующего пересмотра положений соглашения и внесения соответствующих корректив. Очевидным остается тот факт, что на сегодняшний день Великобритания переживает не лучшие времена. Выход Соединенного Королевства из Таможенного союза и единого рынка ЕС негативно сказался на экономике страны. Что касается последствий, связанных с возникновением «барьеров» в торгово-экономических отношениях между Великобританией и ЕС, Соединенное Королевство уже потеряло около 16% своего прежнего товаро-

оборота, что составляет почти 13 млрд фунтов стерлингов, по мнению исследовательского института CER. С момента выхода Великобритании из состава ЕС ей не удалось заключить ни одного торгового соглашения, которое могло, хотя бы отчасти, компенсировать убытки Соединенного Королевства от потери самого крупного и ближайшего для нее европейского рынка. Подписанное недавно соглашение о свободной торговле с Австралией, по мнению экспертов, полно уступок, на которые ранее Великобритания никогда бы не пошла. Несмотря на радужные прогнозы относительно увеличения на 53% торгового оборота между странами, Великобритания вряд ли ощу-

тит этот рост в полной мере, т. к. на Австралию приходится всего 1,7% общего экспорта Соединенного Королевства и 0,7% ее импорта. Следует отметить, что 1 марта 2022 г. Великобритания и Новая Зеландия также подписали соглашение о свободной торговле, которое должно вступить в силу в конце текущего года. Как справедливо отмечают эксперты, для Великобритании это партнеры второго эшелона, однако заключая подобные соглашения, Соединенное Королевство стремится упрочить свои позиции на пути в Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП).

Список литературы

1. Кавешников Н. Ю. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнер // Современная Европа. 2018. № 6. С. 18–29.
2. Бабынина Л. О. Гибкая интеграция в Европейском союзе: теория и практика применения. М.: УРСС, 2012. 304 с.
3. Кавешников Н. Ю. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 1. Европейский вопрос // Современная Европа. 2018. № 5. С. 5–16.
4. Бабынина Л. О. Брекзит: соглашение подписано, проблемы остаются // Европейский союз: факты и комментарии. 2019. № 94. С. 87–93.
5. Хесин Е. С. Великобритания: изменение экономического ландшафта // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №11. С. 5–14.
6. Выюниченко С. Д. Великобритания и ЕС: проблемы «открытой» торговли после брексита // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. Вып. 6-1 (76). С. 28–31.
7. Портанский А. П. Изменения в торговой политике Британии после брексита // Современная Европа. 2020. № 6. С. 129–141.
8. Колесникова М. Л. Рыболовство Великобритании и Брекзит // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 42–46.
9. Солопова М. О. Особенности определения страны происхождения в зарубежных странах на примере Великобритании // Экономика и социум. 2019. № 3(58). С. 403–407.
10. Родыгина Н. Ю., Молева С. В. Брекзит: ход переговоров, перспективы, экономическая оценка // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 2. С. 72–86.
11. Малихин А. Б. Последствия выхода Великобритании из состава ЕС // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 169–181.
12. Пахомов А. А. Формирование торговой политики Великобритании на современном этапе // Торговая политика. 2020. № 2.22. С. 29–46.
13. Hossain M. S. Brexit: What Next? A Critical Analysis // Journal of the International Academy for Case Studies. 2019. Vol. 25 (3). URL: <https://www.abacademies.org/articles/brexit-what-next-a-criticalanalysis8550.htm> (дата обращения: 20.11.2022).
14. Годованюк К. А. Контуры новой миграционной политики Соединенного Королевства // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 6. С. 108–116.

15. Касьянов Р. А. Организация деятельности финансовых регуляторов в Европейском союзе // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6. С. 147–152.
16. Долгов С. И., Савинов Ю. А. Экономические аспекты выхода Великобритании из Европейского Союза // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 9. С. 3–22.
17. Пехтерева Е. А. Феномен брексита: что изменилось для экономики Великобритании // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 2. С. 83–108.
18. Бабынина Л. О. Соглашение о торговле и сотрудничестве ЕС и Великобритании: между кондициональностью и суверенитетом // Современная Европа. 2021. № 2. С. 7–16.
19. Анянова Е. С. Регулирование рыбного промысла между Соединенным Королевством и Европейским союзом после брексита // Теория и практика общественного развития. 2021. № 3. С. 2–6.
20. Колесникова М. Л. Развитие рыболовной отрасли в Великобритании // Современная Европа. 2018. № 4. С. 146–154.

Reference

1. Kaveshnikov N. Yu. Velikobritaniya i Evropejskij soyuz: dolgaya istoriya razvoda. Stat'ya 2. Slozhnyj partner [Great Britain and the European Union: a long history of divorce. Article 2. A difficult partner]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2018, no. 6, pp. 18–29.
2. Babynina L. O. Gibkaya integraciya v Evropejskom soyuze: teoriya i praktika primeneniya [Flexible integration in the European Union: theory and practice of application]. Moscow, URSS Publ., 2012. 304 s.
3. Kaveshnikov N. Yu. Velikobritaniya i Evropejskij soyuz: dolgaya istoriya razvoda. Stat'ya 1. Evropejskij vopros [Great Britain and the European Union: a long history of divorce. Article 1. The European Question]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2018, no. 5, pp. 5–16.
4. Babynina L.O. Brekzit: soglasenie podpisano, problemy ostayutsya [Brexit: agreement signed, problems remain]. *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii = European Union: facts and comments*, 2019, no. 94, pp. 87–93.
5. Hesin E. S. Velikobritaniya: izmenenie ekonomicheskogo landshafta [Great Britain: Changing economic landscape]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2018, no. 11, pp. 5–14.
6. V'yunichenko S. D. Velikobritaniya i ES: problemy "otkrytoj" trgovli posle breksit [The UK and the EU: the problems of "open" trade after Brexit]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice*, 2021, is. 6-1 (76), pp. 28–31.
7. Portanskij A. P. Izmeneniya v trgovoj politike Britanii posle brekzita [Changes in Britain's trade policy after Brexit]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2020, no. 6, pp. 129–141.
8. Kolesnikova M. L. Rybolovstvo Velikobritanii i Brekzit [UK Fisheries and Brexit]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2018, no. 2, pp. 42–46.
9. Solopova M. O. Osobennosti opredeleniya strany proiskhozhdeniya v zarubezhnyh stranah na primere Velikobritanii [Features of determining the country of origin in foreign countries on the example of Great Britain]. *Ekonomika i socium = Economy and Society*, 2019, no. 3(58), pp. 403–407.
10. Rodygina N. Yu., Moleva S. V. Breksit: hod peregovorov, perspektivy, ekonomicheskaya ocenka [Brexit: the course of negotiations, prospects, economic assessment]. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 72–86.

11. Malihin A. B. Posledstviya vyhoda Velikobritanii iz sostava ES [Consequences of the UK's withdrawal from the EU]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2019, no. 4, pp. 169–181.
12. Pahomov A. A. Formirovanie torgovoj politiki Velikobritanii na sovremennom etape [Formation of the UK's trade policy at the present stage]. *Torgovaya politika = Trade Policy*, 2020, no. 2.22, pp. 29–46.
13. Hossain M. S. Brexit: What Next? A Critical Analysis. *Journal of the International Academy for Case Studies*, 2019, vol. 25 (3). Available at: <https://www.abacademies.org/articles/brexit-what-next-a-criticalanalysis8550.htm> (accessed 20.11.2022).
14. Godovanyuk K. A. Kontury novoj migracionnoj politiki Soedinennogo Korolevstva [Contours of the new migration policy of the United Kingdom]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe of the RAS*, 2018, no. 6, pp. 108–116.
15. Kas'yanov R. A. Organizaciya deyatel'nosti finansovyh regulyatorov v Evropejskom soyuze [Organization of financial regulators' activities in the European Union]. *Vestnik MGIMO Universiteta = Bulletin of MGIMO University*, 2012, no. 6, pp. 147–152.
16. Dolgov S. I., Savinov Yu. A. Ekonomicheskie aspekty vyhoda Velikobritanii iz Evropejskogo Soyuza [Economic aspects of the UK's exit from the European Union]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2016, no. 9, pp. 3–22.
17. Pekhtereva E. A. Fenomen breksita: chto izmenilos' dlya ekonomiki Velikobritanii [The Brexit phenomenon: what has changed for the UK economy]. *Social'nye novacii i social'nye nauki = Social Innovations and Social Sciences*, 2022, no. 2, pp. 83–108.
18. Babynina L. O. Soglasenie o torgovle i sotrudnichestve ES i Velikobritanii: mezhdu kondicional'nost'yu i suverenitetom [The EU-UK Trade and Cooperation Agreement: Between Conditionality and Sovereignty]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2021, no. 2, pp. 7–16.
19. Anyanova E. S. Regulirovanie rybnogo promysla mezhdu Soedinennym Korolevstvom i Evropejskim soyuzom posle breksita [Regulation of fishing between the United Kingdom and the European Union after Brexit]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2021, no. 3, pp. 2–6.
20. Kolesnikova M. L. Razvitie rybolovnoj otrasli v Velikobritanii [The development of the fishing industry in the UK]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2018, no. 4, pp. 146–154.

Информация об авторе / Information about the Author

Кораблева Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: korabl-nat@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8850-776X

Natalia U. Korableva, Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of the English Language, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: korabl-nat@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8850-776X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-53-63>

Правовое регулирование семейного предпринимательства в Российской Федерации: некоторые тенденции развития

Д. А. Пономарев¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: dm418@mail.ru

Резюме

Актуальность. Отсутствие согласованных доктринальных подходов к определению понятия «семейное предпринимательство» и учета присущих ему особенностей приводит к тому, что законодательное регулирование по вопросам, связанным с семейным предпринимательством, развивается несистемным образом, в рамках отдельных законодательных актов, без учета специфики и пробелов правового регулирования. Оценка действующего состояния правового регулирования семейного предпринимательства и тенденции его развития являются ближайшей задачей исследователей, задающих векторы становления современного российского законодательства о семейном бизнесе.

Цель состоит в выявлении современных тенденций развития правового регулирования семейного предпринимательства.

Задачи: определение общего состояния развития семейного предпринимательства как формы бизнеса; формирование понятия «семейное предпринимательство»; выделение основных сфер правового регулирования семейного предпринимательства.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, формально-юридический, толкования правовых норм.

Результаты. Для успешного осуществления семейной предпринимательской деятельности требуется на законодательном уровне определить права и обязанности каждого участника семейной предпринимательской деятельности, а также случаи, особенности и условия наступления его ответственности по обязательствам, связанным с осуществлением такой деятельности. Необходимо принятие специального комплексного законодательного акта.

Вывод. Правовое регулирование семейного бизнеса должно учитывать существование жизненного цикла любого семейного предприятия, поскольку в процессе его существования может происходить изменение состава его владельцев и участников, изменение форм владения, условий осуществления управления и других характеристик, обусловленных прежде всего событиями, связанными с семейными обстоятельствами, включая изменение состава семьи, смену поколений, перераспределение функций и ролевых установок ее членов, возможное изменение приоритетов ее участников.

Ключевые слова: семейное предприятие; семейное предпринимательство; правовое регулирование; права и обязанности; субъект предпринимательской деятельности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Пономарев Д. А. Правовое регулирование семейного предпринимательства в Российской Федерации: некоторые тенденции развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 53–63. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-53-63>.

Поступила в редакцию 18.12.2022

Принята к публикации 24.01.2023

Опубликована 27.02.2023

© Пономарев Д. А., 2023

Legal Regulation of Family Business in the Russian Federation: Some Development Trends

Dmitrii A. Ponomarev¹ ✉

¹ Southwest State University
50 let Otyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: dm418@mail.ru

Abstract

Relevance. The lack of coordinated doctrinal approaches to the definition of the concept of "family entrepreneurship" and taking into account its inherent features leads to the fact that legislative regulation on issues related to family entrepreneurship develops in a non-systematic way, within the framework of individual legislative acts, without taking into account the specifics and gaps of legal regulation. The assessment of the current state of the legal regulation of family entrepreneurship and the trends of its development are the immediate task of researchers who set the vectors of the formation of modern Russian legislation on family business.

The purpose is to identify current trends in the development of legal regulation of family entrepreneurship.

Objectives: determination of the general state of development of family entrepreneurship as a form of business; formation of the concept of "family entrepreneurship"; identification of the main areas of legal regulation of family entrepreneurship.

Methodology. In the research we used methods of analysis and synthesis, comparative analysis, formal-legal, interpretation of legal norms.

Results. For the successful implementation of family entrepreneurship, it is required at the legislative level to determine the rights and obligations of each participant in family entrepreneurship, as well as the cases, features and conditions of his responsibility for obligations related to the implementation of such activities. It is necessary to adopt a special comprehensive legislative act.

Conclusion. The conclusion that legislative regulation should also take into account the existence of "life cycle" of any family business, because in the process of its existence there can be changes in the composition of its owners and participants, changes in forms of ownership, conditions of management and other characteristics due primarily to events related to family circumstances, including changes in family composition, change of generations, redistribution of functions and role settings of its members, possible change of priorities.

Keywords: family enterprise; family entrepreneurship; legal regulation; rights and obligations; business entity.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ponomarev D. A. Legal Regulation of Family Business in the Russian Federation: Some Development Trends. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 53–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-53-63>.

Received 18.12.2022

Accepted 24.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Разрешение проблем правового регулирования общественных отношений всегда представляло значительный интерес для исследователей. Новые виды отношений, не имеющие под собой правовой инфраструктуры, неизбежно оказываются в рамках саморегулирования, которое может негативным образом ска-

заться на качестве их развития в широком смысле. В их число входит и семейное предпринимательство (семейный бизнес), которое в настоящее время развивается вне четких правовых форм, несмотря на то, что для России это не новое направление ведения бизнеса. По словам Председателя Правительства Российской Федерации М. Мишустина, семейное пред-

принимательство – «традиционная форма ведения бизнеса в России... примерно три четверти всех малых и средних компаний России – именно семейные предприятия...»¹.

Вместе с тем семейное предпринимательство в качестве особого вида предпринимательской деятельности и социального феномена нередко становилось объектом социологического и правового анализа [1; 2; 3; 4], который показывает, что данный вид предпринимательской деятельности является широко распространенным явлением в самых разных по своему развитию странах мира. Отсутствие научного обоснования существования феномена семейного предпринимательства детерминировано не столько недостаточным количеством тематических научных исследований, сколько их несистемностью, с акцентом на отдельные узкие вопросы. Разрозненность теоретических выводов и предложений, отсутствие универсальных решений, объясняющих специфику существования семейного предпринимательства как правового явления, неизбежно ведет к коллапсу правового регулирования отношений, возникающих из семейного предпринимательства. Отсутствие системного правового воздействия на семейный бизнес отражают проблемы практического характера: постепенно начинает складываться судебная практика по разрешению споров, возникающих из семейного бизнеса, не всегда отражающая специфику отношений данного вида, т. к. в абсолютном большинстве случаев применяется законодательство по аналогии. Оценка действующего состояния правового регулирования и тенденции его развития являются ближайшей задачей исследователей, задающих векторы становления совре-

менного российского законодательства о семейном предпринимательстве.

Методология

Основу выполнения работы составил всеобщий диалектический метод. Обще-научные методы анализа и синтеза позволили сформулировать обоснованные выводы о необходимости принятия самостоятельного закона о семейном предпринимательстве, базирующемся на нормах гражданского законодательства. Метод системного анализа применялся для получения новых знаний о понимании семейного предпринимательства как вида предпринимательской деятельности. В исследовании использовался формально-юридический метод (при обращении к проектам законов и текстам нормативных правовых актов).

Результаты и их обсуждение

Широкая распространенность семейного предпринимательства обусловлена прежде всего тем, что в его основе лежат семейные отношения, т. е. базовые отношения, характерные для всех обществ на протяжении всей человеческой истории. Семьи, образующие домохозяйства, в определенной мере всегда выступают как особые участники экономического оборота, а в случае осуществления ими деятельности, направленной на производство товаров, выполнение работ, оказание услуг, производящие их «домохозяйства» или отдельные члены семьи могут становиться субъектами семейного предпринимательства.

Следует признать, что несмотря на относительно скромный вклад в ВВП малых и средних семейных предприятий различные формы семейного предпринимательства оказывают существенное влияние на экономическое развитие страны и складывающиеся в обществе отношения. Согласно анализу мирового опыта семейные предприятия создают более 50% новых рабочих мест [5, с. 81], при этом исследования показывают, что в среднем

¹ Мишустин: семейные предприятия составляют три четверти всего сегмента МСП в России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13427937> (дата обращения: 28.12.2022).

каждый предприниматель при осуществлении своей деятельности в рамках семейного предпринимательства вовлекает в работу в среднем до пяти человек – других членов семьи и ближайших родственников [6, с. 105]. Имеется тесная связь между семейным предпринимательством и вовлечением в предпринимательские отношения, обеспечением занятости социально уязвимых категорий населения.

В Российской Федерации в ряде сфер деятельности также преобладают различные варианты семейного бизнеса¹.

Вместе с тем в законодательстве Российской Федерации понятие «семейное предпринимательство» не раскрывается. В частности, до настоящего времени отсутствует упоминание о нем в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», несмотря на то, что в проекте изменений к нему, разработанном Минэкономразвития Российской Федерации в 2020 г., предлагалось закрепить соответствующее определение².

Как отмечалось в сопроводительных материалах к законопроекту, выделение семейного предпринимательства в качестве отдельной правовой категории должно было способствовать созданию экономических, правовых и организационных условий для формирования инфраструктуры, необходимой для развития семейного предпринимательства, поддержки семьи, использования ее потен-

циала в интересах общества и развития экономики.

Понятие «семейное предпринимательство» в качестве объекта государственной поддержки упоминалось, в частности, в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, разработанной в 2007 г.³, и Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁴.

Отсутствие специального законодательства по вопросам семейного предпринимательства, в том числе отсутствие законодательного определения данного понятия, создает правовую неопределенность при организации данного рода деятельности, препятствует решению задач оказания государственной поддержки для развития семейного предпринимательства, создает сложности во взаимодействии других участников экономических отношений со структурами, представляющими собой различные варианты организации семейной предпринимательской деятельности. При разработке Минэкономразвития России в 2020 г. проекта изменений в Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (далее – проект изменений в ФЗ 209) в сопроводительных материалах отмечалось, что «в настоящее время семейные предприятия не имеют целевой, адресной государственной поддержки, т. к. понятие «семейное предпринимательство» не закреплено в законодательстве Российской Федерации».

¹ См.: Очень личный бизнес // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://www.family.fpprf.ru/about/?ysclid=lf2pdibdd979469387/> (дата обращения: 12.12.2022).

² Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Федеральный портал нормативно-правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=98577/> (дата обращения: 30.11.2022).

³ О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи: Письмо Минобрнауки России от 8 мая 2007 г. № АФ-163/06 // Консультант Плюс. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438/ (дата обращения: 30.11.2022).

⁴ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35, ст. 4811.

В то же время следует признать, что до настоящего времени не было предложено каких-либо универсальных решений проблемы определения дефиниции «семейное предпринимательство». Широко освещаемое в средствах массовой информации принятие в Нижегородской области «закона о семейном предпринимательстве» в действительности являлось лишь дополнением регионального закона от 5 декабря 2008 г. № 171-З «О развитии малого и среднего предпринимательства в Нижегородской области»¹ ст. 11² «Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, являющихся семейными предприятиями». Опираясь на понятие «семейное предприятие», ни в статье, ни в самом нормативном акте не раскрывается его понятие. Нижегородский законодатель ограничился указанием на соответствие признакам, по которым определяется принадлежность к семейному предприятию, что исходит и от проекта изменений в ФЗ 209.

При разработке проекта изменений в ФЗ 209 было предложено определение семейного предпринимательства через понятие «семейного предприятия», под которым предлагалось понимать «субъект малого и среднего предпринимательства, созданный и управляемый членами одной семьи». Данный подход, как представляется, является ограничительным, требует обязательного формирования именно одного, единого субъекта предпринимательства в одной из существующих форм, в то время как на практике могут возникать более сложные правоотношения с различной степенью и условиями участия семьи в предпринимательской деятельности. Круг таких членов семьи может быть очень широк, а степень и условия их вовлеченности в семейный

бизнес чрезвычайно многообразны. При этом необходимо учитывать и весьма специфический неправовой вопрос личных взаимоотношений между участниками семейного бизнеса [7, с. 43; 8, с. 529; 9, с. 61]. О необходимости введения в научный оборот и законодательство понятия «семейное предприятие» писали А. В. Фиошин [10, с. 131], об отсутствии оснований – М. С. Руженцева [11, с. 205].

Возможно, менее функционально значимым, но в большей степени отвечающим сущности характеризующихся отношений является определение рассматриваемого понятия в законодательстве Республики Узбекистан как «инициативной деятельности, осуществляемой членами семьи в целях получения дохода (прибыли) на свой риск и под свою имущественную ответственность» [12].

Вместе с тем следует признать, что определения данного рода, в целом правильно отражающие сущность характеризующегося явления, не привносят необходимых дополнительных критериев для его отграничения, выявления его особенностей. В то же время нередко предлагаются определения, чрезмерно ограничивающие объем рассматриваемого понятия, исключаящие из него значительную часть возможных вариантов организации семейной предпринимательской деятельности. Так, например, Н. И. Баранец отмечала правильность определения семейного предпринимательства как формы малого предпринимательства, при которой члены семьи и другие родственники являются как собственниками, так и работниками своих предприятий [13]. При таком подходе из рассматриваемого понятия оказываются исключены случаи семейного владения предприятиями среднего бизнеса, случаи организации предпринимательской деятельности без совместного владения собственностью или без совместного участия в трудовой деятельности и другие варианты организации семейного предпринимательства, характерные для современного мира.

¹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Нижегородской области: закон Нижегородской обл. от 5 декабря 2008 г. № 171-З // Гарант. <https://base.garant.ru/8536896/docs.cntd.ru> (дата обращения: 30.12.2022).

Перед учеными и законодателем стоит сложная задача разграничения семейного предпринимательства от случаев совместного владения материальными активами, в том числе долями и акциями в хозяйственных обществах, совместного осуществления предпринимательской деятельности с участием иных лиц, как относящихся, так и не относящихся к членам семьи, а также ведения предпринимательской деятельности с привлечением наемного труда членов семьи или сторонних наемных работников.

В проекте изменений в ФЗ 209 предусматривался, как представляется, недостаточно обоснованный подход, при котором понятие «семейного предпринимательства» как деятельности, нуждающейся в государственной поддержке, заменялось понятием «семейного предприятия», определение которого базировалось на формальных показателях: принадлежности более 50% долей в уставном капитале членам одной семьи, принадлежности не менее 50% участников производственного или потребительского кооператива к членам одной семьи, отношение не менее 50% штатных работников, нанятых индивидуальным предпринимателем, к числу членов его семьи¹.

Данные показатели не могут служить значимыми критериями для обоснования необходимости оказания государственной поддержки и при этом в силу своего формального характера способны вводить в заблуждение относительно природы семейного предпринимательства и особенностей осуществления связанной с ним деятельности.

Осуществляя предпринимательскую деятельность в различных формах, члены семьи сохраняют ее единство, в результа-

те чего взаимодействующие с ними в рамках рыночных отношений третьи лица в той или иной мере либо вступают также в прямое или косвенное взаимодействие со всеми участвующими в такой деятельности членами семьи, либо их права и обязанности оказываются связаны с реализацией прав и обязанностей членов семьи, а также зависят от динамики развития отношений в семье, в том числе ее возможного распада, раздела имущества и структуры владения, отношений по наследованию и других обстоятельств, которые должны учитываться как при взаимодействии с субъектами семейного предпринимательства, так и при разработке правового регулирования связанных с ним правоотношений.

Следует также учитывать, что основной целью правового регулирования семейного предпринимательства должно признаваться развитие семейной предпринимательской деятельности в качестве особого направления предпринимательской деятельности, позволяющего вовлечь в ее осуществление значительную часть населения, предоставить семьям возможность повышения уровня своей обеспеченности, роста доходов уязвимых слоев населения за счет их вовлечения в такую экономическую деятельность. Благоприятные социальные и иные последствия для семей и отдельных их членов при этом являются следствием, а не причиной развития семейного предпринимательства. И. В. Ершова выступает за самостоятельное правовое регулирование семейного предпринимательства на основе единого комплексного федерального закона «О семейном предпринимательстве» [1, с. 73]. Авторское видение развития правового регулирования семейного предпринимательства представлено в работах А. В. Баркова [14], Л. Б. Максимович [15], Е. В. Олейник [16], И. Р. Альбикова [17], В. К. Андреева [18], А. М. Грибкова [19], Э. А. Рамазановой [20], О. А. Серова [21].

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Федеральный портал нормативно-правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=98577> (дата обращения: 30.11.2022).

При этом наряду с законодательными мерами, направленными на развитие семейного предпринимательства, должны также приниматься меры, позволяющие предотвращать связанные с ним возможные негативные последствия, включая привлечение несовершеннолетних лиц к работам с недопустимой для них нагрузкой либо мешающих их учебе и развитию, нарушение правил техники безопасности, отсутствие социального и медицинского страхования работников и ряд других негативных последствий, обусловленных возможностью несоблюдения требований, предусматриваемых законодательством, ввиду невозможности обеспечить надлежащий контроль за их соблюдением без неоправданного вмешательства в отношения внутри семьи.

Выводы

Основные тенденции развития правового регулирования семейного предпринимательства в настоящее время связаны с поиском оптимальной модели как самого семейного бизнеса, так и соответствующей законодательной базы. Дискуссии относительно правового воздействия, формирования правовой среды в большей степени касаются двух основных выводов: принятие самостоятельного нормативного правового акта и внесение изменений в закон о малом и среднем предпринимательстве. Выступая сторонником первого направления, вместе с тем отметим, что на законодательном уровне требуется определить права и обязанности каждого участника семейной пред-

принимательской деятельности, а также случаи, особенности и условия наступления его ответственности по обязательствам, связанным с осуществлением такой деятельности. Правовое регулирование должно также учитывать существование жизненного цикла любого семейного предприятия, поскольку в процессе его существования может происходить изменение состава его владельцев и участников, изменение форм владения, условий осуществления управления и других характеристик, обусловленных прежде всего событиями, связанными с семейными обстоятельствами, включая изменение состава семьи, смену поколений, перераспределение функций и ролевых установок ее членов, возможное изменение приоритетов ее участников. Представляется, что основой для правового регулирования должна стать специальная статья Гражданского кодекса Российской Федерации «Семейная предпринимательская деятельность», в которой будут отражены ее системообразующие начала (субъектный состав, основные признаки, порядок организации деятельности и условия ее осуществления), на основе которой формировать специальный закон «О семейном предпринимательстве (бизнесе) в Российской Федерации». Особое внимание следует уделить возможности участников семейного бизнеса заключать соглашения о порядке и условиях осуществления семейной предпринимательской деятельности в силу априорной фидуциарности данного вида деятельности.

Список литературы

1. Ершова И. В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 11 (144). С. 67–75.
2. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3 (43). С. 206–217.

3. Охременко И. В. Социальные функции семейного бизнеса в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 72–75.
4. Богдан В. В. Семейный бизнес в социальных сетях: эффект бабочки / Семейный бизнес & качество правовой среды: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2022. С. 19–34.
5. Шереметьева Н. Г. Семейное предпринимательство как вектор социально-экономического развития России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 1. С. 93–95.
6. Сенотрусова А. С. Семейное предпринимательство как форма самозащитной поддержки // Социальная политика и социология. 2009. № 3 (45). С. 105–110.
7. Егупов В. А. Некоторые организационно-правовые вопросы построения семейного бизнеса в России на начальном этапе // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 39–44.
8. Емелина Л. А. Влияние семейного законодательства на регулирование семейного бизнеса за рубежом // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 525–536.
9. Козлова Е. Б. Семейный бизнес как фактор формирования микросреды предпринимательства // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 53–64.
10. Фиошин А. В. Правовая регламентация семейного предпринимательства в России *de lege ferenda* // Семейный бизнес & качество правовой среды: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2022. С. 124–140.
11. Руженцева М. С. Проблемы осуществления прав на средства индивидуализации семейным предприятием // Семейный бизнес & качество правовой среды: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2022. С. 198–206.
12. Кувандиков Ш. О. Роль семейного предпринимательства в развитии регионов Узбекистана // Экономика и предпринимательство. 2020. № 11 (124). С. 443–445.
13. Баранец Н. И. Преимущества и недостатки в развитии малого семейного предпринимательства // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 129–130.
14. Барков А. В. О совершенствовании российского правотворческого подхода к легализации семейного предпринимательства // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2019. С. 21–34.
15. Максимович Л. Б. Проблемы правового регулирования семейного предпринимательства в России // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 82–89.
16. Олейник Е. В. Крестьянское (фермерское) хозяйство как форма организации семейного бизнеса в Российской Федерации и государствах – членах Евразийского экономического союза // Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2021. С. 314–321.
17. Альбикив И. Р. Семейное предпринимательство: проблемы и пути развития в Российской Федерации // Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого пред-

принимательства: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2021. С. 20–24.

18. Андреев В. К. Правовое регулирование семейного бизнеса: теоретические вопросы // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 23–33.

19. Грибков А. М. Крестьянское (фермерское) хозяйство как отражение проблем правового регулирования семейного предпринимательства // Право и общество. 2016. № 6 (22). С. 133–138.

20. Рамазанова Э. А. Проблемы и перспективы развития семейного предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12 (53), ч. 4. С. 900–902.

21. Серова О. А. Семейный бизнес: перспективы и риски институционального закрепления // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 98–106.

References

1. Ershova I. V. Semejnyj biznes: tochki otscheta i vektor orientira v pravovom regulirovanii [Family business: points of reference and a vector of reference in legal regulation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2022, vol. 17, no. 11 (144), pp. 67–75.

2. Levushkin A. N. Semejnoe predprinimatel'stvo i semejnyj biznes: ponyatie, pravovaya priroda i perspektivy razvitiya [Family entrepreneurship and family business: concept, legal nature and development prospects]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2018, no. 3 (43), pp. 206–217.

3. Ohrenenko I. V. Social'nye funkicii semejnogo biznesa v sovremennom obshchestve [Social functions of family business in modern society]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 3, pp. 72–75.

4. Bogdan V. V. Semejnyj biznes v social'nyh setyah: effekt babochki [Family Business in social networks: the butterfly effect]. Semejnyj biznes & kachestvo pravovoj sredy [Family Business & the quality of the legal environment]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2022, pp. 19–34.

5. Sheremet'eva N. G. Semejnoe predprinimatel'stvo kak vektor social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Family entrepreneurship as a vector of socio-economic development of Russia]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law*, 2021, no. 1, pp. 99–95.

6. Senotrusova A. S. Semejnoe predprinimatel'stvo kak forma samozashchitnoj podderzhki [Family entrepreneurship as a form of self-protective support]. *Social'naya politika i sociologiya = Social Policy and Sociology*, 2009, no. 3 (45), pp. 105–110.

7. Egupov V. A. Nekotorye organizacionno-pravovye voprosy postroeniya semejnogo biznesa v Rossii na nachal'nom etape [Some organizational and legal issues of building a family business in Russia at the initial stage]. Semejnyj biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Family Business & LegalTech: scientific solutions for professional entrepreneurship]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 39–44.

8. Emelina L. A. Vliyanie semejnogo zakonodatel'stva na regulirovanie semejnogo biznesa za rubezhom [The impact of family legislation on the regulation of family business abroad]. *Semejnyj biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Family Business & LegalTech: scientific solutions for professional entrepreneurship]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 525–536.

9. Kozlova E. B. Semejnyj biznes kak faktor formirovaniya mikrosredy predprinimatel'stva [Family business as a factor in the formation of the microenvironment of entrepreneurship]. *Semejnyj biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Family Business & LegalTech: scientific solutions for professional entrepreneurship]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 53–64.

10. Fioshin A. V. Pravovaya reglamentaciya semejnogo predprinimatel'stva v Rossii de lege ferenda [Legal regulation of family entrepreneurship in Russia de lege ferenda]. *Semejnyj biznes & kachestvo pravovoj sredy* [Family Business & Quality of legal Environment]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2022, pp. 127–143.

11. Ruzhenceva M. S. Problemy osushchestvleniya prav na sredstva individualizatsii [Problems of exercising rights to means of individualization by a family enterprise]. *Semejnyj biznes & kachestvo pravovoj sredy* [Family Business & Quality of legal Environment Semejnym predpriyatiem]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2022, pp. 201–209.

12. Kuvandikov Sh. O. Rol' semejnogo predprinimatel'stva v razvitii regionov Uzbekistana [The role of family entrepreneurship in the development of the regions of Uzbekistan]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*, 2020, no. 11 (124), pp. 443–445.

13. Baranec N. I. Preimushchestva i nedostatki v razvitii malogo semejnogo predprinimatel'stva [Advantages and disadvantages in the development of small family entrepreneurship]. *Biznes v zakone = Business in law*, 2008, no. 3, pp. 129–130.

14. Barkov A. V. O sovershenstvovanii rossijskogo pravotvorcheskogo podhoda k legalizatsii semejnogo predprinimatel'stva [On the improvement of the Russian law-making approach to the legalization of family entrepreneurship]. *Yuridicheskaya sud'ba biznesa pri rastorzenii braka i nasledovanii* [The legal fate of business in the dissolution of marriage and inheritance]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pp. 21–34.

15. Maksimovich L. B. Problemy pravovogo regulirovaniya semejnogo predprinimatel'stva v Rossii [Problems of legal regulation of family entrepreneurship in Russia]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii* [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 82–89.

16. Olejnik E. V. Krest'yanskoe (fermerskoe) hozyajstvo kak forma organizatsii semejnogo biznesa v rossijskoj federatsii i gosudarstvakh – chlenah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Peasant (farmer) farming as a form of family business organization in the Russian Federation and the Member States of the Eurasian Economic Union]. *Semejnyj biznes & samozanyatyie: vzglyad cherez prizmu malogo predprinimatel'stva* [Family Business & Self-employed: a look through the prism of small business]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2021, pp. 314–321.

17. Al'bikov I. R. Semejnoe predprinimatel'stvo: problemy i puti razvitiya v Rossijskoj Federatsii [Family entrepreneurship: problems and ways of development in the Russian Federation]. *Semejnyj biznes & samozanyatyie: vzglyad cherez prizmu malogo predprinimatel'stva* [Family Business & Self-employed: a look through the prism of small business]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2021, pp. 20–24.

18. Andreev V. K. *Pravovoe regulirovanie semejnogo biznesa: teoreticheskie voprosy* [Legal regulation of family business: theoretical issues]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii* [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 23–33.

19. Gribkov A. M. *Krest'yanskoe (fermerskoe) hozyajstvo kak otrazhenie problem pravovogo regulirovaniya semejnogo predprinimatel'stva* [Peasant (farmer) economy as a reflection of the problems of legal regulation of family entrepreneurship]. *Pravo i obshchestvo = Law and society*, 2016, no. 6 (22), pp. 133–138.

20. Ramazanova E. A. *Problemy i perspektivy razvitiya semejnogo predprinimatel'stva* [Problems and prospects of family entrepreneurship development]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*, 2014, no. 12 (53), pt. 4, pp. 900–902.

21. Serova O.A. *Semejnyj biznes: perspektivy i riski institucional'nogo zakrepleniya* [Family business: prospects and risks of institutional consolidation]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii* [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I.V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 98–106.

Информация об авторе / Information about the Author

Пономарев Дмитрий Александрович, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: dm418@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4085-2027

Dmitrii A. Ponomarev, Post-Graduate Student of the of Department Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: dm418@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4085-2027

Киберэкстремизм: понятие и разграничение с иным информационным деструктивным воздействием на человека в киберпространстве

Н. А. Ильиных¹ ✉

¹ Омская академия МВД России
пр-т Комарова, д. 7, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉ e-mail: nikitaailyh491@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Сегодня наблюдается значительный рост числа преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что порождает острую необходимость выработки мер по противодействию им. Однако среди исследователей отсутствует единое мнение о том, что следует понимать под киберэкстремизмом. Очень часто в указанное понятие включается слишком много элементов. В результате такой неопределенности снижается эффективность как деятельности правоохранительных органов по предупреждению такого рода преступлений, так и разработки соответствующих предупредительных мер научным сообществом.

Целью является определение сущности понятия «киберэкстремизм», разграничение его с иным информационным деструктивным воздействием на человека.

Задачи: на основе анализа нормативно-правовой базы и научной литературы определить ключевые элементы, характеризующие понятие «киберэкстремизм» и отличающие его от иных форм информационного деструктивного воздействия на человека в киберпространстве.

Методология. В ходе работы использовались методы теоретического исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование), а также статистический метод.

Результаты. В ходе исследования предложено определение киберэкстремизма как совокупности завершенных действующим законодательством деяний экстремистской направленности, обязательно сопровождающихся специфическим способом их совершения, а именно использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Выводы. По результатам исследования сделаны выводы о некорректности определения киберэкстремизма как отдельного вида экстремизма. Вид экстремизма определяется указанными в законодательстве экстремистскими мотивами совершения таких преступлений. Киберэкстремизм, в свою очередь, характеризует наиболее опасный для общества и набирающий популярность среди злоумышленников способ совершения преступлений экстремистской направленности, а именно использование информационно-телекоммуникационных технологий. Таким образом, включение в это понятие иных элементов является некорректным. На наш взгляд, любое иное (не указанное в законодательстве) информационное деструктивное воздействие на человека в киберпространстве следует рассматривать как детерминанту киберэкстремизма, а не его элемент.

Ключевые слова: изображение гражданина; внешний облик; право на изображение; согласие на использование изображения; основной объект изображения.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ильиных Н. А. Киберэкстремизм: понятие и разграничение с иным информационным деструктивным воздействием на человека в киберпространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 64–74. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-64-74>.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Принята к публикации 19.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Cyberextremism: Delimitation from other Information Destructive Impact on a Person in Cyberspace

Nikita A. Ilyinyh¹ ✉

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7 Komarov Ave., Omsk 644092, Russian Federation

✉ e-mail: nikitailinyh491@gmail.ru

Abstract

Relevance. Today, there is a significant increase in the number of extremist crimes committed using information and telecommunication technologies, which gives rise to an urgent need to develop measures to counter them. However, among researchers there is no consensus on what should be understood as cyberextremism. Very often, too many elements are included in this concept. As a result of such uncertainty, the effectiveness of both the activities of law enforcement agencies directly to prevent such crimes and the development of appropriate preventive measures by the scientific community is reduced.

The purpose is to determine the essence of the concept of "cyberextremism", distinguishing it from other information destructive impact on a person.

Objectives: based on the analysis of the regulatory framework and scientific literature, to determine the key elements that characterize the concept of "cyberextremism" and distinguish it from other forms of information destructive impact on a person in cyberspace.

Methodology. In the course of the work, methods of theoretical research (analysis and synthesis, induction and deduction, mental modeling) as well as a statistical method were used.

Results. The study proposes a definition of cyber-extremism as a set of extremist acts prohibited by the current legislation, necessarily accompanied by a specific way of committing them, namely, the use of information and telecommunication technologies.

Conclusions. In the course of the analysis of the current legislation and the opinions of researchers on the regulation of extremism, it was found that it should include only acts prohibited by criminal and administrative legislation, for which appropriate liability is established. Any other actions of a destructive nature, from a legal point of view, cannot be attributed to extremism. Based on the analysis of available scientific works devoted to the definition of cybercrime, it was concluded that cyberextremism is a form of committing extremist crimes using information and telecommunication technologies.

Keywords: image of a citizen; appearance; right to the image; consent to the use of the image; main object of the image.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ilyinyh N. A. Cyberextremism: Delimitation from other Information Destructive Impact on a Person in Cyberspace. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(1): 64–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-64-74>.

Received 16.12.2022

Accepted 19.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Появление, стремительное развитие и внедрение информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) в сферы жизни общества породило

новые способы совершения ранее существовавших преступлений. Совокупность преступлений, совершаемых с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети,

принято называть «киберпреступностью» [1, с. 78]. Об опасности такого способа совершения преступлений говорят многие исследователи. Например, А. Л. Осипенко в качестве отличительных характеристик киберпреступности выделяет: особую подготовленность преступников, повышенную скрытность, трансграничный, дистанционный характер и многообразие способов совершения преступлений [2, с. 109–110]. Аналогичные особенности киберпреступлений отмечают также А. А. Коновалов, С. А. Наумов, Д. Д. Колесникова [3, с. 23].

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что возможности ИТТ активно используются злоумышленниками для совершения преступлений экстремистской направленности. Об этом свидетельствуют и статистические данные ГИАЦ МВД России. В качестве примера выделим долю преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), из общей совокупности преступлений экстремистской направленности¹. Начиная с 2019 г. наблюдается значительный прирост числа данных преступлений. Их доля составила 35,3% от всей совокупности зарегистрированных за январь–октябрь 2022 года преступлений экстремистской направленности (440 из 1247). Данный показатель остается стабильно высоким на протяжении последних лет: 2019 г. – 44%, 2020 г. – 40%, 2021 г. – 43%². Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении других составов преступлений экстремистской направленности.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [ред. от 21.11.2022] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.11.2022).

² Состояние преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552> (дата обращения: 18.11.2022).

сти. Отсюда следует вывод о том, что злоумышленники все чаще используют возможности ИТТ для совершения таких преступлений. Данный факт свидетельствует о необходимости выработки эффективных мер по противодействию киберэкстремизму.

Однако для достижения указанной цели необходимо разобраться в сущности данного понятия. Необходимость в этом возникает на фоне отсутствия среди исследователей единого мнения о том, что следует понимать под киберэкстремизмом. На наш взгляд, сегодня превалирует тенденция к излишне широкому толкованию данного термина. Например, по мнению Л. И. Саввы и А. С. Доколина, под киберэкстремизмом понимается не только совокупность экстремистских преступлений с использованием ИТТ, но и сам факт приверженности к экстремистским взглядам [4, с. 2]. О. В. Обернихина, в свою очередь, выделяет киберэкстремистские преступления в качестве нового вида экстремизма, наряду с политическим, религиозным, социальным и др. [5, с. 30] Некоторые исследователи отождествляют киберэкстремизм и деструктивное информационно-психологическое влияние на человека, которое теоретически может сформировать у него экстремистские убеждения. Например, по мнению В. Н. Макашовой и Е. В. Черновой, под киберэкстремизмом следует понимать и негативное воздействие, которое, например, заключается в том, что, общаясь в социальных сетях или развлекаясь в компьютерных играх, пользователь незаметно для себя впитывает и распространяет среди своих знакомых экстремистские идеи, которые там могут подаваться в шуточной или иной завуалированной форме [6, с. 331].

Считаем, что такое расширительное толкование в первую очередь не соответствует положениям действующего законодательства касательно определения экстремизма и противоречит принятому понятию киберпреступности. Более того,

данный факт препятствует выработке эффективной системы предупреждения преступлений, совершаемых с использованием ИТТ.

Методология

В основу исследования положен всеобщий диалектический метод. В целях обоснования актуальности исследования был использован статистический метод. Кроме того, был использован общенаучный метод анализа, который позволил определить ключевые свойства, характеризующие понятие «киберэкстремизм». Также применялись методы синтеза, дедукции и индукции. Для формулировки выводов исследования использован формально-логический метод.

Результаты и их обсуждение

На сегодняшний день понятие киберпреступности находит свое отражение в ряде научно-исследовательских работ. С точки зрения В. В. Урбана, под ней следует понимать всю совокупность общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законодательством под угрозой наказания, механизм совершения которых предполагает использование информационных технологий и (или) информационно-телекоммуникационных сетей [7, с. 58]. Т. Л. Тропина считает, что под киберпреступностью следует понимать «противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ» [8, с. 141]. По мнению И. Г. Черкунова, киберпреступность охватывает все преступные деяния, которые совершаются с использованием средств информационно-коммуникационных технологий [9, с. 178]. А. С. Унукович в своем исследовании утверждает, что к таким преступлениям следует относить все уголовно наказуемые деяния, которые совершаются с использованием технологий, моделирующих киберпространство. При этом поня-

тия «преступность с использованием ИТТ» и «киберпреступность» являются равнозначными [10, с. 279].

Таким образом, можно утверждать, что ключевым признаком киберэкстремизма является способ совершения преступлений экстремистской направленности, а именно использование возможностей информационно-телекоммуникационных технологий. Однако можно ли утверждать, что данный факт позволяет говорить о появлении нового вида экстремизма? В примечании 2 к статье 282.1 УК РФ указывается на то, какие противоправные деяния следует относить к экстремистским. Под ними понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Следовательно, в соответствии с действующим законодательством преступления экстремистской направленности характеризуются мотивами их возникновения. По указанному критерию и следует выделять виды экстремизма. Таким образом, некорректно говорить о том, что киберэкстремизм является новым видом экстремизма. Понятие «киберэкстремизм» характеризует специфический способ совершения преступлений экстремистской направленности, а именно использование ИТТ. Здесь следует согласиться с мнением Е. А. Куликова о том, что активное использование преступниками возможностей ИТТ способствовало появлению и распространению новой формы проявления экстремизма, но не изменило содержательную составляющую данного явления. Как справедливо отмечает исследователь, «как он был политическим, религиозным, национальным и т. п., так он таковым и остался» [11, с. 12].

На наш взгляд, сегодня существует проблема излишне широкого толкования термина «киберэкстремизм». Например, Д. А. Акимов к киберэкстремизму отно-

сит скрытую пропаганду в Интернете деструктивных идей [12, с. 99]. В своем исследовании О. С. Жукова, наряду с преступлениями экстремистской направленности, совершаемыми с использованием ИТТ, говорит также об использовании информации, оказывающей деструктивное воздействие на психику людей, не осознаваемое ими [13, с. 11].

Раскрывая сущность политико-правовых мер по борьбе с «информационным экстремизмом», Р. В. Упорников к экстремизму относит в том числе социально-психическое и опосредованно физическое деструктивное влияние на человека [14, с. 13]. В своем социологическом исследовании В. А. Пономарев к негативным проявлениям экстремизма относит, например, подмену положительных ценностных ориентиров общества социальным и моральным цинизмом, заключающимся в воздействии на человека сценами насилия и порнографии [15, с. 311]. Безусловно, все вышеперечисленное можно отнести к детерминантам преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием ИТТ. Однако, на наш взгляд, неправильно говорить о том, что такие действия являются киберэкстремизмом.

Для обоснования указанной точки зрения необходимо разобраться в сущности понятия экстремизма. Термин «экстремизм» происходит от латинского слова *extermus* («крайний», т. е. выходящий за установленные границы дозволенного) и означает приверженность к крайним взглядам [16, с. 1127]. Чаще всего такое понятие используется в политике и социологии, о чем прямо сказано, например, в толковом словаре Л. И. Скворцова: «Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике, общественной деятельности)» [17, с. 1065]. Указанное определение представляется излишне широким для целей выработки эффективных мер по противодействию негативным последствиям экстремизма. Опираясь на такое широкое

толкование, при определенных обстоятельствах экстремизм можно посчитать даже положительным явлением. Например, во время войны государство иногда вынуждено принимать крайние меры, в том числе и в отношении собственных граждан (согласно указанному определению такие действия являются в чистом виде экстремизмом), однако это может быть необходимо для сохранения государства и в конечном счете восприниматься как нечто положительное. Такое расширительное толкование экстремизма может быть приемлемо для ряда общественных наук (политология, социология, социальная психология и др.), однако оно противоречит положениям нормативно-правовых актов, характеризующих экстремизм.

На сегодняшний день в отечественном законодательстве отсутствует точное определение экстремизма, но в целом ряде нормативно-правовых актов его содержательная составляющая раскрывается через закрепление отдельных запретов. В ст. 13 Конституции Российской Федерации установлен запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Согласно положениям ст. 29 Конституции Российской Федерации, противозаконным является в том числе и пропаганда таких действий. Данные положения конкретизируются в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 144-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹. Перечисление содержащихся в указанном акте

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 29.11.2022).

деяний позволяет охарактеризовать их как противоправные, т. е. противоречащие существующим на сегодняшний день законодательно закрепленным нормам права.

Противоправность является обязательным признаком, характеризующим такие понятия, как «экстремистская идеология» и «проявления экстремизма», содержащиеся соответственно в пп. «в» и «г» ч. 4 разд. 1 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344¹. Опираясь на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», Верховный Суд в качестве примера экстремизма приводит отдельные составы преступлений (ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ и др.)².

Таким образом, Верховный Суд РФ определяет под экстремизмом именно преступления, характеризующиеся соответствующими мотивами их совершения. Точку зрения о том, что под экстремизмом следует понимать исключительно деяния, запрет на совершение которых установлен законодательно, разделяет и ряд исследователей. Например, Е. П. Сергун утверждает, что одним из ключевых признаков экстремизма является «претворение экстремистских воззрений уголовно наказуемыми способами» [18, с. 8].

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 22. С. 3475.

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11: [ред. от 28.10.2021] // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.11.2022).

Аналогичную точку зрения в своем исследовании высказывает и А. Г. Хлебущкин, характеризуя экстремизм как «противоправную деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений» [19, с. 27].

В результате можно сделать вывод о том, что под экстремизмом понимается совершение соответствующих запрещенных законодательством общественно опасных деяний, направленных на нарушение основ конституционного строя, территориальной целостности, возбуждение ненависти или вражды, а также унижение чести и достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, вероисповедания, языка, за которые устанавливается юридическая ответственность. Таким образом, считаем неправильным включать в понятие «киберэкстремизм» иное деструктивное информационное воздействие на человека в киберпространстве. Несмотря на взаимосвязанность этих явлений, они в первую очередь имеют различную юридическую природу. Под «иными» здесь следует понимать не запрещенные действующим законодательством действия, а значит, их нельзя характеризовать как экстремизм, совершаемый в том числе и с использованием ИТТ.

Далеко не всякое (пускай и деструктивное) информационное воздействие, оказываемое на человека в киберпространстве, по действующему уголовному законодательству образует состав какого-либо преступления. Согласно положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», ключевым признаком преступлений экстремистской направленности является прямой умысел. Под возбуждением ненависти или вражды понимаются прямые высказывания, непосред-

ственно обосновывающие и утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций.

Таким образом, следует не соглашаться, например, с мнением Е. О. Кубякина и А. Н. Сафронова, которые, говоря об опасности использования преступниками возможностей глобальной сети Интернет в распространении экстремизма, относят к нему любые аморальные действия, «направленные на нивелировку духовно-нравственных норм и разрушающие их, провоцируя кризис духовно-нравственного пространства» [20, с. 102]. На наш взгляд, такая формулировка хорошо отражает сущность одной из причин возможного формирования у человека в будущем экстремистских взглядов и идей. Безусловно, противодействие этому явлению – одно из приоритетных задач криминологии. Однако далеко не все действия, подпадающие под предложенную авторами характеристику, будут являться экстремизмом. Несмотря на то, что они совершаются с использованием ИТТ, сами по себе они могут не содержать признаков состава какого-либо преступления, а значит, их нельзя охарактеризовать как киберэкстремизм.

Выводы

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сказать, что понятие «киберэкстремизм»:

- включает в себя исключительно запрещенные уголовным и административным законодательством деяния, за которые устанавливается соответствующая ответственность;
- определяется указанными в законодательстве мотивами совершения экстремистских преступлений, а именно мотивами политической, идеологической,

расовой, национальной, религиозной, социальной ненависти или вражды;

– характеризует специфический способ совершения преступлений экстремистской направленности, а именно использование информационно-телекоммуникационных технологий.

В результате отметим, что киберэкстремизм характеризует не новый вид экстремизма, а специфический, набирающий все большую популярность среди преступников способ совершения уже существующих преступлений экстремистской направленности. На наш взгляд, необходимость объединения экстремистских преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, в рамках одного отдельного термина «киберэкстремизм» обусловлена большим количеством этих деяний, а также необходимостью выработки специфических мер противодействия им.

Считаем также, что необходимо разграничивать киберэкстремизм и иное деструктивное информационное воздействие на человека в киберпространстве. Такое зачастую неявное, завуалированное влияние на психику человека следует рассматривать как детерминанту совершения экстремистских преступлений, но не следует отождествлять эти понятия. Дифференциация позволит устранить имеющуюся на данный момент неопределенность в понимании сущности преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также факторов, причин и условий их совершения. Считаем, что такой подход позволит выработать наиболее конкретные предупредительные меры и сформировать эффективную систему противодействия указанным преступлениям.

Список литературы

1. Буз С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юрист-Правовед. 2019. № 4. С. 78–82.

2. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009. 480 с.
3. Коновалов А. А., Наумов С. А., Колесникова Д. Д. Киберпреступность как глобальная угроза экономической безопасности: виды, особенности, проблемы воздействия // Ростовский научный журнал. 2018. № 1. С. 20–27.
4. Савва Л. И., Доколин А. С. Историография проблемы подготовки студентов к противодействию киберэкстремистской деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25325> (дата обращения: 21.11.2022).
5. Обернихина О. В. Криминологическая характеристика киберэкстремистской преступности в России и способы ее профилактики // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества: сборник статей по итогам III Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2020. С. 29–34.
6. Макашова В. Н., Чернова Е. В. Информационные технологии как фактор распространения идей киберэкстремизма в молодежной среде // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2013. № 9. С. 328–335.
7. Урбан В. В. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1. С. 55–63.
8. Тропина Т. Л. Киберпреступность и кибертерроризм // Организованная преступность, терроризм и коррупция: криминологический ежеквартальный альманах. 2003. Вып. 2. С. 140–144.
9. Чекунов И. Г. Киберпреступность: понятие, классификация, современные вызовы и угрозы // Молодые ученые. 2012. № 3. С. 178–186.
10. Унукович А. С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 278–280.
11. Куликов Е. А. Цифровой экстремизм: общее, особенное и единичное // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества: сборник статей по итогам III Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2020. С. 11–13.
12. Акимова Д. А. Современные каналы формирования и распространения идей экстремизма и терроризма в молодежной среде // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества: сборник статей по итогам III Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2020. С. 98–105.
13. Жукова О. С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
14. Упорников Р. В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 26 с.
15. Пономарев В. А. Информационный экстремизм и информационный терроризм в пространстве PR-технологий, СМИ и открытой информационной сети (Интернет): концептуальный аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. № 2. С. 301–319.

16. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1168 с.
17. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. М.: Оникс, 2009. 1104 с.
18. Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
19. Хлебушкин А. Г. Публичные призывы, направленные на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. 2014. № 11. С. 25–29.
20. Кубякин Е. О., Сафронов А. Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестник КРУ МВД России. 2013. № 4. С. 100–104.

References

1. Buz S. I. Kiberprestupleniya: ponyatie, sushchnost' i obshchaya harakteristika [Cyber-crimes: concept, essence and general characteristics]. *Yurist"-Pravoved" = Jurist-Pravoved*, 2019, no. 4, pp. 78–82.
2. Osipenko A. L. Setevaya komp'yuternaya prestupnost': teoriya i praktika bor'by [Network computer crime: theory and practice of struggle]. Omsk, Omskaya akademiya MVD Rossii, 2009. 480 p.
3. Konovalov A. A., Naumov S. A., Kolesnikova D. D. Kiberprestupnost' kak global'naya ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti: vidy, osobennosti, problemy vozdejstviya [Cybercrime as a global threat to economic security: types, features, impact problems]. *Rostovskij nauchnyj zhurnal = Rostov Scientific Journal*, 2018, no. 1, pp. 20–27.
4. Savva L. I., Dokolin A. S. Istoriografiya problemy podgotovki studentov k protivodejstviyu kiberekstremistskoj deyatel'nosti [Historiography of the problem of preparing students to counteract cyber-extremist activity]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2016, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25325> (accessed 21.12.2022).
5. Obernihina O. V. [Criminological characteristics of cyber-extremist crime in Russia and ways of its prevention]. *Ekstremizm i terrorizm v kiberprostranstve: ugrozy miru i bezopasnosti chelovechestva. Sbornik statej po itogam III Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Extremism and terrorism in cyberspace: threats to the peace and security of mankind. Collection of articles on the results of the III All-Russian student scientific and practical conference]. Barnaul, Altai St. Univ. Publ., 2020, pp. 29–34. (In Russ.)
6. Makashova V. N., Chernova E. V. Informacionnye tekhnologii kak faktor rasprostraneniya idej kiberekstremizma v molodezhnoj srede [Information technologies as a factor of spreading the ideas of cyber extremism among young people]. *Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie = Modern information technologies and OT-education*, 2013, no. 9, pp. 328–335.
7. Urban V. V. Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej: obshchaya harakteristika i ugodovno-processual'nye mery po ih protivodejstviyu [Crimes committed using information and telecommunication networks: general characteristics and criminal procedural measures to counteract them]. *Vestnik Vostochno-*

Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 1, pp. 55–63.

8. Tropina T. L. Kiberprestupnost' i kiberterrorizm [Cybercrime and cyberterrorism]. *Organizovannaya prestupnost', terrorizm i korruptsiya: kriminologicheskij ezhekvartal'nyj al'manah* = *Organized crime, terrorism and corruption: Criminological quarterly Almanac*, 2003, is. 2, pp. 140–144.

9. Chekunov I. G. Kiberprestupnost': ponyatie, klassifikaciya, sovremennye vyzovy i ugrozy [Cybercrime: concept, classification, modern challenges and threats]. *Molodye uchenye = Young Scientists*, 2012, no. 3, pp. 178–186.

10. Unukovich A. S. Ponyatie prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij [The concept of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State service and personnel*, 2021, no. 4, pp. 278–280.

11. Kulikov E. A. [Digital extremism: general, special and singular]. *Ekstremizm i terrorizm v kiberprostranstve: ugrozy miru i bezopasnosti chelovechestva. Sbornik statej po itogam III Vserossijskoj studencheskoj nauchnoprakticheskoy konferencii* [Extremism and terrorism in cyberspace: threats to the peace and security of mankind. Collection of articles on the results of the III All-Russian Student Scientific and Practical Conference]. Barnaul, Altai St. Univ. Publ., 2020, pp. 11–13. (In Russ.)

12. Akimova D. A. [Modern channels of formation and dissemination of ideas of extremism and terrorism among young people]. *Ekstremizm i terrorizm v kiberprostranstve: ugrozy miru i bezopasnosti chelovechestva. Sbornik statej po itogam III Vserossijskoj studencheskoj nauchnoprakticheskoy konferencii* [Extremism and terrorism in cyberspace: threats to the peace and security of mankind. Collection of articles on the results of the III All-Russian Student Scientific and Practical Conference]. Barnaul, Altai St. Univ. Publ., 2020, pp. 98–105. (In Russ.)

13. Zhukova O. S. Pravovye меры protivodejstviya informacionnomu ekstremizmu. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Legal measures to counter information extremism. Cand. legal sci. abstract diss.]. Voronezh, 2006. 23 p.

14. Upornikov R. V. Politiko-pravovye tekhnologii protivodejstviya informacionnomu ekstremizmu v Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Political and legal technologies of countering information extremism in Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 26 p.

15. Ponomarev V. A. Informacionnyj ekstremizm i informacionnyj terrorizm v prostranstve PR-tekhnologij, SMI i otkrytoj informacionnoj seti (Internet): konceptual'nyj aspekt [Information extremism and information terrorism in the space of PR technologies, mass media and open information network (Internet): conceptual aspect]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Questions of theory and practice of journalism*, 2018, no. 2, pp. 301–319.

16. Komlev N. G. Slovar' inostrannyh slov [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2000. 1168 p.

17. Skvortcov L. I. Bol'shoj tolkovyj slovar' pravil'noj russkoj rechi [Large explanatory dictionary of correct Russian speech]. Moscow, Oniks Publ., 2009. 1104 p.

18. Sergun E. P. Ekstremizm v rossijskom ugodovnom prave. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Extremism in Russian criminal law. Cand. legal sci. abstract diss.]. Tambov, 2009. 25 p.

19. Hlebushkin A. G. Publichnye prizyvy, napravlennye na narushenie territorial'noj celostnosti RF (st. 280.1 UK RF): ugodovno-pravovaya harakteristika i voprosy kvalifikacii [Public

appeals aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation (Article 280.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law characteristics and qualification issues]. *Rossiiskij sledovatel* = *Russian investigator*, 2014, no. 11, pp. 25–29.

20. Kubyakin E. O., Safronov A. N. Informacionnyj ekstremizm v srede molodezhi kak destruktivnyj fenomen sovremennogo rossijskogo obshchestva [Information Extremism among young people as a destructive Phenomenon of Modern Russian Society]. *Vestnik KRU MVD Rossii* = *Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 4, pp. 100–104.

Информация об авторе / Information about the Author

Ильиных Никита Андреевич, адъюнкт, Омская академия МВД России,
г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: nikitailinyh491@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2504-0554

Nikita A. Ilyinyh, Adjunct, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
e-mail: nikitailinyh491@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2504-0554

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-75-85>

Вклад Д. И. Курского в кодификацию уголовного законодательства (к 100-летию Уголовного кодекса РСФСР 1922 года)

Д. Э. Трошкина¹ ✉¹Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

имени И. Д. Путилина

ул. Горького, д. 71, г. Белгород 308024, Российская Федерация

✉ e-mail: belui@mvd.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время в российском государстве активно ведется деятельность по совершенствованию уголовного законодательства. В частности, в связи с проведением специальной военной операции на Украине в Уголовный кодекс Российской Федерации за 2022 год были приняты ряд поправок, направленных непосредственно на защиту граждан и государства от новых форм преступлений и угроз государственной безопасности. Существующие изменения в современном законодательстве актуализируют задачу изучения отечественного опыта обеспечения государственной безопасности и пресечения преступлений, на нее посягающих. Огромный вклад в систематизацию уголовного законодательства и уголовно-правовую классификацию преступности внес выдающийся советский юрист Дмитрий Иванович Курский.

Цель исследования заключается в определении роли и значения народного комиссара юстиции Д. И. Курского в кодификации советского уголовного права.

Задачи направлены на рассмотрение идей Д. И. Курского о становлении и кодификации уголовного законодательства РСФСР, анализ его законодательной деятельности в области уголовно-правового регулирования общественных отношений в советском государстве.

Методология. Для достижения поставленной цели в статье использовались всеобщий диалектический метод; общенаучные методы: синтеза, анализа, дедукции, индукции, системно-структурный; частнонаучный метод – исторический; специальные методы: формально-юридический, метод толкования правовых норм, формально-логический.

Результаты. В ходе проведенной работы дана характеристика научной и общественно-политической деятельности Д. И. Курского, определен его вклад в развитие правовой доктрины и кодификацию уголовного законодательства советского государства.

Вывод. Законотворчество народного комиссара юстиции и одновременно первого Генерального прокурора РСФСР послужило основой для систематизации уголовно-правовых норм в единый кодифицированный нормативный правовой акт (Уголовный кодекс РСФСР 1922 года).

Ключевые слова: уголовное право; советское законодательство; кодификация; законотворчество; Руководящие начала; Уголовный кодекс.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Трошкина Д. Э. Вклад Д. И. Курского в кодификацию уголовного законодательства (к 100-летию Уголовного кодекса РСФСР 1922 год) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 75–85. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-75-85>.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Принята к публикации 20.01.2023

Опубликована 27.02.2023

D. I. Kursky's Contribution to the Codification of the Criminal Legislation (to the 100th Anniversary of the RSFSR Criminal Code of 1922)

Diana E. Troshkina¹ ✉

¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin
71 Gorkogo Str., Belgorod 308024, Russian Federation

✉ e-mail: belui@mvd.ru

Abstract

Relevance. Currently, the Russian state is actively working to improve criminal legislation. In particular, in connection with the conduct of a special military operation in Ukraine, a number of amendments were adopted to the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) for 2022 aimed directly at protecting citizens and the state from new forms of crimes and threats to state security. The existing changes in modern legislation actualize the task of studying the domestic experience of ensuring state security and suppressing crimes that encroach on it. Dmitry Ivanovich Kursky, an outstanding Soviet lawyer, made a huge contribution to the systematization of criminal legislation and the criminal classification of crime.

The purpose of the study is to determine the role and significance of the People's Commissar of Justice D.I. Kursky in the codification of Soviet criminal law.

The objectives are aimed at considering D. I. Kursky's ideas on the formation and codification of the criminal legislation of the RSFSR, the analysis of his legislative activity in the field of criminal law regulation of public relations in the Soviet state.

Methods. To achieve this goal, the article used the universal dialectical method; general scientific methods: synthesis, analysis, deduction, induction, system-structural; private scientific method – historical; special methods: formal-legal, method of interpretation of legal norms, formal-logical.

Results. In the course of the work carried out, the characteristics of D. I. Kursky's scientific and socio-political activities are given, his contribution to the development of legal doctrine and the codification of the criminal legislation of the Soviet state is determined.

Conclusion. The lawmaking of the People's Commissar of Justice and at the same time the first Prosecutor General of the RSFSR served as the basis for the systematization of criminal law norms into a single codified normative legal act (the Criminal Code of the RSFSR of 1922).

Keywords: criminal law; Soviet legislation; codification; lawmaking; Guidelines; Criminal Code.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Troshkina D. E. D. I. Kursky's Contribution to the Codification of the Criminal Legislation (to the 100th Anniversary of the RSFSR Criminal Code of 1922). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(1): 75–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-75-85>.

Received 19.12.2022

Accepted 20.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Огромный вклад в становление и развитие кодификации советского права внес Дмитрий Иванович Курский (1874-1932) – выдающийся советский общественно-политический деятель, ученый, первый

советский генеральный прокурор, руководитель Института советского права.

Д. И. Курский родился 22 октября 1874 г. в семье инженера-технолога, закончил с отличием Коллегию Павла Га-лагана в Киеве, затем поступил на юри-

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(1): 75–85

дический факультет Московского университета. В 1904 г. Дмитрий Иванович, разделяя позиции большевиков, вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Трудолюбие и принципиальность Д. И. Курского позволили ему занимать ответственные должности народного комиссара юстиции (с 1918 г. по 1928 г.) и одновременно Генерального прокурора РСФСР (с 1922 г. по 1928 г.). По мнению Б. В. Виленского, «главой НКЮ РСФСР Курский был назначен не случайно, так как являлся членом партии большевиков с 1904 г. и до революции вел активную деятельность по организации рабочих на борьбу против царизма» [1, с. 129]. Стоит отметить, что практическая работа, проводимая народным комиссаром юстиции, оказала существенное влияние на становление и развитие советской правовой системы.

Научная деятельность Дмитрия Ивановича была посвящена различным отраслям советского права. Он являлся автором работ, в которых затрагивались вопросы разработки и подготовки Конституций РСФСР, создания нового пролетарского права, деятельности органов социалистического правосудия, правового регулирования экономической сферы деятельности, а также семейных правоотношений и др. [2, с. 14–193]

Одним из выдающихся трудов Д. И. Курского является «Систематический сборник важнейших декретов (1917 – 1920 гг.)», подготовленный им в 1920 г. Сборник содержал в себе нормативные правовые акты органов советской власти, классифицированных по соответствующим разделам. В предисловии он отмечал, что в него «включены законы, как материального, так и организационного характера, позволяющие иметь представление о Социальном праве Советской Республики» [3, с. 1]. Указанный труд имел первостепенное значение для удовлетворения потребности практических сотрудников в едином доступе к наибо-

лее востребованным нормам советского законодательства, а также для изучения гражданами государственного устройства советского государства.

Значительное внимание народный комиссар юстиции уделял кодификации советского законодательства в сфере уголовно-правовых отношений. В этой области Д. И. Курским были подготовлены статьи «Новое уголовное право» [4, с. 23–30] и «Уголовный кодекс 1922 г.» [5, с. 52–59].

В настоящее время имеется ряд исследований, посвященных изучению трудов Д. И. Курского. В частности, о его жизни, научных взглядах, работе по систематизации советского законодательства писали Л. И. Антонова [6], В. И. Афанасьева [7], Н. И. Биюшкина [8], Б. В. Виленский [1], О. Д. Максимова [9], А. Г. Петров [10], О. С. Рубан [11], С. Н. Токарева [12], А. Н. Улиско [13], О. Ф. Шишов [14] и др.

Методология

Для достижения поставленных задач использовался всеобщий диалектический метод познания, послуживший основой при исследовании формирования и развития советского уголовного законодательства в период Гражданской войны и переходного периода к новой экономической политике. Использовались общенаучные методы, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, позволившие получить достоверные знания о роли и значении законотворческой деятельности Д. И. Курского в области советского уголовного права. Системно-структурный метод способствовал рассмотрению формирования проекта Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. как целостной структуры уголовно-правовых норм. Исторический частнонаучный метод использовался для описания процесса систематизации уголовного законодательства, проводимого народным комиссаром юстиции Д. И. Курским. При анализе нормативных право-

вых актов законодательных органов РСФСР применялись формально-юридический и метод толкования правовых норм. В основу формулировки выводов по результатам проведенного исследования был положен формально-логический метод.

Результаты и их обсуждение

Возглавляемый Д. И. Курским Народный комиссариат юстиции (далее – НКЮ) осуществлял практическую работу по разработке и подготовке законодательных проектов. О деятельности НКЮ ее председатель писал: «Крупную законодательную работу в области материального права проделывает Народный комиссариат юстиции в ту же пору (конец 1918 г.). Народный комиссариат юстиции давал ряд руководящих указаний, инструкций, которые позволяли уяснить себе до конца точку зрения советской власти на соответствующий вопрос и парализовали множество всяких обходов закона, не замедливших проявиться» [2, с. 86]. Редактированием проектов законодательных и правительственных актов центральных учреждений РСФСР и кодификацией действующих декретов и постановлений занимался отдел законодательных предположений и кодификации НКЮ¹.

В своей государственной и законотворческой деятельности Д. И. Курский подчеркивал необходимость в утверждении законности путем издания четких и доступных законов. Он утверждал: «Если мы будем только говорить о революционной законности, а законов не будет, то это будет весьма эффективное слово, но не больше. Необходимо иметь твердую и в достаточной степени разработанную

систему норм, чтобы не только говорить о революционной законности, но и проводить ее в жизнь» [2, с. 111]. Формы советских законов, правовых норм «...должны быть понятными, ясными, четкими, доступными широким массам рабочих и крестьян» [2, с. 70].

В первые годы советской власти накопился огромный массив нормативных правовых актов. Многочисленное разнообразие правовых норм, издаваемых законодательными органами власти и их реализация правоприменительными органами на основе революционного правосознания, привели к значительным пробелам в правовой системе советского государства, в результате чего остро назрел вопрос о систематизации советского законодательства в виде кодификации, предполагающей сведение многообразия норм права, сосредоточенных в разных актах, в единый нормативный правовой акт [6, с. 136].

Уже в июле 1918 г., на втором Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции, Д. И. Курский утверждал о необходимости «нормировать ряд явлений в области уголовного права, определить и точно зафиксировать те явления в области уголовной, которые подтачивают и могут свести на нет весь тот колоссальный сдвиг, который произвела пролетарская революция» [15, с. 84].

В 1919 г. Д. И. Курский принимает непосредственное участие в подготовке первого кодифицированного акта в области советского уголовного права – «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.». Во введении к «Руководящим началам» отмечалось, что пролетариат достаточно успешно справлялся с так называемыми «врагами народа» путем применения тех или иных мер насилия бессистемно и неорганизованно. Однако двухлетняя борьба показала необходимость в разработке систематизированного уголовного законодательства на ос-

¹ Постановление НКЮ РСФСР «Об отделах Народного Комиссариата Юстиции (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1920. № 90, ст. 465.

нове нового «пролетарского права»¹. Термин «пролетарское право» впервые был введен Дмитрием Ивановичем, полагавшим, что «советской власти предстояло не только отменить отдельные законы, проникнутые духом царской охранки, но разрушить все от века существующие основы буржуазного общества и на развалинах создать новое право, пролетарское коммунистическое право» [2, с. 56]. На основе нового «пролетарского права» строились «Руководящие начала», которые содержали основные принципы уголовной политики советского государства. Документ стал основой для дальнейшего развития правовой доктрины и уголовного законодательства. Однако, как отмечает С. Н. Токарева, особенную часть уголовного права в период 1917–1919 гг. создать не удалось (отдельные составы преступлений достаточно часто описывались в издаваемых декретах) в силу отсутствия судебной практики и по иным причинам [12, с. 158].

Анализируя первые декреты советской власти в сфере уголовно-правовых отношений, Дмитрий Иванович отмечал содержание в них общих указаний на тот или иной род преступной деятельности, тем самым судьям предоставлялась возможность индивидуализировать не только отдельные случаи преступлений, но и определять «какое деяние требует уголовной репрессии и, следовательно, является преступлением» [5, с. 49]. К особо опасным деяниям против советской власти относились контрреволюционные преступления, направленные непосредственно против диктатуры пролетариата, завоеваний Октябрьской революции, советского государства. Предлагая схему особенной части Уголовного кодекса,

Д. И. Курский относил к данным деяниям «созыв населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т. п. способами с контрреволюционными целями; контрреволюционные и иные деяния, идущие против всех завоеваний Октябрьской революции и направленные к ослаблению силы и авторитета советской власти» [5, с. 46]. Всего народный комиссар юстиции в статье «Новое уголовное право» предлагал выделить 11 глав преступных деяний (преступления против личности; преступления против рабочекрестьянского правительства; нарушение обязанностей военной службы; нарушение обязанностей государственной и общественной службы; нарушение постановлений, регулирующих производство; нарушение порядка снабжения населения продуктами; имущественные правонарушения; нарушение постановлений о частной торговле и кредите; нарушение постановлений о налогах; нарушение постановлений о почте и телеграфе и нарушение постановлений об охране научных и художественных ценностей) [5, с. 45–48]. Однако санкций за указанные преступления Д. И. Курский не указал, отметив, что ответственность должна быть «по всей строгости революционных законов» [5, с. 49].

В связи с переходом советского государства к новой экономической политике возникла необходимость восстановления народного хозяйства, а также реформирования отдельных направлений деятельности органов советской власти. Определяя характер работы НКЮ РСФСР, Д. И. Курский в статье «Ближайшие задачи Народного Комиссариата Юстиции» утверждал о том, что уголовное право, представляющее целую систему норм, «ограждает интересы РСФСР в целом и охраняет тот порядок общественных отношений, который устанавливается на новый период экономики». Поэтому приоритетными направлениями деятельности НКЮ РСФСР должны быть подготовка и разработка: «1) Уголовного

¹ Постановление НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1919. № 66, ст. 590.

кодекса РСФСР, 2) Кодекса законов об обязательствах по договору, 3) Кодекса законов о земле, 4) Кодекса (пересмотренного) о труде, 5) Положения об управлении государственными предприятиями (крупная промышленность), 6) Положения о транспорте, 7) Положения о мелкой промышленности, 8) Положения о государственной и частной торговле и ряд других более мелких декретов. Некоторые из этих кодексов (как напр., Уголовный) целиком разрабатываются НКЮ РСФСР, другие разрабатываются экономическими Наркоматами при участии НКЮ РСФСР» [16, с. 3].

Принимая непосредственное участие в работе III сессии ВЦИК IX созыва, народный комиссар юстиции давал разъяснения отдельных положений по проекту Уголовного кодекса РСФСР. В первую очередь им был выделен принцип классовой советского уголовного права. Данный принцип заключался в том, что преступления определялись как «явления, опасные для того строя, который мы защищаем и отнюдь не стремимся строить борьбы с преступлением на началах мести и устрашения, т. е. на тех началах, на которых строил свою работу с преступлением и преступностью старый мир буржуазного уголовного права» [5, с. 52]. Следовательно, изначально в проекте Уголовного кодекса устрашение не признавалось целью уголовного наказания, однако выделялась идея о закреплении особого рода преступлений – контрреволюционных. По мнению О. Д. Максимовой, «включение контрреволюционных преступлений в Особенную часть УК РСФСР являлось одним из проявлений принципа классовой в советском уголовном праве» [9, с. 231].

Вместе с тем Уголовный кодекс Дмитрий Иванович определял как «свод правил, который должен помочь возможно целесообразнее сохранить нашу республику от опасных для нее деяний» [5, с. 52], т. е. народный комиссар юстиции в основу Уголовного кодекса вкладывал

идею сохранения советской власти, что, в свою очередь, позволяет нам выдвинуть предположение о том, что борьба с государственными преступлениями была приоритетным направлением в уголовной политике государства.

Опасные деяния против государства Д. И. Курский подразделял на две основные группы. Первая группа содержала в себе преступления, которые непосредственно посягали на советский строй и требовали более сильных репрессий (контрреволюционные преступления). Вторая группа преступлений, которые являлись «пережитком старого строя», в жесткой репрессивной политике государства не нуждались. В процессе обсуждения проекта Д. Б. Рязанов выступил против включения раздела «О контрреволюционных преступлениях» в проект Уголовного кодекса РСФСР, обосновывая это тем, что при рассмотрении данных преступных деяний необходимо руководствоваться «революционной целесообразностью», а не нормами уголовного закона. По мнению Дмитрия Ивановича, «т. Рязанов предлагает нам возвратиться к тому моменту, от которого мы отошли». Так, Декрет ВЦИК от 6 февраля 1922 г. «Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов»¹ свидетельствует о том, что контрреволюционные преступления необходимо рассматривать на основе норм уголовного законодательства. Поэтому «раздел о контрреволюционных преступлениях, подчеркивает Д. И. Курский, – есть логический вывод из этого положения» [5, с. 57].

Немаловажно отметить, что значительное влияние на формирование разде-

¹ Декрет ВЦИК от 6 февраля 1922 г. «Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1922. № 16, ст. 160.

ла «О контрреволюционных преступлениях» оказал В. И. Ленин. Будучи председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР, он принимал активное участие в разработке и корректировке нормативных актов советской власти, в том числе и уголовного законодательства. В переписке с Д. И. Курским В. И. Ленин настаивал на политической составляющей будущего Уголовного кодекса, на усилении репрессивных мер в отношении контрреволюционных деяний, посягающих на советскую власть. Так, в письме к народному комиссару юстиции (15 мая 1922 г.) В. И. Ленин указывал на необходимость применения расстрела как высшей меры наказания за контрреволюционную деятельность [17, с. 189], что в последующем нашло свое отражение в виде санкций за совершение контрреволюционных преступлений.

Формулировку дефиниции «контрреволюционное преступление» также предложил В. И. Ленин в двух вариантах в письме к Д. И. Курскому от 17 мая 1922 г. Первый вариант предусматривал: «Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу» [17, с. 190]. Текст второго варианта состоял из двух пунктов. В первой части (пункт «а») под контрреволюционным преступлением понималась «пропаганда или агитация, объективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца» [17, с. 191]. Во второй части (пункт «б») за контрреволюционное дея-

ние подвергались наказанию «виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер)» [17, с. 191]. Следовательно, во втором варианте статьи о контрреволюционных преступлениях отсутствовало упоминание о пропаганде и агитации как видах контрреволюционной деятельности.

Предлагая данные формулировки, В. И. Ленин отмечал: «Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черновика: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого» [17, с. 190]. Стоит отметить, что в дальнейшем замечания В. И. Ленина (с определенными корректировками) нашли свое отражение в ст. 57, 61, 70 главы 1 «Государственные преступления» раздела 1 «О контрреволюционных преступлениях» Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.¹

В своем докладе на III сессии ВЦИК IX созыва Дмитрий Иванович подчеркивал необходимость закреплении аналогии в проекте Уголовного кодекса РСФСР [18, с. 147; 19, с. 20]. В частности, он утверждал, что «если мы хотим действительно создать кодекс, который будет бороться с опасными для советского строя явлениями, то мы должны иметь статьи,

¹ Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1922. № 15, ст. 153.

которые дают возможность судье действовать по аналогии... чтобы найти выход из положения...» [5, с. 58]. Народный комиссар юстиции обосновывал данное положение тем, что органы советской власти не всегда оперативно могут реагировать на явления в общественной жизни, вследствие чего возникают пробелы в законодательстве. Поэтому существует «необходимость властно вмешиваться суду, чтобы парализовать опасные явления, а не дожидаться, пока будут декретированы нормы» [5, с. 59]. После внесения всех поправок и обсуждений Уголовный кодекс РСФСР был принят 23 мая 1922 г. и введен в действие 1 июня 1922 г. [8, с. 72]

После введения в действие Уголовного кодекса РСФСР консультантом Московского губернского суда В. И. Лучаниновым в 1924 г. была подготовлена книга «Уголовный кодекс РСФСР: текст с постатейно-систематизированным материалом законодательного и ведомственного характера», содержащая разъяснения норм Уголовного кодекса РСФСР. Указанный труд предназначался для судей, сотрудников прокуратуры, адвокатуры, органов следствия и дознания, а также для тех, кто интересуется развитием и состоянием советского уголовного

права. В предисловии к указанному труду Дмитрий Иванович Курский отмечал: «...на издаваемый теперь комментарий нужно смотреть, как на первую, очень ценную, попытку дать более полный, чем дает Уг. Кодекс, обзор нашего уголовного законодательства и заключающихся в нем элементов его дальнейшего развития» [20, с. 4].

Выводы

Вклад Дмитрия Ивановича Курского в становление и развитие советского законодательства трудно переоценить. Его деятельность на посту руководителя НКЮ и прокуратуры РСФСР способствовала преодолению правовой неопределенности, возникшей в первые годы советской власти. Благодаря его упорству в достижении поставленной цели, юридической грамотности, кропотливому труду появились первые кодифицированные нормативные правовые акты, в том числе Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Однако до настоящего времени в отечественной историографии нет работ, посвященных комплексному исследованию вклада Д. И. Курского в правовую науку. Его жизнь, деятельность и научное творчество еще ждут своего исследователя.

Список литературы

1. Виленский Б. В. К 100-летию со дня рождения Д. И. Курского // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 2. С. 126–131.
2. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 198 с.
3. Курский Д. И. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920 гг. М.: (34-я тип. М.Г.С.Н.Х.), 1920. 268 с.
4. Курский Д. И. Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2. С. 23–30.
5. Курский Д. И. На путях развития советского права: статьи и речи 1919–1926. М.: Юрид. изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1927. 118 с.
6. Антонова Л. И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 136–155.
7. Афанасьева В. И. Революционная и государственная деятельность Д. И. Курского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 17 с.
8. Биюшкина Н. И. Уголовное законодательство советских социалистических республик в 1920-х гг.: сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 70–81.

9. Максимова О. Д. Роль Д. И. Курского в формировании идей советского права и правотворчества // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4. С. 225–236.
10. Петров А. Г. Особенности формирования законодательства на этапе становления советской власти (1917–1919 гг.) // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 31–34.
11. Рубан О. С. Формирование «классового подхода» в уголовной практике советского государства (на примере 1918–1922 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-2 (84). С. 131–134.
12. Токарева С. Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex Russica. 2019. № 10. С. 154–160.
13. Улиско А. Н. К 135-летию со дня рождения Д. И. Курского // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 6 (70). С. 235–236.
14. Шишов О. Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 3. С. 83–88.
15. Исаев М. М. Общая часть уголовного права РСФСР. / изд. М. М. Исаева. Л.: Гос. изд-во, 1925. 199 с.
16. Курский Д. И. Ближайшие задачи Народного Комиссариата Юстиции // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 1. С. 3.
17. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 45. Март 1922 г. – март 1923 г. М.: Изд-во полит. лит., 1970. С. 189–191.
18. Маклецов А. В. Уголовное законодательство РСФСР до издания Уголовного кодекса // Право Советской России: сборник статей, составленный профессорами Русского юридического факультета в Праге Н. Н. Алексеевым, С. В. Завадским, А. В. Маклецовым, Н. С. Тимашовым. Прага: Пламя, 1925. Вып. 2. 1925. 312 с.
19. Немировский Э. Я. Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР: ч. общая и особенная. Одесса: [Б. и.], 1924. 292 с.
20. Уголовный кодекс: текст с постатейно-систематизированным материалом законодательного и ведомственного характера (декреты, инструкции, циркуляры, разъяснения пленума Верховного суда, кассационная практика и проч.) / с предисл. Д. И. Курского. М.: Московский губернский суд, 1924. 909 с.

Reference

1. Vilenskij B. V. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya D. I. Kurskogo [To the 100th anniversary of the birth of D. I. Kursky]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Izvestiya of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 1975, no. 2, pp. 126–131.
2. Kurskij D. I. Izbrannye stat'i i rechi [Selected articles and speeches]. Moscow, Yurid. izd-vo MYu SSSR, 1948. 198 p.
3. Kurskij D. I. Sistematicheskij sbornik vazhnejshih dekretov. 1917–1920 gg. [A systematic collection of the most important decrees. 1917–1920.]. Moscow, (34 tip. M.G.S.N.H.), 1920. 268 p.
4. Kurskij D. I. Novoe ugovolnoe pravo [New criminal law]. *Proletarskaya revolyuciya i pravo = Proletarian Revolution and law*, 1919, no. 2, pp. 23–30.

5. Kurskij D. I. Na putyah razvitiya sovetskogo prava: stat'i i rechi 1919–1926 [On the ways of development of Soviet law: articles and speeches 1919–1926.]. Moscow, Yurid. izd-vo NKYU. RSFSR, 1927. 118 p.

6. Antonova L. I. Revolyucionnaya kodifikaciya zakonodatel'stva RSFSR (1920-1930-e gg.) [Revolutionary codification of the legislation of the RSFSR (1920–1930s)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2008, no. 4, pp. 136–155.

7. Afanas'eva V. I. Revolyucionnaya i gosudarstvennaya deyatel'nost' D. I. Kurskogo. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk [D. I. Kursky's revolutionary and state activity. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 1992. 17 p.

8. Biyushkina N. I. Ugolovnoe zakonodatel'stvo sovetskih socialisticheskikh respublik v 1920-h gg.: sravnitel'no-pravovoj analiz [Criminal legislation of the Soviet Socialist Republics in the 1920s. Comparative Legal Analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2021, no. 6, pp. 70–81.

9. Maksimova O. D. Rol' D. I. Kurskogo v formirovanii idej sovetskogo prava i pravotvorchestva [The role of D. I. Kursky in the formation of the ideas of Soviet law and lawmaking]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = Izvestiya of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2014, no. 4, pp. 225–236.

10. Petrov A. G. Osobennosti formirovaniya zakonodatel'stva na etape stanovleniya sovetской власти (1917–1919 gg.) [Features of the formation of legislation at the stage of the formation of Soviet power (1917–1919)]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2015, no. 3, pp. 31–34.

11. Ruban O. S. Formirovanie "klassovogo podhoda" v ugolovnoj praktike sovetskogo gosudarstva (na primere 1918–1922 gg.) [Formation of the "class approach" in the criminal practice of the Soviet state (on the example of 1918–1922)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2017, no. 10-2 (84), pp. 131–134.

12. Tokareva S. N. Kodifikaciya ugolovnogo prava v pervye gody sovetskoj vlasti: ot preemstvennosti k samostoyatel'nosti [Codification of criminal law in the early Years of Soviet Power: from continuity to independence]. *Lex Russica*, 2019, no 10, pp. 154–160.

13. Ulisko A. N. K 135-letiyu so dnya rozhdeniya D. I. Kurskogo [To the 135th anniversary of the birth of D. I. Kursky]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava = Vestnik of the Saratov State Academy of Law*, 2009, no. 6 (70), pp. 235–236.

14. Shishov O. F. Rukovodyashchie nachala po ugolovnomu pravu RSFSR 1919 goda – pamyatnik sovetskoj ugolovno-pravovoj mysli [Guidelines on Criminal law of the RSFSR of 1919 monument to Soviet criminal law thought]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = Izvestiya of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 1980, no. 3, pp. 83–88.

15. Isaev M. M. Obshchaya chast' ugolovnogo prava R.S.F.S.R. [The common part of the criminal law of the RSFSR]. Leningrad, State Publ., 1925. 199 p.

16. Kurskij D. I. Blizhajshie zadachi Narodnogo Komissariata Yusticii [The immediate tasks of the People's Commissariat of Justice]. *Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii = Weekly of Soviet Justice*, 1922, no. 1, p. 3.

17. Dopolneniya k proektu vvodnogo zakona k Ugolovnomu kodeksu RSFSR i pis'ma D. I. Kurskomu [Additions to the draft introductory law to the Criminal Code of the RSFSR and letters to D. I. Kursky]. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 45. Mart 1922 g. – mart 1923 g. [Complete works. Vol. 45. March 1922 – March 1923. Moscow, Polit. lit. Publ., 1970. 762 p.

18. Maklecov A. V. [Criminal legislation of the RSFSR before the publication of the Criminal Code]. *Pravo Sovetskoj Rossii. Sbornik statej, sostavlennyj professorami Russkogo yuridicheskogo fakul'teta v Prage* N. N. Alekseevym, S. V. Zavadskim, A. V. Maklecovym, N. S. Timashovym [The Law of Soviet Russia. Collection of articles compiled by professors of the Russian Law Faculty in Prague N. N. Alekseev, S. V. Zavadsky, A.V. Makletsov, N. S. Timashov]. Praga, Plamya Publ., 1925, is. 2. 312 p. (In Russ.)

19. Nemirovskij E. Ya. Sovetskoe ugovnoe pravo: posobie k izucheniyu nauki ugovnogo prava i dejstvuyushchego Ugolovnog kodeksa SSSR: ch. obshchaya i osobennaya [Soviet Criminal law: a handbook for the study of the science of criminal law and the current Criminal Code of the USSR: part common and special]. Odessa, 1924. 292 p.

20. Ugolovnyj kodeks: tekst s postatejno-sistematizirovannym materialom zakonodatel'nogo i vedomstvennogo haraktera (dekrety, instrukcii, cirkulyary, raz'yasneniya plenuma Verhovnogo suda, kassacionnaya praktika i proch.) [Criminal Code: a text with article-by-article systematized material of a legislative and departmental nature (decrees, instructions, circulars, explanations of the plenum of the Supreme Court, cassation practice, etc.)]. Moscow, Moskovskii gubernskii sud Publ., 1924. 909 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Трошкина Диана Эдуардовна, адъюнкт,
Белгородский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской
Федерации России имени И. Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: belui@mvd.ru,
ORCID: 0000-0002-2823-4760

Diana E. Troshkina, Adjunkt, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: belui@mvd.ru,
ORCID: 0000-0002-2823-4760

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-86-97>

Воспрепятствование оказанию медицинской помощи в системе уголовно-правовых норм

Е. П. Глебова¹ ✉

¹Барнаульский юридический институт МВД России
ул. Чкалова, д. 49, г. Барнаул 656038, Российская Федерация

✉ e-mail: glebovaep@mail.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена изучению новеллы отечественного уголовного закона, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (статья 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), чем исчерпывается актуальность настоящей статьи.

Целью является исследование места и роли указанной нормы в системе действующих уголовно-правовых норм, направленных на охрану общественных отношений, возникающих в связи с реализацией субъективного права на оказание медицинской помощи.

Задачи: выделить нормы отечественного уголовного закона, охраняющие общественные отношения, возникающие в связи с реализацией лицом права на медицинскую помощь; выявить общие черты, характерные для указанных норм; определить особенности статьи 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации как составляющей такой системы норм.

Методология. Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-логический, системный, сравнительно-правовой.

Результаты. В ходе исследования произведена оценка действующих уголовно-правовых норм на предмет их направленности на охрану общественных отношений, которым причиняется вред в результате нарушения субъективного права на медицинскую помощь. Дана характеристика месту и роли статьи 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в системе указанных норм.

Выводы. По результатам исследования сделан вывод о том, что отечественным уголовным законом субъективное право на медицинскую помощь, несмотря на его конституционную гарантированность, само по себе не охраняется, соответствующие нормы направлены на защиту жизни и здоровья пациента, которым причиняется вред в результате нарушения такого права. Состав преступления, закрепленный положениями статьи 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, входящей в систему указанных норм, имеет свои принципиальные особенности.

Ключевые слова: право; медицинская помощь; уголовно-правовая охрана; ятрогенные преступления; воспрепятствование; жизнь; здоровье; пациент.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Глебова Е. П. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи в системе уголовно-правовых норм // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 86–97. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-86-97>.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Принята к публикации 18.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Obstruction of the Provision of Medical Care in the System of Criminal Law

Ekaterina P. Glebova¹ ✉

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
49 Chkalova Str., Barnaul 656038, Russian Federation

✉ e-mail: glebovaep@mail.ru

Abstract

Relevance. The article is devoted to the study of the novel of the domestic criminal law providing for liability for obstruction of medical care (Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation)), which exhausts the relevance of this article.

The purpose is to characterize the place and role of this norm in the system of existing criminal law norms aimed at protecting social relations arising in connection with the implementation of the subjective right to provide medical care.

Objectives: to highlight the norms of the domestic criminal law that protect social relations arising in connection with the realization by a person of the right to medical care; identify common features characteristic of these norms; define the features of art. 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as a component of such a system of norms.

Methodology. The methodological basis of the research is made up of general scientific and particular scientific methods of cognition: formal-logical, systemic, comparative-legal.

Results. In the course of the study, an assessment of the current criminal law norms was made for their focus on the protection of public relations that are harmed as a result of violation of the subjective right to medical care. The characteristic of the place and role of Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in the system of these norms is given.

Conclusions. Based on the results of the study, it was concluded that the subjective right to medical care, despite its constitutional guarantee, is not itself protected by the domestic criminal law, the relevant norms are aimed at protecting the life and health of the patient who is harmed as a result of violation of such a right. The composition of the crime, enshrined in the provisions of art. 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is part of the system of these norms, has its own fundamental features.

Keywords: right; medical care; criminal law protection; iatrogenic crimes; obstruction; life; health; patient.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Glebova E. P. Obstruction of the Provision of Medical Care in the System of Criminal Law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 86–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-86-97>.

Received 16.12.2022

Accepted 18.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников»¹,

вступившим в законную силу 6 августа 2019 г., глава 16 УК РФ, включающая в себя составы преступлений против жизни

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников : Федер. закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329970/ (дата обращения: 24.10.2022).

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151

и здоровья, дополнена ст. 124.1, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи.

Как и любая иная новелла уголовного закона, указанная норма породила интерес исследователей к соответствующей теме. Вместе с тем в настоящее время отсутствуют какие-либо фундаментальные работы, посвященные анализу состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Отдельные уголовно-правовые аспекты обозначенного состава рассматривались, в частности, Т. А. Плаксиной [1], А. И. Коробеевым, А. А. Шишовым [2], О. В. Ермаковой [3], С. В. Дубовиченко, В. П. Карловым [4], А. А. Лачиным, Е. А. Лачиной, М. С. Кашиным [5], Д. В. Назиным, А. В. Масловым [6], Е. З. Сидоровой, Л. А. Тимохиным [7], О. М. Шагановой [8], И. Ю. Яниной [9], Т. В. Долголенко [10].

Одним из вопросов, требующих рассмотрения, но не нашедших отражения в исследовательских работах, является вопрос о месте и роли ст. 124.1 УК РФ в системе действующих уголовно-правовых норм.

Методология

Методологическую основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод познания. Кроме того, использованы метод анализа и формально-логический метод, которые позволили дать определение субъективному праву на медицинскую помощь. Посредством системного, а также сравнительно-правового метода научного познания произведено выделение группы составов преступлений, направленных на охрану общественных отношений, возникающих в связи с реализацией лицом указанного права, выявлены общие черты, характерные для выделенных составов, а также установлены отличительные особенности одного из составов преступлений, входящего в данную группу. Для формулиро-

вания выводов использован метод научного синтеза.

Результаты и их обсуждение

Анализ нормы, предусматривающей ответственность за то или иное преступное деяние, является неполным без установления ее места в системе действующих уголовно-правовых норм. При этом указание на расположение такой нормы в определенной главе УК РФ соответствующую задачу разрешит не в полной мере, поскольку основной непосредственный объект преступления единственным системообразующим критерием в ряде случаев не является.

В контексте положений ст. 124.1 УК РФ интерес представляет выделение группы составов преступлений, которые направлены на охрану общественных отношений, возникающих в связи с реализацией лицом права на медицинскую помощь.

Проблематике охраны отечественным уголовным законом отношений в сфере здравоохранения посвящено значительное количество научных работ. Подходы исследователей к выделению соответствующих групп норм разнятся в зависимости от объема отношений, включаемых под такую охрану.

Представителем наиболее широкого подхода является Е. В. Червонных, которая к преступлениям, совершаемым в сфере здравоохранения, относит не только преступления «в сфере лечебной и эстетической медицины», включая в них преступные деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 109, 118, 124, 235, ч. 4 ст. 122 УК РФ, но и «умышленные преступления медицинских работников, использующих свои профессиональные навыки и знания в качестве способа их совершения» (ст. 105, 111, 112, 115, 120, 123, ч. 1 ст. 128, ст. 153 УК РФ), а также «должностные преступления медицинских работников» (ч. 2 ст. 128, ст. 159, 160, 228.2, 229, 285, 285.1, 285.2, 290, 292, 293, 233 УК РФ) и «иные пре-

ступления медицинских работников» (ст. 307, 163, 171, 248 УК РФ и др.) [11, с. 7–8].

А. И. Рарог, Т. Г. Понятовская, рассматривая вопрос уголовно-правовой охраны отношений, «связанных с причинением вреда пациенту при оказании ему медицинской помощи», исходят из широкого понимания последней, включая в нее помощь фармацевтическую. К нормам, предусматривающим ответственность за «преступления, совершаемые при оказании медицинской помощи», как занимающим особое место в таком уголовно-правовом механизме, ученые относят положения ч. 4 ст. 122, ст. 124 и 238.1 УК РФ, к его вспомогательным элементам – ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 235, 235.1, 238, 230.1, 230.2 УК РФ [12, с. 816–818, 821].

Необходимо отметить, что ранее А. И. Рарог, анализируя перспективы развития медицинского уголовного права, указывал на «уголовно-правовой механизм охраны жизни и здоровья человека при получении им медицинских услуг» и включал в него составы преступлений, предусмотренные ч. 4 ст. 122, ст. 124 и 235 УК РФ, а также закрепленные ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118; ст. 233 и 238 УК РФ как играющие вспомогательную роль [13, с. 67].

К числу составов преступлений, направленных на «решение задач уголовного закона по охране прав и свобод пациента от преступных посягательств и их предупреждению», А. Г. Блинов относит составы, «адресованные лицам, оказывающим медицинскую помощь пациенту в силу исполнения профессиональных функций» и закрепленные положениями ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 120, ч. 4 ст. 122, ст. 123, 124, 128, 235 УК РФ [14, с. 163].

Е. А. Сенокосова включает в «круг преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи» деяния, ответственность за которые предусмотрена

ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 124, 238, 293 УК РФ [15, с. 16].

И. И. Нагорная к преступлениям, «посягающим на жизнь и здоровье человека при оказании медицинских услуг», за исключением «биоэтических преступлений», относит составы, закрепленные положениями ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 123, 124, 125 УК РФ [16, с. 98].

Приведенные мнения позволяют утверждать, что среди исследователей отсутствует устоявшаяся позиция относительно группы уголовно-правовых норм, направленных на охрану общественных отношений, возникающих в связи с реализацией права лица на медицинскую помощь. При этом отдельные авторы к числу преступных деяний, причиняющих вред указанным общественным отношениям, относят и те, что, по существу, идентичного права не нарушают.

Для решения вопроса о том, какие нормы отечественного уголовного закона направлены на охрану соответствующих общественных отношений, прежде всего необходимо обратиться к понятию права на медицинскую помощь.

Обозначенное право неоднократно выступало в качестве предмета научных исследований. В юридической литературе наиболее распространенным является подход к его определению через указание на возможное поведение лица в связи с необходимостью сохранения и (или) восстановления здоровья. Так Н. А. Яковенко под правом на медицинскую помощь понимает «право на предоставление необходимого комплекса медицинских услуг лечебного и (или) профилактического характера, оказываемых физическому лицу, постоянно проживающему или временно находящемуся на территории государства, в медицинских организациях, имеющих лицензию на медицинскую деятельность, а также вне их (в том числе на дому, в условиях дневного стационара) врачами и представителями иных медицинских профессий с целью

сохранения, улучшения или восстановления здоровья человека» [17, с. 145].

Законодательство, регулирующее отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан, содержит статью с наименованием «Право на медицинскую помощь» (ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ¹), вместе с тем указанная норма ограничивается констатацией отдельных правомочий пациента и существа такого права не раскрывает. Нормативное содержание рассматриваемого права подлежит установлению путем обращения к основным понятиям, используемым для целей Федерального закона. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 2 указанного Федерального закона медицинская помощь представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Определяющим для категории «медицинская помощь» является понятие «мероприятие», которое, в свою очередь, трактуется как «совокупность действий, объединённых одной общественно значимой задачей» [18, с. 307].

Исходя из системного толкования законодательства, регулирующего отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан, в частности приведенных положений Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также пп. 10, 13, 21 ч. 1 ст. 2, п. 6 ст. 4 указанного Федерального закона, субъективное право на медицинскую помощь может быть определено как гарантированная лицу возможность сохранения и (или) восстановления его здоровья в результате направленных на пациента профессиональных действий медицинского работника, отве-

чающих предъявляемым требованиям к их качеству.

Данное определение позволяет очертить границы искомых уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деликты, возникающие в связи с нарушением права лица на медицинскую помощь. Представляется, что для них характерна направленность на создание порока именно в соответствующих профессиональных действиях медицинских работников. Напротив, нормы, предусматривающие ответственность за деяния, которые хоть и сопряжены со сферой охраны здоровья граждан, но не обращенные непосредственно на медицинскую помощь как деятельность, не подлежат включению в устанавливаемую группу.

С учетом изложенного направленными на разрешение задачи уголовно-правовой охраны отношений, складывающихся в связи с оказанием лицу медицинской помощи, могут быть признаны положения ст. 109 (причинение смерти по неосторожности), 118 (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), 122 (заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), 123 (незаконное проведение искусственного прерывания беременности), 124 (неоказание помощи больному), 124.1 (воспрепятствование оказанию медицинской помощи), 128 (незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях), 235 (незаконное осуществление медицинской деятельности), 238 (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей), 293 (халатность) УК РФ.

Преступная халатность, признаки которой предусмотрены ст. 293 УК РФ, рассматривается нами не с позиции ненадлежащего выполнения или невыполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, что данного состава, учитывая видовой объ-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 24.10.2022).

ект, не образует, а через ненадлежащую организацию соответствующим должностным лицом медицинского учреждения самого процесса оказания медицинской помощи, повлекшую существенное нарушение прав и законных интересов гражданина.

Кроме того, отметим, что в обозначенную группу уголовно-правовых норм как имеющие иной объект охраны не входят нормы, направленные на защиту жизни и здоровья медицинских работников. Позиция о том, что к преступлениям, в процессе совершения которых нарушается право на медицинскую помощь, не относятся преступления в отношении медицинских работников, нашла отражение в имеющейся научной литературе. Так, А. И. Рарог, Т. Г. Понятовская, определяя преступления против конституционного права граждан на охрану жизни и здоровья и получение квалифицированной медицинской помощи и медицинских услуг, указывают на то, что «деяния, направленные против физической неприкосновенности медицинского персонала, не имеют никакого отношения к исследуемой группе преступлений» [12, с. 819].

Составы преступлений, закрепленные выделенными уголовно-правовыми нормами, обладают следующими общими чертами.

Большинство из указанных составов являются материальными и охватывают последствия в виде смерти лица или причинения вреда его здоровью (ст. 109, 118, 122, 124, 124.1, 235, 293, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 128 (относительно наступления по неосторожности смерти потерпевшего или иных тяжких последствий), п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 238 УК РФ). Состав преступления, закрепленный положениями ч. 1 ст. 123 УК РФ, различными авторами характеризуется и как формальный [19, с. 24], и как материальный, для признания оконченным которого требуется наступление неблагоприятных последствий в виде изгнания плода из утробы [20, с. 70]. Вместе с тем данный состав, как и составы, закрепленные ч. 1, пп. «а», «б» ч. 2

ст. 238 УК РФ, является составом опасности, соответствующие противоправные деяния ставят под реальную угрозу жизнь и здоровье лица. Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ч. 1, ч. 2 (применительно к совершению деяния лицом с использованием своего служебного положения) ст. 128 УК РФ), являясь формальным составом преступления, влечет нарушение личной свободы человека.

Приведенное позволяет утверждать, что само по себе право на медицинскую помощь, гарантированное Конституцией Российской Федерации (ст. 41), отечественным уголовным законом не охраняется. Преступными признаются лишь такие деяния, обусловленные оказанием медицинской помощи, которые влекут неблагоприятные последствия, в частности, для жизни или здоровья лица (например, составы преступлений, закрепленные положениями ст. 109, 118 УК РФ) либо создают реальную угрозу причинения такого вреда (например, ч. 1 ст. 123 УК РФ). Действующие уголовно-правовые нормы направлены на защиту неотъемлемых благ, которым причиняется вред (создается опасность его причинения) в результате нарушения права на надлежащую медицинскую помощь. Нарушение такого права, например, незаконный отказ в приеме врача-терапевта, без наступления вредоносных последствий, каких-либо уголовно-правовых последствий для лица не влечет. Указанное объясняется тем, что уголовный закон охраняет не все права и блага как таковые, а лишь те, которые объективно нуждаются в этой крайней государственной мере. По данному поводу Т. Г. Понятовская отмечает, что «уголовно-правовые нормы охраняют здоровье человека, а не гарантируют оказание медицинской помощи» [21, с. 62].

Очевидно, что дополнившая УК РФ ст. 124.1 в рассматриваемом контексте исключением не является. Как и иные обозначенные нормы, она направлена не на охрану как такового субъективного

права на оказание медицинской помощи, а на охрану здоровья и жизни пациента, которым причиняется вред в результате нарушения такого права лица.

Вопреки встречающемуся в литературе мнению [3, с. 20–21], целью данной уголовно-правовой нормы не является защита медицинских работников от действий лиц, направленных на причинение вреда их жизни или здоровью при выполнении профессионального долга. Последняя задача возложена как на нормы, дополнившие УК РФ одновременно со ст. 124.1 Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников», а именно п. «г» ч. 2 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности), ч. 2 ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, совершенное в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности), так и на нормы, существовавшие ранее (п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Вместе с тем состав преступления, закрепленный положениями ст. 124.1 УК РФ, входящей в систему уголовно-правовых норм, направленных на охрану здоровья и жизни пациента, которым причиняется вред в результате нарушения субъективного права на оказание медицинской помощи, имеет существенные отличительные особенности.

Субъектами выделенной группы составов преступлений являются лица, в чьи непосредственные профессиональные обязанности входит оказание медицин-

ской помощи пациентам, кроме того, должностные лица учреждений, на которые возложена функция обеспечения оказания и предоставления такой помощи. В основной части указанные нормы предусматривают ответственность за ятрогенные преступления.

Отличием же ст. 124.1 УК РФ является то, что она предусматривает ответственность за наступившие неблагоприятные последствия в результате нарушения права на медицинскую помощь лицом, которое ни прямо, ни опосредованно с оказанием такой помощи не связано.

По существу, установление в деянии того или иного лица признаков состава преступления, предусмотренного положениями ст. 124.1 УК РФ, – обстоятельство, исключающее преступность бездействия медицинского работника, охватывающего неблагоприятные последствия в виде смерти пациента либо причинения тяжкого вреда его здоровью. Поскольку при воспрепятствовании оказанию медицинской помощи, находящемся в причинно-следственной связи с такими наступившими неблагоприятными последствиями, у медицинского работника полностью либо частично отсутствует возможность надлежащим образом осуществлять свои непосредственные направленные на пациента профессиональные обязанности, постольку, с учетом положений ч. 1 ст. 5 УК РФ, исключается его привлечение к уголовной ответственности.

Выводы

Принимая во внимание изложенное, можно сформулировать следующие основные выводы:

– отечественным уголовным законом само по себе субъективное право на медицинскую помощь, несмотря на его конституционную гарантированность, не охраняется, соответствующей защите подлежат здоровье и жизнь пациента, которым причиняется вред (создается угроза его причинения) в результате нарушения указанного права;

– ст. 124.1 УК РФ входит в систему норм, направленных на охрану жизни и здоровья пациента;

– указанная статья, в отличие от иных, предусматривает ответственность за вред, причиненный в результате нарушения субъективного права на медицинскую помощь лицом, которое с оказанием

такой помощи прямо либо опосредованно не связано;

– наличие в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного положениями ст. 124.1 УК РФ, исключает привлечение медицинского работника к уголовной ответственности за неокказание или ненадлежащее оказание медицинской помощи.

Список литературы

1. Плаксина Т. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124.1 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Восемнадцатой Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2020. Ч. 2. С. 24–25. EDN RGLSXT.

2. Коробеев А. И., Ширшов А. А. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124.1 УК РФ): вопросы толкования и правоприменения // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. Т. 22, № 4. С. 105–117. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/105-117>. EDN LRZULA.

3. Ермакова О. В. Соответствие цели криминализации общественно опасного деяния и создаваемой конструкции конкретного состава преступления (на примере состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Двдцатой Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2022. Ч. 2. С. 20–21. EDN LQFATW.

4. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи: социальная обусловленность и критический анализ законодательных новелл // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 2, № 4. С. 175–184. EDN QOREGV.

5. Лачин А. А., Лачина Е. А., Кашин М. С. Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи // Ученые записки. 2019. № 4(32). С. 64–67. EDN VYCUWL.

6. Назин Д. В., Маслов А. В. Характеристика объективных признаков статьи 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «воспрепятствование оказанию медицинской помощи» // Центральный научный вестник. 2020. Т. 5, № 12(101). С. 8–10. EDN HBDNEI.

7. Сидорова Е. З., Тимохин Л. А. К вопросу о целесообразности криминализации состава преступления «воспрепятствование оказанию медицинской помощи» (ст. 124.1 УК РФ) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 1(53). С. 37–42. EDN CEMBZN.

8. Шаганова О. М. Толкование понятия «воспрепятствование» в составе преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Восемнадцатой Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2020. Ч. 2. С. 43–44. EDN GQHMSQ.

9. Янина И. Ю. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи в свете принятия Федерального закона № 206-ФЗ от 26.07.2019 // Юридическая ответственность в сфере здравоохранения : сборник статей по материалам Научно-практического круглого стола / под общ. ред. В. И. Кайнова, В. П. Очередыко, В. П. Сальникова, Е. В. Семухиной. СПб.: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2020. С. 265–271. EDN RPFAPC.
10. Долголенко Т. В. Новелла в преступлениях против жизни и здоровья – ст. 124.1 УК РФ // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции. Выпуск IV. Красноярск: Красноярская региональная общественная организация "Общественный комитет по защите прав человека", 2019. С. 134–139.
11. Червонных Е. В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 22 с.
12. Рарог А. И., Понятовская Т. Г. Объект и система медицинского уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 5. С. 816–824. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(5\).816-824](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(5).816-824).
13. Рарог А. И. Перспективы развития медицинского уголовного права в Российской Федерации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: Саратовская гос. юридическая акад., 2018. С. 64–75.
14. Блинов А. Г. Уголовно-правовой механизм удержания медицинских работников от совершения преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4 (117). С. 161–167.
15. Сенокосова Е. К. Профессиональная некомпетентность и недобросовестность при оказании медицинской помощи: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 23 с.
16. Нагорная И. И. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг (на примере России, США и Франции): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 324 с.
17. Яковенко Н.А. Право гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в международном и российском праве // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 142–147.
18. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.
19. Смирнов Р. Ю. Анализ основных направлений дифференциации ответственности за посягательства на здоровье человека // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 24–27.
20. Киселёва И. А., Безрукова Е. Н. Незаконное искусственное прерывание беременности (ст. 123 УК РФ): проблемные аспекты // Приволжский научный вестник. 2015. № 12 (52), ч. 2. С. 67–74. EDN VHFNVR.
21. Понятовская Т. Г. Уголовно-правовые гарантии оказания медицинской помощи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 62–70.

References

1. Plaksina T. A. [Criminal liability for obstructing the provision of medical care (Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. Materialy Vosemnadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of combating crimes and other offenses. Materials of the Eighteenth International scientific and practical conference]; ed. by Yu. V. Anohin. Barnaul, Barnaul'skij yuridicheskij in-t MVD Rossii Publ., 2020, pt. 2, pp. 24–25. EDN RGLSXT
2. Korobeev A. I., Shirshov A. A. Vosprepyatstvovanie okazaniyu medicinskoj pomoshchi (st. 124.1 UK RF): voprosy tolkovaniya i pravoprimereniya [Obstruction of medical care (Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): questions of interpretation and law enforcement]. *Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo = Asia-Pacific region: economics, politics, law*, 2020, vol. 22, no. 4, pp. 105–117. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/105-117>. EDN LRZULA
3. Ermakova O. V. [Compliance with the purpose of criminalization of a socially dangerous act and the created construction of a specific corpus delicti (on the example of the composition of obstruction of medical care)]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. Materialy Dvadcatoy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of combating crimes and other offenses. Materials of the Twentieth International scientific and practical conference]; ed. by Yu. V. Anohin. Barnaul, Barnaul'skij yuridicheskij in-t MVD Rossii, 2022, pt. 2, pp. 20–21. (In Russ.) EDN LQFATW
4. Dubovichenko S. V., Karlov V. P. Ugolovnaya otvetstvennost' za vosprepyatstvovanie okazaniyu medicinskoj pomoshchi: social'naya obuslovlennost' i kriticheskij analiz zakonodatel'nyh novell [Criminal liability for obstructing the provision of medical care: social conditionality and critical analysis of legislative novels]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2019, vol. 2, no. 4, pp. 175–184. EDN QOREGU
5. Lachin A. A., Lachina E. A., Kashin M. S. Ugolovnaya otvetstvennost' za vosprepyatstvovanie okazaniyu medicinskoj pomoshchi [Criminal liability for obstructing the provision of medical care]. *Uchenye zapiski = Scientific notes*, 2019, no. 4(32), pp. 64–67. EDN VYCUWL
6. Nazin D. V., Maslov A. V. Harakteristika ob"ektivnyh priznakov stat'i 124.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii "vosprepyatstvovanie okazaniyu medicinskoj pomoshchi" [Characteristics of objective signs of Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "obstruction of medical care"]. *Central'nyj nauchnyj vestnik = Central Scientific Bulletin*, 2020, vol. 5, no. 12(101), pp. 8–10. EDN HBDNEI
7. Sidorova E. Z., Timohin L. A. K voprosu o celesoobraznosti kriminalizacii sostava prestupleniya "vosprepyatstvovanie okazaniyu medicinskoj pomoshchi" (st. 124.1 UK RF) [On the question of the expediency of criminalizing the corpus delicti "obstruction of medical care" (Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii = Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2020, no. 1(53), pp. 37–42.
8. Shaganova O. M. [Interpretation of the concept of "obstruction" as part of a crime under Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. Materialy Vosemnadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of combating crimes and other offenses.

Materials of the Eighteenth International scientific and practical conference]; ed. by Yu. V. Anohin. Barnaul, Barnaul'skij yuridicheskij in-t MVD Rossii, 2020, pt. 2, pp. 43–44. (In Russ.) EDN GQHMSQ.

9. Yanina I. Yu. [Obstruction of the provision of medical care in the light of the adoption of Federal Law No. 206-FZ of 26.07.2019]. *Yuridicheskaya otvetstvennost' v sfere zdravooohrane-niya. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskogo kruglogo stola* [Legal responsibility in the field of healthcare. Collection of articles based on the materials of the scientific and practical round table]; ed. by V. I. Kajnov, V. P. Ochered'ko, V. P. Sal'nikov, E. V. Semuhina. St. Petersburg, Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij "Asterion", 2020, pp. 265–271. (In Russ.) EDN RPFAPC

10. Dolgolenko T. V. [Novella in crimes against life and health – Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Enisejskie politiko-pravovye chteniya. Sbornik nauchnyh statej po materialam XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Yenisei political and legal readings. Collection of scientific articles based on the materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference]; is. IV. Krasnoyarsk, Krasnoyarskaya regional'naya obshchestvennaya organizaciya "Obshchestvennyj komitet po zashchite prav cheloveka", 2019, pp. 134–139. (In Russ.)

11. Chervonnyh E. V. Prestupleniya, sovershaemye v sfere zdravooohraneniya, i ih preduprezhdenie. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Crimes committed in the field of healthcare and their prevention. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2009. 22 p.

12. Rarog A. I., Ponyatovskaya T. G. Ob"ekt i sistema medicinskogo ugolovnogogo prava [Object and system of medical criminal law]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 816–824. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(5\).816-824](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(5).816-824).

13. Rarog A. I. [Prospects for the development of medical criminal law in the Russian Federation]. *Ugolovno-pravovoe vozdejstvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (III Saratovskie ugolovno-pravovye chteniya). Sbornik statej po materialam III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Criminal law impact and its role in crime prevention (III Saratov Criminal Law Readings). Collection of articles based on the materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference]. Saratov, Saratovskaya gos. yuridicheskaya akad., 2018, pp. 64–75. (In Russ.)

14. Blinov A. G. Ugolovno-pravovoj mekhanizm uderzhaniya medicinskih rabotnikov ot soversheniya prestuplenij [Criminal-legal mechanism for deterring medical workers from committing crimes]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 4 (117), pp. 161–167.

15. Senokosova E. K. Professional'naya nekompetentnost' i nedobrosovestnost' pri okazanii medicinskoj pomoshchi: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Professional incompetence and dishonesty in the provision of medical care: criminological and criminal-legal aspects. Cand. legal sci. abstract diss.]. Omsk, 2018. 23 p.

16. Nagornaya I. I. Ugolovno-pravovaya ohrana zhizni i zdorov'ya cheloveka pri okazanii medicinskih uslug (na primere Rossii, SSHA i Francii). Diss. kand. yurid. nauk [Criminal law protection of human life and health in the provision of medical services (on the example of Russia, the USA and France). Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2013. 324 p.

17. Yakovenko N. A. Pravo grazhdanina na ohranu zdorov'ya i medicinskuyu pomoshch' v mezhdunarodnom i rossijskom prave [The right of a citizen to health protection and medical care in international and Russian law]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudar-*

stvennoj yuridicheskoy akademii = Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy, 2021, no. 4 (50), pp. 142–147.

18. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]; ed. by N. Yu. Shvedova. 16th ed. Moscow. Rus. yaz. Publ., 1984. 797 p.

19. Smirnov R. Yu. Analiz osnovnyh napravlenij differenciacii otvetstvennosti za posyagatel'stva na zdorov'e cheloveka [Analysis of the main directions of differentiation of responsibility for attacks on human health]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami = Topical issues of combating crimes*, 2015, no. 2, pp. 24–27.

20. Kiselyova I. A., Bezrukova E. N. Nezakonnoe iskusstvennoe preryvanie beremennosti (st. 123 UK RF): problemnye aspekty [Illegal artificial termination of pregnancy (Article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic aspects]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik = Volga Scientific Bulletin*, 2015, no. 12 (52), pt. 2, pp. 67–74. EDN VHFNVN

21. Ponyatovskaya T. G. Uголовно-правовые гарантии оказаниа медицинской pomoshchi [Criminal law guarantees of medical care]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 62–70.

Информация об авторе / Information about the Author

Глебова Екатерина Петровна, адъюнкт,
Барнаульский юридический институт МВД
России, г. Барнаул, Российская Федерация
e-mail: glebovaep@mail.ru,
AuthorID: 1148945

Ekaterina P. Glebova, Adjunct, Barnaul Law Insti-
tute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Barnaul, Russian Federation,
e-mail: glebovaep@mail.ru,
AuthorID: 1148945

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-98-108>

Проблемы использования единого понятия пенитенциарной преступности при совершенствовании нормативно-правового регулирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

Р. А. Данилин¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ra-danilin@mail.ru

Резюме

Актуальность. В данной статье сделана попытка рассмотреть проблемные вопросы реализации направлений уголовно-исполнительной политики по совершенствованию нормативно-правового регулирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при отсутствии единого научного подхода к определению содержания понятия пенитенциарной преступности, а также проводится сравнительный анализ основных подходов к пониманию природы пенитенциарной преступности. Особенность представленного исследования заключается в выяснении при помощи понятия пенитенциарной преступности процессов происходящих изменений в уголовно-исполнительной системе. Автором предлагается новое определение пенитенциарной преступности – на основе оценки актуальной криминогенной обстановки в местах отбывания наказания.

Цель – разработать модель унифицированного подхода к пониманию определения «пенитенциарная преступность».

Задачи. На основе материалов криминологических исследований, а также уголовно-правовой практики сформулировать определение «пенитенциарной преступности», которое, в свою очередь, будет отвечать актуальной криминогенной обстановке в УИС.

Методология. Методологическую базу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, на основе которых была сделана попытка формулирования единого понятия пенитенциарной преступности.

Результаты. Предлагается новое определение пенитенциарной преступности – на основе оценки актуальной криминогенной обстановки в местах отбывания наказания.

Вывод. Пенитенциарная преступность представляет собой совокупность деяний, целью которых является нарушение режима содержания в учреждениях УИС лицами, связанными с территориальным ограничением свободы перемещения и осуждением судом, а также с преступными деяниями лиц, которые должны данный режим охранять.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность; дезорганизация; исправительное учреждение; пенитенциарная криминология; лишение свободы; осужденный.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Данилин Р. А. Проблемы использования единого понятия пенитенциарной преступности при совершенствовании нормативно-правового регулирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 98–108. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-98-108>.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Принята к публикации 27.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Problems of Using a Single Concept of Penitentiary Crime in Improving the Regulatory and Legal Regulation of the Penal Enforcement System of the Russian Federation

Roman A. Danilin¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ra-danilin@mail.ru

Abstract

Relevance. In this article, an attempt is made to consider the problematic issues of the implementation of the directions of the penal enforcement policy to improve the regulatory and legal regulation of the penal enforcement system of the Russian Federation in the absence of a unified scientific approach to determining the content of the concept of penitentiary crime, and a comparative analysis of the main approaches to understanding the nature of penitentiary crime is carried out. The peculiarity of the presented research is to clarify with the help of the concept of penitentiary criminality the processes of ongoing changes in the penal system. The author proposes a new definition of penitentiary crime – based on an assessment of the current criminogenic situation in places of serving sentences.

The purpose – to develop a model of a unified approach to understanding the definition of "penitentiary crime".

Objectives. On the basis of the materials of criminological research, as well as criminal law practice, to formulate a definition of "penitentiary crime", which, in turn, would correspond to the current criminogenic situation in the penal system.

Methodology. The methodological basis of the study was made up of general scientific and private scientific methods of cognition, on the basis of which an attempt was made to formulate a single concept of penitentiary crime.

Results. A new definition of penitentiary crime is proposed – based on an assessment of the current criminogenic situation in places of serving sentences.

Conclusin. Penitentiary criminality is a set of acts aimed at violating the regime of detention in penal institutions by persons associated with territorial restriction of freedom of movement and conviction by a court, as well as with criminal acts of persons who should protect this regime.

Keywords: penitentiary crime; disorganization; correctional institution; penitentiary criminology; deprivation of liberty; convict.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Danilin R. A. Problems of Using a Single Concept of Penitentiary Crime in Improving the Regulatory and Legal Regulation of the Penal Enforcement System of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(1): 98–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-98-108>.

Received 26.12.2022

Accepted 27.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Российская Федерация как государство, признающее права и свободы человека высшей ценностью, берет на себя обязательства об их признании, соблюдении и защите. Стоит отметить, что государство не просто охраняет конституционные права граждан от нарушений, но и рассматривает степень защищенности

данных правоотношений как оценку качества деятельности всех государственных органов. «С учетом настоящего посыла предупреждение преступности, в том числе после совершения преступлений, должно нести в себе не только воздействие на причины и условия конкретных преступлений, но и учитывать взаимосвязь различных видов и форм обще-

ственных отношений. Каждый преступник должен знать, что за совершенное им преступление неуклонно последует реальное наказание, а каждый гражданин должен быть уверен в справедливости и гуманности этого наказания при его защите от преступников» [1, с. 15–16].

На основе указанных принципов правового государства осуществляется и деятельность уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). В рамках российского правового поля обратим внимание на Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2021 г. 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года»¹ (далее – Концепция 2030). Данный правовой документ носит программно-идеологический характер, определяющий тенденции развития, цели, вызовы и приоритетные направления деятельности УИС. Одним из ключевых вызовов, выделенных в Концепции 2030, является необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования, направленного на обеспечение прав лиц, содержащихся в учреждениях УИС. Закрепленный вызов подтверждает потребность в критическом осмыслении вопросов, связанных с криминологическими исследованиями в области пенитенциарных преступлений.

Актуальность данной проблемы подтверждается при анализе ежегодного доклада о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г.² В 2021 г. Уполномочен-

ному по правам человека в Российской Федерации поступило 59 407 обращений, что почти на 35% больше, чем в предыдущем (44 087). Жалобы на нарушение прав человека в местах принудительного содержания занимают второе место из общего количества обращений и составляют 13% от общего числа письменных обращений (6188). Важно отметить тот факт, что в 2019 г. отмечался рост обращений по вопросам нарушений уголовно-исполнительного законодательства и составил 11% от предшествующего года, когда в 2021 г. рост уже составил 34%.

В 3 квартале 2021 г. тема нарушений прав осужденных обрела и общественный резонанс после опубликования в сети Интернет шокирующих видеоматериалов о пытках российских осужденных [2, с. 245]. На данное происшествие пришлось реагировать официальным лицам, которые подтверждали наличие и необходимость решения проблем систематических нарушений в системе УИС. Регулярность нарушений подтверждается в отчете Генпрокуратуры. За девять месяцев 2021 г. в статистических материалах отмечается более 103 тыс. нарушений, 34 тыс. сотрудников уголовно-исполнительной системы привлечены к дисциплинарной ответственности, к административной ответственности – 1,7 тыс. лиц, за преступления по службе были осуждены 89 сотрудников УИС³.

При анализе состояния законности в системе УИС стоит обратить внимание на преступления, совершаемые осужденными. Преступления со стороны лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, в свою очередь, обладают более высоким уровнем общественной опасности из-за наличия у данных лиц криминального опыта.

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 10.11.2022).

² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 17.11.2022).

³ Более ста тысяч нарушений выявили в колониях и СИЗО в 2021 году // Риа Новости. URL: <https://ria.ru/20211116/narusheniya-1759274621.html> (дата обращения: 17.11.2021).

Таблица. Динамика состояния пенитенциарной преступности в Российской Федерации (2017-2021 гг.) [3]**Table.** The dynamics of the state of penitentiary crime in the Russian Federation (2017-2021) [3]

Количество пенитенциарных преступлений	2017	2018	2019	2020	2021
Всего коэффициент преступности на 1000 человек	74	025	171	184	271
	1,54	1,70	2,23	3,06	2,69

Оценивая официальную статистику, представленную в таблице, можно отметить поступательный рост зарегистрированных преступлений по годам [4]. Учитывая, что пенитенциарная преступность обладает высоким уровнем латентности, рост зарегистрированных преступлений со стороны осужденных может привести нас к трем общим выводам по состоянию преступности в системе УИС: 1) кардинальный рост криминогенности в УИС; 2) повышение качества раскрытия преступлений в УИС; 3) отсутствие эффективной системы предупреждения пенитенциарной преступности.

В целом же, оценивая представленные данные и сведения, полученные из других источников, необходимо отметить тот факт, что криминогенная обстановка в системе УИС приобретает негативные тенденции. Высокий уровень преступности в УИС представляет собой типичное явление не только со стороны осужденных, но и со стороны сотрудников УИС.

В поисках объяснения высокого уровня преступности и последующих предложений по ее устранению в системе УИС полагаем необходимым использовать криминологическую науку. При обращении к научным исследованиям, изучающим преступность в системе УИС, предлагаем разработать модель унифицированного подхода к пониманию определения «пенитенциарной преступности». Плюрализм мнений к понимаю основного термина, на основе которого выстраивается исследовательская деятельность по анализу криминогенной обстановки в УИС, негативно влияет на оценку объективной реальности состояния за-

конности в пенитенциарных учреждениях, что, в свою очередь, существенно усложняет процесс внедрения результатов криминологических исследований в практическую деятельность всех системных органов и учреждений ФСИН РФ.

Методология

Методологическую базу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, на основе которых была предпринята попытка в формулировании единого понятия пенитенциарной преступности.

Результаты и их обсуждение

Осмыслением преступности в местах лишения свободы занимались, в частности, С. А. Хохрин [4; 5], О. В. Старков [6; 7], Ю. М. Антонян [8], В. Г. Громов [9], Е. А. Локтионова [10] и др. В рамках современной криминологии выделилось два основных течения: «пенитенциарная криминология» и «криминопенология».

Изучение преступности в местах лишения свободы через пенитенциарную криминологию является самым распространенным подходом среди авторов-криминологов. В данном направлении основным объектом изучения является пенитенциарная преступность. Но стоит отметить, что единого подхода к выделению данной преступности нет.

С позиции А. И. Долговой, «пенитенциарная преступность – это совокупность преступлений, совершаемых в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции России» [11, с. 596]. Раскрывая

свое определение, автор выдвигает два основных субъекта пенитенциарной преступности: 1) осужденные и 2) сотрудники УИС [12, с. 856–857].

Существуют схожие подходы по ограничению пенитенциарной преступности по месту совершения, но отличные по субъектному составу. Например, В. В. Николайченко [13, с. 16–17] и Ю. А. Калинина [14, с. 8] определяют пенитенциарную преступность как совокупность преступлений, совершаемых исключительно осужденными в учреждениях УИС в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы.

В. С. Ишигеев под пенитенциарной преступностью понимает «преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, посягающие на общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний в условиях изоляции от общества» [15, с. 13–14]. В действующем законодательстве в соответствии с данным определением можно выделить ст. 313, 314, 321 УК РФ, при анализе которых мы можем составить признаки, присущие пенитенциарной преступности, используя только уголовный закон.

На первый взгляд, такой подход, основанный на трактовке уголовного закона, должен ограничить круг субъектов исследуемого вида преступности и замкнуть его на осужденных к лишению свободы, а также на лиц, находящихся в следственных изоляторах. В частности, в подтверждение данного фактора можно предоставить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹. В п. 19 разъясняется необходимость дополнительной квалификации убийства сотрудника УИС

или осужденного с целью дезорганизации нормальной деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, если его совершило лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы или содержащееся под стражей. Но при глубоком изучении литературы по уголовному праву можно заметить, что трактовка диспозиции ст. 321 УК РФ по выделению субъекта вызывает споры в научном сообществе.

Обобщая различные воззрения по определению субъекта пенитенциарной преступности на примере ст. 321 УК РФ максимально убедительно звучит заключение О. Ю. Крюковой. По ее мнению, преступление в отношении сотрудника системы УИС или его близких может быть осуществлено не только лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или ареста либо подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, но и любым вменяемым физическим лицом, достигшим 16-летнего возраста [16]. Данное мнение подкрепляется статистическими материалами, в которых отмечаются случаи причинения вреда членам семьи сотрудника УИС. Считаем, что определение пенитенциарной преступности, ограниченное диспозициями уголовного закона, представляется недостаточным. Одной из основных ролей криминологических исследований является совершенствование уголовно-правовой политики государства, включая уголовное законодательство. Следовательно, такие искусственные ограничения являются контрпродуктивными.

В учебных пособиях можно встретить мнение о том, что пенитенциарная преступность является специфической частью уголовного рецидива [17, с. 4]. Таким образом, данный метод точно описывает криминологическую опасность в местах отбывания наказания. Концентрация лиц, обладающих криминальным опытом в одном месте, вызывает серьезные вызовы для администрации исправительного учреждения. Противодействие

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1: [ред. от 03.03.2015] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 17.11.2022).

вать преступности в таких условиях достаточно проблематично. Но представленное понимание пенитенциарной преступности исключает противоправные действия со стороны сотрудников УИС, а значит, является существенным недостатком. Из-за исключения из криминологической оценки преступных деяний со стороны сотрудников УИС не представляется возможным представить реальную криминогенную обстановку в местах, связанных с ограничением свободы.

Вторым направлением по изучению преступлений в исправительных учреждениях является учение, разработанное О. В. Старковым. Его подход основывается на стыке криминологии и пенологии, образуя при этом новую науку под названием «криминопенология» [7, с. 787]. Особенность данного подхода заключается в том, что в отличие от пенитенциарной криминологии, которая исследует исключительно преступления в местах лишения свободы, криминопенология рассматривает криминальные явления во время исполнения всех видов наказания. В рамках криминопенологии выделяется «наказательная» преступность, которая представляет собой часть рецидивной преступности [7, с. 787–788]. Из всего перечисленного можно сделать вывод о том, что данное определение обладает аналогичными минусами, как и определение, выдвигаемое другими авторами-криминологами, по мнению которых в рамках пенитенциарной преступности стоит рассматривать только осужденных, исключая уполномоченных сотрудников УИС, осуществляющих контроль за исполнением наказания, и третьих лиц. Кроме того, следует согласиться с мнением Ю. М. Антоняна о том, что криминопенология должна ограничиться пенитенциарной криминологией, т. к. преступность без ограничения свободы не имеет специфических закономерностей, причин и условий [7, с. 787].

Наука, как и общественные отношения, непрерывно развивается. Изменения

в общественных отношениях, а также влияние научно-технического прогресса напрямую воздействует на криминологическую науку. Определения пенитенциарной преступности в криминологической литературе основываются на модернистских подходах в науке, а именно в попытке создать строго ограниченное определение, которое бы четко определяло границы исследуемой преступности. В данной статье сделаем попытку дать определение пенитенциарной преступности, основываясь на постмодернистском подходе.

Анализируя различные подходы авторов-криминологов к пониманию пенитенциарной преступности, также можно сделать вывод о том, что они формируют определения, основываясь на двух ключевых признаках: территориальное ограничение и особенности субъекта. Исследуя криминологическую литературу, так и не найдено определение пенитенциарной преступности, которое бы отражало суть данного вида преступности.

Повсеместное использование современных технологий создает предпосылки для цифровой трансформации традиционной преступности [18, с. 64]. Вследствие данного фактора в криминологической науке существует запрос на современное определение пенитенциарной преступности, которое бы обладало такими признаками, как плюрализм и релятивизм и учитывало современные цифровые реалии.

Влияние современных цифровых технологий затрагивает все уровни общественных отношений. Уголовно-исполнительные отношения в этом плане не являются исключением. Следовательно, такое влияние должно учитываться при формулировании современного определения пенитенциарной преступности.

При изучении криминологической литературы необходимо рассмотреть три ключевые особенности пенитенциарной преступности, после анализа которых мы сможем выделить их в отдельную группу:

1) объект предупреждения; 2) территориальное ограничение; 3) личность преступника.

Начать следует с определения объекта предупреждения пенитенциарной преступности. Для этого необходимо выделить вид правоотношений, которые функционируют в УИС. В словаре по уголовно-исполнительному праву под уголовно-исполнительными правоотношениями понимаются «общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-исполнительного права, возникающие в процессе и в связи с исполнением и отбыванием наказаний, а также применением иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных уголовным законом» [19, с. 7]. В ст. 1 УИК РФ описаны основные цели уголовно-исполнительного законодательства. Заключаются они в исправлении осужденных и предупреждении совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами¹. Таким образом, важно определить, как происходит процесс исправления осужденного в рамках современной пенитенциарной криминологии.

В советский период нашего государства в уголовно-исполнительном законодательстве основным средством исправления осужденных являлся труд [20, с. 75]. В современной России средства достижения исправления осужденного описаны в ч. 2 ст. 9 УИК РФ. Основным же средством исправления признается режим. Главенство режима подтверждается ч. 2 ст. 82 УИК РФ: «Режим создает условия для применения других средств исправления осужденных».

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что объектом предупреждения пенитенциарной пре-

ступности является обеспечение «режима» в УИС. Определение режима раскрывается в ст. 82 УИК РФ и представляет собой «установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания».

Следующий признак, который необходимо рассмотреть, – это территориальное ограничение пенитенциарной преступности. Под данным признаком следует понимать то, что результаты общественно опасных деяний должны быть направлены на дезорганизацию деятельности (нарушение режима) исправительного учреждения, связанного с лишением свободы. При рассмотрении данного признака стоит обратить внимание не только на деяния, совершенные непосредственно на территории исправительного учреждения, но и оценивать действия, которые совершаются извне. Значительную угрозу обеспечения режима в УИС представляют собой правонарушения, связанные с передачей запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения. Например, из открытых статистических данных: в 2020 г. за передачу либо попытку передачи подозреваемым, обвиняемым и осужденным запрещенных предметов в пределах прилегающих режимных территорий учреждений УИС было задержано 3 349 граждан, в первом квартале 2021 г. число задержанных составило 696 человек. С развитием технологий появляются новые средства доставки запрещенных предметов. Актуальным примером является использова-

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ: [ред. от 11.06.2022] // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 17.11.2022).

ние беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА), которое позволяет оператору находиться на удалении от 300 до 5000 метров от территории пенитенциарного учреждения, что, в свою очередь, существенно усложняет деятельность по противодействию доставки запрещенных предметов со стороны сотрудников ФСИН России. В подтверждение данного фактора выступают статистические данные, в которых отмечается, что «в исправительных учреждениях в 45,7% случаях мобильные телефоны изымаются на режимной территории, прилегающей к учреждению, при перебросе через основное ограждение (в том числе обнаруженные на внутренней запретной зоне и 15-метровой полосе – 39%)» [21, с. 180].

Важно упомянуть, что развитие современных телекоммуникационных технологий позволяет пенитенциарной преступности оказывать криминальное влияние из территории исправительного учреждения во внешний мир. Использование мобильных устройств связи предоставляет возможность осужденному поддерживать коммуникации с членами преступного сообщества. Данный фактор может являться средством для создания новых условий воздействия на режим. Например, можно отметить случаи применения насилия либо угрозы его применения в отношении сотрудника УИС или членов его семьи с целью воспрепятствования нормальной деятельности пенитенциарного учреждения со стороны третьих лиц, в том числе с использованием технологий интернета.

При исследовании личности пенитенциарного преступника считаем, что рассматривать противоправную деятельность исключительно со стороны осужденных и (или) персонала исправительного учреждения – значит существенно ограничить понимание пенитенциарной преступности. Установленное ограничение не отвечает современным вызовам, которые стоят перед криминологической наукой. В подтверждение данного факта

стоит отметить случаи передачи запрещенных предметов осужденным третьими лицами.

Выводы

Исходя из результатов данного исследования, можно констатировать, что в криминологической науке существуют проблемы внедрения и использования единого понятия пенитенциарной преступности. Необходимость в создании общего определения соответствует целям и задачам, закрепленным законодательно в Концепции развития УИС до 2030 г. Вследствие данного фактора на основе анализа статистических данных, материалов криминологических исследований, а также уголовно-правовой практики в статье проведена попытка формирования определения «пенитенциарной преступности», которое, в свою очередь, будет отвечать актуальной криминогенной обстановке в УИС.

В результате проведения сравнительно-правового анализа были определены три основных признака, на основе которых должно формироваться определение пенитенциарной преступности:

1. Объект предупреждения. Деяния, направленные на нарушение режима содержания в учреждениях УИС, связанных с ограничением свободы.

2. Территориальное ограничение. Выражается в преступном воздействии на учреждения УИС, связанных с ограничением свободы. Данное воздействие может происходить не только внутри территории исправительного учреждения, но и снаружи.

3. Личность пенитенциарного преступника. Под личностью пенитенциарного преступника следует понимать физическое лицо, целью которого являются деяния, нацеленные на нарушение установленного режима в УИС, независимо от его правового статуса.

Предлагаем под пенитенциарной преступностью выделять совокупность деяний, целью которых является наруше-

ние режима содержания в учреждениях УИС лицами, связанными с территориальным ограничением свободы переме-

щения и осуждением судом, а также с преступными деяниями лиц, которые должны этот режим охранять.

Список литературы

1. Желудков М. А. Соотношение принципов гуманизма и справедливости при реализации мер по предупреждению преступности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 15–16.
2. Желудков М. А., Бетина А. Ю. Историко-правовой анализ запрета на применение пыток при расследовании преступлений // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 244–249.
3. Нуждин А. А. Криминалистическая характеристика пенитенциарных преступлений и меры их предупреждения // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 111–115.
4. Хохрин С. А. Состояние пенитенциарной преступности в современных реалиях // Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия: материалы Международной научно-практической конференции. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. С. 265–269.
5. Хохрин С. А. Пенитенциарная преступность как предмет правового и криминологического исследования: монография / С. А. Хохрин; под науч. ред. К. А. Сыча. М.: Юрлитинформ, 2015. 176 с.
6. Старков О. В. Некоторые проблемы криминопенологии // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика : материалы III Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Р. А. Ромашова. Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2013. С. 296–299.
7. Старков О. В. Криминология: общая, особенная и специальная части / Ассоц. юридический центр. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. 1046 с.
8. Антонян Ю. М. Преступность в местах лишения свободы и ее причины // Уголовное право. 2002. № 4. С. 101–104.
9. Громов В. Г. Пенитенциарная преступность // Современное право. 2007. № 9. С. 65–69.
10. Локтионова Е. А. Проблемы изучения пенитенциарной преступности в отечественной науке и практике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1(48). С. 267–274.
11. Российская криминологическая энциклопедия: преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / Российская криминологическая ассоц.; [Алексеев А. И. и др.]. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2000. 802 с.
12. Долгова А. И. Криминология / под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.
13. Николайченко В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 50 с.
14. Ваганов А. Б. Понятие, содержание и особенности пенитенциарной преступности // Вестник Самарского юридического института. 2011. № 3. С. 102–106.
15. Ишгеев В. С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. 46 с.
16. Крюкова О. Ю. К вопросу об определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ // Пенитенциарная наука, 2011. № 13. С. 15–17.
17. Пенитенциарная криминология / Ю. И. Калинин [и др.]; под ред. Ю. М. Антоняна. 2-е изд. М.: Проспект, 2022. 566 с.

18. Желудков М. А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // *Lex Russica*. 2021. Т. 74. С. 63–70.

19. Зарубин А. В. Уголовно-исполнительное право России. Основные термины и определения. СПб.: С.-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 44 с.

20. Титанов М. Ю. Исторический и сравнительно-правовой обзор пенитенциарной преступности // *Ведомости Уголовно-исполнительной системы*. 2021. №1 (224). С. 73–79.

21. Дазмарова Т. Н. Меры административного противодействия проникновению запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы // *Государственная служба и кадры*. 2022. № 2. С. 179–181.

References

1. Zheludkov M. A. Sootnoshenie principov gumanizma i spravedlivosti pri realizacii mer po preduprezhdeniyu prestupnosti [Correlation of the principles of humanism and justice in the implementation of crime prevention measures]. *Problemy pravookhranitel'noj deyatel'nosti = Problems of law enforcement*, 2016, no. 4, pp. 15–16.

2. Zheludkov M. A., Betina A. Yu. Istoriko-pravovoj analiz zapreta na primenenie pytok pri rassledovanii prestuplenij [Historical and legal analysis of the prohibition on the use of torture in the investigation of crimes]. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State-legal research*, 2021, is. 4, pp. 244–249.

3. Nuzhdin A. A. Kriminalisticheskaya charakteristika penitenciarnyh prestuplenij i mery ikh preduprezhdeniya [Criminalistic characteristics of penitentiary crimes and measures of their prevention]. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*, 2022, no. 6, pp. 111–115.

4. Khokhrin S. A. [The state of penitentiary crime in modern realities]. *Penitenciarная система, государство и общество: проблемы взаимодействия. Материалы Международной научно-практической конференции* [Penitentiary system, state and society: problems of interaction. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Pskov, Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022, pp. 265–269. (In Russ.)

5. Khokhrin S. A. Penitenciarная преступность как предмет правового и криминологического исследования [Penitentiary crime as a subject of legal and criminological research]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 176 p.

6. Starkov O. V. [Some problems of criminopenology]. *Penitenciarное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика. Материалы III Международной научно-практической конференции* [Penitentiary law and penitentiary security: theory and practice. Materials of the III International Scientific and Practical Conference]; ed. by P. A. Romashov. Samara, Samarskii jurid. in-t FSIN Rossii Publ., 2013, pp. 296–299. (In Russ.)

7. Starkov O. V. Kriminologiya: obshhaya, osobennaya i specialnaya chasti [Criminology: general, special and special parts]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2012. 1046 p.

8. Antonyan Yu. M. Prestupnost' v mestakh lisheniya svobody' i ee prichiny [Crime in places of deprivation of liberty and its causes]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2002, no. 4, pp. 101–104.

9. Gromov V. G. Penitenciarная преступность [Penitentiary crime]. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2007, no. 9, pp. 65–69.

10. Loktionova E. A. Problemy izucheniya penitenciarной преступности v otechestvennoj nauke i praktike [Problems of studying penitentiary crime in Russian science and practice]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2022, no. 1(48), pp. 267–274.

11. Alekseev A. I. Slovari i enciklopedii: Rossijskaya kriminologicheskaya enciklopediya: prestupnost' i borba s nej v ponyatiyakh i kommentariyakh [Dictionaries and encyclopedias: The Russian Criminological Encyclopedia: crime and the fight against it in concepts and comments]. Moscow, NORM Publ., INFRA-M Publ., 2000. 802 p.
12. Dolgova A. I. Kriminologiya [Criminology]; ed. by A. I. Dolgova. 3th ed. Moscow, Norma Publ., 2005. 912 p.
13. Nikolaychenko V. V. Penitenciarnye i postpenitenciarnye prestupleniya: kriminalisticheskaya teoriya i praktika. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Penitentiary and post-penitentiary crimes: criminalistic theory and practice. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2006. 50 p.
14. Vaganov A. B. Ponyatie, sodержание i osobennosti penitenciarnoj prestupnosti [The concept, content and features of penitentiary crime]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2011, no. 3, pp. 102–206.
15. Ishgeev V. S. Penitenciarnye prestupleniya: kharakteristika, preduprezhdenie, otvetstvennost'. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Penitentiary crimes: characteristics, prevention, responsibility. Dr. legal sci. abstract diss.]. Krasnoyarsk, 2004. 46 p.
16. Kryukova O. Yu. K voprosu ob opredelenii sub"ekta prestupleniya, predusmotrennogo st. 321 UK RF [On the issue of determining the subject of a crime under Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary science*, 2011, no. 13, pp. 15–17.
17. Zheludkov M. A. Obosnovanie neobkhodimosti adaptacii deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov k usloviyam cifrovoj transformatsii prestupnoj sredy [Substantiation of the need to adapt the activities of law enforcement agencies to the conditions of digital transformation of the criminal environment]. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, pp. 63–70.
18. Zarubin A. V. Uголовно-исполнител'noe pravo Rossii. Osnovnye terminy i opredeleniya [Penal enforcement law of Russia]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii Generalnoj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2017. 44 p.
19. Titanov M. Yu. Istoricheskij i sravnitel'no-pravovoj obzor penitenciarnoj prestupnosti [Historical and comparative legal review of penitentiary crime]. *Vedomosti Uголовно-исполнител'noj sistemy = Sheets of the Penal enforcement system*, 2021, no. 1 (224), pp. 73–79.
20. Dazmarova T. N. Mery administrativnogo protivodeistviya proniknoveniyu zapreschennikh predmetov v uchrejdeniya uголовно-исполнител'noi sistemy [Measures of administrative counteraction to the penetration of prohibited items into institutions of the penal system]. *Gosudarstvennaya slujba i kadry = Civil service and personnel*, 2022, no. 2, pp. 179–181.

Информация об авторе / Information about the Author

Данилин Роман Алексеевич, аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ra-danilin@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1758-7744

Roman A. Danilin, Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ra-danilin@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1758-7744

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-109-121>

Мошенничество в сфере купли-продажи автотранспортных средств: особенности совершения и меры профилактики

Е. Р. Хныков¹ ✉

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
ул. Игнатова, д. 2, г. Орёл 302027, Российская Федерация

✉ e-mail: khn.evg@gmail.com

Резюме

Актуальность. В настоящее время в российском обществе наблюдаются проблемы, связанные с повышением опасности мошенничества, совершаемого в сфере купли-продажи автотранспортных средств. Высокая распространённость транспортных средств на потребительском рынке России влечет рост заинтересованности преступных групп к данному сегменту рыночной экономики. Специфика торговли транспортными средствами (значительный оборот, высокая стоимость и потенциальная преступная выгода от сбыта) обуславливает привлекательность данной сферы для мошенничества, особенности его способов. Эффективным направлением противодействия автотранспортному мошенничеству является его профилактика, где важная роль принадлежит доведению информации о специфике и способах его совершения до лиц, вовлеченных в сферу реализации транспортных средств.

Цель исследования состоит в систематизации и углублении знаний об особенностях и мерах профилактики мошенничества, связанного с реализацией транспортных средств.

Задачи: изучение распространённых способов совершения мошенничества, предметом которого являются транспортные средства; анализ особенностей его видов; выработка рекомендаций по виктимологической профилактике данного вида мошенничества.

Методология. В процессе работы использованы методы анализа, синтеза, технико-юридический, системно-структурный и формально-логический методы.

Результаты исследования отличает теоретико-прикладной характер, выделены социальная опасность и характеристики способов мошенничества, предложены меры профилактики автотранспортного мошенничества.

Вывод. На основе полученных результатов о способах и особенностях совершения мошенничества, связанного с реализацией транспортных средств, предложены направления использования данной информации в профилактике его совершения.

Ключевые слова: мошенничество; транспортные средства; виктимность; жертва мошенничества; автовладельцы; виктимологическая профилактика.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Хныков Е. Р. Мошенничество в сфере купли-продажи автотранспортных средств: особенности совершения и меры профилактики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 109–121. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-109-121>.

Поступила в редакцию 12.12.2022

Принята к публикации 20.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Criminal-Legal Features of Fraud Committed in the Sale and Purchase of Vehicles

Eugene R. Khnykov¹ ✉

¹ Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov

2 Ignatova Str., Orel 302027, Russian Federation

✉ e-mail: khn.evg@gmail.com

Abstract

Relevance. Currently, Russian society is experiencing problems associated with an increase in the risk of fraud committed in the field of purchase and sale of vehicles. The high prevalence of vehicles in the Russian consumer market leads to an increase in the interest of criminal groups in this segment of the market economy. The specifics of the trade in vehicles (significant turnover, high cost and potential criminal profit from the sale) determines the attractiveness of this area for fraud, the features of its methods. An effective way to combat motor vehicle fraud is its prevention, where an important role belongs to bringing information about the specifics and methods of its commission to persons involved in the sale of vehicles.

The purpose of the study is to systematize and deepen knowledge about the features and measures to prevent fraud associated with the sale of vehicles.

Objectives: to study common ways of committing fraud, the subject of which are vehicles; analysis of the features of its species; development of recommendations on victimological prevention of this type of fraud.

Methodology. In the process of work, methods of analysis, synthesis, technical-legal, system-structural and formal-logical methods were used.

The results of the study are theoretical and applied in nature, the social danger and characteristics of fraud methods are highlighted, and measures to prevent motor vehicle fraud are proposed.

Conclusion. Based on the results obtained on the methods and features of committing fraud related to the sale of vehicles, directions for using this information in preventing its commission are proposed.

Keywords: fraud; vehicles; victimization; victim of fraud; car owners; victimological prevention.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Khnykov E. R. Criminal-Legal Features of Fraud Committed in the Sale and Purchase of Vehicles. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 109–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-109-121>.

Received 12.12.2022

Accepted 20.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

В современном российском обществе проблема роста преступлений против собственности выходит на неблагоприятный уровень, где значимая часть принадлежит мошенничеству как посягательству, имеющему высокую негативную динамику.

Общественные отношения постоянно видоизменяются и дополняются, что влечет за собой образование новых форм и способов совершения мошенничества. К

числу современных, модифицированных видов относятся мошеннические действия на рынке автотранспортных средств, которые отличаются гибкой адаптацией к новым экономическим и социальным условиям.

Использование обмана при купле-продаже транспортных средств приобретает особую распространенность ввиду их высокой стоимости и возможности получения быстрой незаконной выгоды от процесса реализации. Совершение

мошенничества в данной сфере имеет специфику предмета, способов совершения, отличают особенности потерпевших и методов воздействия на них. Это обосновывает актуальность анализа сферы купли-продажи автотранспорта как объекта криминального посягательства, а также своевременность изучения и учета уголовно-правовых особенностей характерного для нее мошенничества. Практически важной является выработка мер виктимологической профилактики данного вида мошенничества, где воздействие на потенциальных потерпевших выступает значимым направлением его уголовно-правового противодействия.

Методология

Методологическая основа данного исследования базируется на совокупности специальных методов научного по-

знания. Среди данных методов стоит выделить анализ статистических данных, сравнительно-правовой анализ, исследование данных судебной практики, толкование правовых норм.

Результаты и их обсуждение

Современное мошенничество приобретает повышенную распространенность, сопровождаемую нарастанием его опасности и тяжести последствий.

Согласно официальным данным, предоставленным ФКУ «ГИАЦ» МВД России, число зарегистрированных фактов мошенничества в последние три года значительноросло, а их раскрываемость снижалась (табл. 1). Такие негативные показатели свидетельствуют о формировании благоприятной среды для мошеннических действий в нашем обществе.

Таблица 1. Количество зарегистрированных и раскрытых мошенничеств в Российской Федерации в период с 2017 по 2021 г.

Table 1. Number of registered and disclosed frauds in the Russian Federation from 2017 to 2021

Отчетный период	Количество преступлений (динамика по отношению к аналогичному периоду прошлого года)	Количество раскрытых преступлений (динамика по отношению к аналогичному периоду прошлого года)	Процент раскрытых преступлений
2017 г.	222 772 (+6,6%)	56 178 (+2,6%)	25,2%
2018 г.	215 036 (-3,5%)	57 418 (+2,2%)	26,7%
2019 г.	257 187 (+19,6%)	64 378 (+12,1%)	25,03%
2020 г.	335 631 (+30,5%)	67 476 (+4,8%)	20,1%
2021 г.	339 606 (+1,2%)	66 690 (-1,2%)	19,64%

Мошенничество является «наиболее активно видоизменяющимся среди всех экономических преступлений... Современная ситуация характеризуется еще и многократным увеличением в новых социально-экономических условиях количества сделок, регулируемых гражданским правом, определенная доля которых совершается под влиянием обмана или злоупотребления доверием» [1, с. 230].

К наиболее широко распространённым видам сделок относится купля-продажа личных автомобилей, которая стала неотъемлемой частью жизни современного человека. Если до начала 90-х годов XX века в России уровень автомобилизации находился на достаточно низком уровне, то с переходом к рыночной экономике значительно увеличился оборот автотранспорта у населения, несмот-

ря на падение доходов, за счет отложенного спроса [2, с. 67].

Сегодня в России автомобиль имеет фактически каждый третий россиянин, на каждую тысячу жителей приходится 313 единиц легковых автомобилей. Их парк в период с 2011 по 2021 г. вырос на 36%, а доля иномарок российской сборки увеличилась с 7% до 27%¹. При этом за по-

следние десять лет средняя цена на автомобили с пробегом выросла на 66%, а на автомобили в возрасте до семи лет увеличилась до 132%.

Такое положение связано с ростом цен на новые автомобили, где у популярных моделей они выросли более чем вдвое (табл. 2).

Таблица 2. Изменения цен на новые автомобили в России в период с 2014 по 2022 г.

Table 2. Price changes for new cars in Russia in the period from 2014 to 2022

Марка и модель автомобиля	Цена на автомобиль у официального автодилера		Изменение в цене
	в 2014 г.	в 2022 г.	
Lada Granta	229 000 р.	727 900 р.	+217,8%
Renault Logan	338 000 р.	1 124 000 р.	+232,5%
Hyundai Solaris	445 000 р.	1 408 000 р.	+216,4%
Kia Rio	469 000 р.	1 435 900 р.	+206,1%
Volkswagen Polo	430 000 р.	1 620 900 р.	+276,9%

Увеличение стоимости автомобилей сопровождалось высоким уровнем инфляции, прогрессирующий уровень которой за восемь лет составил 85,5%². При этом среднедушевые доходы населения выросли всего на 45,4%. Неблагоприятным показателем выглядит значительное увеличение инфляции при невысоком росте доходов населения, ежегодный рост которых часто не превышал 10% (табл. 3).

Сравнивая повышение цен на автотранспортные средства, рост уровня инфляции и уровень среднедушевых доходов населения видно явное ухудшение благосостояния граждан. Для многих

приобретение автомобиля становится дорогой сделкой.

Увеличение на потребительском рынке фактов купли-продажи автомобилей влечет рост заинтересованности преступных групп к данному сегменту рыночной экономики. Специфика торговли транспортными средствами (значительный оборот, стоимость и потенциальная преступная выгода от сбыта) обуславливает высокую привлекательность данной сферы для преступного элемента.

Рассматривая объект мошенничества, следует сказать, что основным непосредственным объектом мошенничества выступает собственность, в данном случае он не отличается от объекта хищения в целом. Однако применительно к мошенничеству объект имеет свою специфику, обусловленную признанием его предметом не только чужого имущества, но и права на него, а также способом его совершения в отношении потерпевшего.

¹ Автомобильный парк: на чем ездят россияне? // Аналитическое агентство «Автостат». URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/47703/> (дата обращения: 05.12.2022).

² Калькулятор уровня инфляции. URL: <https://уровеньинфляции.рф/> инфляционные-калькуляторы (дата обращения: 05.12.2022).

Таблица 3. Среднедушевые денежные доходы населения в Российской Федерации в период с 2014 по 2021 г.**Table 2.** Average per capita cash income of the population in the Russian Federation in the period from 2014 to 2021

Отчетный период	Среднедушевые денежные доходы населения	Динамика доходов населения
2014 г.	27 412 р.	+6,73%
2015 г.	30 254 р	+10,37%
2016 г.	30 865 р.	+2,02%
2017 г.	31 897 р	+3,34%
2018 г.	33 266 р.	+4,29%
2019 г.	35 338 р.	+6,23%
2020 г.	36 073 р.	+2,08%
2021 г.	39 854 р.	+10,48%

В случае совершения мошенничества при купле-продаже автотранспортных средств его предметом является специфическое имущество. Транспортные средства становятся неотъемлемым элементом современного общества, наблюдается тенденция к росту их продаж у населения, в том числе и с использованием мошеннического обмана.

Мошенничество в сфере оборота транспортных средств имеет латентность ниже, чем у других видов мошенничества, что связано с дороговизной автомобилей, величиной причиненного ущерба. Уровень латентности будет значимо зависеть от стоимости автомобиля, ставшего его предметом. Чем выше цена похищенного путем мошенничества автомобиля, тем ниже его латентность. При этом постоянное совершенствование преступниками навыков и умений устанавливает свои правила, заключающиеся в обязательном повышении уровня правовой и специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел [3, с. 152], делают важным изучение способов совершения

его разных видов, связанных с использованием автотранспортных средств.

Мошенничества строятся на обещаниях достижения потребностей потерпевшего. В сфере оборота транспортных средств они имеют свои особенности в способе совершения, выборе жертвы и оказании воздействия на неё.

Потерпевшим в мошенничестве может быть только вменяемое и достаточно взрослое лицо, способное осознавать происходящее [4, с. 114]. При этом его материальное положение позволяет иметь или приобретать автомобиль, совершать сделки с ним и использовать по назначению.

Противоправные действия мошенников, совершаемые в сфере оборота транспортных средств, формируют ряд индивидуальных особенностей, присущих только данному виду мошенничества. Оно становится частью незаконного оборота автотранспорта [5, с. 24].

Традиционно выделяют два вида обмана при мошенничестве: 1) активный и 2) пассивный. Первый, признанный классическим видом обмана, встречается в

подавляющем большинстве случаев. Он выражается в действиях, направленных на предоставление искажённой информации, в том числе и полностью ложной информации. В свою очередь, второй вид обмана заключается в утаивании информации об истинности, когда предоставление истинных сведений может оказать влияние на принятие итогового решения потерпевшим.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹ указано, что обман означает сознательное сообщение или представление заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо умолчание об истинных фактах или в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

При этом злоупотребление доверием возможно при наличии между виновной и пострадавшей стороной доверительных отношений, на фоне которых осуществляются юридические и фактические действия, влекущие корыстную выгоду для злоумышленников. Доверительные отношения могут быть выстроены на основе личных, родственных, служебных взаимоотношений.

Обман может выражаться в устной, письменной и конклюдентной форме. Мошенничество имеет свою специфику в определенных сферах и в отношении конкретных групп потерпевших. В частности, свои особенности присущи преступному воздействию на отношения, складывающиеся между продавцом и по-

купателем в сфере оборота транспортных средств [6, с. 12].

Сформировать четкий перечень видов и способов обмана не представляется возможным, в зависимости от конкретных особенностей ситуации между потерпевшим и злоумышленником формируется свой собственный способ обмана.

Практическим проявлением такого обмана является пример, приведенный А. Ю. Федоровым, когда «при проведении махинации с автомашинами представители “Амурской” группировки применили 26 способов обмана потерпевших, завладев 250 автомобилями» [4, с. 65].

Используя классификацию обмана, выработанную Н. А. Лопашенко, их виды можно сориентировать на сферу купли-продажи автомобиля следующим образом: 1) обман относительно действительных намерений (продавец-мошенник сообщает ложные сведения о своем намерении продать или купить автомобиль); 2) обман в предмете преступления: в качественно-количественных характеристиках; 3) обман в произошедших фактах и ситуациях (о дорожно-транспортных происшествиях, о нахождении автомобиля в залоге, продажа автомобиля); 4) обман в личности виновного (мошенник выдает себя за другое лицо, к примеру, за реального владельца автомобиля) [7, с. 119].

Распространённым видом обмана в сфере купли-продажи автотранспорта является обман по факту сообщения заведомо неправдивой информации о наличии у лица права собственности на реализуемое автотранспортное средство [8, с. 199].

Обман зачастую формируется из нескольких смежных обстоятельств одновременно. Обманы в отношении личности применяются совместно с обманами в намерениях. В данных случаях обстоятельства, в отношении которых вводит в заблуждение мошенник, могут служить мнимым основанием для передачи имущества или прав на него. Злоумышленник старается ввести в заблуждение и вызвать

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48: [ред. от 29.06.2021] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 02.12.2022).

доверие к себе у потенциальной жертвы мошенничества, после чего с большей вероятностью завладеть чужим имуществом. Такие обстоятельства также входят в содержание мошеннического обмана, поскольку обманутое лицо принимает в расчёт сообщённые ему сведения и принимает решение о продаже или покупке транспортного средства [8, с. 200].

Одним из критериев виктимности граждан при купле-продаже автотранспорта является доверительное отношение при общении с посторонними лицами. Жертвы мошенничества самостоятельно доверяют сделку с автомобилем посторонним лицам, что, в свою очередь, способствует совершению в отношении них противоправных действий.

Обман состоит в неверной информации о количестве пройденных транспортным средством километров, скручивании показателей одометра, об участии в авариях, ремонте основных узлов, деталей, агрегатов и систем. Под видом целых автомобилей продаются те, что собраны из частей других автомобилей. Мошенничество может состоять в том, что приобретается рама попавшего в дорожно-транспортное происшествие автомобиля, отпиливаются части с реальным VIN-номером. Далее куски с VIN-номером ввариваются в угнанный автомобиль аналогичной марки и модели.

Собранный таким противоправным образом автомобиль выдается за автомобиль оригинальной сборки. Мошенники изготавливают поддельные документы на автомобиль и продают его обманным путем введённому в заблуждение потерпевшему. Последние без специальных знаний не могут своевременно обнаружить обман, он может быть выявлен позднее, при прохождении технического осмотра автомобиля, в процессе сервисного обслуживания.

Пассивный обман при «автомобильном мошенничестве» может заключаться в умолчании сведений о том, что автомобиль находится в собственности банка

или кредитной организации в качестве залога по кредиту. Продавец-мошенник подделывает документацию на автомобиль и продает его под видом отсутствия каких-либо обременений.

Мошенничество с использованием лизинговых автомобилей состоит в том, что злоумышленники приобретают дорогостоящие автомобили путем заключения договора с лизинговой компанией. После чего осуществляется процедура подделки документации на данный автомобиль. Информация о лизинговой компании удаляется из паспорта транспортного средства, подделывается договор купли-продажи и акт приема-передачи с последующим указанием другого юридического лица. Далее осуществляется процесс фиктивной продажи автомобиля другому юридическому лицу, затем физическому лицу и после чего злоумышленники продают автомобиль добросовестному покупателю. После проведения вышеуказанных процедур доказать противоправность действий злоумышленников крайне затруднительно, поскольку в паспорте автомобиля остаются реальные и достоверные записи, манипуляций с итоговыми документами не происходит.

Существует способ мошенничества, когда продавец после телефонного разговора предлагает покупателю без предварительного осмотра оставить задаток за автомобиль. Преступник может выставить низкую рыночную цену автомобиля, заявить о срочности продажи, большом количестве лиц, желающих приобрести данный автомобиль. После получения денежных средств продавец пропадает.

Особенности автомошенничества проявляются в специфике выбора потерпевших и способе их обмана. В большинстве случаев первичный контакт жертвы с мошенником происходит в удаленном формате, например, в сети Интернет, по объявлениям, по телефону. Мошенники создают специальные сайты, используют уже существующие автомобильные сайты и интернет-площадки с объявлениями.

Одним из самых распространённых видов мошенничества в современных реалиях развития общества является мошенничество в сфере автострахования, способы которого отличает разнообразие. В частности, Х. М. Килясханов и Х. М. Махучиев выделяют его более 200 различных способов [9, с. 139]. Основными из них являются: инсценировка дорожно-транспортных происшествий, поджога, утопления, кражи автомобиля; использование поддельных бланков и печатей; преступная договоренность с работниками страховых компаний, сотрудниками экспертных центров и иными лицами. Часто такие виды мошенничества влияют или тесно связаны со сделками купли-продажи автомобилей на вторичном рынке.

Современные технические приспособления позволяют изымать необходимые данные [10, с. 90] о случившемся происшествии из электронного бортового оборудования автомобиля. Применение полученной информации нацелено на установление и фиксацию противоправных действий [11, с. 144].

На практике встречаются ситуации, когда мошенники при инсценировке ДТП используют части других автомобилей, подходящие по характеристикам и назначению. Например, ранее сработавшие подушки безопасности устанавливают в автомобиль и инсценируют ДТП либо же самостоятельно приводят в действие пассивные системы безопасности автомобиля. Целью данных действий является получение значительных страховых выплат [3, с. 153].

В современных условиях важно не забывать о правовом просвещении граждан. Часто причиной совершения в отношении автовладельца мошенничества является правовая безграмотность, выражающаяся в незнании законов [12, с. 39], а также современных способов совершения и профилактики мошенничества. Их изучение и своевременное применение имеют важное значение для безопасной сделки купли-продажи автотранспорта.

Различные мошеннические схемы отличаются уровнем подготовки мошенников, перечнем участвующих лиц и наличием профессиональных преступных навыков. Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев совершением преступлений занимаются несколько заинтересованных лиц [13, с. 220].

Преступники формируют организованные группы и преступные сообщества, создают фиктивные автомобильные салоны, ведут деятельность под видом профессиональных субъектов автобизнеса. Совершаемое ими мошенничество тесно взаимосвязано с иными противоправными действиями в сфере оборота транспортных средств, в частности с хищениями транспортных средств, их контрабандой, незаконным изменением конструкции, изменением идентификационных номеров [7, с. 13].

Пресыщение автомобильного рынка способствует росту преступности в данной области жизнедеятельности, что порождает необходимость ее качественной профилактики [14, с. 151], а также разработки эффективных мер по минимизации таких преступлений.

Часто совершение мошеннических действий остаётся возможным из-за отсутствия у потерпевших лиц подходящего уровня специальных технических знаний. Нивелирование данных проблем возможно путем приглашения специалистов, занимающихся автомобильным подбором. Консультации у них и детальный осмотр ими транспортного средства помогут устранить причины и условия, используемые мошенниками для совершения обмана [15, с. 367], сократить количество пострадавших лиц.

Сегодня «жертвами мошеннических действий становятся все социальные слои стратификационной структуры общества, убыток несут не только владельцы автотранспортных средств класса “люкс”, но и владельцы бюджетных авто, которые выступают средствами и инструментами

осуществления мошеннических действий» [16, с. 235].

Мошенничество, связанное с куплей-продажей автотранспорта, может затрагивать иностранные автомобили, а также те, что находятся в залоге у банка либо были ранее похищены [16; 17]. В последние годы приобретает распространение мошеннический угон [18, с. 93], хищение денежных средств и (или) иного имущества предприятий и организаций автомобилестроения [19, с. 88] и др. При этом профилактика мошенничества осложняется тем, что большинство сведений содержится в информационно-коммуникационной сети Интернет, и установить их без специальных знаний невозможно [20, с. 164]. Это приводит к сложностям их выявления и предупреждения.

Сегодня важно знать механизм и способы воздействия преступника на жертву, своевременно доводить их до автовладельцев. На современном этапе развития научно-технического прогресса имеется достаточное количество средств проверки юридической «чистоты» автомобиля. Автовладельцы и потенциальные покупатели транспортных средств могут использовать специализированные сайты (автотека.ру, автокод.ру, гибдд.рф, авто.ру). Для профилактики мошенничества потенциальному покупателю следует проверить автомобиль по его документации, штрафам, залого, пробегу, участию в ДТП, ограничениям, нахождению в угоне, работе в качестве такси. Такую информацию можно получить на соответствующих сайтах достаточно оперативно и использовать для выбора объекта автопокупки. Системный анализ вышеуказанных сведений поможет потенциальному покупателю сформировать правильное первичное мнение об автомобиле.

Помимо онлайн-проверки следует осмотреть автомобиль в сервисном центре или при помощи специалистов, провести детальный осмотр, диагностику состояния электронной системы автомобиля. Это возможно путем замера его тол-

щины лакокрасочного покрытия, проверки VIN номеров, номера кузова и шасси, следов коррозии и ржавчины, наличия оригинальной системы безопасности, анализа силовых элементов конструкции автомобиля (лонжеронов), оригинальной маркировки на болтах автомобиля.

Наибольший профилактический эффект будет ожидаем при проведении совокупной фактической проверки автомобиля, соединенной с анализом сведений из онлайн-сервисов. Это поможет потенциальному автовладельцу не стать жертвой автомобильных мошенников. Данные меры предосторожности работают только в том случае, если потенциальный покупатель транспортного средства обладает достаточным уровнем осведомленности о возможных мошеннических действиях, которые могут быть совершены в отношении него.

В свою очередь, государство в лице уполномоченных органов должно доводить до граждан актуальную информацию о способах и методах совершения автомобильного мошенничества. Направлением профилактической деятельности со стороны государства могут служить создание разного рода передач, изготовление информационных роликов, плакатов, плакатов и стендов, целью которых будет профилактика мошенничества в сфере купли-продажи автотранспорта. Подобного рода визуальную и текстовую информацию следует размещать в местах специальных интересов, к которым относятся автошколы, автомобильные салоны, станции технического обслуживания, автомастерские, структурные подразделения государственных органов (пункты, отделы, отделения, управления), интернет-сайты, специализированные интернет-площадки.

Поскольку способы совершения мошеннических действий постоянно видоизменяются и дополняются, необходимо разрабатывать адекватные им профилактические рекомендации. В информационных рекомендациях следует описывать

распространенные методы мошенников, рассказывать о психологических уловках и манипуляциях.

Помимо прямой профилактики со стороны государственных органов, необходимо ориентировать граждан на повышение собственной правовой грамотности и самостоятельное изучение различных информационных ресурсов. Поскольку роль жертвы в механизме мошенничества достаточно высока, учет данного фактора в снижении виктимизации в сфере купли-продажи автотранспорта является важной составляющей ее профилактики.

Систематические профилактические действия со стороны государственных органов, в совокупности с повышением личной безопасности граждан, позволяют снизить объем мошеннического обмана, качественно улучшить уголовно-право-

вую защиту автомобильных сделок от злоупотреблений.

Выводы

В современных реалиях развития российского общества укрепляется значимость роли автотранспортных средств в жизни среднестатистического гражданина. Увеличивающееся число и стоимость автомобилей формируют повышенный интерес преступных групп к данному сегменту общественной жизни людей, нарастает необходимость в разработке дополнительных мер уголовно-правовой охраны имущества граждан от мошенничества.

Рост количества автотранспортных средств привел к формированию особого типа мошенничества, который наносит значительный ущерб для граждан и государства в целом и требует адекватных его особенностям мер профилактики.

Список литературы

1. Ланцов П. П. Криминологические особенности мошенничеств, совершаемых членами организованных преступных групп, и проблемы их предупреждения // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 230–232.
2. Особенности развития системы общественного транспорта в Ростове-на-Дону / Ю. Ю. Меринова, Д. Р. Кузьменко, И. В. Бессмертный, И. В. Богачев // Московский экономический журнал. 2021. №11. С. 64–82.
3. Грибунов О. П., Усачев С. И. К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере автострахования // Юрист-Правовед. 2020. № 1 (92). С. 151–154.
4. Федоров А. Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 215 с.
5. Баранчикова М. В. Мошенничество в сфере оборота транспортных средств и способы его предупреждения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 23–27.
6. Баранчикова М. В. Организованное мошенничество, связанное с реализацией транспортных средств: уголовно-правовые и виктимологические особенности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2021. Т. 11, № 1. С. 10–18
7. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 528 с.
8. Маслов В. А. Сущность, форма и содержание обмана как способа совершения мошенничества в сфере автотранспорта // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2(30). С. 198–202.
9. Киясханов О. П., Махучиев Х. М. Современные тенденции страхового мошенничества // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 138–139

10. Грибунов О. П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1 (76). С. 89–96.
11. Чиненов Е. В., Щукин В. И. Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2 (85). С. 138–144.
12. Майоров А. В., Яременко Н. Е. Виктимологический аспект мошенничества // Виктимология. 2019. № 3(21). С. 36–41.
13. Усачев С. И., Малыхина Е. А., Небрatenko Г. Г. К вопросу о криминалистической характеристике мошенничества в сфере автострахования на современном этапе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 216–223.
14. Грибунов О. П., Усачев С. И. К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере автострахования // Юрист-Правовед. 2020. № 1 (92). С. 151–154.
15. Рудик М. В., Юшина Ю. В., Деревянская Т. П. «Берегись автомобиля», или как не стать жертвой автомошенника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2019. Т. 5, № 3. С. 364–369.
16. Богма К. А. Социальная природа мошенничества с автотранспортными средствами // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14, № 6. С. 230–242.
17. Велиев Я. П. Способы совершения мошенничеств при купле-продаже автотранспорта и первоначальные действия сотрудников полиции ОВД по раскрытию данных преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 2 (47). С. 117–124.
18. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Особенности противодействия преступлениям в сфере незаконного автобизнеса // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2019. № 1. С. 91–95.
19. Горенская Е. В., Ошкин А. А., Моисеев А. П. Криминогенная ситуация в автомобилестроении России // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50). С. 85–91.
20. Велиев Я. П. Особенности выявления и раскрытия мошенничеств, совершенных при оформлении сделок купли-продажи автотранспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 160–173.

References

1. Lancov P. P. Kriminologicheskie osobennosti moshennichestv, sovershaemyh chlenami organizovannyh prestupnyh grupp, i problemy ih preduprezhdeniya [Criminological features of frauds committed by members of organized criminal groups and problems of their prevention]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2011, no. 8, pp. 230–232.
2. Merinova Yu. Yu., Kuz'menko D. R., Bessmertnyj I. V., Bogachev I. V. Osobennosti razvitiya sistemy obshchestvennogo transporta v Rostove-na-Donu [Features of the development of the public transport system in Rostov-on-Don]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2021, no. 11, pp. 64–82.
3. Gribunov O. P., Usachev S. I. K voprosu o sposobah soversheniya moshennichestva v sfere avtostrahovaniya [On the question of ways to commit fraud in the field of auto insurance]. *Yurist-Pravoved = Jurist-Pravoved*, 2020, no. 1 (92), pp. 151–154.
4. Fedorov A. Yu. Kriminal'noe manipulirovanie v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal ma-

nipulation in the sphere of economic activity: criminological characteristics and prevention. Cand. legal sci. abstract diss.]. Omsk, 2006. 215 p.

5. Baranchikova M. V. Moshennichestvo v sfere oborota transportnyh sredstv i sposoby ego preduprezhdeniya [Fraud in the sphere of vehicle turnover and ways to prevent it]. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova* = *Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov*, 2020, no. 1 (82), pp. 23–27.

6. Baranchikova M. V. Organizovannoe moshennichestvo, svyazannoe s realizaciej transportnyh sredstv: ugovolno-pravovye i viktimologicheskie osobennosti [Organized fraud related to the sale of vehicles: criminal law and victimological features]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* = *Proceedings of the Southwest State University*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 10–18.

7. Lopashenko N. A. Posyagatel'stva na sobstvennost' [Encroachments on property]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2012. 528 p.

8. Maslov V. A. Sushchnost', forma i soderzhanie obmana kak sposoba soversheniya moshennichestva v sfere avtotransporta [The essence, form and content of deception as a way of committing fraud in the field of motor transport]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* = *Actual problems of economics and law*, 2014, no. 2(30), pp. 198–202.

9. Kilyashkanov O. P., Mahuchiev H. M. Sovremennye tendencii strahovogo moshennichestva [Modern trends in insurance fraud]. *Biznes v zakone* = *Business in Law*, 2011, no. 6, pp. 138–139.

10. Gribunov O. P. Sudebnye ekspertizy, naznachayemye pri rassledovanii prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemyh na transporte [Forensic examinations assigned in the investigation of crimes against property committed on transport]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 1 (76), pp. 89–96.

11. Chinenov E. V., Shchukin V. I. Ispol'zovanie special'nyh znaniy pri raskrytii i rassledovanii ekonomicheskikh prestuplenij, sovershaemyh na ob"ektah zheleznodorozhnogo transporta [The use of special knowledge in the disclosure and investigation of economic crimes committed at railway transport facilities]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2 (85), pp. 138–144.

12. Majorov A. V., Yaremenko N. E. Viktimologicheskij aspekt moshennichestva [Victimological aspect of fraud]. *Viktimologiya* = *Victimology*, 2019, no. 3(21), pp. 36–41.

13. Usachev S. I., Malyhina E. A., Nebratenko G. G. K voprosu o kriminalisticheskoy harakteristike moshennichestva v sfere avtostrahovaniya na sovremennom etape [On the issue of criminalistic characteristics of fraud in the field of auto insurance at the present stage]. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova* = *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov*, 2022, no. 2 (91), pp. 216–223.

14. Gribunov O. P., Usachev S. I. K voprosu o sposobah soversheniya moshennichestva v sfere avtostrahovaniya [On the question of ways to commit fraud in the field of auto insurance]. *Yurist-Pravoved* = *Lawyer-Lawyer*, 2020, no. 1 (92), pp. 151–154.

15. Rudik M. V., Yushina Yu. V., Derevyanskaya T. P. "Beregis' avtomobilya", ili kak ne stat' zhertvoj avtomoshennika ["Beware of the car", or how not to become a victim of a car fraudster]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo* = *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 364–369.

16. Bogma K.A. Social'naya priroda moshennichestva s avtotransportnymi sredstvami [The social nature of fraud with motor vehicles]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2019, vol. 14, no. 6, pp. 230–242.

17. Veliev Ya. P. Sposoby soversheniya moshennichestv pri kuple-prodazhe avtotransporta i pervonachal'nye dejstviya sotrudnikov policii OVD po raskrytiyu dannyh prestuplenij [Methods of committing frauds in the purchase and sale of motor vehicles and the initial actions of police officers of the Department of Internal Affairs to disclose these crimes]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (47), pp. 117–124.

18. Bogdanov A. V., Il'inskij I. I., Hazov E. N. Osobennosti protivodejstviya prestupleniyam v sfere nezakonnogo avtobiznesa [Features of countering crimes in the field of illegal car business]. *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i processa = Actual problems of administrative law and process*, 2019, no. 1, pp. 91–95.

19. Gorenskaya E. V., Oshkin A. A., Moiseev A. P. Kriminogennaya situatsiya v avtomobilestroenii Rossii [Criminogenic situation in the automotive industry of Russia]. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50), pp. 85–91.

20. Veliev Ya. P. Osobennosti vyyavleniya i raskrytiya moshennichestv, sovershennyh pri oformlenii sdelok kupli-prodazhi avtotransportnyh sredstv [Features of detection and disclosure of frauds committed during registration of transactions of purchase and sale of motor vehicles]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (97), pp. 160–173.

Информация об авторе / Information about the Author

Хныков Евгений Русланович, адъюнкт кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: khn.evg@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1728-4022

Eugene R. Khnykov, Adjunct Department of Criminal Law, Criminology and Psychology, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russian Federation,
e-mail: khn.evg@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-1728-4022

Бабушкины иконы и «естественный» пост: православная культура в повседневной жизни «обычных» граждан позднего СССР

А. В. Апанасенко¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский пр-т, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью интеграции прошлого православной культуры в общий контекст социальной и культурной истории СССР, а также значимостью историографического осмысления роли конфессиональной составляющей в структуре позднесоветского быта.

Цель исследования: охарактеризовать влияние конфессиональных традиций на уклад жизни граждан из традиционно-православных регионов позднего СССР.

Задачи: выявить наиболее распространенные пути приобщения к православной культуре «обычного» советского гражданина, описать отдельные механизмы влияния этой культуры на повседневную жизнь в традиционно-православных регионах страны, оценить влияние межпоколенческих связей на успешность воспроизводства конфессионально-ориентированных моделей поведения граждан в позднесоветский период.

Методы. В ходе формирования эмпирической базы статьи автором использовались традиционные методики архивной работы, а также методы полевых исследований – анкетирование, интервьюирование. Для систематизации данных применялись метод исторической индукции, историко-статистический, историко-генетический методы.

Результаты. В работе показано, что, несмотря на формально безрелигиозный характер жизненного уклада большинства граждан позднего СССР, фактически в нем сохранялись связанные с православной культурой явления. Среднестатистический советский гражданин сталкивался с традиционными обрядами перехода, видел иконы, периодически был вынужден считаться с особенностями церковного календаря, а также традициями православного поста. Распространенные в позднесоветский период нормы поминовения умерших также в значительной мере носили народно-православный характер.

Выводы. В статье делается вывод о том, что присутствие отдельных элементов православной культуры в семейном быту позднесоветского периода было скорее нормой, чем аномалией. При этом крепость межпоколенческих связей и высокий авторитет старших членов семьи увеличивали шансы на знакомство с образами православия у молодежи. Наличие в жизненном пространстве «нерелигиозных» людей конфессионально обусловленных обычаев и атрибутов веры позволяло им сохранять представления о православном образе жизни, что создавало предпосылки для потенциального воцерковления.

Ключевые слова: позднесоветский период; православие; повседневная жизнь; советский быт; конфессиональные практики.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенко А. В. Бабушкины иконы и «естественный» пост: православная культура в повседневной жизни «обычных» граждан позднего СССР // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 122–137. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-122-137>.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Принята к публикации 24.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Grandmother's Icons and "Natural" Fasting: Orthodox Culture in the Daily Life of "Ordinary" Citizens of the Late USSR

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the need to integrate the past of Orthodox culture into the general context of the social and cultural history of the USSR, as well as the importance of historiographical understanding of the role of the confessional component in the structure of late Soviet life.

The purpose of the research is to characterize the influence of confessional traditions on the way of life of citizens from the traditionally Orthodox regions of the late USSR.

Objectives: to find out the most common ways of introducing an "ordinary" Soviet citizen to the Orthodox culture, to describe the individual mechanisms of the influence of this culture on everyday life in the traditionally Orthodox regions of the country, to assess the impact of intergenerational ties on the success of reproducing confessional-oriented patterns of behavior of citizens in the late Soviet period.

Methods. During the formation of the empirical base of the paper the author used traditional methods of archival work as well as methods of field research - questionnaires, interviews. To systematize the data, the method of historical induction, historical-statistical, historical-genetic methods were used.

Results. The paper shows that despite the formally irreligious nature of the way of life of the most citizens in the late USSR, in fact, phenomena associated with Orthodox culture remained in it. The average Soviet citizen encountered traditional rites of passage, saw icons and was periodically forced to take into account the peculiarities of the church calendar as well as the traditions of Orthodox fasting. The norms of commemoration of the dead, widespread in the late Soviet period, were also largely of a national Orthodox nature.

Conclusions. The paper concludes that the presence of certain elements of Orthodox culture in the family life of the late Soviet period was more a norm than an anomaly. At the same time, the strength of intergenerational ties and the high authority of older family members increased the chances of familiarity with the images of Orthodoxy among young people. The presence of confessional customs and attributes of faith in the living space of "non-religious" people allowed them to preserve their ideas about the Orthodox way of life, which created prerequisites for potential church formation.

Keywords: late Soviet period; Orthodoxy; everyday life; Soviet way of life; confessional practices

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A. V. Grandmother's Icons and "Natural" Fasting: Orthodox Culture in the Daily Life of "Ordinary" Citizens of the Late USSR. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 122–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-122-137>.

Received 26.12.2022

Accepted 24.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

История советского быта на страницах учебных и научных изданий в подавляющем большинстве случаев носит явно «безрелигиозный» характер. В значительной мере это обстоятельство связано с господством в отечественной историче-

ской науке институционального (государствоцентричного) подхода, согласно которому развитие общества, в том числе и культурное, определяется теми или иными государственными мерами. Советский Союз, как известно, стремился к тотальной атеизации населения, на про-

тяжении семи десятилетий религия представлялась руководящими инстанциями как явление, несовместимое или мало-совместимое с новым образом жизни. Соответственно, советскими исследователями конфессиональные явления из категории «культуры» были перенесены в разряд не заслуживающих особого внимания «пережитков», а постсоветскими упоминаются преимущественно в контексте истории борьбы государства с церковью.

Влияние институционального подхода явно сказывается и на содержании трудов, специально посвященных повседневной жизни в СССР. Их авторы преимущественно концентрируют внимание на нормах и практиках, сформировавшихся под влиянием новых, т. е. секулярных, культурных кодов. При этом найти развернутые сюжеты о явлениях, не вписывавшихся в официально декларируемые стандарты советской жизни, не так просто. Например, известная исследовательница советского быта Н. Лебина относит конфессиональные практики советских граждан к числу социальных аномалий и характеризует их лишь в контексте запущенного государством процесса секуляризации бытовых норм [1, с. 167–223]. Совсем мало внимания конфессиональной составляющей отечественного быта уделяет и другая авторитетная исследовательница повседневной жизни в СССР Е. Ю. Зубкова [2].

Насколько справедлив такой подход? С одной стороны, трудно отрицать, что в советский период религиозные практики действительно оказались вытеснены на периферию общественной жизни. Доля верующих в послевоенном СССР оценивалась социологами в пределах 15–20% от общего количества граждан [3, с. 54; 4, с. 128; 5, с. 24]. С другой стороны, даже советские исследователи периодически вынуждены были признавать, что конфессиональные традиции оказывают определенное влияние на жизнь граждан, формально считавшихся неверующими.

Например, автор широко растиражированной в пятидесятые годы брошюры «О преодолении религиозных предрассудков» С. Н. Худяков, констатируя отход от религии подавляющего большинства советских граждан, в то же время признавал значительную распространенность конфессиональных «пережитков». Кроме обрядов перехода (т. е. крещений, венчаний и отпеваний), он упоминал влияние церковного календаря, а также разного рода «бытовые» проявления религиозных традиций. Стойкость «пережитков» объяснялась при этом силой традиций и привычек («потому что так принято») [6, с. 21–22]. Удивительно, но три десятилетия спустя заместитель директора Института научного атеизма Э. Г. Филимонов в статье для массового советского читателя говорил почти то же самое: в обществе развитого социализма атеизм стал «неотъемлемой чертой» духовного мира советских людей, однако на бытовом уровне религия по-прежнему проявляет себя в виде действий, совершаемых неверующими людьми по традиции [7].

Как правило, советские авторы не вдавались в обстоятельный анализ явлений, называемых ими «пережитками». Как было указано выше, не изучена проблема влияния конфессиональных традиций на жизнь рядового, далекого от приходской жизни советского гражданина и в постсоветской историографии. Однако это влияние, очевидно, было не таким уж слабым: в противном случае штатным атеистам не пришлось бы на протяжении нескольких послевоенных десятилетий оправдываться за неспособность его изжить. Соответственно, современный исследователь повседневной жизни в СССР должен учитывать присутствие в ней конфессионально обусловленных явлений и, по мере возможности, изучать их. Это позволит создать более многомерную (и объективную!) картину функционирования советской цивилизации, а также приблизит к пониманию предпосылок

«религиозного ренессанса» на постсоветском пространстве в конце XX в.

В данной статье автором поставлена цель – в общем виде охарактеризовать опосредованное влияние православных традиций на жизненный мир граждан позднего СССР, не являвшихся постоянными прихожанами тех или иных храмов и чаще всего открыто не называвших себя верующими. При этом предполагается выделить наиболее распространенные пути приобщения к православной культуре «обычного» советского гражданина, описать некоторые механизмы влияния этой культуры на жизненный уклад в традиционно-православных регионах страны, а также оценить влияние межпоколенческих связей на успешность воспроизводства конфессионально-ориентированных моделей поведения граждан.

Методология

Проведенная работа включила в себя элементы архивного и полевого исследования. В ходе формирования источниковой базы автором активно использовались документы Совета по делам религий (СДР) при Совете Министров СССР, а также Института научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС, содержащие разнообразные сведения о конфессиональных явлениях в жизни страны в 1960–80-е гг. Архивные материалы были дополнены опубликованными данными отечественных социологов, в период позднего СССР отслеживавших пути приобщения граждан к религиозным практикам. С другой стороны, значительный массив данных о влиянии православной культуры на уклад жизни в Советском Союзе 1960–80-х гг. был получен с использованием метода опросов (анкетирование, интервьюирование) представителей старшего поколения граждан России (в прошлом – граждан СССР), проживающих на территории Курской, Белгородской и Орловской областей. В 2021 г. автором статьи было организовано анкетирование на тему «Православные

традиции в СССР», в ходе которого соответствующие анкеты заполнили 144 человека в возрасте от 52 до 88 лет. В 2022 г. респондентам была предложена анкета на тему «Влияние православных традиций на уклад жизни граждан СССР в позднесоветский период», ее заполнило 58 человек в возрасте от 48 до 82 лет. В анкеты было включено 34 вопроса, ориентированных на выяснение степени распространения элементов православной культуры в жизни «обычных» граждан СССР. Среди них были, например, такие: «Хранились ли в советское время в Вашем доме иконы? Если были, то кто их хранил? Почему?»; «Оказывал ли пример старших родственников (знакомых), приобщенных к православию, влияние на Вашу жизнь в советский период? Если да, то каким образом?»; «Можно ли говорить о том, что православные нормы как-то (в том числе неосознанно) влияли на Ваши взаимоотношения с окружающими людьми в советское время?»; «Как Вы думаете, влияли ли православные традиции на культуру питания в Вашей семье в советский период (в том числе косвенно)?» и т. п. 13 граждан, заполнивших анкеты в 2021–2022 гг., дополнительно дали интервью с целью представления более развернутых ответов на сформулированные вопросы. Эти ответы также были учтены при подготовке статьи.

Для обработки и интерпретации полученных сведений автором использовался метод исторической индукции, а также историко-статистический и историко-генетический методы.

Результаты и их обсуждение

В ходе обработки анкет 2022 г. автору встретился следующий текст: «Православия на государственном уровне в то время (т. е. в позднесоветский период. – А. А.) не было, но оно сохранялось в семейных делах. Например, мы иногда постились, отмечали дома важные церковные праздники, посещали кладбище на Пасху. К старшим было уважение... Не-

которые венчались в церкви и целовали иконы... Крестили детей»¹. Прочитанные строки принадлежат пожилой женщине, которая родилась и провела первые двадцать лет жизни в сельской местности, во второй половине семидесятых годов переехала в Белгород, а впоследствии – в Курск. Характеризуя бытование православных традиций в СССР, она, видимо, обобщила свой опыт жизни в селе и городе. Женщина рассуждала преимущественно с позиций «народного православия» (например, РПЦ не приветствует практики посещения кладбищ на Пасху), однако в целом довольно метко охарактеризовала основные пути воспроизводства православных традиций в позднесоветском социуме. Порицаемые КПСС традиции имплицитно воспроизводили себя в том, что в анкете было названо «семейными делами»: привычных обрядах перехода, взаимоотношениях со старшими родственниками, культуре питания, брачных церемониях, способах сохранения памяти о предках. Попробуем последовательно охарактеризовать соответствующие пути воспроизводства конфессиональной культуры.

Несмотря на «атеистический» характер СССР, начало жизни большинства его граждан из традиционно-православных регионов ознаменовывалось актом крещения. Этот важнейший для любого христианина обряд совершался в стране чаще, чем любой другой. В информационной справке Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1967 г., например, отмечалось, что на крещения приходится до половины всех религиозных обрядов, совершаемых гражданами

[8, л. 105]. Крестили своих детей не только называвшие себя верующими: среди обращавшихся к священникам за соответствующими требами были представители советской системы образования, учреждений культуры и даже члены КПСС, т. е. те, кто в силу социально-профессионального статуса должны были распространять атеизм. В ряде регионов на юго-западе РСФСР, в УССР, БССР, Молдавской ССР не акт крещения ребенка, а отказ от него являлся социальной аномалией (подробнее см.: [9]). При этом крещение часто оказывалось не только религиозным действием, но и способом продемонстрировать уважение к традициям и их основным носителям в лице старших родственников. Например, в ходе социологического опроса, проведенного в Воронеже во второй половине 1960-х гг., были получены данные о том, что 47,5% крестивших своих детей родителей пошли на этот шаг «ради мира» с матерью или тещей, а 37% – исходя из стремления соблюсти традицию, потому что «все крестят» [8, л. 109]. Распространенность указанного таинства и участие в нем тех, кто в обычных условиях не посещал церковь, являлось важным фактором сохранения представлений о православии в позднесоветском социуме, что постоянно признавали и советские функционеры, констатируя, что массовость крещения причиняет большой вред делу атеистического воспитания граждан [8, л. 105].

Культивирувавшееся в позднесоветском обществе уважение/почтение к старшим нередко определяло участие внешне нерелигиозных граждан в других обрядах перехода – венчаниях, церковных похоронах, на что указывали авторы, проводившие конкретно-социологические исследования в регионах (см., напр.: [10, с. 9–13]). Порой выбор между верностью коммунистической идеологии и демонстрацией уважительного отношения к родителям приходилось делать и «штатным» атеистам, и выбор этот далеко не

¹ Анкета Н. П. Ясиной, 1955 г.р. // Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.». Полевые материалы 2022 г. (анкетирование) (далее – АП СИПР. 2022). Цитируется ответ на вопрос «Сохранялись ли в Вашей семье в советское время православные традиции? Какие именно?»

всегда оказывался в пользу идеологии. Например, когда заместителя председателя СДР И. Бражника на посвященном организации атеистической работы совещании спросили, должен ли коммунист выполнять последнюю волю набожного отца или матери, пожелавших, чтобы их похоронили в соответствии с церковными традициями, известный атеист ответил: «Я думаю, что должен» [11, л. 58]. В. Смолкин в своем труде по истории борьбы с религией в СССР приводит еще более красочный пример: в 1974 г. сотрудник того же Совета по делам религий организовал отпевание своего умершего отца, причем обряд совершался в столице, на нем присутствовало еще несколько членов Совета [12, с. 447]. Очевидно, в частной жизни представители атеистически ориентированной советской структуры вполне могли проявить мировоззренческую гибкость и делать то, что ими же осуждалось во время работы.

Разумеется, участие в обрядах перехода не могло не оказывать влияние на духовный мир советского человека. Само по себе оно было явно недостаточно для сохранения православной идентичности: крещение и отпевание совершаются в семье редко. Однако в жизненном пространстве большинства среднестатистических советских граждан так или иначе присутствовали предметы и явления, регулярно напоминавшие о православной культуре и, по выражению курского уполномоченного Совета по делам РПЦ, оказывавшие «каждодневное влияние не только на верующих, но и на неверующих» [13, л. 144]. К числу предметов в первую очередь относились иконы и нательные крестики.

Как известно, во время принудительного свертывания религиозных практик (т. е. в 1930-е гг.) многим гражданам пришлось отказаться от ношения крестиков, а также прятать традиционно стоявшие в «красном углу» иконы. Однако во время послевоенного церковного возрождения 1940-х гг. традиция иметь атрибу-

ты конфессиональной принадлежности быстро восстановилась. До хрущевской антирелигиозной кампании как спрос на такого рода предметы, так и их производство постоянно росли. Например, если в 1955 г. в стране, согласно официальным данным, было произведено 2110 тыс. крестиков и 300 тыс. икон, то в 1958 г. соответствующие показатели выросли более чем в два раза – до 4830 тыс. и 720 тыс. соответственно [14, л. 151]. При этом необходимо иметь в виду, что статистика не располагала данными об объемах нелегального, в том числе «кустарного» производства церковной утвари, которое тоже имело большие масштабы.

В шестидесятые годы, когда мониторинг религиозности населения в СССР стал «модным» для советских социологов занятием, исследователи стали регулярно обращать внимание на наличие у граждан большого количества «атрибутов» православия [15, с. 86–87]. Например, в 1965 г. в процессе изучения проявлений религиозности населения Орловской области экспедиция Института научного атеизма выяснила, что за редкими исключениями во всех жилищах поселян висят иконы. Последние были найдены как в домах людей, признавших себя верующими, так и у тех, кто сознательную религиозность у себя отрицал. Многие поясняли, что православные образы висят у них потому, что «так заведено», а также из-за того, что «перед соседями совестно не иметь икон» [16, с. 151].

Неопубликованные материалы сотрудников Института научного атеизма, нередко проводивших аналогичные исследования, также свидетельствуют, что советские граждане регулярно признавали факты сохранения икон [17]. В городе в большинстве случаев это объяснялось волей «бабушек» или желанием сохранить память о родителях, в сельской местности пояснения часто были связаны с нежеланием нарушить традицию и вызывать общественное осуждение («соседи будут смеяться»).

В 1971 г. в процессе инициированного в Курском районе местным комитетом КПСС обследования было установлено, что иконы имеют в своих домах 72,5% колхозников, 66,6% служащих и 46,6% рабочих [18]. Сведения казались «обнадеживающими» по сравнению с информацией предшествующих лет о едва ли не всеобщем хранении православных образов, однако в них не была учтена наиболее набожная часть граждан, т. е. пенсионеры. Впрочем, и активная вовлеченность в советские практики (в том числе членство в КПСС) совершенно не означала отказа от традиционных «атрибутов религиозности». Например, в том же 1971 г. во время инспектирования домашнего быта коммунистов в Севском районе Брянской области выяснилось, что иконы имеются как минимум у половины [18].

Наши полевые исследования дали еще более впечатляющую картину представленности православных образов в домашнем быту советских граждан. В анкету 2021 г. был специально включен вопрос о том, хранились ли в домах опрошиваемых в советское время иконы, сопровождавшийся просьбой в случае положительного ответа пояснить, кто и почему их хранил. Положительные ответы дало явное большинство (112 человека, т. е. 85%). В большинстве случаев (54) в качестве хранителей были указаны бабушки, намного реже опрошиваемыми назывались мамы (16 случаев) либо «родители» (13 случаев). Семь раз респонденты указали, что иконы хранились совместно бабушками и мамами, пять раз – совместно бабушками и дедушками, еще пять – просто дедушками. В двенадцати случаях «ответственные» за иконы люди не были названы (было написано «да» или «да, хранились») [19, с. 182].

Анализ содержания ответов дал возможность выделить две модели сохранения православных образов в семьях. Первая модель – «деревенская». Большинство опрошенных, чей жизненный путь начался в сельской местности, указали на

наличие в своих жилищах красного (церковного) угла, икон во множественном числе, лампад. При этом некоторые упомянули практику молитвы перед иконами (в основном бабушек или мам) как регулярную или праздничную (когда красный угол «открывался»). Вот характерные цитаты из воспоминаний: «Да, хранились, в углу комнаты отводилось специальное место – иконостас, занавешенное пеленой. И висела перед иконой лампада и каждый праздник ее зажигали. Хранителем была бабушка. Бабушка была старой закалки, еще дореволюционной, она воспитывалась, когда было много церквей, родители ходили вместе с детьми в храмы»¹; «Да. Мама хранила иконы, был Красный угол в зале с лампадой, которая зажигалась по праздникам. И в других комнатах также были иконы»²; «Иконы хранились в Красном углу – напротив входной двери в горницу, с тем чтобы, кто заходил, мог перекреститься. Мама была верующим человеком и старалась соблюдать православные традиции»³.

Другая модель может быть названа «городской». Судя по воспоминаниям, для нее было характерно хранение православных образов без демонстрации их посторонним. При этом икон в городской квартире было меньше, порой оставался только один православный образ. Вот некоторые фразы респондентов, в юные годы проживавших в городе: «Конечно, были маленькие иконки. Правда, церковного уголка в квартире не было»⁴; «Бабушка привезла со своей родины из Ивановской области небольшие иконы... Они были в шкафу»⁵; «Икона в семье бы-

¹ Анкета С. А. Седых, 1951 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

² Анкета Зои Егоровны, 1957 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

³ Анкета Е. С. Каменевой, 1936 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

⁴ Анкета Юрия П. И., 1954 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

⁵ Анкета Н. С. Шахова, 1971 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

ла одна, хранила ее у себя в комнате бабушка. На показ на вывешивалась»¹.

В 13 случаях респонденты так или иначе подчеркнули важность икон как семейных реликвий. В основном такой взгляд на православные образы продемонстрировали представители семей советской интеллигенции. «Хранились и хранятся по сей день. Иконы “помнят” венчание моей бабушки и деда в 1912 г., уход деда на I Мировую войну и его возвращение, уход моего отца на Великую Отечественную войну в 1943 г. и его возвращение. Хранили мои родители, сейчас я»², – написал в анкете бывший сотрудник советских правоохранительных органов с высшим юридическим образованием. «Да, хранились. Хранила бабушка, потом родители, теперь я. Передам дальше внукам»³, – фраза из анкеты советского методиста с высшим педагогическим образованием. «Одна икона Казанской Божьей Матери, она и сейчас хранится в нашем доме. Эта икона передается по наследству, мне она досталась от прабабушки»⁴, – указала женщина с инженерным образованием.

Наглядные образы православной культуры наличествовали в жилищах советских граждан не только в виде икон. Иногда они «смотрели» на людей со старых дореволюционных открыток (три респондента вспомнили про пасхальные дореволюционные открытки, которые хранились старшими родственниками) или фотографий. Например, проживавшая в детские годы в одном из поселков Белгородской области респондентка вспомнила, что во многих домах в округе

висела фотография местного храма, взорванного в 1930-е гг.⁵

Если в первые послевоенные десятилетия иконы, другие предметы церковной утвари, а также картины православного содержания воспринимались как вещи из обихода представителей старшего поколения, то в семидесятые – восьмидесятые годы все это нередко появлялось и в жизненном пространстве молодых людей. Не будучи в большинстве случаев по-настоящему воцерковленными, последние, однако, все чаще проявляли живой интерес к православной символике. В анкетах 2021 г. пятеро респондентов указали на проснувшийся в эти годы интерес к образам православия, включая иконы (правда, об этом говорилось в контексте ответов относительно посещения церквей). Такой интерес зафиксирован и в советских публикациях соответствующего периода. Например, в 1981 г. редакция «Известий» сообщила о том, что получила письмо от гражданина, возмущенного распространением в СССР связанных с православием увлечений и просившего объяснить это явление. В частности, в письме предлагалось ответить на вопрос «как понимать так называемую “моду” на крестики и иконы, которыми украшают иные люди “красные углы” своей квартиры». Комментируя по просьбе редакции это письмо, уже упоминавшийся заместитель директора Института научного атеизма Э. Г. Филимонов согласился, что вместо картин или эстампов светского содержания современные молодые люди действительно иногда вешают на стены иконы, одевают крестики, читают книги об иконописи и церковной архитектуре. Однако это не столько доказательства религиозного мировоззрения, сколько свидетельство недостаточной твердости убеждений и склонности молодежи к «модничанью», проявлению «хорошего тона» [7]. Конечно, другое объяснение увлечения молодых советских граждан

¹ Анкета А. Н. Крузиной, 1960 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

² Анкета А. А. Шумакова, 1953 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

³ Анкета Л. В. Ефремовой, 1959 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

⁴ Анкета О. И. Баламутовой, 1961 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

⁵ Анкета С. В. Пискаревой, 1964 г.р. // АП СИПР. 2021 (а).

православной культурой сотрудник атеистического учреждения вряд ли мог представить: это означало бы признание неудачи атеистической пропаганды.

Определенное, более или менее явное влияние православные традиции оказывали на советских граждан и через культуру питания. В нашей анкете 2022 г. этому аспекту был посвящен один из вопросов («Как Вы думаете, влияли ли православные традиции на культуру питания в Вашей семье в советский период?»). Из 58 заполнивших эту анкету 22 человека признало прямое или опосредованное воздействие конфессиональных устоев на потребление пищи в своих семьях в позднесоветский период. Чаще всего говорилось про те или иные формы поста либо сознательную умеренность в питании, в девяти случаях были названы блюда/изделия, воплотившие в себе (по мнению информантов) традиции православной кухни: кутья, «тюр»¹, печенье «жаворонки», а также кекс «Весенний». Кутья была трижды названа в связи с описанием подготовки к Рождеству, «тюр» – дважды в связи с Великим постом. «Жаворонки» («сороки», «кулики») были дважды упомянуты опрашиваемыми как распространенное весеннее лакомство. Это изделие в форме сидящей или летящей птички из ржаного теста издревле воспринималось славянами как атрибут встречи весны [20, с. 102], а в православной традиции стало символом молитвы летящей к Богу души. Традиционно «жаворонков» выпекали в день памяти Сорока Севастийских мучеников (в просторечии именуется праздник «Сороки», в Церкви отмечается 22 марта). Судя по фразам из анкет, некоторые хозяйки сохранили обычай своих мам и бабушек и пекли ритуальное печенье по обычаю в марте, оставляя членам семьи возможность наделять или не наделять его употребление конфессиональным смыслом. Например, работавшая в советское время учительницей респондентка написала, что «весной мама пекла булочки-птички

и рассказывала, что в ее детстве их называли “сороки”»¹. Ее семья не была религиозной – отец-военнослужащий выполнял обязанности парторга, однако такому проявлению культурной памяти супруги он, конечно, не препятствовал. Впрочем, кулинарный традиционализм с «православным» оттенком демонстрировала даже хлебопекарная промышленность в СССР: в Москве и ещё в некоторых городах России печенье «Жаворонки» официально выпускалось в первой половине марта вплоть до конца 1970-х гг. [21, с. 114]

Кекс «Весенний» (сдобное изделие с изюмом в традиционной форме цилиндра, присыпанное сверху дроблёными орехами и сахарной пудрой) был также дважды упомянут в анкетах как атрибут весенних праздников – религиозных и советских. При этом, с одной стороны, была подчеркнута его фактическая идентичность пасхальному куличу, а с другой – универсальность с точки зрения употребления, т. к. его можно было есть и на светский, и на религиозный праздник. Кекс выпекался предприятиями общепита и порой (за неимением «настоящего» кулича) использовался гражданами для организации пасхального застолья. Например, в донесении воронежского уполномоченного СДР о праздновании Пасхи в 1968 г. можно прочесть о том, что примерно треть посетителей местного кафедрального собора пришли в предшествующие празднику дни (пятницу и субботу) святить кексы, выпеченные по вышеописанной технологии в расположенном неподалеку кафе «Россиянка». Как говорится в документе, сотрудники кафе решили «подтянуть план» путем активной продажи «сдоб, по форме напоминающих куличи». Продавцы-лоточники из кафе расположились на перекрестках неподалеку от собора и «активно реализовывали свою продукцию, выкрикивая: «Вот пасхи! Вот куличи! Подходи!» [22, л. 77].

¹ Анкета Л. М. Зарецкой, 1953 г.р. // АП СИПР. 2022 (а).

Определенное влияние на уклад жизни советских граждан сохраняла традиция православного поста. Собственно постилось, т. е. ограничивало свой рацион предписанным образом в предписанное же церковными правилами время, в позднесоветский период относительно небольшое количество граждан, преимущественно из числа воцерковленных представителей старшего поколения. Например, по данным Ю. Г. Серебрякова, вместе со своими коллегами проводившего социологические исследования в сельских районах Чувашской республики в 1968–1970 гг., пост соблюдали около 40% местных верующих [10, с. 30]. В 202 обработанных нами анкетах (за 2021 – 2022 гг.) фразы о соблюдении поста в семьях опрашиваемых встретились в общей сложности 48 раз, при этом в 32 случаях было подчеркнуто, что постились старшие члены семьи (в основном бабушки). Однако важность соблюдения поста в глазах тех же старших родственников обеспечивала опосредованное влияние соответствующих традиций на молодежь. Постящаяся бабушка, проживая с детьми и внуками, как минимум, на собственном примере демонстрировала им суть практики, а иногда пыталась распространить ее. «Бабушка в деревне постилась и, соответственно, выстраивала систему питания семьи», – можно прочесть в анкете интеллигентной женщины 1960 г.р.¹ Вот другие цитаты из анкет: «В Великий пост бабушка постилась и готовила для всех постную пищу»²; «Мы видели, что бабушка соблюдает пост. Мы пробовали ее еду, например, тюрю (вода, хлеб, лук и немного подсолнечного масла)»³. В некоторых случаях пост практиковался как кратковременная, предпраздничная мера: «...во время церковных праздников опре-

деленные блюда готовились всегда... Постные блюда в страстную субботу. Ужин перед Рождеством – кутья, кисель, рыба»⁴.

В некоторых анкетах отмечено, что несмотря на отсутствие канонического поста в их семьях в советское время его «естественное» влияние на культуру питания ощущалось, выражаясь в умеренности и преобладании в рационе определенных продуктов. Среди воспоминаний такого рода: по-настоящему не постились, но «придерживались в еде» в предрождественские и предпасхальные недели⁵; «бабушка постилась», а остальные члены семьи, имея перед глазами пример умеренности, «чревоугодием не страдали»⁶; православные посты привели к появлению множества блюд из растительных продуктов и рыбы⁷. С последним хорошо соотносится фраза из интервью, также взятого в 2022 г.: «Пост мы сознательно не соблюдали, но, мне кажется, у нас и так еда чаще всего была постной: картошка “в мундирах”, разные овощи, икра из баклажанов, блины, винегрет, соленые огурцы, иногда соленые грибы – как деликатес. Не знаю, может это просто так сложилось, но вообще наши предки часто постились, так что это традиция»⁸.

Надо заметить, что традиции православного поста влияли не только на систему питания. Как известно, в христианском учении пост сопряжен и с иными мерами самоограничения. В частности, у православных верующих во время поста не принято жениться. В Российской империи эта церковная установка выполнялась, в СССР стала рассматриваться пар-

⁴ Анкета С. В. Пискаревой, 1964 г.р. // АП СИПР. 2022 (а).

⁵ Анкета Г. П. Журиковой, 1967 г.р. // АП СИПР. 2022 (а).

⁶ Анкета С. В. Пискаревой, 1964 г.р. // АП СИПР. 2022 (а).

⁷ Анкета Г. А. Власовой, 1967 г.р. // АП СИПР. 2022 (а).

⁸ Интервью Валентины Александровы Т., 1957 г.р. // АП СИПР. 2022 (и).

¹ Анкета С. Г. Кононовой, 1960 г.р. // АП СИПР. 2022 (а).

² Анкета Л. П. Стародубцевой, 1954 г.р. // АП СИПР. 2022 (а).

³ Анкета Л. В. Ефремовой, 1959 г.р. // АП СИПР. 2022 (а).

тийными и государственными инстанциями как «пережиток». Однако, судя по данным СДР, даже в начале семидесятых годов этот «пережиток» оказывал заметное влияние на распределение количества свадебных церемоний по разным календарным периодам. При этом зависимость дат заключения браков от церковного календаря проявляла себя не только в сельской местности (где к «пережиткам» относились с пониманием), но и в крупных городах, в том числе столице. Например, в информационной справке СДР о состоянии православия за 1971–1972 гг. говорилось, что старшие родственники из числа верующих «усилили свое влияние на определение дней бракосочетания молодоженов. Немало есть верующих родителей, которые запрещают своим детям регистрировать браки в ЗАГСх и дворцах бракосочетаний в дни поста (февраль-апрель) и другие дни, которые не рекомендует церковь». Далее приводились сведения о работе московского Дворца бракосочетаний, из которых следовало, что в дни поста множество молодых людей отказывались регистрировать брак под различными предлогами (болезни, командировки, нехватка времени на подготовку к свадьбе и т. д.). Если в обычные (непостные) дни планировалась регистрация в среднем 45–50 пар и при этом отказ от церемонии был большой редкостью, то в «постные» дни регистрация назначалась лишь для 25–35 пар, но даже из них 30–40% на церемонию не являлись [23, л. 221], т. е. столичный ЗАГС в дни поста оказывался загружен привычной работой в 2,5–3 раза меньше, чем в непостные.

Описывая реалии функционирования московского Дворца бракосочетаний в дни Великого поста в марте 1972 г., его директор говорила: «В эти дни очень много переносов... Так, например, на 29 марта назначено 35 браков, а перенесено на послепасхальные дни 12 браков; с 31 марта перенесли 12 браков, а с 7 апреля (предпасхальный день) 16 бра-

ков. Некоторые молодые люди не скрывают, что перенос бракосочетания вызван давлением родителей». А вот цитаты из заявлений брачующихся: «Прошу перенести бракосочетание с марта на 15 апреля. Я ничего не могу поделать, родственники не дают денег на свадьбу»; «отказалась от бракосочетания 6 апреля потому, что родители верующие и настаивают, чтобы свадьба была на красную горку»; «отказался от бракосочетания, назначенного на 7 апреля, так как родители верующие возражают и требуют перевести бракосочетание на срок позднее 10 апреля» [23, л. 222].

Дворцы бракосочетаний стали открываться в крупных городах СССР в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов как своеобразные храмы «новой социалистической обрядности». К началу семидесятых годов нормой для них стало использование специально выработанных ритуалов «советской свадьбы», которые, по мысли советских идеологов, должны были вытеснить у молодоженов мысли о религиозных традициях заключения брака [12, с. 360–368]. Поэтому признание зависимости брачных церемоний от церковного календаря со стороны руководителей таких учреждений выглядело доказательством стойкости православно-обусловленных традиций. Столь же очевидным симптомом их жизнеспособности была довольно распространенная практика целования новообрачными икон, на которую обращали внимание как известные авторы-атеисты [24, с. 42], так и представители Совета по делам религий на местах. Например, сотрудник идеологического аппарата из Краснодара так характеризовал ситуацию с внедрением «социалистических» свадеб: «Не секрет, получается иногда так: провели торжественную регистрацию новобрачных, а молодых дома старухи и старики встречают с иконами, и все идет по-старому, по религиозному» [25, л. 43]. Краснодарскому коллеге вторил специалист по атеистической работе из Украй-

ны, утверждавший, что после гражданских церемоний, связанных с рождением, свадьбой, похоронами, многие граждане исполняют религиозные обряды, фактически объединяя гражданские и религиозные элементы в своем жизненном пространстве [19, с. 192].

Православные или, скорее, народно-православные обычаи входили в жизнь не слишком религиозных граждан и через практики поминовения умерших. В ходе анкетирования 2021 – 2022 гг. 18 респондентов, характеризуя сохранение православных традиций в своих семьях, указали, что у них было принято посещать кладбище в родительские субботы или на Пасху (возможно, если бы в одну из анкет был включен отдельный вопрос о посещении некрополя, указаний на эту традицию оказалось бы больше). Уполномоченные Совета по делам РПЦ и сменившего его Совета по делам религий также регулярно отмечали широкую распространенность посещения кладбищ по религиозным мотивам. Так, еще в пятидесятые годы курский представитель СДРПЦ писал, что в родительские субботы на кладбищах поминать родителей собираются большие массы людей, «причем всем составом семьи, в том числе и с детьми» [13, л. 144].

В позднесоветский период широкое распространение приобрела неканоническая практика поминовения умерших на Пасху. Характерную зарисовку посещения некрополей гражданами во время главного христианского праздника дал в отдельном обзоре «Проявление религиозности на кладбищах» уполномоченный СДР по Воронежской области. Согласно этому обзору в предпасхальные дни и пасхальное воскресенье в апреле 1968 г. на кладбищах г. Воронежа побывало приблизительно 150 тыс. человек. «Все виды транспорта на пути на кладбище работали с большим напряжением, – писал чиновник. – Скопление народа напоминало собой непрерывно продолжав-

шуюся массовую демонстрацию» [22, л. 74].

В документе говорится, что примерно 70% граждан пришли на кладбища без явно выраженных религиозных мотивов, просто потому, что «так принято» (впрочем, сам выбор Пасхи для похода к месту упокоения не мог быть свободен от влияния конфессиональных идей). Около 30% посетителей, по сведениям уполномоченного СДР, посетили некрополь в силу своей религиозности, стремясь «принести на могилку святой кусочек пасхи, встретиться с душами родных», «облегчить участь умерших» и т. п.

Представителей православного духовенства на кладбищах не было, однако здесь трудились многочисленные группы богомолков («черничек»), которые по просьбам граждан совершали отпевания, переходя от могилы к могиле. Кроме богомолков, на кладбища пришло немало людей, в другие дни просивших милостыню около церквей или нелегально торговавших предметами церковного обихода. Как говорится в обзоре, «религиозные настроения поддерживались большим количеством нищенствующих "ради Христа"». Кладбища в эти дни превращались в место бойкой частной торговли молитвенниками, свечами, просвирками, цветами, плошками». В поведении поминавших проявлялись как православные, так и языческие представления о том, как правильно отдавать дань памяти умершим. «В эти дни живые не только оплакивали умерших и предавались горю, но также веселились и пировали. Верующие приносили с собой узелки или корзинки с крашеными яйцами, жареными курами, ветчиной и прочими яствами. У некоторых была кутья, многие же, не возлагая особых надежд на медовую водичку, запаслись более горячительными напитками», – так характеризуется в обзоре наблюдаемое сочетание традиций христианской скорби и языческих поминальных трапез. Далее представлено описание деталей поминовения: «...на могиле расстилается белая ска-

терть, раскладываются закуски, ставится водка и вино. Рюмки или стаканы наполняют с учетом не только живых, но и мертвых. Начинается трапеза "с учетом душ усопших", затем произносятся тосты и за здоровье живых. На одной могиле старушки заунывными голосами выводят заупокойные песни, на другой – смешанная компания поет уже совсем нерелигиозные песни... Долю умершего выливают под скатерть на могилу. Уходя, оставляют на могиле часть угощения для умерших, хотя большая часть оставляет на могиле лишь крошки пасхального кулича или яйца – с таким расчетом, чтобы их подобрали "птички божьи"» [22, л. 75].

Резюмируя содержание обзора, советский функционер говорит о кладбище как зоне распространения религиозных «пережитков», для которой присуще полное отсутствие «какого-либо организованного влияния советской общественности». «Государственное кладбище и чувства людей, связанные с памятью об умерших, – пишет он, – как бы представляются в полное распоряжение вездесущих богомолок с их молитвами и причитаниями» [22, л. 76].

Конечно, происходившее на кладбищах в пасхальные дни демонстрировало невысокий уровень церковной грамотности населения, а также смешение гражданами элементов разных культур (своеобразный православно-языческий синкретизм). Некрополь в позднем СССР не был идеальным местом для укрепления православных традиций в их классическом церковном понимании. Однако из-за нехватки церквей, а также ограниченных возможностей их посещения именно кладбище оказывалось местом, где старшие демонстрировали младшим соблюдение тех или иных ритуалов, говорили о Боге, душе, победе над смертью. Собственно, примерно такой мыслью воронежский уполномоченный СДР закончил свой обзор. «Религиозные обряды на кладбищах города – говорится в документе, – одно из сильных средств религиозной пропаганды, которое до сих пор

явно недооценивается партийными, советскими и комсомольскими организациями» [22, л. 76].

Выводы

Итак, несмотря на формально безрелигиозный характер жизненного уклада большинства граждан позднего СССР, фактически в нем сохранялись явления, непосредственно или генетически связанные с православием. В течение жизни среднестатистический советский гражданин сталкивался с традиционными обрядами перехода, видел иконы, нередко наблюдал за постящейся бабушкой, был вынужден считаться с церковным календарем, в духе народно-православных обычаев поминал вместе с родственниками умерших. При этом чем теснее в советской семье оказывались межпоколенческие связи, чем большим авторитетом пользовались старшие, тем больше шансов на знакомство с образами православия оказывалось у остальных ее членов.

Присутствие отдельных элементов православной культуры в семейном быту было скорее нормой, чем аномалией. Этот факт помогает объяснить такое распространенное явление, как воцерковление советских граждан в пенсионном возрасте, а также приход к церковной жизни значительной части населения на рубеже 1980–90-х гг. Наличие в жизненном пространстве «нерелигиозных» людей конфессионально обусловленных обычаев и атрибутов веры позволяло им сохранять представления (пусть и весьма упрощенные) о православном образе жизни, базовых основах вероучения и культа. Оно же периодически напоминало о существовании мира древней культуры, отличавшейся от советской, хоть и осмеянной партией, но тесно связанной с многовековой историей предков. В какой-то момент жизни этот мир, не успевший стать совершенно чуждым, мог оказаться привлекательным для советского человека.

Список литературы

1. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 483 с.
2. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
3. Сухов А. Д. Религия как общественный феномен. М.: Мысль, 1973. 144 с.
4. Кобецкий В. Д. Исследование динамики религиозности населения в СССР // Атеизм. Религия. Современность. Вып. 1. Л.: Наука, 1973. С. 116–130.
5. Кобецкий В. Д. Социологическое изучение религии и атеизма. Л.: ЛГУ, 1978. 118 с.
6. Худяков С. Н. О преодолении религиозных предрассудков. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1951. 32 с.
7. Филимонов Э. Беседы по вашей просьбе: что происходит с религией, ее обрядами и традициями в наши дни? // Известия. 1981. 8 октября.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991 (Совет по делам религий при Совете Министров СССР). Оп. 5. Д. 152.
9. Апанасенок А. В., Пудякова И. С. «Записывайте и в книгу, я не боюсь»: обряд православного крещения и советская культура в 1940–1980-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 177–190.
10. Серебряков Ю. Г. Религиозность сельского населения и задачи атеистической пропаганды. Чебоксары: ЧКИ, 1972. 39 с.
11. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1 (Центральный Комитет ВЛКСМ (1918–1991)). Оп. 34. Д. 130.
12. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.
13. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 5027 (Уполномоченный совета по делам Русской православной церкви по Курской области). Оп. 5. Д. 13.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747.
15. Климова С. М., Молостова Е. С. Научный атеизм в поисках методологии изучения религиозности советского человека (60-е – 80-е гг. XX века) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 8 (151). С. 86–96.
16. Пашков Н. А. К вопросу о характере обыденного религиозного сознания православных христиан // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания / под ред. И. Д. Панцхава. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. С. 148–161.
17. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 606. (Академия общественных наук при ЦК КПСС). Оп. 4. Д. 156.
18. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 638.
19. Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг. / под ред. А. В. Апанасенка. Курск: Изд-во РОСИ, 2022. 321 с.
20. Актуальные проблемы полевой фольклористики. Т. 4 / ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. 196 с.
21. Похлёбкин В. В. Кулинарный словарь. Новосибирск: Русская беседа, 1994. 477 с.
22. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 154.
23. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801.
24. Кривелев И. А. Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР // Советская этнография. 1961. №4. С. 30–44.
25. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 38.

References

1. Leбина N. B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilу [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Grand Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 483 p.
2. Zubkova E. Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost' [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday life]. 1945–1953. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p.
3. Suhov A. D. Religiya kak obshchestvennyj fenomen [Religion as a social phenomenon]. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 144 p.
4. Kobeckij V. D. Issledovanie dinamiki religioznosti naseleniya v SSSR [The study of the dynamics of the religiosity of the population in the USSR]. *Ateizm. Religiya. Sovremennost' = Atheism. Religion. Modernity*, is. 1. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad. otd-nie, 1973, pp. 116–130.
5. Kobeckij V. D. Sociologicheskoe izuchenie religii i ateizma [The sociological study of religion and atheism]. Leningrad, LGU Publ., 1978. 118 p.
6. Hudyakov S. N. O preodolenii religioznyh predrassudkov [About overcoming religious prejudices]. Kishinev, Gos. izd-vo Moldavii, 1951. 32 p.
7. Filimonov E. Besedy po vashej pros'be: chto proiskhodit s religiej, ee obryadami i tradiciyami v nashi dni? [Conversations at your request: what is happening with religion, its rituals and traditions these days?]. *Izvestiya = Izvestia*, 1981, October 8.
8. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 6991 (Sovet po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR) [Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR], op. 5, d. 152.
9. Apanasenok A. V., Pudyakova I. S. "Zapisyvajte i v knigu, ya ne boyus'": obryad pravoslavnogo kreshcheniya i sovetskaya kul'tura v 1940–1980-e gody ["Write it down in the book, I'm not afraid": the rite of Orthodox baptism and Soviet culture in the 1940s–1980s]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 177–190.
10. Serebryakov Yu. G. Religioznost' sel'skogo naseleniya i zadachi ateisticheskoy propagandy [The religiosity of the rural population and the tasks of atheistic propaganda]. Cheboksary, CHKI Publ., 1972. 39 p.
11. RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii) [Russian State Archive of Socio-Political History], f. M-1 (Central'nyj Komitet VLKSM [Central Committee of the Komsomol] (1918–1991)), op. 34, d. 130.
12. Smolkin V. Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma [A Holy place is never empty: the History of Soviet Atheism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 552 p.
13. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 5027 (Upolnomochennyj sovet po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi po Kurskoj oblasti) [Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kursk region], op. 5, d. 13.
14. GARF, f. 6991, op. 1, d. 1747.
15. Klimova S. M., Molostova E. S. Nauchnyj ateizm v poiskah metodologii izucheniya religioznosti sovetskogo cheloveka (60-e – 80-e gg. XX veka) [Scientific atheism in search of a methodology for studying the religiosity of the Soviet man (60s – 80s of the XX century)]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = Scientific Bulletin of the Belarusian State University. Series: Philosophy. Sociology. Right*, 2013, no. 8 (151), pp. 86–96.
16. Pashkov N. A. K voprosu o haraktere obydenno religioznogo soznaniya pravoslavnyh hristian [On the question of the nature of the everyday religious consciousness of Ortho-

dox Christians]. *Konkretno-sociologicheskoe izucheniye sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya* [Concrete sociological study of the state of religiosity and the experience of atheistic education]; ed. by I. D. Panckhava. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1969, pp. 148–161.

17. RGASPI, f. 606 (Akademiya obshchestvennykh nauk pri CK KPSS) [Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU], op. 4, d. 156.

18. GARF, f. 6991, op. 5, d. 638.

19. *Sovetskaya identichnost' i problemy religioznosti: pravoslavnye praktiki v povsednevnoy zhizni grazhdan SSSR v 1940-e – 1980-e gg.* [Soviet identity and problems of religiosity: Orthodox practices in the daily life of citizens of the USSR in the 1940s – 1980s.]; ed. by A. V. Apanasenok. Kursk, ROSI Publ., 2022. 321 p.

20. *Aktual'nye problemy polevoj fol'kloristiki* [Actual problems of field folklore studies]; ed. by A. A. Ivanova. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2008, vol. 4. 196 p.

21. Pohlyobkin V. V. *Kulinarnyj slovar'* [Culinary Dictionary]. Novosibirsk, Russkaya beseda Publ., 1994. 477 p.

22. GARF, f. 6991, op. 5, d. 154.

23. GARF, f. 6991, op. 5, d. 801.

24. Kryvelev I. A. *Preodolenie religiozno-bytovykh perezhitkov u narodov SSSR* [Overcoming religious and everyday survivals among the peoples of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* = *Soviet Ethnography*, 1961, no. 4, pp. 30–44.

25. RGASPI, f. 606, op. 4, d. 38.

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович,
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт научной
информации по общественным наукам
Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Dr. of Sci. (Histori-
cal), Leading Researcher, Institute of Scientific
Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russian Federa-
tion,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-138-148>**«Под виц-мундиром русской службы»: о влиянии революционной деятельности И. П. Огрызко на ход винной реформы 1863 года****Н. Е. Горюшкина¹** ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Настоящая статья представляет собой попытку анализа влияния «вовлеченности в польскую революцию» И. П. Огрызко на акцизное дело. Данная проблема актуальна для знакомства с героями и антигероями винной реформы 1863 года, для понимания сложности реализации в отношении питей преобразования.

Цель – оценить характер влияния революционной деятельности И. П. Огрызко на судьбу винной реформы 1863 года.

Задачи. Поставленная цель определила решение следующих задач: установить место Огрызко в акцизном деле; выяснить существо антиправительственных действий Огрызко; оценить последствия революционной вовлеченности вице-директора Департамента разных податей и сборов для винной реформы 1863 года.

Методология. Статья основана на принципах историзма, научной объективности и системности. Автором, помимо того, были использованы метод персонально-биографического анализа, а также генетический и структурный методы.

Результаты. Революционная вовлеченность И. П. Огрызко, пусть не самого выдающегося, но и не рядового деятеля польского восстания 1863 года, продемонстрировала «хрупкость» акцизного преобразования в России. Пост вице-директора Департамента неокладных сборов позволял говорить об И. П. Огрызко как об одном из организаторов акцизного дела в России. Свою легальную деятельность по акцизу ему удалось совместить с энергичной антиправительственной деятельностью и выступить руководителем всего польского подполья в Санкт-Петербурге.

Вывод. Революционная вовлеченность вице-директора Департамента разных податей и сборов бросила тень на акцизное дело, вызвала бурное общественное осуждение, гнев царя, что в конечном итоге едва не остановило переход от откупов к акцизной системе взимания налога с питей.

Ключевые слова: винная реформа; акцизное дело; департамент неокладных сборов; польское восстание

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. «Под виц-мундиром русской службы»: о влиянии революционной деятельности И. П. Огрызко на ход винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 138–148. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-138-148>.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Принята к публикации 20.01.2023

Опубликована 27.02.2023

© Горюшкина Н. Е., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(1): 138–148

“Under the Uniform of the Russian Service”: the Influence of the Revolutionary Activities of I.P. Ogryzko on the Course of the wine Reform of 1863

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹ Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. This article is an attempt to analyze the influence of I.P. Ogryzko to the excise business. This problem is relevant for getting to know the heroes and anti-heroes of the wine reform of 1863, for understanding the complexity of implementation in relation to drinking reforms.

The purpose is to assess the nature of the influence of the revolutionary activities of I.P. Ogryzko on the fate of the wine reform of 1863

Objectives the goal set determined the solution of the following tasks: 1) to establish the place of Ogryzko in the excise business; 2) find out the essence of Ogryzko's anti-government actions; 3) evaluate the consequences of the revolutionary involvement of the Vice-Director of the Department of Miscellaneous Taxes and Dues for the wine reform of 1863.

Methodology. The article is based on the principles of historicism, scientific objectivity and consistency. The author, in addition, used the method of personal biographical analysis, as well as genetic and structural methods.

Results. Revolutionary involvement of I.P. Ogryzko, though not the most outstanding, but not an ordinary figure in the Polish uprising of 1863, demonstrated the fragility of the “fragility” of the excise reform in Russia. The post of vice-director of the Department of non-salary fees made it possible to talk about I.P. Ogryzko as one of the organizers of the excise business in Russia. He managed to combine his legal excise activities with energetic anti-government activities and act as the head of the entire Polish underground in St. Petersburg.

Conclusion. The revolutionary involvement of the Vice-Director of the Department of Miscellaneous Taxes and Duties cast a shadow over the excise business, caused violent public condemnation, the anger of the tsar, which, in the end, almost stopped the transition from farming to an excise system of levying a tax on drinks.

Keywords: wine reform; excise business; non-salary duties department; Polish uprising.

Funding: The publication was carried out within the framework of the state task for 2023 “The transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. “Under the Uniform of the Russian Service”: the Influence of the Revolutionary Activities of I.P. Ogryzko on the Course of the wine Reform of 1863. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 138–148. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-138-148>.

Received 16.12.2022

Accepted 20.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Винная реформа 1863 г. являлась одним из важнейших преобразований эпохи Александра II. «Подобно крестьянской реформе, отмена откупов по своему универсальному значению сделалась точкой отправления для целой системы после-

дующих реформ – судебной, земской, военной и проч., – находим мы в материалах к биографии К. К. Грота. Невозможно было рассчитывать на жизненность реформ без уничтожения одной из самых отвратительных государственных язв – без очищения авгиевых конюшен винного откупа» [1, с. 136].

Противодействие винной реформе 1863 г., поколебавшей финансовое благополучие богатейших людей России – откупщиков – и находившихся у них на содержании государственных мужей, было яростным. В этой связи каждый шаг в направлении акциза был сделан не «благодаря», а «вопреки». Происками «красных» были объявлены введение нового «Положения о питейном сборе», роспуск питейных отделений казенных палат, набор К. К. Гротом акцизных служащих. Когда же стало известно, что вице-директор Департамента неокладных сборов Иосафат Петрович Огрызко являлся одним из организаторов польского восстания 1863 г., возникла реальная угроза, что все акцизное дело пойдет ко дну [2].

Влиянию революционной деятельности вице-директора Департамента неокладных сборов И. П. Огрызко на ход акцизного преобразования посвящена представленная статья.

Методология

Источниковую базу статьи сформировали архивные материалы. Особую ценность имели донесения об антиправительственной деятельности Огрызко, отложившиеся в фонде Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии (ф. 109) Государственного архива Российской Федерации.

Значимую роль в понимании зыбкости ситуации с акцизом, спровоцированной «революционностью» И. П. Огрызко, сыграли мемуары современников описываемых событий (князя В. П. Мещерского, сенатора К. И. Фишера, революционера Л. Ф. Пантелева и др.).

К исследованию была привлечена периодика 1860-х гг. («Московские ведомости», «Колокол»), зримо отразившая имевший место общественный настрой.

Методологическим основанием статьи стали принципы историзма, научной объективности и достоверности. Помимо того, использовались персонально-биографический, генетический и струк-

турный методы. Историко-биографический метод способствовал пониманию «двойственности» Огрызко; применение структурного анализа открыло возможность для реконструкции его отношений с другими акцизными деятелями, в первую очередь с К. К. Гротом; обращение к генетическому анализу позволило понять «природу» двойной жизни «героя» или, вернее сказать, «анти-героя» винной реформы 1863 г.

Результаты и их обсуждение

Иосафат Петрович Огрызко – яркая фигура эпохи «великих реформ». Библиография трудов, ему посвященных, была открыта в 1867 г. брошюрой члена Виленской следственной комиссии по политическим делам Н. В. Гогеля «Иосафат Огрызко и Петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа» [3]. Пристрастно, но весьма детально революционность Огрызко разобрал в книге «Польский мятеж 1863 г.», изданной в 1892 г., историк П. Д. Брянцев [4]. Не обошли вниманием фигуру польского революционера и советские историки. Надо признать, что книга «Иосафат Огрызко (1826 – 18900)» И. Е. Баренбаума, обретшая свет в 1964 г., до сего дня остается наиболее обстоятельным его жизнеописанием [5].

Вместе с тем надо признать, что связь Огрызко с акцизмом, воздействие его революционной вовлеченности на ход винной реформы 1863 г. никем и никогда не освещались. Проблема эта была обозначена в докторской диссертации автора статьи и потребовала дополнительного изучения.

Иосафат Петрович Огрызко родился в 1826 г. в Минской губернии, в небогатой помещичьей семье. В 1845 г. после окончания гимназии он был зачислен на первый курс юридического факультета Петербургского университета. Здесь он примкнул к кружку польских патриотов, группировавшемуся вокруг Сераковского. Целью организации было

«восстановление падшей Польши» [4, с. 166].

В 1849 г. Огрызко окончил университет со степенью кандидата права и поступил сначала на службу в кодификационную комиссию Царства Польского, а затем в Департамент горных и соляных дел. Днем он был исправным чиновником, отличающимся начальством, а вечером активным членом тайного союза [5, с. 11].

В 1858 г. Огрызко взял на себя издание польской еженедельной газеты «Слово» («Stowo»), легальной целью которой было «сближение» поляков с русскими, нелегальной – объединение польского революционного подполья. Скоро издание было закрыто по причине помещения в нем письма известного польского общественного деятеля, политического эмигранта Иоахима Лелевеля. Огрызко был обвинен в революционной деятельности и посажен в Петропавловскую крепость [6, с. 28]. Весь Петербург тогда встал на защиту редактора. «Плохо, братцы, беда близко:/ Арестован наш Огрызко», – выдал экспромт возмущенный арестом Н. А. Некрасов. Через две недели, ввиду столь активной общественной поддержки (А. И. Герцена, И. С. Тургенева), Огрызко был выпущен на свободу [7].

Несмотря на громкую историю с арестом 28 ноября 1861 г. Иосафат Петрович был принят на службу в Департамент разных податей и сборов. С этого времени карьера его устремилась вверх. Иосафат Петрович получил должность начальника нескольких – 1, 3 и 5 – отделений департамента и был произведен в коллежские советники [5, с. 12].

Разделение Департамента разных податей и сборов на Департамент окладных сборов и Департамент неокладных сборов только упрочило положение Огрызко. Он возглавил временное отделение Департамента неокладных сборов с правами вице-директора [8].

Департамент неокладных сборов слыл самым либеральным в Министер-

стве финансов. Сюда рвались на службу те, для кого доктрина свободного рынка была наполнена особым оппозиционным флером, те, кто был готов освободить Россию «от откупных пут». Но карьерный взлет Огрызко знавшие его люди объясняли ни особыми профессиональными достоинствами, ни душевным порывом денно и ночно служить акцизу. Службу свою он использовал для достижения революционных устремлений, потому охотно заводил новые знакомства, пользовался уже имеющимися связями, в первую очередь любовной связью с бывшей фрейлиной императорского двора Авророй Карловной Шернваль фон Валлен – Демидовой (по первому мужу) – Карамзиной (по второму мужу) [9, с. 158].

В июле 1861 г. директор Департамента податей и сборов Константин Карлович Грот поручил своему заместителю Огрызко проинспектировать Вильно. Итоги ревизии были, видимо, неутешительны, и Грот предложил Огрызко занять новый пост – управляющего питейно-акцизными сборами в Западной губернии. Огрызко ответил отказом. На это место из Министерства финансов был переведен другой чиновник – А. П. Меркулов. Собираясь в Вильно, тот поинтересовался у Огрызко, на кого на новом месте можно положиться. Иосафат Петрович, как потом вспоминал Меркулов, «вызвался дать мне письмо к члену Виленского губернского по крестьянским делам присутствия Оскерко, который, по словам Огрызко, пользовался общим уважением и мог безошибочно указать мне нужных людей». Кроме письма для Оскерко, Огрызко вручил Меркулову записку, в которой просил за двух своих товарищей. Если верить признаниям Меркулова, рекомендуемых Иосафатом Огрызко людей он определил в Вильно помощниками надзирателя: одного – в октябре 1862 г. и второго – в мае 1863 г.

В марте 1862 г. Иосафат Петрович был командирован в Берлин для сбора сведений о системе управления питей-

ным сбором в Пруссии. На обратном пути, как стало известно из показаний на следствии, в Познани Огрызко встретился с лидерами «великого польского мятежа». Последующие командировки по России, по казенной надобности и за казенный счет, он использовал для расширения «мятежной сети», скрывая свою «революционную вовлеченность <...> служебною благонамеренностью».

Благодаря энергии Огрызко «патриотические польские общества» были созданы во всех городах России, где жили поляки. Эти тайные польские кружки постоянно сносились с центральным кружком в Санкт-Петербурге [4, с. 170–171].

Руководство двойную жизнь Огрызко не замечало. Осуществление винной реформы требовало нечеловеческих усилий, Грот спал в своем кабинете. Откупщики и стоявшие у них за спинами государственные мужи, как могли, препятствовали преобразованию, но все обвинения в адрес Грота отлетали, как камни от мостовой. Торжеству недругов Константина Карловича не было предела, когда в ходе следствия по делу о польском восстании в Вильно два товарища: Якуб Гейштора и Александр Оскерко, за акцизные назначения которых хлопотал Огрызко, – были уличены в революционной деятельности. Вильненские жандармы стали наводить справки о ходатае, вышли на вице-директора Департамента неокладных сборов. Но министр финансов М. Х. Рейтерн заверил их, что Иосафат Огрызко является исключительно благонадёжным чиновником и находится вне всяких подозрений [10, с. 205].

Следствие в Вильно продолжалось. В августе 1863 г. под арест попал некий Оскар Авейде. Поняв, что ему угрожает смертная казнь, он стал давать самые откровенные показания. Против Огрызко серьёзных фактов у него не было, если не считать рассказ о получении повстанцами топографических карт из Петербурга от польских офицеров при посредничестве Иосафата Петровича. Этих показаний для

ареста влиятельного петербургского чиновника, поддерживаемого министром финансов, было явно недостаточно.

Со временем в руки виленских жандармов попал бывший преподаватель Михайловской артиллерийской академии Владислав Коссовский. У повстанцев он курировал связь с обществом «Земля и воля». Разговорчивость Коссовского стоила Огрызко свободы. Именно он указал на Иосафата Петровича как на главу петербургского революционного отдела, державшего «в своих руках <...> многие нити „польской интриги“» [11, с. 23].

13 ноября 1864 г. генерал-губернатор гродненский, минский и виленский М. Н. Муравьев дал команду об аресте Огрызко. Но в Петербурге не все поверили в виновность Огрызко. Ходили слухи, что Муравьев сводит с Огрызко личные счеты, поскольку Иосафат Петрович открыто обвинял Муравьева в казнокрадстве, а покровительница Огрызко Карамзина когда-то помешала сыну Муравьева Николаю занять место опекуна при малолетнем сыне князя Демидова [5, с. 23].

Огрызко был препровожден из Санкт-Петербурга в Вильно. Дело, в котором оказался замешан Огрызко, виленские жандармы называли «петербургским», но оно обрело общероссийский масштаб. В качестве подследственных по «петербургскому делу» проходило девять человек, частью связанных между собой, частью совсем незнакомых [3, с. 72].

На первых допросах Огрызко подтверждал только то, что состоит на службе в Министерстве финансов в качестве ревизора при Департаменте неокладных сборов, заведует несколькими отделениями департамента с правами вице-директора. Виновность в революционных действиях он категорически отрицал. «Послушайте, г. следователь, – говорил он заносчиво, – я сам знаю, что я умен, так как же вы хотите, чтобы я сознался? – <...> пока я не сознаюсь, меня не казнят, потому что весь Петербург, в котором у

меня много друзей, закричит, что я казнен неправильно» [3, с. 73].

Но доказательств вины Огрызко становилось все больше. При обыске у него дома были найдены квитанции о переводе денег на нужды заговорщиков, бумаги со встреч с другими заговорщиками, распоряжения и инструкции о подготовке восстания, написанные его рукой [8].

Под натиском неопровержимых фактов Огрызко признал вину. Он подтвердил, что вел революционную деятельность, пользуясь абсолютным доверием министра финансов и директора Департамента неокладных сборов, даже рассказывал о своих манипуляциях в отношении начальства. Так, 5 сентября он должен был ехать в Варшаву на совещание с главным революционным жондом, но в просьбе об отпуске получил отказ, тогда, по словам Иосафата Петровича, он пригрозил Гроту подачей в отставку и получил командировку за казенный счет в Смоленск (откуда и добрался до Варшавы) [3, с. 46].

О влиятельности Огрызко в департаменте можно судить и по тому, что он был допущен «к распределению должностей по акцизу». Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии, помимо Гейштора и Оскерко, имена которых всплыли в ходе расследования восстания в Вильно, отыскивало еще несколько человек, которые поступили на должности по акцизу по рекомендации Огрызко. Это Уклевский, Чепелевский, Юрага, Янушкевич (все они были отправлены в отставку) [12].

Связь польских заговорщиков и развораживавшегося питейного преобразования самым неблагоприятным образом отразилась на его перспективах. Желая спасти новое дело, Рейтерн и Грот, как могли, отрицали участие Огрызко в акцизных делах, они убеждали следствие, что Огрызко заведовал исключительно делами откупщиков и к подбору кадров по акцизу не имел отношения [8].

Следствие длилось почти год. Огрызко сознался во всем. На последних допросах со слезами на глазах «по польскому обычаю» он пытался целовать плечи и локти следователя и отчаянно просил сохранить ему жизнь. Чтобы смягчить свою участь, Иосафат Петрович признался даже в подготовке убийства Муравьева, которое, как следовало из его слов, им же и было предотвращено [3, с. 72].

Суд признал Огрызко виновным в «исправлении должности агента Варшавского революционного комитета в С.-Петербурге» и приговорил его к смертной казни, которая была заменена 20-ю годами каторги [5, с. 25].

После суда Огрызко был препровожден в Москву, оттуда без всяких остановок в Тобольск. Власти опасались, что, попав в Петербург, бывший вице-директор при посредничестве друзей и покровителей, главным из которых считали Грота, добьется пересмотра дела. Сочувствия к нему никто не проявлял, скорее злобу и презрение. Видный революционный деятель 1860-х гг. Л. Ф. Пантелеев вспоминал: «Собрали нас на тюремном дворе (помнится, 31 декабря 1865 г.). Вдруг приехал виленский гражданский губернатор Панютин <...> “Где Огрызко? – спросил Панютин и, когда ему указали на Огрызко, быстро направился к нему. – Это что! – закричал Панютин, заметивши у Огрызко собственные теплые перчатки на руках, и сам стал срывать их... – Отделить его, посадить в отдельную камеру, никого к нему не допускать, давать ему еду из общего котла!”» [13, с. 178].

Константин Карлович пытался помочь своему бывшему заместителю. Он неоднократно обращался с просьбой, чтобы следствие производилось в Петербурге, но просьба его была оставлена без внимания. Более того, у самого Грота по приказу Муравьева был произведен обыск. Облегчить участь бывшего до-

машнего секретаря всячески пыталась Аврора Карамзина [13, с. 386, 398].

Влиятельные заступники так и не смогли помочь Огрызко. В начале 1866 г. он был доставлен в Акатуй, а осенью того же года отправлен в Вилуйск, где имелся специально выстроенный острог. В столице из имени Огрызко сделали «страшилище». Злоумышленные козни Огрызко находили везде и во всем. «В мае, – рассказывал "ужасы" племянник А. К. Карамзиной, издатель-редактор «Гражданина», князь Мещерский, – встречаюсь под аркою главного штаба с Огрызкою. Лицо у него сияющее. Что вы такой сияющий, – спрашиваю я его, – должно быть дела вашей партии идут хорошо? – Я сияющий потому, что радуюсь, – ответил мне Огрызко, – а радуюсь потому, что еду к донским казакам учить их, как спиваться» [13, с. 227–228].

Со временем имя Огрызко стало нарицательным. Его употребляли как синоним польского коварства, двуличия, вероломства. В покушении на царя, совершенном 4 апреля 1866 г., некоторые разглядели «закваску Польши, систему видения дел по системе Огрызко» [14, с. 105].

Департамент неокладных сборов именовали «красным», Грота – «дьяволом» и «революционером» [15, с. 411]. Злобные выпады летели отовсюду. Не было в столице канцелярии, салона и редакции, где бы ни обсуждали революционера из Департамента неокладных сборов. Говорили, что Огрызко воплощал в жизнь мечту всех поляков об уничтожении России. В своем дневнике князь Мещерский записал: «Искусно скрываясь под виц-мундиром русской службы вице-директора департамента, организовал совокупное действие польского жонда с русскою социалистическою партией» [16, с. 294].

Недоброжелатели Грота уверяли, что директор Департамента неокладных сборов сам находился в сговоре с агентом повстанческого национального прави-

тельства в Санкт-Петербурге. Они сообщали пытались спить российский народ [17, с. 68]. «Я помню, – писал Мещерский в мемуарах, – как в то время люди, серьёзно относившиеся к вопросам государственной жизни, говорили с негодованием о том, насколько несвоевременна питейная реформа, вводимая как раз в то время, когда крестьянские массы проходят через столь соблазнительную реформу, как освобождение их от крепостного состояния. От присоединения к присущему этой реформе соблазну воли соблазна дешёвки не надо ли было предвидеть серьёзных последствий, в смысле вреда для нравственного быта крестьян? Но голосам этих серьёзных людей пришлось раздаться в пустыне. Их не слушали <...> Для меня лично именно этот факт совпадения крестьянской реформы с питейною имел значение весьма чувствительного тезиса для размышлений и для зловещих, так сказать, впечатлений, ибо пока другие этот вопрос обсуждали скорее принципиально и имели дело с представителями официального мира Министерства финансов, я имел дело с одною из тайных пружин этого мира, с знаменитым зловещим Огрызкою» [18].

Упреки критиков акциза подтверждала первая статистика по акцизу: в 1863 г. в Пензенской губернии было выпито водки на 281% больше, чем в 1862 г., в Тамбовской – на 215%, в Орловской и Ярославской – на 150, в Воронежской – на 127% и т. д. Рост выпитого, в свою очередь, вел к увеличению смертности от отравления алкоголем. «Опившихся в 1863 году и счесть трудно», – удостоверил современник событий И. Г. Прыжов [19, с. 192].

Александр II негодовал: тайная сеть революционеров создавал ни кто-то неизвестный, а вице-директор департамента, которому он выразил свое безусловное доверие. Имени Огрызко он не мог слышать без раздражения. В дневнике министра внутренних дел П. А. Валуева сохранилась запись от 18 июня 1865 г.:

«Утром в Царском Селе. Доклад. Передо мною были Рейтерн и Грот, первый по случаю отъезда за границу, второй – по случаю временного приема управления Министерством. Их аудиенция была довольно продолжительная. Смотря по выражению лица при выходе из кабинета, прием Грота был *tiede* [прохладный]. По свойству наших воззрений полагаю, что причиною были Огрызко и Наржимский более чем акцизные дела» [20, с. 51–52].

Должности в акцизе после «петербургского дела» потеряли практически все служащие католической веры. Малейшие подозрения в «поддержании революционного духа и возбуждении умов против Правительства» стоили чиновнику акцизного места [21]. Гонения на акцизных чиновников из-за истории с Огрызко длились не один год и не ограничились пределами столицы. Политическая «неблагоданмеренность» управляющего акцизными сборами Казанской губернии А. Т. Соловьева заключалась в том, что у него служили несколько поляков, а сам он был чужд всякого знакомства и жил совершенно замкнуто. Подозрительным «в политическом плане» выглядел управляющий акцизными сборами Тверской губернии В. Л. Юнг, т. к. носил бороду и усы [22, с. 207–208].

Мало кто в столице сомневался, что последователи двуличного поляка продолжают стоять у руля правительственного корабля и, «прикрываясь преданностью к России», покрывают страну сетью ксендзов чиновников, офицеров, стремящихся задушить ее «при первом представившемся случае» [3, с. 15].

Глубокую общественную обиду из-за того, что «просмотрели» Огрызко, облек в словестную форму редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков: «Где был истинный корень мятежа? В Париже, Варшаве, Вильне? Нет, в Петербурге, где орудиями дела были люди, как например Огрызко, которые, по служеб-

ному своему положению, не могли не быть посвящены в наши правительственные дела» [23, с. 209].

Немногие могли проявить великодушные к Огрызко и не согласиться с утверждениями, что «постановления по питейной части есть плод измышлений польского катехизиса» [24, с. 9].

Иосафат Петрович провел на каторге десять лет, пять из которых – в тюрьмах Якутии.

Несмотря на роль «злодея», которая была отведена Огрызко, К. Д. Кавелин сохранил с ним дружеские связи. Пытаясь облегчить условия пребывания друга в Сибири, Константин Дмитриевич обратился с письмом к императрице Марии Александровне и просил перевести его в Иркутск. На эту просьбу был получен положительный ответ.

Благодаря ходатайству Кавелина Огрызко поселился в Иркутске. Потерявши всех своих друзей, он ценил преданность Константина Дмитриевича. «Я до сих пор не могу забыть потери самого дорогого мне человека К. Д. Кавелина, – писал Огрызко, – Поверите ли, что, получив телеграмму, я плакал, как ребенок» [25, с. 175].

В столице об Огрызко помнили долго. В 1865 г. широко обсуждалась серия анонимных статей о романе Огрызко и Авроры Карамзиной. «Этого Огрызко я коротко знал, – рассказывал уже в 1885 г. племянник Карамзиной, князь Мещерский. – Он мне прямо говорил, что он один из главных авторов питейного устава и что цель его – этим уставом спить Россию. Он же мне говорил: мои помощники – Министерство финансов и евреи» [18]. О «потеплении» в настроении царя можно было говорить только после того, как Грот был оставлен на министерстве во время заграничного отпуска М. Х. Рейтерна [1, с. 196].

В 1883 г. всем полякам разрешили вернуться на родину. Огрызко ждал воз-

вращения с надеждой. В 1886 г. он оставил запись следующего содержания: «Удастся ли мне вырваться отсюда, чтобы хоть повидаться с дорогими моему сердцу? Тяжело здесь жить». Но его отъезд так и не состоялся из-за прошения о выдаче ему свидетельства на золотые прииски, которыми он владел, но оформил на подставное лицо. Это прошение попало на подпись генерал-губернатору Д. Г. Анучину, и тот не только не поставил свою подпись на прошении, но и отобрал у Огрызко паспорт и свидетельство о возвращении прав прежнего состояния [25, с. 175–177].

Умер Иосаф Петрович в Сибири в 1891 г. и после его смерти имя его продолжало жить как символ «предательства», «двуличия» и «коварства».

Выводы

Революционная вовлеченность И. П. Огрызко, пусть не самого выдающегося, но и не рядового деятеля польского восстания 1863 г., самым негативным образом сказалась на ходе винной реформы. Совмещение поста вице-директора Департамента неокладных сборов и руководителя польского подполья бросило тень на акцизное дело, вызвало гнев царя и бурю общественного осуждения. Имя Огрызко стало синонимом к слову «предательство». Выросло число критиков акциза, что едва не остановило сам переход от откупов к новой системе взимания налога с питей.

Выводы статьи, надо признать, не только не подводят черту в исследовании влияния И. П. Огрызко на ход винной реформы 1863 г., напротив, дают старт для новых исследований по теме.

Список литературы

1. Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель, (12 января 1815 – 30 октября 1897): материалы для его биографии и характеристики: к столетию со дня его рождения. Пг.: Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, 1915. Т. 1. 446, 84 с.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 109. Оп. 1863. Д. 334. Л. 1.
3. Гогель Н. В. Иосафат Огрызко и Петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. Вильно: Тип. Виленского губернского правления, 1867. 221 с.
4. Брянец П. Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1892. 263 с.
5. Баренбаум И. Е. Иосафат Огрызко. (1826 – 1890): Очерк литературно-издательской деятельности. М.: Книга, 1964. 115 с.
6. Смирнов А. Ф. О польском литературном кружке в Петербурге и его органе «Слово» // История и культура славянских народов. М.: Наука, 1966. 237 с.
7. И. Лелевель и казематы // Колокол. 1859. 15 апреля. Л. 40–41.
8. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 9. Д. 37. Л. 13–32.
9. Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб.: А. С. Суворин, 1887. 288 с.
10. Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863–1865 гг.: (Муравьевское время). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1898. 254 с.
11. Короленко В. Г. Воспоминания о Н. Г. Чернышевском. Берлин: Г. Штейниц, 1904. 64 с.
12. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–6.

13. Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб.: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1897. Ч. 1. 453 с.
14. Четвертое апреля 1866 и двадцать пятое мая 1867 в религиозном и нравственном отношениях. М.: Тип. Грачева и К°, 1867. 167 с.
15. Кони А. Ф. На жизненном пути. Из воспоминаний. Публичные чтения. В верхней Палате. СПб.: Тип. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912. Т. 2. 800 с.
16. Мещерский В. П. Дневник кн. В. П. Мещерского. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1881. 302 с.
17. Фишер К. И. Записки сенатора // Исторический вестник. Г. 29. 1908. Т. CIV. С. 45–73, 422–448.
18. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 112. Л. 8 об.
19. Прыжов И. Г. История кабаков в России. М.: Юрайт, 2018. 228 с.
20. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2. 1865–1876 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 586 с.
21. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 37. Оп. 1. Д. 32. Л. 4, 10.
22. Фаресов А. И. История бороды и усов // Исторический вестник. Г. 25. 1904. Т. ХСVIII. С. 207–208.
23. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1866 год. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. 642 с.
24. Сухонин П. П. Нечто о питейном деле в России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 31 с.
25. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1958. 848 с.

References

1. Konstantin Karlovich Grot, kak gosudarstvennyj i obshchestvennyj deyatel', (12 yanvary 1815 – 30 oktyabrya 1897). Materialy dlya ego biografii i harakteristiki: k stoletiyu so dnya ego rozhdeniya [Konstantin Karlovich Groth, as a statesman and public figure, (January 12, 1815 - October 30, 1897). Materials for his biography and characteristics: to the centenary of his birth]. Petrograd, Potechitel'stvo imperatricy Marii Aleksandrovny o slepyh, 1915, vol. 1. 446, 84 p.
2. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 109, op. 1863, d. 334, l. 1.
3. Gogel' N. V. Iosafat Ogryzko i Peterburgskij revolyucionnyj rzhond v dele poslednego myatezha [Josaphat Ogryzko and the St. Petersburg Revolutionary rzhond in the case of the last rebellion]. Vil'no, Tip. Vilenenskogo gubernskogo pravleniya, 1867. 221 p.
4. Bryancev P. D. Pol'skij myatezh 1863 g. [Polish revolt of 1863 Vilna]. Vil'na, Tip. A. G. Syrkina, 1892. 263 p.
5. Barenbaum I. E. Iosafat Ogryzko. (1826–1890): Ocherk literaturno-izdatel'skoj deyatel'nosti [Jehoshaphat Ogryzko. (1826 – 1890): An essay on literary and publishing activities]. Moscow, Kniga Publ., 1964. 115 p.
6. Smirnov A. F. O pol'skom literaturnom kruzhke v Peterburge i ego organe "Slovo" [About the Polish literary circle in St. Petersburg and its organ "Slovo"]. Istoriya i kul'tura slavyanskikh narodov [History and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 237 p.
7. Lelevel' i kazematy [I. Lelevel and casemates]. *Kolokol = Kolokol*, 1859, April 15, l. 40–41.
8. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 9, d. 37, l. 13–32.

9. Vospominaniya grafa Vladimira Aleksandrovicha Solloguba [Memoirs of Count Vladimir Alexandrovich Sollogub]. St. Petersburg, A. S. Suvorin, 1887. 288 p.
10. Mosolov A. N. Vilenskie ocherki. 1863–1865 gg.: (Murav'evskoe vremya) [Vilna essays. 1863–1865: (Muravyov time)]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1898. 254 p.
11. Korolenko V. G. Vospominaniya o N. G. Chernyshevskom. Berlin, G. Shtejnic, 1904. 64 p.
12. GARF, f. 811, op. 1, d. 41, l. 1–6.
13. Meshcherskij V. P. Moi vospominaniya [Memories of N. G. Chernyshevsky]. St. Petersburg, Tip. kn. V. P. Meshcherskogo, 1897, pt. 1. 453 p.
14. Chetvertoe aprelya 1866 i dvadcat' pyatoe maya 1867 v religioznom i npravstvennom otnosheniyah [The fourth of April 1866 and the twenty-fifth of May 1867 in religious and moral relations]. Moscow, Tip. Gracheva i K^o Publ., 1867. 167 p.
15. Koni A. F. Na zhiznennom puti. Iz vospominanij. Publichnye chteniya. V verhnej Palate [On the path of life. From memories. Public readings. In the upper House]. St. Petersburg, Tip. t-va pech. i izd. dela "Trud", 1912, vol. 2. 800 p.
16. Meshcherskij V. P. Dnevnik kn. V. P. Meshcherskago [Diary of the book by V. P. Meshchersky]. St. Petersburg, Tip. tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1881. 302 p.
17. Fisher K. I. Zapiski senatora [Senator's notes]. *Istoricheskij vestnik = Historical Bulletin*, G. 29, 1908, vol. CIV, pp. 45–73, 422–448.
18. GARF, f. 677, op. 1, d. 112, l. 8 ob.
19. Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii [The history of pubs in Russia]. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 228 p.
20. Valuev P. A. Dnevnik P. A. Valueva ministra vnutrennih del [Valuev Minister of Internal Affairs]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1961, vol. 2. 1865–1876 gg. 586 p.
21. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 37, op. 1, d. 32, l. 4, 10.
22. Faresov A. I. Istoriya borody i usov [The history of beard and mustache]. *Istoricheskij vestnik = Historical Bulletin*, G. 25, 1904. vol. XCVIII, pp. 207–208.
23. Katkov M. N. Sobranie peredovyh statej Moskovskih vedomostej za 1866 god [Collection of leading articles of the Moscow Gazette for 1866]. Moscow, Izdanie S. P. Katkovej, 1897. 642 p.
24. Suhonin P. P. Nechto o pitejnom dele v Rossii [Something about the drinking business in Russia]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1881. 31 p.
25. Panteleev L. F. Vospominaniya [Memories]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958. 848 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation e-mail: gor046@ya.ru, ORCHID: 0000-0003-4042-3529

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-149-165>

Развитие здравоохранения в период «застоя» на Южном Урале (1965–1985 годы)

Р. А. Никуленкова¹ ✉

¹ Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, д. 19, г. Оренбург 460014, Российская Федерация

✉ e-mail: m.regina56@mail.ru

Резюме

Актуальность темы исследования определена ролью здравоохранения в жизни современного общества, а также обусловлена местом и значением медицины в обеспечении динамичного развития России. Обращение к советскому опыту развития страны в сфере здравоохранения позволит учесть накопленный опыт на современном этапе.

Целью статьи является анализ материалов относительно вопроса реализации задачи XXIII съезда КПСС по дальнейшему совершенствованию системы здравоохранения на примере Оренбургской области и Башкирской АССР.

Задачи: определить с опорой на архивные документы то, как осуществлялось строительство специализированных медицинских учреждений, а также насколько регионы были обеспечены медицинскими учреждениями; рассмотреть обеспеченность квалифицированными специалистами и материально-технической базой для оказания специализированной помощи на Южном Урале; проанализировать степень развития здравоохранения в период «застоя» на Южном Урале.

Методология. В работе использовались историко-типологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В рассматриваемый период были выработаны все основные виды медицинского обеспечения граждан, которые и по сей день продолжают формироваться в новой России, не отступая от важных, положительных начал, заложенных прежним законодательством государства о социальном обеспечении.

Выводы. Автором сделан вывод о том, что на Южном Урале, несмотря на то, что шло отставание по выполнению плана строительства учреждений здравоохранения, были районы, где данный план выполнялся. Показано, что в период с 1965 по 1985 год на рассматриваемой территории происходило увеличение общей численности врачей, однако в регионах все же ощущался недостаток врачебных кадров, а в материально-техническом плане в период 1965–1970 годов начинается усовершенствование больниц современной лечебно-диагностической аппаратурой.

Ключевые слова: здравоохранение; «застой»; социальная политика; медицина; Южный Урал.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Никуленкова Р. А. Развитие здравоохранения в период «застоя» на Южном Урале (1965–1985 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 149–165. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-149-165>.

Поступила в редакцию 22.12.2022

Принята к публикации 31.01.2023

Опубликована 27.02.2023

The Development of Healthcare During the Period of "Stagnation" in the South Urals (1965–1985)

Regina A. Nikulenkova¹ ✉

¹ Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya Str., Orenburg 460014, Russian Federation

✉ e-mail: m.regina56@mail.ru

Abstract

The relevance of the research topic is determined by the role of healthcare in the life of modern society, and is also determined by the place and importance of medicine in ensuring the dynamic development of Russia. Appeal to the Soviet experience in the development of the country in the field of healthcare will allow us to take into account the accumulated experience at the present stage.

The purpose of the article is to analyze materials on the issue of implementing the task of the XXIII Congress of the CPSU to further improve the healthcare system on the example of the Orenburg region and the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic.

Objectives: to determine, based on archival documents, how the construction of specialized medical institutions was carried out, as well as how the regions were provided with medical institutions; consider the availability of qualified specialists and material and technical base for rendering specialized assistance in the South Urals; to analyze the degree of development of health care during the period of «stagnation» in the South Urals.

Methodology. The work used historical-typological and comparative-historical methods.

Results. During the period under review, all the main types of medical support for citizens were developed, which to this day continue to be formed in the new Russia, without deviating from the important, positive principles laid down by the former state legislation on social security.

Conclusion. The author concluded that in the Southern Urals, despite the fact that there was a backlog in the implementation of the plan for the construction of health care institutions, there were areas where this plan was over-fulfilled. It is shown that in the period from 1965 to 1985 in the territory under consideration there was an increase in the total number of doctors, however, in the regions there was still a lack of medical personnel, and in the material and technical terms, in the period 1965-1970, the improvement of hospitals with modern medical and diagnostic equipment began.

Keywords: healthcare; "stagnation"; social policy; medicine; South Urals.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nikulenkova R. A. The Development of Healthcare During the Period of "Stagnation" in the South Urals (1965–1985). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 149–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-149-165>.

Received 22.12.2022

Accepted 31.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Здравоохранение является одним из основных компонентов социальной политики. В период политического лидерства Л. И. Брежнева особое внимание придавалось медицинскому обслуживанию населения, т. к. было важно выявить те

или иные проблемы со здоровьем населения на раннем этапе их развития.

Историографию развития здравоохранения, а также социальной политики Л. И. Брежнева можно разделить на два обширных периода: советский (1965–1991 гг.) и постсоветский (1991–2021 гг.). Наиболее востребованными в советской исторической науке стали работы Ю. Н. Афа-

насьева [1], В. Н. Акулова [2], В. В. Баранова [3], В. В. Корчагина [4], М. И. Барсукова [5], Б. В. Петровского [6; 7]. Авторы постсоветского периода – С. Н. Затравкин [8], С. П. Буренков [9], А. А. Баранов [10] и др.

Основным нормативно-правовым актом в системе здравоохранения являлся Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников» от 1 декабря 1924 г.¹, который до 1970 г. определял, кто имеет право быть врачом, какие права и обязанности предусмотрены для врача в СССР, а также какие меры влечет за собой профессиональная ошибка врача. Закон СССР от 19 декабря 1969 г. «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» являлся юридической базой для развития целого ряда законов и подзаконных актов, регулирующих вопросы в области охраны здоровья граждан². Также данный документ разграничивал компетенции СССР и ее союзных республик в области системы здравоохранения [11, с. 33; 12, с. 561].

Особого внимания заслуживает Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1968 г. «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране»³. Основной тезис в постановле-

нии – делается все для повышения уровня жизни народа. Документ предписывал правила организации отделений или центров по важным видам специализированной медицинской помощи (ожоговые, нейрохирургические, неврологические и др.). Эти же установки воспроизводились и в аналогичных постановлениях от 22 сентября 1977 г. и 19 августа 1982 г.

Методология

Исследование развития здравоохранения в период «застоя» на Южном Урале предполагает использование историко-типологического и сравнительно-исторического метода, без которых невозможно изучение вопросов развития здравоохранения. Обращение к данным методам предоставляет возможность изучения основных аспектов медицины и в целом развития здравоохранения в период застоя, а также учитывать хронологические явления и их развитие.

Материалы советского законодательства: декреты, постановления, законы, принятые в 1960–80-е гг., позволяют проанализировать социальную политику, в том числе здравоохранение в рассматриваемый период. Особое внимание уделялось постановлениям бюро Оренбургского обкома КПСС и Совета Министров Башкирской АССР, справкам о результатах проверки работы облздравотдела, а также справкам о медико-санитарном обслуживании. Выбранный материал отложился в фондах Объединенного государственного архива Оренбургской области (Ф. 371), а также в Национальном архиве республики Башкортостан (Ф. Р-444, Ф. 444). В работе, помимо данных источников, используются материалы статистических сборников Оренбургской области и Башкирии.

науки в стране: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1968 г. URL: <http://rospotrebnadzor.ru/region/history/historydoc/post-5.php> (дата обращения: 02.12.2022).

¹ О профессиональной работе и правах медицинских работников: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1944#002574814234868983> (дата обращения: 02.12.2022).

² Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении: Закон СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII: [ред. от 22.05.1990] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=468#029528099583911294> (дата обращения: 25.12.2022).

³ О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской

Результаты и их обсуждение

В Постановлении от 5 июля 1968 г. № 517 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» говорится о том, что «строительство учреждений здравоохранения в ряде республик, краев и областей осуществляется неудовлетворительно, капитальные вложения распыляются по мелким объектам, качество строительства низкое, средства, выделяемые на эти цели, из года в год используются не полностью, многие проекты учреждений здравоохранения не отвечают современным требованиям медицинской науки и техники»¹. В связи с этим XXIII съездом КПСС были определены новые задачи по дальнейшему совершенствованию системы здравоохранения и развитию медицинской науки, где основной является строительство медицинских учреждений в различных республиканских, краевых и областных центрах, а также в сельских местностях – центральных районных и районных больниц на 250–400 коек, сельских участковых больниц, как правило, на 100–150 коек.

Следует отметить, что не во всех районах Оренбургской области строительство медицинских учреждений велось должным образом. К примеру, в Александровском районе за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) построена и сдана в эксплуатацию 1 участковая больница. Полностью были освоены средства, отпущенные на проведение строительно-монтажных работ в 1970 г. на строительство комплекса зданий районной больницы. Строительство объектов в районе велось при наличии соответствующей проектно-сметной документации. Но были и спорные моменты, которые затрудняли

строительство. В документе отмечается, что большим тормозом в выполнении плана ввода в эксплуатацию строящихся объектов в 1970 г. в колхозах района явилась несвоевременная поставка межколхозной строительной организации столярных изделий и реек со стороны Облмежколхозстройобъединения. Также большим затруднением в деле выполнения плана строительства был вывоз строительных материалов (цемента, леса) на расстояние 500 км и более самовывозом при большой недостатке в хозяйствах района автотранспорта. А вот в Северном районе к 1971 г. были построены новая больница на 100 коек, 1 медпункт, 2 капитально отремонтированы [13, л. 3].

В Красногвардейском районе объемы и темпы строительства объектов здравоохранения к 1970 г. стремительно увеличивались. Интересен тот факт, что на строительство объектов здравоохранения было выделено и реализовано 314,9 тыс. рублей строительно-монтажных работ, но в районе шло отставание по строительству жилья и объектов просвещения. Большое внимание было обращено на строительство объектов здравоохранения, т. к. Красногвардейский район нуждался в своих лечебных учреждениях.

Далее, в Саракташском районе в 1970 г. была сдана в эксплуатацию санэпидстанция, к 1975 г. был сдан тубдиспансер. Строительство объектов социального назначения в совхозах велось в основном хозяйственным способом и задерживалось ввиду отсутствия рабочей силы, материалов и транспорта. Также недостатки имелись по качеству строительно-монтажных работ. В архивных документах отмечается, что за 1970 г. по тресту «Южуралтяжстрой» сумма затрат за переделки от брака составляла 3,7 тыс. рублей [13, л. 8–9].

Интерес представляет состояние строительства объектов больницы на 240 коек в п. Светлом в 1975 г. Сметная стоимость комплекса объектов больницы составляло 1587 тыс. рублей, в том числе

¹ О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1968 г. URL: <http://rospotrebnadzor.ru/region/history/historydoc/post-5.php> (дата обращения: 02.12.2022).

строительно-монтажных работ – 1337 тыс. рублей, оборудования – 188 тыс. рублей. Освоение средств с начала строительства по состоянию на 01.01.1975 года было всего 1032 тыс. рублей, в том числе строительно-монтажных работ – 1024 тыс. рублей, оборудования – 8 тыс. рублей. На 1975 г. план капитальных вложений составлял 400 тыс. рублей, в том числе строительно-монтажных работ – 300 тыс. руб. За первое полугодие 1975 г. было освоено 106 тыс. рублей при плане – 190 тыс., в том числе строительно-монтажных работ – 99 тыс. рублей при плане 140 тыс. На невыполнение плана строительно-монтажных работ в первую очередь повлияла слабая работа субподрядных организаций треста «Оренбургсантехмонтаж» и «Востокпромсвязьмонтаж», которые сдерживали работы для отделочников. Трестом «Оренбургсантехмонтаж» принимались меры по ускорению выполнения сантехнических работ [14, л. 9].

В Сорочинском районе за пятилетку было построено 4 фельдшерско-акушерских пункта, районная санэпидстанция, участковая больница на 25 коек, учебный корпус веттехникума с площадью 611 м². В 1970 г. были введены в эксплуатацию: участковая больница на 35 коек, лечебный корпус в г. Сорочинске на 60 коек, а в селе Шарлык была построена больница на 125 коек. Однако следует отметить, что планом предусматривалось выполнить 2825 м², но было построено 2506 м² жилой площади (в данный план входило не только строительство больниц и поликлиник, но и жилья). Невыполнение данного плана объяснялось нехваткой строительных материалов – леса, кирпича, цемента. Это еще одна причина отставания районов области в строительстве объектов здравоохранения [13, л. 15].

В Башкирской АССР ситуация со строительством больниц была в чем-то схожей с Оренбургской областью. К примеру, в 1961 г. в селе Толбазы Аургазинского района было начато строитель-

ство Толбазинской районной больницы на 60 коек инициативным способом за счет средств колхоза. За период с 1961 г. по 1965 г. для строительства больницы использовано 80 000 рублей за счет колхозов. После 1966 г. продолжение строительства за счет колхозных средств не представлялось возможным. В связи с тем, что было освоено 184 000 рублей, все корпуса покрыты, смонтированы котельная и внутренние сети отопления, частично канализация и водопровод и, учитывая, что здания старой больницы находятся в аварийном состоянии, Исполком Аургазинского Райсовета депутатов трудящихся просил ввод в план подрядчику «Башцелинстрой» на 1966 г. строительство Толбазинской районной больницы на сумму 229 000 рублей. На 1 апреля 1966 г. имелась задолженность на выполненные работы в 1 квартале 39294 рубля [15, л. 210–212], вследствие чего Совет министров Башкирской АССР обращал внимание на то, что Башкирское управление строительства и его строительно-монтажные тресты не выполнили полностью план строительства учреждений здравоохранения на 1 квартал 1966 г., т. к. из намеченных капитальных вложений в сумме 130 000 рублей выполнено строительно-монтажных работ всего лишь на 19 700 рублей, что составляет к годовому плану 2% и квартальному – 15% [15, л. 211]. В том числе трест Кумертаустрой по строительству Мелеузовской больницы на 120 коек, ввод которой был предусмотрен в IV квартале 1966 г., из годового плана 462 000 рублей выполнил работ на 2,6% и квартальный план выполнен на 14,2%; трест Башнефтезаводстрой по строительству медицинского склада в г. Бирске, ввод которого был предусмотрен в мае 1966 г., выполнил работ всего на 10% от годового плана и на 55% квартального плана [15, л. 213].

Министерством здравоохранения Башкирской АССР постоянно заслушивалось Башкирское Управление строительства и его тресты «О ходе строительства

объектов здравоохранения». Необходимость этого вызвана тем, что в 1966 г. план строительства больниц срывался из месяца в месяц и к 1970 г. ставился вопрос о сокращении ассигнований по госкапиталовложениям. План пяти месяцев 1966 г., установленный Советом министров БАССР на строительство объектов здравоохранения, выполнен лишь на 47%, т. к. тресты, которые вели строительство, работали неудовлетворительно, к примеру, «Кумертаустрой», который вел строительство Мелеузовской районной больницы на 120 коек, пусковой объект 1966 г., из плана 474 000 рублей освоил за 5 месяцев всего лишь 64 000 рублей, или 16% годового плана. Этот же трест не приступил к строительству больницы в с. Исянгулово на 120 коек; Трест «Шкапонефтестрой» по строительству медицинского склада в г. Белебее из плана 64 000 рублей за 5 месяцев выполнил всего лишь 2 700 рублей, или 4%, объект по плану должен вводиться в 3 квартале 1966 г. Министерство неоднократно обращалось к строительным трестам с просьбой принять меры к выполнению плана строительства объектов здравоохранения, но положительных результатов это не давало. Ввиду недобросовестности руководителей трестов план по строительству социально значимых объектов, в том числе больниц, поликлиник, не выполнялся в полной мере [15, л. 214].

Несмотря на то, что строительство местами затруднялось и план не реализовывался полностью, в некоторых районах Оренбургской области строительство больниц, медпунктов, аптек осуществлялось в полной мере. Так, в Матвеевском районе в период 1966–1970 гг. было построено 2 участковые больницы, 8 медпунктов, аптека в райцентре, а также хирургический корпус при районной больнице. В Грачевском районе с 1970 г. хозяйствами Грачевского района на строительство объектов просвещения, здравоохранения, жилищного фонда было заложено 447,6 тыс. рублей, в том числе по

колхозам 289,9 тыс. рублей, по совхозам – 157,8 тыс. рублей. На строительство объектов просвещения и здравоохранения было выделено 570,4 тыс. рублей, что на 27% больше запланированного капиталовложения [14, л. 145].

В самом г. Оренбурге строительство медицинских учреждений шло легче, т. к. в целях оказания помощи, например, тресту «Оренбургжилстрой» для выполнения плана 1970 г. по вводу в эксплуатацию объектов жилья, просвещения, здравоохранения в 4 квартале с предприятий и учреждений города было направлено около 700 штукатуров, маляров, плотников и других рабочих, оказывалась помощь в своевременной поставке дереводеталей и в решении иных вопросов. Несвоевременно осуществлялась поставка строительных материалов, не хватало транспорта для того, чтобы привезти необходимые материалы для строительства, а также рабочей силы. В городе строительство медицинских учреждений шло намного быстрее и легче, т. к. хватало рабочей силы, а если нет, то в экстренном порядке собирали необходимое число специалистов, также оказывалась помощь в своевременной поставке дереводеталей и в решении иных вопросов.

Следующий вопрос – медицинское обслуживание в рассматриваемых территориях, а также обеспеченность квалифицированными работниками в учреждениях здравоохранения. В одной из характеристик, посвященной медицинскому обслуживанию Бузулукского района 1960-х гг., можно увидеть подробную оценку деятельности медицинских работников, а также уровень медицины в районе [16, л. 15–35]. Население Бузулукского района обслуживалось двумя участковыми больницами в селах Вязовка и Колтубановка, а также центральной районной больницей, находящейся в г. Бузулук. Центральная районная больница, кроме Бузулукского района, обслуживала специализированной помощью три прилега-

ющих района. Хотелось бы обратить внимание на то, что жители небольших сел района в основном обслуживались больницами, которые находились в районном центре. Это приносило большие неудобства для жителей, т. к. некоторые села находились далеко от районного центра, и чтобы получить квалифицированную помощь, необходимо было как можно быстрее добраться до лечебного учреждения, а это иногда сопровождалось тем, что больные не успевали добраться ввиду плохих дорог, в особенности в зимнее время. Также это было опасно и для маленьких детей, в особенности грудных, помощь которым при заболевании была нужна сразу же, без промедления.

Были случаи, когда закрывались больницы, имевшие межрайонное значение, вследствие чего больным приходилось добираться до города. К примеру, в 1968 г. в пос. Колтубановка был закрыт туберкулезный диспансер со стационаром на 100 коек. Но причины закрытия в данном документе не указываются [11, с. 28]. Результатом отсутствия больниц и поликлиник в селах Бузулукского района стала высокая смертность населения, т. к. в период 1967–1968 гг. она составила 10,0 на 10000 населения, детская смертность – 4,6 [16, л. 19–20].

Однако в Курманаевском районе больные, обращающиеся за помощью в лечебные учреждения района, обеспечивались медицинской помощью в 1-й день обращения. В амбулаториях района больные также были обеспечены необходимыми медикаментами. Нуждающиеся в госпитализации госпитализировались в стационары района, отказов в госпитализации в 1973 г. не было. Врачами ЦРБ осуществлялись выезды в села района с целью оказания консультативной помощи

на местах. За 1973 г. было сделано 199 выездов [17, л. 15].

Интересная ситуация наблюдалась в Башкирской АССР. В решении исполкома Мечетлинского районного Совета депутатов трудящихся Башкирской АССР от 2 февраля 1967 г. отмечается, что Месягутовский совхоз обслуживается Алегазовским сельским Советом, на территории которого насчитывается 4428 человек. На Центральной усадьбе совхоза имелась Алегазовская участковая больница на 40 коек, где работали 3 врача, и с 1 августа 1967 г. была введена дополнительная единица – должность врача педиатра. В зоне обслуживания участковой больницы на территории совхоза имелись 3 фельдшерских пункта: в опытно-производственном хозяйстве, д. Мелекасово, Бургаджино, один фельдшерско-акушерский пункт в д. Кзылбаево [18, л. 107].

Медицинское обслуживание населения совхозов осуществлялось 48 участковыми больницами на 960 коек, 1 врачебной амбулаторией, 297 фельдшерско-акушерскими пунктами и 5 родильными домами [19, л. 105–106]. В числе 48 участковых больниц 10–15-коечных было 28, 20–35-коечных – 18, 50-коечных – 2. Обеспеченность больничными койками рабочих совхозов составляла только 26 на 10 000 населения. Средний показатель по БАССР – 60. Население 20 совхозов стационарной медпомощью обслуживалось районными больницами.

В Дмитриевском совхозе Уфимского района население составляло более 12 000 человек [18, л. 107–108]. Здание больницы было каменное, двухэтажное с водопроводом, электрическим оснащением и газовым отоплением. Больница обеспечена рентген-аппаратурой и клинико-диагностическим оборудованием. На территории совхоза имелись 6 фельдшерско-акушерских пунктов и 2 фельдшерских пункта.

В Улу-Телякском совхозе Иглинского района население составляло более 9000 человек. Количество коек в участковой больнице – 50. Показатель обеспеченности населения коечной сетью – 55. Помещение больницы благоустроенное, имелись рентгеновский, физиотерапевтический кабинеты и клинико-диагностическая лаборатория.

В целях улучшения медицинского обслуживания рабочих и служащих совхозов Постановлением Совета Министров Башкирской АССР на территории республики были организованы в порядке опыта на базе существующих 4 медико-санитарные части, из которых две – в совхозах Уфимского района (Дмитриевский и Улу-Телякский). При создании медико-санитарных частей преследовались следующие цели:

1. Улучшить работу медицинских учреждений и обслуживание рабочих сельского хозяйства совместно с руководителями совхозов.

2. Уделить внимание изучению производственной заболеваемости.

Основная задача состояла в том, чтобы целенаправленно проводить мероприятия по снижению заболеваемости рабочих совхозов, внедрять преимущественное обслуживание рабочих [16, л. 21]. В справке о медико-санитарном обслуживании тружеников сельского хозяйства в период весенне-летних работ в Матвеевском районе Оренбургской области в 1970-е г. отражено медицинское обслуживание данной категории граждан. В целях обеспечения медико-санитарного обслуживания тружеников сельского хозяйства в период массовых сельхозработ центральной районной больницей был разработан план по медико-санитарному обслуживанию, который утверждался на исполкоме райсовета. Медико-санитарное обслуживание осуществлялось центральной районной больницей, участковыми больницами и 25 фельдшерско-

акушерскими пунктами. Участковые больницы и фельдшерско-акушерские пункты были укомплектованы транспортными шинами, перевязочным материалом, противостолбнячной сывороткой, аптечками для оказания экстренной неотложной помощи. Во время массовых полевых работ менялись часы работы ФАП ФП с 7–10 часов и с 18–20 часов. В 1975 г. в центральной и участковых больницах прошли медосмотр из 1289 механизаторов 1085, что составило 96,1%. 198 человек, занятых на работах с ядохимикатами, в соответствии с приказом МЗ СССР № 400 прошли медицинский осмотр и инструктаж по технике безопасности [14, л. 1–2].

Все ремонтные мастерские, механизированные тока, комбайны, агрегаты укомплектованы аптечками. Всего по хозяйству реализовано 1156 аптечек. В мастерских, механизированных токах имелись санитарные посты по оказанию первой доврачебной помощи. За полевыми станами проводился санитарный контроль за качеством пищевых продуктов, приготовления пищи, сроков реализации и доставки питьевой воды. Несмотря на проводимые мероприятия в районе имели место недостатки в медико-санитарном обслуживании. Так, на полевых станах 2 отделения совхоза Матвеевский и колхоза им. Свердлова персонал, к примеру, не прошел медицинский осмотр, нет в должном количестве дезсредств, на 40–50 человек один умывальник, окна и двери на пищеблоке не засечены, много мух, отсутствуют ямы для пищевых отходов. Также данный вопрос был важен и в Башкирской АССР. К примеру, на базе медсанчасти совхоза Дмитриевский в 1970-е гг. организовывалась школа передового опыта для района, где учили медработников особенностям правильного обслуживания тружеников села [18, л. 5–6].

Одной из проблем здравоохранения была кадровая проблема. Только в 1965–

1968 гг. по Бузулукскому району Оренбургской области количество врачей было увеличено на 20 человек, средних медицинских работников принято более 30 человек, а уволено 20 человек. Основной причиной такой текучести кадров являлся выезд на учебу либо переезд на другое место жительства. В бытовом плане врачи были обеспечены, т. к. все, что было нужно для жизни, им предоставлялось. Обеспеченность населения врачами за период 1965–1968 гг. повышается с 12,8 до 17,0 на 10000 человек [16, л. 15].

В справке о результатах проверки работы Оренбургского облздравотдела по повышению уровня медицинского об-

служивания населения обращается внимание на то, что в Оренбургской области за 1965–1969 гг. происходит увеличение общей численности врачей. Так, к примеру, если в 1965 г. было 2460 врачей, то к 1969 г. их стало 2720 человек (без ведомственных учреждений). Обеспеченность врачебными кадрами возросла с 11,9 врачей в 1965 г. до 14,4 в 1968 г. на 10 000 населения (по РСФСР 24,9), в том числе в городах с 18,7 до 19,4 (по РСФСР 21,0), в районах области с 5,5 до 7,3 на 10000 населения (по РСФСР 3,9) [16, л. 41]. В таблице 1 представлена численность врачей всех специальностей, в том числе зубных врачей, среднего медицинского персонала в рассматриваемый период.

Таблица 1. Медицинские кадры в Оренбургской области в 1965–1985 гг. [20, с. 159, 161–162; 21, с. 201–204; 22, с. 201–204]

Table 1. Medical personnel in the Orenburg region in 1965–1985 [20, p. 159, 161–162; 21, p. 201–204; 22, p. 201–204]

Показатель	1965	1966	1970	1975	1980	1981
Число врачей всех специальностей	3356	3518	4222	5371	6693	6701
В том числе зубных врачей	247	277	366	442	450	455
Численность среднего медицинского персонала	12405	13426	15722	18300	21980	21999
На 10 000 человек населения приходилось:						
врачей всех специальностей	16,4	16,5	20,5	25,9	31,7	32,7
среднего медицинского персонала	60,5	61,5	76,4	88,3	103,9	104

В Башкирской АССР медучреждения были укомплектованы к 1968 г. врачебными кадрами на 50%, в Уфимском сельском районе работало 80 врачей, показатель обеспеченности врачами составляет 4 на 10 000 человек, средних медработников всего 730 человек. В таблице 2 показан уровень укомплектованности кадрами медицинских учреждений в Башкирской АССР. К примеру, численность врачей всех специальностей в 1965 г. со-

ставляла 5524, а к 1981 г. произошло увеличение числа в 2 раза – 11 228 человек. Численность среднего медицинского персонала в 1965 г. составляла 20 256 человек, к 1981 г. – 36 854 человек. На 10 000 человек населения в 1965 г. приходилось врачей всех специальностей 14,9, а к 1981 г. – 29,1, среднего медицинского персонала – соответственно 54,5 и 95,6 [23; 24].

Таблица 2. Медицинские кадры в Башкирской АССР в 1965–1985 гг. [23, с. 149; 24, с. 211]**Table 2.** Medical personnel in the Bashkir ASSR in 1965–1985 [23, p. 149; 24, p. 211]

Показатель	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1975	1980	1981
Число врачей всех специальностей	5524	5829	6127	6353	6681	7057	8726	10789	11228
В том числе:									
врачей без зубных	5023	5259	5492	5679	5974	6324	6594	6600	6650
зубных врачей	501	570	635	674	707	733	812	892	899
Численность среднего медицинского персонала	20256	21763	22367	23280	24386	25858	31409	36394	36854
На 10 000 человек населения приходилось:									
врачей всех специальностей	14,9	15,5	16,2	16,7	17,5	18,4	22,8	27,9	29,1
среднего медицинского персонала	54,5	57,9	59,1	61,3	63,9	67,4	81,9	94,2	95,6

Несмотря на увеличение общей численности врачей и в Оренбургской области, и в Башкирской АССР ощущался недостаток врачебных кадров. Обеспеченность лечебной сети участковыми терапевтами была в пределах от 40 до 60%, а в сельской местности из 132 участковых больниц 30 вообще не имели врачей, т. к. их должности занимали медицинские средние работники. Также ощущался недостаток врачей узких специальностей, особенно в сельской местности. Так, в 20 районах Оренбургской области не было специалистов по глазным заболеваниям и ларингологов, в 25 – невропатологов, а в 30 – кожно-венерологов. В 30 участковых больницах не хватало врачей, их должности исполняли средние медработники. В городах укомплектованность врачами-терапевтами участковой службы составляла от 40 до 60%, что связывалось с текучестью кадров. В Башкирской АССР к 1966 г., к примеру, в сельских районах не было ставок детских зубных врачей, в городах они были недостаточны и не соответствовали нормативам: в Кумертау на 15 000 детей приходилось 1,5 ставки, в Стерлитамаке на 50 000 детского населения – 4 ставки, в г. Уфе на 201 000 тыс. – 27 зубных врачей [18, л. 90]. Также не хватало врачебных кадров на станциях скорой медицинской помощи.

К примеру, в г. Уфе утверждено 85,5 единиц, физических лиц врачей – 42. Таким образом, в г. Уфе и других городах республики штаты в основном укомплектовывались совместителями [15, л. 138]. Основная причина неудовлетворенности медицинских работников – условия работы в маломощных сельских участковых больницах. По семейным обстоятельствам и собственному желанию выбывали врачи, направленные в область из других институтов. Но интересен тот факт, что жильем обеспечивались все врачи [15, л. 139].

В справке о ходе выполнения постановления бюро обкома КПСС от 11 июля 1974 г. «О работе областного отдела здравоохранения по подбору, расстановке и воспитанию руководящих кадров в свете требований КПСС» показано, что в области к 1974 г. работало 4558 врачей, 14 794 средних медицинских работников, среди работников здравоохранения – 40 заслуженных врачей РСФСР, а 3363 чел. награждены орденами и медалями СССР, 257 награждены значком «Отличнику здравоохранения» [14, л. 1–3]. Однако наблюдалась низкая укомплектованность врачебными кадрами к 1975 г. в г. Бузулуке, Орске, Александровском, Асекеевском, Абдулинском, Шарлыкском райо-

нах [15, л. 4; 25, л. 7; 26, л. 9–15; 27, л. 5–13].

Немалый интерес представляет и уровень материально-технической базы больниц и поликлиник в этот период. В течение 1965–1975 гг. в Бузулукском районе и в целом в Оренбургской области начинается усовершенствование больниц современной лечебно-диагностической аппаратурой. Это подтверждается и справкой о результатах проверки работы областного управления «Медтехника» по обеспечению лечебных учреждений области медицинским оборудованием и инструментарием, в котором обращается внимание на то, что проводится определенная работа по обеспечению учреждений здравоохранения необходимым медицинским оборудованием и инструментарием [19, л. 10].

За годы десятой пятилетки укреплялась их материально-техническая база. Улучшилось техническое обслуживание и ремонт медицинской техники. Лечебно-профилактическим учреждениям оказывалась методическая и техническая помощь в освоении и использовании медицинской техники. В каждом из отделений центральных районных больниц (терапевтическое, гинекологическое, хирургическое) начинали применяться современные на тот период методы лечения и исследования различных заболеваний, а также оборудовались лаборатории, кабинеты физиотерапии и ЛФК. Результатом использования усовершенствованной аппаратуры в гинекологическом отделении стало то, что снижалась младенческая смертность: на 1000 родившихся живыми снизилась с 13,2 в 1965 г. до 5,1 в 1975 г., а среди недоношенных – с 7,5 до 3,7 [16, л. 16–18].

Однако несмотря на то, что широко начинала применяться различная медицинская аппаратура, имелась потребность в приобретении ряда иных наименований. Слабо удовлетворялись заявки областного управления «Медтехника» на медицинские аппараты, инструментариум, материалы и запчасти. К примеру, по линии

главного управления «Росмедтехника» они обеспечивались в 1975–1978 гг. лишь на 45–55%. Аналогичное положение и с обеспечением запасными частями. Заявки на материалы удовлетворялись в пределах 15–20%. Из 158 наименований электровакуумных и измерительных приборов, заявленных на 1979 г., на момент проверки не получено ни одного. Руководство облздравотдела и областного управления «Медтехника» еще недостаточно занимались описанием морально устаревшего, непригодного оборудования. На момент проверки такого оборудования находилось в лечебных учреждениях области на сумму 736 тыс. рублей. Слабо изучался спрос потребителей на новую технику и оборудование. снабжение учреждений здравоохранения осуществлялось без табеля учета оснащения и объективного анализа состояния технической оснащенности, что приводило к возникновению сверхнормативных запасов одних и отсутствию других необходимых медицинских аппаратов. Этому способствовала несвоевременная выборка их заказчиками из-за отсутствия финансирования. Так, за 9 месяцев 1979 г. было реализовано оборудование из сверхнормативных запасов по заявкам больниц на сумму 240 тыс. рублей [19, л. 10–23].

В период 1971–1973 гг. больничная сеть в Оренбургской области увеличилась на 1350 коек. Возрастала обеспеченность населения больничными койками на 1000 жителей: с 9,9 в 1971 г. до 10,2 в 1973 г. Следует отметить, что к 1973 г. в области насчитывалось 21 000 больничных коек (табл. 3). Лечебно-профилактические учреждения пополнялись медицинским оборудованием и аппаратурой. Однако несмотря на это в некоторых районах области оставались нерешенными вопросы о строительстве новых лечебных учреждений [17, л. 10]. То же самое можно сказать и про Башкирскую АССР (табл. 4). Число больничных учреждений (без госпиталей) и число мест в больничных учреждениях начиная с 1965 г. увеличилось.

Таблица 3. Больничные и амбулаторно-поликлинические учреждения в Оренбургской области в 1965–1985 гг. [20, с. 159–160; 21, с. 200–201; 22, с. 200]

Table 3. Hospital and outpatient clinics in the Orenburg region in 1965–1985 [20, p. 159–160; 21, p. 200–201; 22, p. 200]

Показатель	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1975	1980	1981
Число больничных учреждений (без госпиталей)	255	253	249	246	247	247	238	232	235
Число мест в больничных учреждениях, тыс.	17653	18112	18500	19555	21000	21222	24697	27227	25745
Число больничных мест на 10 000 человек населения	86	86	88	89	90	103	119	129	135
Число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений	272	272	270	271	272	271	275	283	319
Число фельдшерских, акушерских и других пунктов	1111	1119	1151	11160	1185	1204	1185	1161	1130

Таблица 4. Больничные и амбулаторно-поликлинические учреждения в Башкирской АССР в 1965–1985 гг. [23, с. 231–234; 24, с. 211–212]

Table 4. Hospital and outpatient clinics in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1965–1985 [23, p. 231–234; 24, p. 211–212]

Показатель	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1975	1980	1981
Число больничных учреждений (без госпиталей)	365	371	372	375	379	389	371	360	359
Число мест в больничных учреждениях, тыс.	28,7	30,1	31,2	32,8	34,6	36,6	41,8	47,3	48,3
Число больничных мест на 10 000 человек населения	77,2	80,2	82,3	86,3	90,7	95,5	109,0	122,5	125,3
Число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений	492	504	507	505	477	489	453	453	452
Число фельдшерских здравпунктов	340	374	392	410	421	452	461	636	649
Число фельдшерских, акушерских и других пунктов	1894	1906	1916	1967	1969	1979	1970	1983	1997
Число аптек	272	—	—	—	—	309	331	342	346

Со второй половины 1970-х гг. в области финансирования происходят изменения, которые предполагали по остаточному принципу выделять деньги на социальные программы: выделялось то, что оставалось от финансирования тяжелой индустрии, обороны на социальные нужды, а для решения социальных вопросов и проблем не хватало экономической основы. Подтверждением тому, что начинаются трудности в финансировании строительства объектов здравоохранения, является информация Оренбургского обкома КПСС о ходе выполнения постановления бюро обкома КПСС от 30 марта 1976 г. «О мерах по обеспечению выполнения плана строительства и ввода в эксплуатацию объектов здравоохранения в 1976 г.». В данном документе отмечается, что вопросы расширения материальной базы лечебных учреждений, к примеру в Красногвардейском районе, находятся в центре внимания партийных и советских органов. Однако райком партии КПСС не добился того, чтобы в текущем году была успешно выполнена производственная практика на строительство районной больницы, где план первого полугодия был выполнен на 97%, а в июле лишь на 37,5% [14, л. 10]. К примеру, в Башкирской АССР трестом «Ишимбайжилстрой» не выполнен план 5 месяцев по строительству противотуберкулезного диспансера в г. Стерлитамаке, из плана 160 000 рублей выполнено всего лишь 26 600 рублей, что составляет 16% к годовому плану и 70% отчетного периода [15, л. 85].

К 1981 г. ситуация немного изменилась на Южном Урале и относительно врачей-стоматологов. Их уже не хватало. Это подтверждает письмо-прошение секретаря Оренбургского обкома КПСС министру здравоохранения РСФСР, в котором отмечается, что в области недостает 476 врачей, в том числе в сельской мест-

ности 160. Область всего на 30% укомплектована врачами-стоматологами [27, л. 1–7]. За десятую пятилетку облздравотдел просил направить в область 350 врачей-стоматологов. Министерство здравоохранения РСФСР включило в план распределения только 132, а закрепилось в области всего 75 врачей. В 1981 г. заявка была оформлена на 70 врачей-стоматологов, по плану Министерства распределено 35, доехало лишь 16 человек. Это говорит о том, что открытие своего факультета было необходимым для обеспечения области высококвалифицированными медицинскими работниками в области стоматологии [28, л. 14]. Также в сельских районах Башкирской АССР не было ставок детских зубных врачей, а в городах недостаточны и не соответствовали нормативам [15, л. 88–89].

В номерах журнала «Здоровье», вышедших в 1982–1984 гг., отмечается, что Пленум ЦК КПСС определяет новые направления развития здравоохранения, а также выдвигает коренную задачу улучшения медицины. Демократический характер первой в мире системы бесплатного здравоохранения общеизвестен, однако ее качественный уровень еще далеко не всегда соответствует требованиям развитого социализма.

Выводы

По итогам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В Оренбургской области и Башкирской АССР, несмотря на то, что шло отставание по выполнению плана строительства учреждений здравоохранения, были районы, где данный план перевыполнялся. Отставание по выполнению плана строительства медучреждений происходило по причине несвоевременных поставок строительных материалов, нехватки автотранспорта для того, чтобы

вывозить строительные материалы, отсутствия систематического контроля за ходом строительства и помощи от руководства отстающим стройкам.

2. В период с 1965 по 1985 г. происходило увеличение общей численности врачей, однако в регионах все же ощущался недостаток врачебных кадров. Основная причина неудовлетворенности, несмотря на то, что жильем обеспечивались все врачи, – это условия работы в маломощных сельских участковых больницах. По семейным обстоятельствам и собственному желанию выбывали врачи, направленные в область из других институтов. В городах не хватало участковых терапевтов, а в сельской местности их должности занимали средние медицинские работники, ощущался недостаток во врачах узкого профиля (дерматологи, инфекционисты, гинекологи и т. д.).

3. В материально-техническом плане в 1965–1970-е гг. началось усовершенствование больниц современной лечебно-диагностической аппаратурой, т. к. нача-

ли широко применяться различные методы лечения, лаборатории, кабинеты физиотерапии, кабинеты ЛФК, наркозные аппараты и т. д. Все это являлось несомненным прорывом в медицине того периода и оказывало большое влияние на снижение младенческой и взрослой смертности.

Однако после 1970-х гг. ситуация немного изменилась, т. к. финансовые средства на социальные нужды выделяются по остаточному принципу, основное внимание было направлено на оборонно-промышленный комплекс страны. Но несмотря на это к 1990 г. были выработаны все основные виды медицинского обеспечения граждан, которые продолжают формироваться в новой России с учетом изменившейся социально-экономической ситуации, новых социальных целей, перспектив социального развития на ближайшие годы, не отступая от важных, положительных начал, заложенных прежним законодательством государства о социальном обеспечении.

Список литературы

1. Афанасьев Ю. Н. Перестройка и историческое знание // Иного не дано / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 674 с.
2. Акулов В. Н. Социальная защита граждан в условиях обязательного медицинского страхования // Мир медицины. 1997. № 6. С. 21–23.
3. Баранов В. В., Шиленко Ю. В. Здравоохранение в условиях рыночной экономики. М.: Медицина, 1994. 304 с.
4. Корчагин В. В. Здоровье населения и здравоохранение // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 25–29.
5. Барсуков М. И. Очерки историографии советского здравоохранения. М.: Медицина, 1965. 205 с.
6. Петровский Б. В. Новый этап в развитии народного здравоохранения. М.: Медицина, 1981. 216 с.
7. Петровский Б. В. Успехи советского здравоохранения за годы девятой пятилетки. М.: Медицина, 1976. 157 с.
8. Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А. Ухудшение здоровья советских людей в эпоху застоя // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 2. С. 359–368.

9. Буренков С. П. Здравоохранение Союза ССР // Советское здравоохранение. 1982. № 12. С. 5–11.
10. Баранов А. А. Охрана материнства и детства на современном этапе: проблемы и пути их решения // Советское здравоохранение. 1989. № 3. С. 3–9.
11. Никуленкова Р. А. Здравоохранение и уровень медицинского обслуживания населения в период 1965–1985 гг. в Оренбургской области // Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки: сборник трудов по материалам VII Международного конкурса научно-исследовательских работ. Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2022. С. 26–35.
12. Хисамутдинова Р. Р., Муртазина Р. А. Особенности социальной политики Советского государства в 1965–1985 гг. // Здоровый образ жизни как условие устойчивого развития государства: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 559–565.
13. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 371. Оп. 42. Д. 168.
14. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 65. Д. 109.
15. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-444. Оп. 6. Д. 1453.
16. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 38. Д. 176.
17. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 48. Д. 107.
18. НА РБ. Ф. Р-444. Оп. 6. Д. 980.
19. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 75. Д. 94.
20. Оренбургская область в цифрах 1934–1973 гг.: статистический сборник. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1974. 184 с.
21. Оренбургская область в девятой пятилетке, 1971–1975: статистический сборник. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1976. 230 с.
22. Оренбургская область в десятой пятилетке, 1976–1980: статистический сборник. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1982. 111 с.
23. Башкирия в Союзе ССР: статистический сборник. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1982. 264 с.
24. Башкирия в Союзе СССР: статистический сборник. Уфа: Башкирское кн. изд-во. 1972. 252 с.
25. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 46. Д. 59.
26. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 83. Д. 83.
27. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 67. Д. 89.
28. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 80. Д. 97.

Reference

1. Afanas'ev Yu. N. Perestrojka i istoricheskoe znanie [Perestroika and historical knowledge]. Inogo ne dano [Nothing else is given]; ed. by Yu. N. Afanas'ev. Moscow, Progress Publ., 1988. 674 p.
2. Akulov V. N. Social'naya zashchita grazhdan v usloviyah obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya [Social protection of citizens in the conditions of compulsory medical insurance]. *Mir mediciny* = *The world of medicine*, 1997, no. 6, pp. 21–23.

3. Baranov V. V., Shilenko Yu. V. Zdravoohranenie v usloviyah rynochnoj ekonomiki [Healthcare in a market economy]. Moscow, Medicina Publ., 1994. 304 p.
4. Korchagin V. V. Zdorov'e naseleniya i zdravoohranenie [Public health and healthcare]. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*, 1995, no. 4, pp. 25–29.
5. Barsukov M. I. Ocherki istoriografii sovetskogo zdravoohraneniya [Essays on the historiography of Soviet healthcare]. Moscow, Medicina Publ., 1965. 205 p.
6. Petrovskij B. V. Novyj etap v razvitii narodnogo zdravoohraneniya [A new stage in the development of public health]. Moscow, Medicina Publ., 1981. 216 p.
7. Petrovskij B. V. Uspekhi sovetskogo zdravoohraneniya za gody devyatoj pyatiletki [The successes of Soviet healthcare during the ninth five-year plan]. Moscow, Medicina Publ., 1976. 157 p.
8. Zatravkin S. N., Vishlenkova E. A. Uхудshenie zdorov'ya sovetskikh lyudej v epohu zastoya [Deterioration of the health of Soviet people in the era of stagnation]. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny = Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*, 2021, vol. 29, no. 2, pp. 359–368.
9. Burenkov S. P. Zdravoohranenie Soyuza SSR [Healthcare of the USSR]. *Sovetskoe zdravoohranenie = Soviet healthcare*, 1982, no. 12, pp. 5–11.
10. Baranov A. A. Ohrana materinstva i detstva na sovremennom etape: problemy i puti ih resheniya [Protection of motherhood and childhood at the present stage: problems and ways to solve them]. *Sovetskoe zdravoohranenie = Soviet healthcare*, 1989, no. 3, pp. 3–9.
11. Nikulenkova R. A. [Healthcare and the level of medical care of the population in the period 1965–1985 in the Orenburg region]. *Fundamental'nye i prikladnye aspekty razvitiya sovremennoj nauki. Sbornik trudov po materialam VII Mezhdunarodnogo konkursa nauchno-issledovatel'skih rabot* [Fundamental and applied aspects of the development of modern science: a collection of works based on the materials of the VII International Competition of research papers]. Ufa, NIC Vestnik nauki Publ., 2022, pp. 26–35. (In Russ.)
12. Hisamutdinova R. R., Murtazina R. A. [Features of the social policy of the Soviet state in 1965–1985]. *Zdorovyy obraz zhizni kak uslovie ustojchivogo razvitiya gosudarstva. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Healthy lifestyle as a condition for sustainable development of the state. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ufa, RIC BashGu Publ., 2017, pp. 559–565.
13. OGAOO (Ob"edinennyy gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti) [United State Archive of the Orenburg Region], f. 371, op. 42, d. 168.
14. OGAOO, f. 371, op. 65, d. 109.
15. NA RB (Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan) [National Archive of the Republic of Bashkortostan], f. R-444, op. 6, d. 1453.
16. OGAOO, f. 371, op. 38, d. 176.
17. OGAOO, f. 371, op. 48, d. 107.
18. NA RB, f. R-444, op. 6, d. 980.
19. OGAOO, f. 371, op. 75, d. 94.
20. Orenburgskaya oblast' v cifrah 1934–1973 gg. Statisticheskij sbornik [Orenburg Region in figures 1934–1973. Statistical collection]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. kn. izd-vo, 1974. 184 p.
21. Orenburgskaya oblast' v devyatoj pyatiletke, 1971–1975. Statisticheskij sbornik [Orenburg Region in figures 1971–1975. Statistical collection]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. kn. izd-vo, 1976. 230 p.

22. Orenburgskaya oblast' v desyatoj pyatiletke, 1976–1980. Statisticheskij sbornik [Orenburg Region in the tenth Five-year plan, 1976-1980. Statistical collection]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. kn. izd-vo, 1982. 111 p.

23. Bashkiriya v Soyuze SSR. Statisticheskij sbornik [Bashkiria in the USSR. A statistical collection]. Ufa, Bashkirskoe kn. izd-vo, 1982. 264 p.

24. Bashkiriya v Soyuze SSSR. Statisticheskij sbornik [Bashkiria in the USSR. A statistical collection]. Ufa, Bashkirskoe kn. izd-vo, 1972. 252 p.

25. OGAAO, f. 371, op. 46, d. 59.

27. OGAAO, f. 371, op. 67, d. 89.

28. OGAAO, f. 371, op. 80, d. 97.

26. OGAAO, f. 371, op. 83, d. 83.

Информация об авторе / Information about the Author

Никуленкова Регина Айратовна, аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: m.regina56@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9785-2020

Regina A. Nikulenkova, Post-Graduate Student of the Department of General History and Methodology Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: m.regina56@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9785-2020

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-166-176>

Организация специализированного торгового обслуживания работников железнодорожного транспорта в 1930-е годы (по материалам Курского региона)

В. В. Коровин¹, Р. В. Коровин¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Резюме

Актуальность работы заключается в необходимости выработки наиболее оптимальной модели обеспечения продуктами питания и товарами первой необходимости работников учреждения и организаций с особыми условиями труда. Разъездной характер работы железнодорожников со скользящим графиком выполнения функциональных обязанностей требует создания дополнительных гарантий их социальной защищенности. Обобщение опыта организации ведомственной торговли в исторической ретроспективе позволяет решить возникающие организационные проблемы современности. Незавершенность указанной темы в научном плане позволяет восполнить пробелы в отражении социально-экономической истории России и региона в один из наиболее противоречивых ее периодов – первой половине XX века.

Цель исследования – на основе архивных источников раскрыть специфику организации специализированного торгового обслуживания работников транспорта на Курском железнодорожном узле в 1930-е годы.

Задачи: выявить и изучить материалы региональных и ведомственных архивов об отделах рабочего снабжения; отметить роль партийных и профсоюзных организаций в торговом обслуживании работников транспорта; определить особенности снабжения железнодорожников продовольственными и промышленными товарами.

Методология. При проведении исследования авторы придерживались ключевых принципов исторической науки – объективности и историзма.

Результаты. Обобщение опыта организации ведомственной торговли для обслуживания повседневных потребностей железнодорожников в 1930-е годы. Доказано, что переход от кооперативной к централизованной торговле стал эффективной мерой улучшения снабжения железнодорожников.

Выводы. Деятельность отделов рабочего снабжения способствовала своевременному и качественному удовлетворению потребностей железнодорожников, но требовала контроля и дополнительной поддержки. Профсоюзные организации транспорта оказывали помощь ОРСам и их подсобным хозяйствам, контролировали своевременное и правильное использование товаров. В значительной мере увеличение объемов торговли происходило за счет самозаготовок и приобретения товаров сверх плана.

Ключевые слова: Курский железнодорожный узел; отдел рабочего снабжения; транспорт; торговля; продукты питания; промышленные товары.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Коровин В. В., Коровин Р. В. Организация специализированного торгового обслуживания работников железнодорожного транспорта в 1930-е годы (по материалам Курского региона) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 166–176. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-166-176>.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Принята к публикации 23.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Organization of Specialized Commercial Service of Railway Transport Workers in the 1930s (Based on Materials from the Kursk Region)

Vladimir V. Korovin¹, Roman V. Korovin¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Abstract

*The **relevance** of the work lies in the need to develop the most optimal model for providing food and essential goods to employees of institutions and organizations with special working conditions. The traveling nature of the work of railway workers with a sliding schedule of functional duties requires the creation of additional guarantees of their social security. Generalization of the experience of the organization of departmental trade in historical retrospect makes it possible to solve the emerging organizational problems of our time. The undeveloped nature of this topic in scientific terms makes it possible to fill in the gaps in the reflection of the socio-economic history of Russia and the region in one of its most controversial periods – the first half of the twentieth century.*

*The **purpose** of the study is to reveal the specifics of the organization of specialized trade services for transport workers at the Kursk railway junction in the 1930s on the basis of archival sources.*

***Tasks:** to identify and study the materials of regional and departmental archives about the departments of labor supply; to note the role of party and trade union organizations in the trade service of transport workers; to determine the specifics of the supply of railway workers with food and industrial goods.*

***Methodology.** During the research, the authors adhered to the key principles of historical science – objectivity and historicism.*

***Results.** Generalization of the experience of organizing departmental trade to serve the daily needs of railway workers in the 1930s. It is proved that the transition from cooperative to centralized trade has become an effective measure to improve the supply of railway workers.*

***Conclusions.** The activities of the work supply departments contributed to the timely and high-quality satisfaction of the needs of railway workers, but required control and additional support. Trade union organizations of transport provided assistance to ORS and their subsidiary farms, controlled the timely and correct use of goods. To a large extent, the increase in trade volumes was due to self-procurement and the purchase of goods in excess of the plan.*

Keywords: Kursk railway junction; working supply department; transport; trade; food; industrial goods.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Korovin V. V., Korovin R. V. Organization of Specialized Commercial Service of Railway Transport Workers in the 1930s (Based on Materials from the Kursk Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(1): 166–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-166-176>.

Received 16.12.2022

Accepted 23.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

В соответствии с Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 3 июля 1933 г.¹,

предусматривавшим реструктуризацию органов управления железнодорожным транспортом, 19 июля 1933 г. СНК СССР

¹ О работе железнодорожного транспорта: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 июля 1933 г. // Собрание законов и распоряжений

рабоче-крестьянского правительства СССР. 1933. № 41. С. 241.

принял постановление¹. Согласно этому документу, вместо транспортной кооперации на железных дорогах, в основных паровозных депо, на узловых станциях создавались отделы рабочего снабжения (ОРС). Согласно принятому постановлению СНК СССР, ответственность за работу ОРСов несли руководители предприятий, т. к. начальники отделов рабочего снабжения становились их помощниками по снабжению рабочих и служащих продуктами и промышленными товарами.

Методология

Выявленная в исследованных источниках информация систематизировалась и анализировалась на основе проблемно-хронологического и историко-генетического методов, позволивших раскрыть сущность проблем, связанных с организацией ведомственной торговли на железнодорожном транспорте в динамике и взаимосвязях.

Результаты и их обсуждение

В ведение ОРСов передавалась торговля продовольственными и промышленными товарами, организацией общественного питания, выпечкой хлеба, бытовым обслуживанием работников транспорта, в том числе пошивом форменной одежды. ОРСы обеспечивали также питание железнодорожников, связанных с движением поездов – локомотивных, поездных вагонных и кондукторских бригад: для них комплектовались специальные наборы продуктов, необходимых на весь путь следования. В эти наборы включались до 0,5 кг хлеба, 250–300 г колбасных изделий, свиное сало и др. Среди железнодорожников эти продуктовые наборы получили название «наркомовских пайков». На многих железнодо-

рожных участках, в том числе и в Курской области, курсировали вагоны-лавки для развоза продуктов и промышленных товаров линейным рабочим [1, с. 227]. В условиях жесткой централизации функционирования всех структур НКПС в июле 1933 г. был создан Центральный отдел рабочего снабжения (Главурс). Его возглавил член коллегии НКПС И. И. Хлопьянкин, с февраля 1931 г. находившийся в должности заместителя председателя правления Центросоюза [2, л. 1–4]. В Курске ОРС возглавил Н. А. Салтанов, в 1934 г. его сменил В. С. Клапоушенко [3, л. 2–5].

Важным резервом для улучшения снабжения железнодорожников и их семей становилось развитие подсобных сельских хозяйств, откуда поступало мясо, молоко, картофель, овощи и другие продукты. В 1934 г. ОРСы имели 554 таких хозяйств. Профсоюзные организации оказывали повседневную помощь действующим ОРСам и их подсобным хозяйствам в изыскании дополнительных продовольственных ресурсов [4, с. 155].

Действенную помощь в работе ОРСов оказывали местные органы власти, а также советы жен-общественниц, создаваемые комитетами профсоюзов. Например, Курский облисполком 9 декабря 1934 г. принял решение, направленное на улучшение снабжения картофелем и овощами рабочих и служащих, а также строителей новой магистрали Москва – Донбасс, которая проходила по территории восточных и юго-восточных районов области [5, л. 278].

7 апреля 1936 г. Курский облисполком утвердил решение Касторенского райисполкома (РИК) о передаче отделу рабочего снабжения Московско-Донбасской дороги имущества колхозов «9 января» им. Шевченко и им. Петровского Касторенского района [6, л. 196].

11 августа 1935 г. решением Курского облисполкома большая партия поросят, выращенных в колхозах и совхозах области, передавалась дорожному ОРСу Московско-Курской железной дороги для

¹ Об организации рабочего снабжения на железнодорожном транспорте: Постановление СНК СССР от 19 июля 1933 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1933. № 45. С. 269.

качественного улучшения снабжения работников магистрали [7, л. 261 об.]. Новая система снабжения через ОРСы сыграла большую роль в улучшении всей системы транспортной торговли продовольственными товарами и в развитии предприятий общественного питания.

В значительной мере увеличение объемов торговли происходило за счет самозаготовок и приобретения товаров сверх плана. Так, заготовки сельхозпродуктов производились в 700 районах страны. На 1 января 1935 г. 967 ОРСов обслуживали 6,3 млн железнодорожников и членов их семей. Торговая сеть состояла из 5,5 тыс. магазинов, 2,3 тыс. ларьков и 480 вагонов-лавок. Существенным подспорьем в обеспечении железнодорожников овощами стало огородничество. В 1934 г. для более 650 тыс. работников транспорта были выделены огороды общей площадью 117 тыс. гектаров [1, с. 227].

Состояние обеспечения продуктами питания железнодорожников и членов их семей вызывали беспокойство и руководителей советских органов в районах города Курска. Так, в июне 1937 г., выступая с трибуны I областной партийной конференции, председатель Кировского райисполкома И. И. Лазарев потребовал от областных властей увеличить выделяемый ассортимент продуктов питания, рассчитывая на помощь территориальных партийных органов [8, л. 81].

Весьма существенным шагом в улучшении рабочего снабжения железнодорожников и членов их семей стала отмена с 1 мая 1935 г. продовольственных карточек на хлеб, а с 1 октября 1935 г. – на мясные продукты, жиры, сахар и картофель [9, с. 260]. Принятые правительством страны меры привели к стабилизации экономического положения и улучшению условий жизни работающего населения. Ведь уменьшение норм снабжения хлебом по карточкам, введенным в 1932 г., приводило к недовольству, а зачастую и к открытым протестам населения городов и рабочих поселков. Но не-

смотря на определенные результаты, достигнутые в организации снабжения рабочих и служащих железных дорог, в 1930-х – начале 1940-х гг. постоянно оставалось значительное число вопросов, которые не решались в течение длительного времени. Так, в ряде мест, в том числе и в г. Курске, была неудовлетворительно организована торговля рыбой, мясом, овощами. Оставалось низким качество выпекаемого хлеба в пекарнях, относящихся к ОРСам [10, л. 16, 17, 19].

Руководители предприятий торговли, находящиеся в ведомстве ОРСов, зачастую не выполняли указаний по организации круглогодичной продажи свежих овощей, фруктов, был весьма ограничен ассортимент продаваемой кондитерской продукции.

Так, неоднократно к руководителям Курского отделения движения с жалобами обращались железнодорожники и члены их семей, проживавшие на ул. Пролетарской (ныне ул. Ильича) и Жуковского. В единственный продуктовый ларек здесь поступал черный хлеб низкого качества. Жители этого региона за белым хлебом и спичками вынуждены были ходить в другие магазины, расположенные более чем за 2 километра [11, л. 28].

Еще хуже обстояло снабжение продуктами питания железнодорожников на участках Курск – Поныри, Курск – Ржава, Курск – Льгов, Курск – Мармыжи, Касторная – Валуйки, Льгов – Готня. Здесь для работающих продавался только черный хлеб, а другие продовольственные товары доставлялись сюда нерегулярно и в весьма ограниченном количестве. Здесь в продаже часто отсутствовали соль, табак и папиросы, керосин [12, л. 48]. В буфете-ресторане станции Курск постоянно царила текучесть кадров, оставалась неустойчивой трудовая дисциплина. Малочисленная партийная организация (секретарь партбюро – Е. А. Кругликов)

не могла коренным образом изменить положение с кадрами¹ [13, л. 3].

С 1936 г. деятельность ОРСов находилась в тесном контакте с предприятиями хозрасчетного треста транспортного торгового питания (Трансторгпитом). В июле 1936 г. в структуре НКПС было образовано Всесоюзное объединение торговли и столовых, которые с июля 1936 по ноябрь 1937 г. возглавлял И. И. Хлопьянкин. Но вновь организуемая структура Трансторгпита, как в центре, так и на местах, имела огромное количество недостатков. В первую очередь, это дефицит кадров торговых работников. Как отмечал руководитель райтрансторгпита П. П. Леденев в своем выступлении на IV Кировской районной партийной конференции (18 мая 1939 г.), дефицит кадров постоянно отражался на всех направлениях деятельности торговых заведений. Как указывал П. П. Леденев, из 30 коммунистов системы Траснторгпита только один И. И. Юдкин согласился работать заведующим магазином. Один из 35 комсомольцев решил возглавить коллектив магазина [14, л. 57; 15, л. 2, 17, 18]. Текущая численность кадров достигла 85%, особенно среди молодежи. Ведь на зарплату продавца 85 рублей мало кто соглашался, поэтому в коллективе Трансторгпита ежемесячно менялись до 40% работников. Особенно критично стоял вопрос с кадрами работников хлебопекарен [14, л. 59; 15, л. 9].

Крайне низкой оставалась дисциплина торговых работников. Так, за 1938 г. по конторе Траснторгпита в Курске было установлено 300 тыс. руб. убытков и 75 тыс. руб. растрат [14, л. 57]. Все эти нарушения руководители конторы Трансторгпита П. П. Леденев, П. П. Бесходарный, инспектор А. И. Маяков, инструктор стахановских методов труда А. Д. Седых, инспектор по хлебопечению П. К. Семенихин, начальник отдела кадров Е. Г. Ко-

миссаров, секретарь парторганизации Н. В. Харламов [15, л. 5, 35, 38, 42, 50] объясняли острым дефицитом кадровых работников. Между тем число нарушений трудовой дисциплины среди работников Траснторгпита за 15 дней февраля 1939 г. составило 86 [15, л. 9].

Явные злоупотребления совершались и руководителями ОРСов. Так, в январе 1938 г. был освобожден от должности и осужден народным судом руководитель ОРСа Курского отделения член ВКП(б) с 1949 г. А. Ф. Евтушенко за незаконное присвоение 1142 руб., что было связано с махинациями на Валуйском узле Московско-Донбасской железной дороги [16, л. 1, 5, 6].

Особую тревогу у районных и железнодорожных руководителей вызывало состояние фабрики-кухни Курского железнодорожного узла. На ее строительство на ул. Кагановича в 1938 г. было израсходовано 1,5 млн рублей. Но строили ее самым неприглядным образом: не были оборудованы дополнительные приспособления, отсутствовали ледник и холодильные камеры. Уже в начале 1939 г. на ремонт фабрики (в том числе на борьбу с плесневым грибком) было израсходовано более 200 тыс. рублей [6, л. 58]. Фабрика-кухня работала лишь на 20% своей мощности, а ведь могла снабжать качественными обедами, колбасными изделиями, выпечкой половину населения города Курска. Нерентабельность работы фабрики-кухни не раз обсуждалась вместе с руководством Курского горисполкома (председатель – Н. А. Масленникова), но действенных мер к исправлению ситуации не было принято.

Не изменило положение и назначение новым директором фабрики-кухни бывшего завхоза железнодорожной больницы П. С. Сошникова [13, л. 169]. Коллектив фабрики, насчитывавший в сентябре 1939 г. 746 человек [15, л. 74], продолжал работать с завидной нестабильностью. К февралю 1935 г. в крупнейших городах Советского Союза было открыто 11 образцовых универмагов, где продава-

¹ В августе 1941 г. бюро Кировского РК ВКП(б) объявило Е.А. Кругликову строгий выговор с занесением в учетную карточку.

лась модельная одежда. Курск в число таких городов не попал, поэтому его магазины не могли распространять новинки моды того времени. Лишь 17 сентября 1938 г. облисполком решением №13/1854 утвердил представленную смету на строительство универмага по ул. Интернациональной в Кировском районе города Курска в сумме 250 тыс. рублей, из них 236,4 тыс. приходилось на общестроительные затраты [17, л. 4 об.]. Финансирование строительства производилось в соответствии с утверждением президиума облисполкома от 26 августа 1938 г. К началу 1940 г. строительство нового универмага, столь необходимого для нужд семей курских железнодорожников, было завершено.

И все же наиболее неразрешенной проблемой оставалось снабжение железнодорожников и членов их семей промышленными товарами, в первую очередь одеждой и обувью. 3 сентября 1930 г. партийное собрание коммунистов Ямской слободы в принятой резолюции отмечало, что необходимо «соблюдать четкую классовую линию в вопросах распределения промышленных товаров, в первую очередь, для рабочих-производственников» [18, л. 18].

Основываясь на анализе нами изученного архивного материала, а также на выводах, сделанных А. В. Хмелевским в своей диссертационной работе [19], можно выделить несколько объективных и субъективных факторов отсталости в снабжении и использовании железнодорожниками и членами их семей швейной и обувной продукции.

Во-первых, более 90% населения Курской губернии (с 1934 г. – области) проживало в сельской местности. При этом до 80–85% рабочих службы движения, связи, пути, вспомогательных профессий паровозного хозяйства (кочегары, рабочие угольных эстакад, топливных складов, шлакоочисты и др.) приезжали на свои рабочие места из сел, расположенных недалеко от железной дороги (т. е. «с линии»). К середине 1920-х гг. процент

городских жителей-работников железнодорожного транспорта прогрессивно уменьшался. Например, в городской черте Курска проживало всего 217 железнодорожников (4,21% от общего числа городских рабочих), что на 22,3% было меньше, чем в 1920 г. [20, с. 82–83]. При этом снижение числа железнодорожников-горожан шло за счет ведущих профессий (машинистов, главных кондукторов, кочегаров паровозов). Наоборот, росло число жителей пригородных слобод и сел, пришедших на работу на транспорт. Так, согласно первой Всесоюзной переписи населения, проведенной 17 декабря 1926 г., число жителей Ямской слободы (где в основном проживали семьи железнодорожников. – *Авт.*) увеличилось на 1402 человека (по сравнению с 1923 г.) и достигло 16519 человек [20, с. 6–7, 17; 21, с. 25, 34], из них не менее 40% работали на предприятиях Курского железнодорожного узла.

Как выходцы из сельской местности, так и жители пригородных слобод и рабочих поселков быстро не могли изменить в себе привычки, традиции крестьянского быта. Основная масса из них, живших в тяжелых материальных условиях, испытывая дефицит продуктов и материальных благ, постоянную нехватку семейных финансовых ресурсов, не интересовались характером своей одежды, тем более современной модой. В конце 20-х – начале 30-х годов XX века многие железнодорожники, даже не имевшие никакого отношения к военной службе, ходили в одежде полувоенного покроя: серые френчи, галифе и обязательные сапоги. Старая, еще дореволюционная одежда, сохранявшая достаточно привлекательный вид, неоднократно перешивалась. Это происходило неоднократно и ее донашивали до полной непригодности, поэтому она не годилась для родных и близких [22, с. 33]. Многие железнодорожники Курской области предпочитали носить вязанные свитера, чесучовые рубашки и ситцевые косоворотки. В числе популярных головных уборов были фураж-

ки с козырьком и кепки, которые носили в сочетании с самой простой одеждой. Стоимость такого главного убора колебалась от 4,5 до 8,7 рублей [22, с. 38].

Во-вторых, в связи с тем, что местные швейные фабрики из-за наличия невысокой производительности труда и низкого качества пошивочного материала в полной мере не могли удовлетворить пожелания населения области [23], за товарами повседневного спроса (рубашками, майками, трусами), на которые искусственно создавался дефицит, собирались огромные очереди. Так, в своем письме, адресованном в редакцию газеты «Курская правда», буровой мастер Курской дистанции пути Н. С. Ковалев, проживавший на ул. Золоторевской в железнодорожной квартире, отмечал: «Многочисленные очереди к магазинам собираются за мануфактурой и готовой одеждой еще с вечера. Милиция выстраивает очереди где-нибудь за квартал в переулке и потом “счастливых” по 5-10 человек, один за другого в обхват (чтобы кто-то не проскочил без очереди), в окружении милиционеров, как арестантов, ведут к магазину. В этих условиях расцветает жуткая спекуляция, произвол милиции и, говорят, что не без взяток... Честный рабочий человек, если он даже крайне нуждается, не может купить себе белье, брюки и прочее самое необходимое, разве что у спекулянтов за двойную цену...» [24].

Как позднее вспоминала одна из старейших жительниц Владимирского поселка, жена машиниста паровоза М. В. Баранищева: «Мы в единственном магазине, расположенном возле шпигатной фабрики, занимали с вечера. В очереди только что и раздавались разговоры о том, что завтра “выкинут” в продажу: ситец или маркизет? Стоять в очереди всю ночь было не вмоготу, поэтому на смену, на несколько часов, приходили дочери. А утром среди желающих приобрести покупки стоял необычный шум, раздавались женские крики, часто доходившие до истерик... Не обходилось часто и без рукоприкладства. Так что “удовольствие”

постоять в очередях запомнилось надолго...».

Трудностями, существовавшими в системе торговли промышленными товарами, часто пользовались спекулянты, которые покупали в обычных магазинах дефицитные товары, сдавали их по повышенным ценам в комиссионные магазины, где цены были завышены не менее чем в 1,5 раза [22, с. 41–42; 25]. Еще больше наживались спекулянты в сотрудничестве с «торгсинами» (магазинами Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами). Эти заведения занимались только обслуживанием жителей области, имевших золото, драгоценности и другие ценные вещи. Данные магазины предлагали всевозможные продукты, а также товары повседневного спроса: нижнее белье, текстиль и др. Как вспоминала М. В. Баранищева: «В голодные 1932 и 1933 годы я отнесла в торгсин несколько золотых рублей царской чеканки и золотые сережки, подаренные матерью в день свадьбы...»¹.

Магазины Торгсина, ставшие источниками приобретения дефицитных товаров, становились местом деятельности дельцов «черного рынка», причем махинации осуществлялись как около магазинов, так и внутри торговых точек [22, с. 42], поэтому население Курской области было вынуждено уменьшать дефицит семейных финансов разнообразными нелегальными способами. Например, проводники пассажирских поездов постоянно скупали на станциях у крестьян разные продукты и перепродавали их в столице. Взамен была организована продажа сельским жителям дешевых тканей (в основном, ситца), ботинок и галош, которые отсутствовали в магазинах местной потребительской кооперации (сельпо). В октябре 1929 г. на заседании партийной ячейки №1 при паровозном депо Курск рассматривался вопрос о пресечении путей незаконной спекуляции – вывоза же-

¹ Из личного архива А.Н. Манжосова.

нами машинистов яблок для продажи в Москве и организации «челночной» встречной торговли промтоварами [26, л. 109]. Такое положение с торговлей промышленными товарами и создание их искусственного дефицита рождало многочисленные жалобы трудящихся, направляемые в редакции центральных газет, в местные органы ОГПУ и даже руководителям ЦИК СССР и Президиума Верховного Совета СССР [22, с. 43].

В-третьих, одним из мощных факторов снижения потребности работников железнодорожного транспорта в приобретении верхней одежды и костюмов стало введение новой формы одежды. Согласно приказу Наркома путей сообщения СССР А. А. Андреева, с 1 июня 1932 г. на транспорте вводилась новая форма одежды для всех работников стальных магистралей. Приказ требовал, чтобы все работники железных дорог в случае выполнения служебных обязанностей (в том числе и в командировках) находились в форменном обмундировании. Вне службы транспортным рабочим разрешалось носить гражданскую одежду. По армейскому опыту сроки ношения зимней и летней формы одежды устанавливались приказом начальника дороги. 15 августа 1932 г. приказом НКПС была заменена просуществовавшая почти сто лет железнодорожная эмблема. Теперь вместо топора на головном уборе появилась красивая звезда с изображенным на ней паровозом, а на петлицах – ключ и разводной молоток. На пуговицы мундиров наносились изображения звезд с паровозами [27, с. 127].

Новое форменное обмундирование стало весьма популярным среди железнодорожников. Форменные кители, носимые как в рабочее, так и в нерабочее время, многим заменили пиджаки, костюмы (которые стоили в среднем 38 и 123,5 рублей) [24, с. 38], фиолетовые форменные брюки сменили брюки, пошитые из

грубой шерсти серого и черного цвета (их стоимость 22,5 рублей), а демисезонные и зимние пальто подменялись форменными суконными шинелями. В связи с внедрением новой формы одежды активизировалась работа пошивочных мастерских, где изготавливались все составные части форменного обмундирования. Наглядным примером повального повседневного увлечения железнодорожников новой форменной одеждой могут служить фотографии 1930–40-х гг., на которых абсолютное большинство снято в форменных кителях и шинелях. Даже в границах одной профессиональной группы одежда ее различных представителей с разными финансовыми возможностями выглядела неоднородно. Приведем наглядный пример. Как свидетельствуют воспоминания старшего бухгалтера станции Ливны Московско-Донбасской дороги В. Г. Судьенко, в 1935 г. сюда переехала группа железнодорожников русского происхождения с Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Эту дорогу, ранее принадлежавшую России и СССР, после событий 1929 г. передали во владение Китаю, а обслуживающий персонал возвращался на Родину, где им предоставлялись рабочие места по специальности.

«Одежда переселенцев была по тем временам изысканной: они ходили в шлепках, надевали галстуки, женщины носили туфли на высоких каблуках и держались обособленно, с гордым достоинством», – указывал В. Г. Судьенко. Некоторые ретивые местные «патриоты» связывали их внешний облик с дореволюционным прошлым страны, пуская в след возвращенцам ехидные словечки «надо же, буржуи вернулись... Нафуфырились и прогуливаются...» [28, с. 17–18].

Выводы

Важной мерой улучшения снабжения железнодорожников продуктами и промышленными товарами стал переход

от кооперативной торговли к централизации снабжения через системы отделов рабочего снабжения. Профсоюзные организации транспорта оказывали повседневную помощь ОРСам и их подсобным

хозяйствам. Они контролировали своевременное использование товарных фондов, следили за правильным использованием продуктов подсобных хозяйств.

Список литературы

1. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза Т. 2. 1917–1945 гг. / под общ. ред. В. Е. Павлова, М. М. Уздина. СПб.; М.: Петерб. гос. ун-т путей сообщ., 1997. 414 с.
2. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 100. Д. 2834.
3. ЦА МПС (Центральный архив Министерства путей сообщения СССР). Ф. 1. Оп. 127. Д. 418.
4. Советские железнодорожники / [А. Воролай, А. Мандругин, Т. Маргулис и др.]. М.: Профиздат, 1970. 352 с.
5. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 91.
6. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 122.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 114.
8. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 649.
9. Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР в 1934–1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 88–89.
10. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 454.
11. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 374.
12. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 447.
13. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 156.
14. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 96.
15. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 110.
16. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 2. Д. 207.
17. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 160.
18. ГАОПИКО. Ф. П-79. Оп. 1. Д. 506.
19. Хмелевской А. В. Индустрия моды в повседневной жизни российской цивилизации XX века (по материалам Курского края): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2016. 213 с.
20. Население городов Курской губернии по переписи 1920 и 1923 гг. Вып. третий / Курск. губ. стат. отд. Курск: [Тип.] Полиграф объединения ГСНХ, 1927. 135 с.
21. Предварительные итоги переписи по Курской губернии / Курский губернский стат. отд. Курск, 1927. 48 с.
22. Коровин В. В., Головин Е. А., Хмелевской А. В. Отражение социального статуса гражданина в восприятии его внешнего облика на фоне трансформации государственных институтов (по материалам повседневной жизни Курского края в XX столетии): монография. Курск: Университетская книга, 2017. 150 с.
23. Курская правда. 1932. 8 августа.
24. Курская правда. 1937. 4 августа.
25. Курская правда. 1935. 1 июня.
26. ГАОПИКО. Ф. П-1324. Оп. 1. Д. 10.
27. История организации и управления железнодорожным транспортом России. Факты, события, люди: к 200-летию транспортного ведомства и образования на транспорте

России / под ред. А. А. Тимошина. М.: Учеб.-метод. центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2010. 465 с.

28. Рыжкин Г. Ливенская железная дорога. Ливны: [Б. и.], 2015. 28 с.

References

1. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuza. T. 2. 1917–1945 gg. [History of railway transport in Russia and the Soviet Union. Vol. 2. 1917–1945 gg.]; ed. by V. E. Pavlov, M. M. Uzdin. St. Petersburg, Moscow, Peterb. gos. un-t putej soobshch, 1997. 414 p.

2. RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii) [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, op. 100, d. 2834.

3. CA MPS (Central'nyj arhiv Ministerstva putej soobshcheniya SSSR) [Central Archive of the Ministry of Railways of the USSR], f. 1, op. 127, d. 418.

4. Vorolaj A., Mandrugina A., Margulis T. eds. Sovetskie zheleznodorozhniky [Soviet railway workers]. Moscow, Profizdat Publ., 1970. 352 p.

5. GAKO (Gos. arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-3322, op. 1, d. 91.

6. GAKO, f. R-3322, op. 1, d. 122.

7. GAKO, f. R-3322, op. 1, d. 114.

8. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. P-1, op. 1, d. 649.

9. Devis R. U., Hlevnyuk O. V. Otmena kartochnoj sistemy v SSSR v 1934–1935 gody [Cancellation of the card system in the USSR in 1934–1935]. *Otechestvennaya istoriya = Domestic History*, 1999, no. 5, pp. 88–89.

10. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 454.

11. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 374.

12. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 447.

13. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 156.

14. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 96.

15. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 110.

16. GAOPIKO, f. P-2160, op. 2, d. 207.

17. GAKO, f. R-3322, op. 1, d. 160.

18. GAOPIKO, f. P-79, op. 1, d. 506.

19. Hmelevskoj A. V. Industriya mody v povsednevnoj zhizni rossijskoj civilizacii XX veka (po materialam Kurskogo kraja). Diss. kand. ist. nauk [The fashion industry in the everyday life of the Russian civilization of the XX century (based on the materials of the Kursk Region). Cand. legal sci. diss.]. Kursk, 2016. 213 p.

20. Naselenie gorodov Kurskoj gubernii po perepisi 1920 i 1923 gg. Vyp. tretij [The population of the cities of Kursk province according to the census of 1920 and 1923. Issue three]. Kursk, Poligraf ob"edinenie GSNH, 1927. 135 p.

21. Predvaritel'nye itogi perepisi po Kurskoj gubernii [Preliminary results of the Kursk Province census]. Kursk, Kurskij gubernskij stat. otd., 1927. 48 p.

22. Korovin V. V., Golovin E. A., Hmelevskoj A. V. Otrazhenie social'nogo statusa grazhdanina v vospriyatii ego vneshnego oblika na fone transformacii gosudarstvennyh institutov

(po materialam povsednevnoj zhizni Kurskogo kraja v XX stoletii) [Reflection of the social status of a citizen in the perception of his appearance against the background of the transformation of state institutions (based on the materials of everyday life of the Kursk Region in the XX century)]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2017. 150 p.

23. *Kurskaya pravda* = *Kurskaya Pravda*, 1932, August 8.

24. *Kurskaya pravda* = *Kurskaya Pravda*, 1937, August 4.

25. *Kurskaya pravda* = *Kurskaya Pravda*, 1935, June 1.

26. GAOPIKO, f. P-1324, op. 1, d. 10.

27. Istoriya organizatsii i upravleniya zheleznodorozhnym transportom Rossii. Fakty, sobytiya, lyudi: k 200-letiyu transportnogo vedomstva i obrazovaniya na transporte Rossii [History of the organization and management of railway transport in Russia. Facts, events, people: to the 200th anniversary of the Transport Department and education in transport of Russia]; ed. by A. A. Timoshin. Moscow, Ucheb.-metod. centr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte, 2010. 465 p.

28. Ryzhkin G. Livenskaya zheleznaya doroga [Livenskaya Railway]. Livny, 2015. 28 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: vlavikor@yandex.ru

Vladimir V. Korovin, Dr. of Sci. (Historical), Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: vlavikor@yandex.ru

Коровин Роман Валерьевич, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Roman V. Korovin, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-177-191>

Динамика сети учебных заведений и контингента учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в первые послевоенные годы (1945–1947)

Д. Р. Хисамутдинов¹ ✉

¹Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, д. 19, г. Оренбург 460014, Российская Федерация

✉ e-mail: LexDH@mail.ru

Резюме

Актуальность изучения динамики сети учебных заведений и контингента учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в первые послевоенные годы имеет практическое и научно-познавательное значение, поскольку исследование указанной темы раскрывает региональный аспект развития системы профессионального образования, основной целью которой выступало массовое обеспечение народного хозяйства СССР квалифицированными рабочими кадрами в тяжелейший период восстановления и развития страны после окончания тотальной войны.

Цель исследования заключается в изучении динамики сети учебных заведений и контингента учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в первые послевоенные годы как научной проблемы.

Задачи вытекают из поставленной цели исследования и заключаются в системном анализе динамики сети учебных заведений и контингента учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в первые послевоенные годы.

Методология представленной работы базируется на следовании принципам историзма, системности и объективности. Кроме того, использовались специальные исторические методы: историко-сравнительный, историко-правовой.

Результаты. В первые послевоенные годы система государственных трудовых резервов стала одним из основных механизмов пополнения рабочего класса СССР, выпуск молодых рабочих из ремесленных училищ, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения имел государственное значение.

Вывод. В течение первых послевоенных лет сеть учебных заведений и контингент учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области имели положительную динамику. Значительно укрупнилось общее количество училищ и школ ФЗО, серьезно вырос общий контингент учащихся. В первую очередь происходило наращивание школ ФЗО, поскольку данный тип учебного заведения был рассчитан на массовую подготовку молодых рабочих кадров в сравнительно небольшие сроки – 6 месяцев. Распределение училищ и школ ФЗО по территории Чкаловской области происходило исходя их местоположения базового предприятия для учебных заведений.

Ключевые слова: трудовые резервы; ремесленные училища; железнодорожные училища; школы фабрично-заводского обучения; рабочий класс; послевоенное восстановление.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Хисамутдинов Д. Р. Динамика сети учебных заведений и контингента учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в первые послевоенные годы (1945–1947) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 177–191. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-177-191>.

Поступила в редакцию 14.12.2022

Принята к публикации 20.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Dynamics of the Network of Educational Institutions and the Contingent of Students of the System of State Labor Reserves of the Chkalov Region in the First Post-War Years (1945–1947)

Dinar R. Khisamutdinov¹ ✉

¹Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya Str., Orenburg 460000, Russian Federation

✉ e-mail: LexDH@mail.ru

Abstract

The relevance of studying the dynamics of the network of educational institutions and the contingent of students of the system of state labor reserves of the Chkalov region in the first post-war years has practical and scientific and cognitive significance, since the study of this topic reveals the regional aspect of the development of the vocational education system, the main purpose of which was the massive provision of the national economy of the USSR with qualified workers in the hardest period of recovery and development of the country after graduation total war.

The purpose of the study is to study the dynamics of the network of educational institutions and the contingent of students of the system of state labor reserves of the Chkalov region in the first post-war years as a scientific problem.

The objectives follow from the stated purpose of the study and consist in a systematic analysis of the dynamics of the network of educational institutions and the contingent of students of the system of state labor reserves of the Chkalov region in the first post-war years.

The methodology of the presented work is based on following the principles of historicism, consistency and objectivity. In addition, special historical methods were used: historical-comparative, historical-legal.

Results. In the first post-war years, the system of state labor reserves became one of the main mechanisms for replenishing the working class of the USSR, the graduation of young workers from colleges and schools of the Federal Law had state significance.

Conclusion. During the first post-war years, the network of educational institutions and the contingent of students of the system of state labor reserves of the Chkalov region had positive dynamics. The total number of colleges and schools of the Federal Law increased significantly, during the total number of students seriously increased from 7,564 people to 11,623 people. First of all, there was an increase in the number of schools of the Federal Law, since this type of educational institution was designed for mass training of young workers in a relatively short time – 6 months. The distribution of colleges and schools of the Federal Law on the territory of the Chkalov region was based on their location of the base enterprise for educational institutions. In total, in 1945–1947, 18,093 young workers were released by labor reserves to enterprises and construction sites of the Chkalov region.

Keywords: labor reserves; craft schools; railway schools; schools of factory training; working class; post-war restoration.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Khisamutdinov D. R. Dynamics of the Network of Educational Institutions and the Contingent of Students of the System of State Labor Reserves of the Chkalov Region in the First Post-War Years (1945–1947). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 177–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-177-191>.

Received 14.12.2022

Accepted 20.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Победоносное окончание Великой Отечественной войны ознаменовало новый этап в истории нашей страны. Совет-

скому народу требовалось, объединив усилия, возродить разрушенные территории, экономическую и промышленную базу, отстроить жилищный фонд. Ситуа-

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 177–191

ция осложнялась тем, что народ-победитель заплатил самую большую цену за освобождение своей территории, а также всей Европы от «коричневой чумы» нацистской Германии. За годы Великой Отечественной войны общее число людских потерь достигло 26,6 млн человек [1, с. 227]. Кроме того, гитлеровские оккупанты уничтожили 1710 городов и поселков городского типа, 31 850 промышленных предприятий, 91 тыс. км шоссе, 4100 железнодорожных станций, 65 тыс. км магистральных железнодорожных путей, 1876 совхозов и 98 тыс. колхозов. Белоруссия, Украина, Прибалтика, Западная часть РСФСР представляли собой выжженную землю и сплошные руины [2, с. 18, 19].

Вместе с тем процесс восстановления разрушенных районов СССР начался по ходу освобождения советских территорий от немецких войск. В период с 1943 по 1945 г. в освобожденных районах страны удалось возродить около 30% производственных мощностей промышленности [3, с. 21].

По объективным причинам основная работа по восстановлению СССР началась лишь после окончания Великой Отечественной войны. Однако в связи с колоссальными людскими потерями народное хозяйство Советского Союза столкнулось с острой проблемой нехватки рабочих кадров. Одним из основных источников пополнения квалифицированных рабочих кадров, а также рабочих кадров массовых профессий во время Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период являлась система государственных трудовых резервов.

Методология

Методологическая основа исследования была выбрана исходя из поставленной цели и задачи исследования. Принцип историзма позволил представить динамику развития сети учебных заведений и контингента учащихся системы государственных трудовых резервов

Чкаловской области в условиях первых послевоенных лет. Принцип системности позволяет рассмотреть учебные заведения системы государственных трудовых резервов Чкаловской области как составную часть государственных трудовых резервов СССР. Принцип объективности позволяет осветить материал беспристрастно, указывая на положительные и отрицательные черты государственных трудовых резервов Чкаловской области. Историко-правовой принцип способствовал анализу нормативной базы, историко-сравнительный позволил сопоставить динамику сети учебных заведений и контингента учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в первые послевоенные годы с 1945 по 1947 г.

Результаты и их обсуждение

Поскольку характер Великой Отечественной войны требовал постоянного напряжения усилий, как на фронте, так и в тылу, система государственных трудовых резервов в сжатые сроки обеспечивала массовую подготовку рабочих кадров. Так, например, в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО), изначально рассчитанных на полугодовой период обучения, с начала войны срок подготовки был сокращен до 2 – 3 месяцев, в ремесленных училищах (РУ) и железнодорожных училищах (ЖУ) – с 2 лет до 1 года [4, с. 128]. Кроме того, низкая квалификация мастеров производственного обучения, преподавателей и воспитателей, а также тяжелейшие производственные и жилищно-бытовые условия влияли на подготовку молодых рабочих. 29 августа 1945 г. было принято Постановление Народных Комиссаров СССР № 2217 «О мерах по улучшению учебно-воспитательной работы в ремесленных, железнодорожных училищах, в школах ФЗО», в котором отмечалось резкое снижение качества подготовки молодых рабочих кадров и ухудшение учебно-воспитательной рабо-

ты в учебных заведениях трудовых резервов во время войны [5, с. 64].

Государственное значение подготовки молодых рабочих в учебных заведениях трудовых резервов в послевоенный период было определено в Законе СССР от 18 марта 1946 г. «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 – 1950 гг.». В указанном нормативном правовом акте Верховный Совет СССР определил, что улучшение подготовки кадров для производства путем увеличения трудовых резервов и производственного обучения новых рабочих выступает в качестве одной из основных задач четвертого пятилетнего плана. Более того, планировалось в 1950 г. довести численность рабочих и служащих до 33,5 млн человек. При этом из системы государственных трудовых резервов за период с 1946 г. по 1950 г. должно было быть выпущено 4,5 млн молодых рабочих¹. Новый пятилетний план ставил перед Главным управлением трудовых резервов, в мае 1946 г. преобразованном в Министерство трудовых резервов, цель по увеличению ежегодной подготовки молодых рабочих до 1,2 млн человек к 1950 г. [6, с. 171]

С целью внесения качественных и количественных изменений в процесс подготовки молодых рабочих кадров 30 сентября 1946 г. Советом Министров СССР было принято Постановление «О мерах по улучшению подготовки трудовых резервов и увеличению количества рабочих, подготавливаемых в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО» [7, с. 341]. Фактически, указанное Постановление являлось вторым по значимости нормативным правовым актом, регулирующим деятельность системы государственных трудовых резервов после Указа Президиума Верховного Со-

вета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР»².

Во-первых, Постановлением устанавливался государственный план подготовки квалифицированных рабочих с 1946 по 1950 г. и их распределение по отраслям промышленности.

Во-вторых, определялся новый перечень профессий для подготовки в учебных заведениях. В сумме ремесленные, железнодорожные, ремесленные художественные училища, а также школы фабрично-заводского обучения начали проводить подготовку 211 специальностей (94 – в РУ и ЖУ, 22 – в РХУ, 95 – в школах ФЗО).

В-третьих, закреплялась обязанность базовых предприятий истроек обеспечивать свои подшефные учреждения топливом, оборудованием, инструментами и материалами для производственного обучения.

В-четвертых, в связи с планами по укрупнению сети учебных заведений и увеличению контингента учащихся здания, используемые для других целей, но ранее принадлежащие училищам и школам ФЗО, а также их общежитиям, должны были быть возвращены обратно. Так, например, в течение 1946 г. Министерство здравоохранения СССР обязано было возвратить помещения госпиталей по мере их расформирования на баланс Министерства трудовых резервов.

В-пятых, была повышена верхняя граница призывного возраста призывников, годных по состоянию здоровья к выполнению подземных работ в угольной и горнорудной промышленности, а также для тяжелых профессий: сталеваров, вальцовщиков, бурильщиков металлургической и нефтяной промышленности. Так, в школы ФЗО к подготовке вышеуказанных профессий призывали молодежь мужского пола в возрасте 18 – 19 лет, в РУ – в возрасте 17 лет. Таким обра-

¹ Закон от 18 марта 1946 г. «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР 1946 – 1950 гг.» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 11.

² Указ от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 37.

зом, призывной возраст для РУ и ЖУ составил 14 – 17 лет, для школ ФЗО – 16–19 лет.

В-шестых, был предпринят ряд мер по закреплению на предприятиях и стройках выпускников учебных заведений системы трудовых резервов. Так, руководству предприятий запрещалось понижать квалификацию молодых рабочих, а также обязывалось предоставлять работу в соответствии с полученной профессией, предоставлять благоустроенные и оборудованные общежития и т. д.

Таким образом, рассматриваемое постановление закрепляло широкий комплекс мер, направленных на улучшение

подготовки молодых рабочих кадров в системе государственных трудовых резервов в соответствии с потребностями послевоенного развития страны.

За годы Великой Отечественной войны значение Чкаловской области как промышленно-развитого уральского региона сильно возросло. Так, в 1940 г. на территории области размещалось 18 заводов всесоюзного значения, а к концу войны их насчитывалось 74 [8, с. 104]. В этой связи подготовка квалифицированных рабочих кадров для промышленных предприятий области имела первостепенное значение (табл. 1).

Таблица 1. Динамика сети учебных заведений и контингента учащихся [9, л. 2; 10, л. 1; 11, л. 156 – 161]

Table 1. Dynamics of the network of educational institutions and the contingent of students [9, л. 2; 10, л. 1; 11, л. 156 – 161]

Наименование учебного заведения Name of the educational institution	01.01.1946 г.		01.01.1947 г.		01.01.1948 г.	
	Кол-во учеб. единиц Number of schools	Кол-во учащихся Number of students	Кол-во учеб. единиц Number of schools	Кол-во учащихся Number of students	Кол-во учеб. единиц Number of schools	Кол-во учащихся Number of students
РУ Vocational schools	14	3815	14	5053	15	5589
ЖУ Railway schools	6	1830	6	2308	6	2538
Школы ФЗО Factory training schools	12	1919	16	3205	19	3496
Всего Total	32	7564	36	10 566	40	11 623

Во время Великой отечественной войны на территории Чкаловской области происходило укрупнение и увеличение контингента школ и училищ трудовых резервов. В первую очередь этому способствовала эвакуация промышленного потенциала Советского Союза на Урал [12, с. 82]. К концу войны на территории Чкаловской области функционировало 38 учебных заведений системы трудовых

резервов, среди них: 13 РУ, 8 ЖУ, 17 школ ФЗО с общим контингентом учащихся – 8463 человека [13, с. 49]. Вместе с тем, с мая по декабрь 1945 г. общее количество учебных заведений было сокращено на 6 учебных единиц, а контингент учащихся уменьшился на 899 человек. Немаловажно отметить, что сократилось количество ЖУ на 2 единицы и

школ ФЗО на 5 единиц, а количество РУ, наоборот, выросло, на 1 единицу.

В этой связи возникает вопрос, в чем заключается причина сокращения сети учебных заведений системы трудовых резервов Чкаловской области в течение 1945 г. Во-первых, уже в 1945 г. в учебных заведениях Чкаловской области произошло сокращение числа подготавливаемых профессий: в РУ – с 47 до 27, в ЖУ – с 24 до 10, в школах ФЗО – с 43 до 25 [14, л. 151]. Во-вторых, в связи с изменениями профилей подготовки, а также потребности производства в мирное время в первые послевоенные годы достаточно часто реорганизовывались учебные заведения.

Кроме того, с нового 1945/1946 учебного года все училища перешли на учебные планы с 6 и 7-часовым рабочим днем для учащихся. Согласно распоряжению Главного управления трудовых резервов № 237-15 от 25 сентября 1945 г. в новых учебных планах предусмотрены каникулы от производственного обучения 1 месяц и перерыв от теоретических занятий в 2 месяца [14, л. 150].

В течение 1946 г. сеть учебных единиц по области возросла за счет вновь организованных четырех школ ФЗО, а именно: школы ФЗО № 3 в г. Орске на базе завода № 322 Министерства Сельхозмашиностроения; школы ФЗО № 4 в г. Чкалове – на базе Шелкокомбината Министерства текстильной промышленности; школы ФЗО № 8 в г. Новотроицке – на базе Орскметаллургстроя Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии; школы ФЗО № 10 в г. Орске – на базе 7-го Стройучастка Министерства путей сообщения [9, л. 2].

Сеть учебных единиц по Чкаловской области возросла за счет вновь организованных в 1947 г. одного специального ремесленного училища и трех школ ФЗО [10, л. 1].

К 1 января 1947 г., т. е. в течение 1946 г., численность контингента учащихся достигла 10 566 человек, что на

3002 человека, или 39,6%, больше показателей контингента, достигнутых к 1 января 1946 г. Несмотря на то, что сеть училищ в течение года не изменилась, контингент учащихся значительно вырос. В течение 1946 г. количество учащихся РУ выросло с 3815 человек до 5053 человек, рост составил 1238 человек, или 32,4%; количество учащихся ЖУ выросло с 1830 человек до 2308 человек, рост составил 478 человек, или 26,1%.

Вместе с ростом числа школ ФЗО также значительно увеличился и их контингент. Так, сеть школ ФЗО выросла с 12 до 16 единиц, или на 33,3%, количество учащихся выросло с 1919 человек до 3205 человек, рост составил 1286 человек, или 67,0%.

В дальнейшем, в течение 1947 г. сеть учебных заведений и контингент учащихся системы трудовых резервов значительно увеличивались. Общее число учебных заведений к 1 января 1948 г. достигло 40 единиц, что на 4 единицы, или 11,1%, больше, чем на 1 января 1947 г. (36 единиц), и на 8 единиц, или 25%, больше, чем на 1 января 1946 г. (32 единицы). Общий контингент учащихся составил 11 623 человек, что на 1057 человек, или 10,0%, больше показателей контингента на 1 января 1947 г. и на 4059, или 53,6%, больше показателей на 1 января 1946 г.

Число РУ достигло 15 единиц, что на 1 единицу, или 7,1%, больше, чем число РУ к 1 января 1946/1947 гг. (14 единиц), а контингент учащихся составил 5589 человек, что на 536 человек, или 10,6%, больше показателей контингента на 1 января 1947 г. и на 1774, или 46,5%, больше показателей на 1 января 1946 г. Сеть ЖУ за год не изменилась, однако контингент учащихся вырос до 2538 человек, что на 230, или на 9,9%, больше показателей контингента на 1 января 1947 г. и на 708 человек, или 38,6%, больше показателей на 1 января 1946 г.

Кроме того, сеть школ ФЗО достигла 19 единиц, что на 3 единицы, или 18,75%,

больше, чем число школ ФЗО к 1 января 1947 г. (16 единиц), и на 7 единиц, или 58,3%, чем на 1 января 1946 г. Контингент учащихся составил 3496 человек, что на 291 человек, или 9,0%, больше показателей контингента на 1 января 1947 г. и на 1577, или 82,1%, больше показателей на 1 января 1946 г.

Таким образом, в течение первых послевоенных лет в системе государственных трудовых резервов Чкаловской области произошло значительное укрупнение сети учебных заведений и повышение контингента учащихся. Особенно сильно рост прослеживается в сравнении показателей по итогам 1945 и 1947 гг. Сильнее всего выросла сеть школ ФЗО, поскольку они позволили в короткий срок (за 6 месяцев), обучить и передать на предприятия и стройки страны огромное количество молодых рабочих массовых профессий.

Распределение сети учебных заведений по территории Чкаловской области выстраивалось исходя из местоположения базового предприятия для училищ и школ ФЗО. Кроме того, каждое учебное заведение готовило квалифицированные кадры исходя из государственного плана для конкретных предприятий того или иного министерства.

Ремесленные училища Чкаловской области в 1947 г. располагались и готовили рабочие кадры в следующие министерства: РУ № 1 – Орск (Министерство цветной металлургии); РУ № 2 – Бугуруслан (Министерство нефтяной промышленности); РУ № 3 – Чкалов (Министерство станкостроения); РУ № 4 – Медногорск (Министерство цветной металлургии); РУ № 5 – Бузулук (Министерство тяжелого машиностроения); РУ № 6 – Чкалов (Министерство сельскохозяйственного машиностроения); РУ № 7 – Медногорск (Министерство электротехнической промышленности); РУ № 8 –

Саракташ (Министерство станкостроения); РУ № 9 – Чкалов (Министерство связи); РУ № 10 – Новотроицк (Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности); РУ № 11 – Соль-Илецк (Министерство сельского хозяйства); РУ № 12 – Орск (Министерство электростанций); РУ № 13 – Орск (Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности); РУ № 14 – Чкалов (Министерство авиационной промышленности); РУ № 16 – Бузулук (Министерство сельского хозяйства) [15, л. 95–95 об.].

Железнодорожные училища Чкаловской области готовили рабочие кадры исключительно для Министерства путей сообщения и располагались следующим образом: ЖУ № 1 – Чкалов; ЖУ № 2 – Абдулино; ЖУ № 3 – Новосергеевка; ЖУ № 4 – Чкалов; ЖУ № 5 – Бузулук; ЖУ № 6 – Орск [15, л. 95].

Школы фабрично-заводского обучения Чкаловской области в 1947 г. располагались и готовили рабочие кадры для следующих министерств: школа ФЗО № 1 – Орск (Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности); школа ФЗО № 2 – Домбаровка (Министерство местной топливной промышленности); школа ФЗО № 3 – Орск (Министерство сельскохозяйственного машиностроения); школа ФЗО № 4 – Чкалов (Министерство текстильной промышленности); школа ФЗО № 5 – Орск (Министерство сельскохозяйственного машиностроения); школа ФЗО № 6 – Орск (Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности); школа ФЗО № 7 – Чкалов (Министерство промышленности строительных материалов); школа ФЗО № 8 – Новотроицк (Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности); школа ФЗО № 9 – Новотроицк (Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности); школа ФЗО № 10 –

Орск (Министерство путей сообщения); школа ФЗО № 11 – Новотроицк (Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии); школа ФЗО № 12 – Аккермановка (Министерство цветной металлургии); школа ФЗО № 16 – Новотроицк (Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии); школа ФЗО № 17 – Чкалов (Министерство путей сообщения); школа ФЗО № 19 – Бугуруслан (Министерство нефтяной промышленности); школа ФЗО № 22 – Медногорск (Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии); школа ФЗО № 23 – Орск (Министерство тяжелого машиностроения); школа ФЗО № 24 – Орск (Министерство нефтяной промышленности); школа ФЗО № 25 – Орск (Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии) [15, л. 96–96 об.].

Анализ территориального расположения РУ, ЖУ, школ ФЗО позволяет сделать вывод, что большинство учебных заведений было расположено в г. Орске – 12 единиц, или 30% от общего числа учебных заведений (3 РУ, 1 ЖУ, 8 школ ФЗО). На втором месте г. Чкалов – 8 единиц, или 20% от общего числа учебных заведений (4 РУ, 2 ЖУ, 2 школы ФЗО); на третьем месте г. Новотроицк – 5 единиц, или 12,5% от общего числа учебных заведений (1 РУ, 4 школы ФЗО). Вместе с тем наибольшее число училищ находилось в г. Чкалове – 6 единиц, или 28,5% от числа училищ, на втором месте г. Орск – 4 единицы, или 19% от числа училищ, на третьем месте г. Бузулук – 3 единицы, или 14,2% от общего числа училищ. Большая часть школ ФЗО располагалась в г. Орске – 8 единиц, или 42,1% от числа школ, на втором месте г. Новотроицк – 4 единицы, или 21,0% от числа школ, и на третьем месте г. Чкалов – 2 единицы, или 10,5% от числа школ.

Большинство учебных заведений осуществляли подготовку кадров для

Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии – 10 единиц, или 25% от общего числа учебных заведений (2 РУ, 8 школ ФЗО). Подобный перекося в сторону Минтяжстроя СССР объясняется обязанностями, которые были возложены на указанное министерство. Помимо осуществления планирования, контроля и управления строительством предприятий тяжелой индустрии, оно также руководило и восстановлением большинства разрушенных предприятий тяжелой индустрии. Поскольку для восстановления разрушенных предприятий требовалось огромное количество рабочих кадров, их подготовку проводили школы ФЗО, способные в короткие сроки насытить предприятия и стройки рабочими массовых профессий. Также большое число учебных заведений осуществляли подготовку для Министерства путей сообщения – 8 единиц, или 20% от общего числа учебных заведений (6 ЖУ, 2 школы ФЗО).

Подготовка рабочих кадров для промышленности, строек и транспорта через систему государственных трудовых резервов имела исключительно важное значение, поскольку система трудовых резервов в первые послевоенные годы стала важнейшим механизмом, через который массово шло пополнение квалифицированных рабочих [16, л. 51].

За 6 лет существования трудовых резервов с 1940 по 1946 г. в Чкаловской области было подготовлено квалифицированных кадров и передано промышленности и железнодорожному транспорту 53 194 человека, в том числе из ЖУ – 7842 человека, РУ – 15 871 человек, школ ФЗО – 35 082 человека [17, л. 19].

В течение 1947 г. из учебных заведений системы государственных трудовых резервов Чкаловской области на предприятия, стройки и транспорт было передано 7965 человек (табл. 2).

Таблица 2. Передача молодых рабочих, выпущенных из школ ФЗО и училищ Чкаловской области в 1947 г., на предприятия в разрезе министерств [18, л. 140; 19, л. 37]**Table 2.** Transfer of young workers released from schools of the Federal Law and colleges of the Chkalov region in 1947 to enterprises in the context of ministries [18, л. 140; 19, л. 37]

Министерство Ministry	III-1947 из шк. ФЗО Factory training schools	VI-1947 из шк. ФЗО Factory training schools	X-1947 из шк. ФЗО Factory training schools	III кв. 1947 из РУ Vocational schools	Дополн. из РУ и ЖУ Vocational and railway schools	Всего Total
Путей сообщения Ministry of railways	164	151	170	800	51	1336
Сельхозмашиностроения Ministry of agricultural engineering	217	127	165	68	—	577
Нефтяной промышленно- сти восточных районов Ministry of oil industry of the eastern regions	346	—	304	145	—	795
Строительные предприя- тия тяжелой индустрии Ministry of construction of heavy industry enterprises	864	240	860	377	19	2360
Местной топливной про- мышленности Ministry of local fuel indus- try	85	13	63	—	—	161
Цветной металлургии Ministry of non-ferrous met- allurgy	23	61	—	270	18	372
Черной металлургии Ministry of ferrous metallur- gy	93	24	125	—	—	242
Военно-морского строи- тельства Ministry of naval construc- tion	44	—	—	—	—	44
Тяжелого машиностроения Ministry of heavy engineer- ing	180	—	157	354	11	702
Текстильной промышлен- ности Ministry of textile industry	—	151	149	—	—	300
Материальных резервов Ministry of material reserves	—	25	—	—	—	25

Окончание табл. 2

Table (ending)

Министерство Ministry	III-1947 из шк. ФЗО factory training schools	VI-1947 из шк. ФЗО factory training schools	X-1947 из шк. ФЗО factory training schools	III кв. 1947 из РУ vocational schools	Дополн. из РУ и ЖУ vocational and railway schools	Всего Total
Транспортного машино- строения Ministry of transport engi- neering	—	—	46	60	—	106
Электропромышленности Ministry of electrical indus- try	—	—	7	254	37	298
Станкостроительной про- мышленности Ministry of machine tool in- dustry	—	—	—	180	10	190
Коммунального хозяйства Ministry of public utilities	—	—	—	24	—	24
Авиационной промыш- ленности Ministry of aviation industry	—	—	—	129	—	129
Совхозов Ministry of state farms	—	—	—	24	—	24
Связи Ministry of communications	—	—	—	68	—	68
Электростанций Ministry of power plants	—	—	—	68	—	68
Сельского хозяйства Ministry of agriculture	—	—	—	101	30	131
Вооруженных сил Ministry of the armed forces	—	—	—	3	—	3
Трудовых резервов Ministry of labor reserves	—	—	—	2	—	2
Автотранспорта Ministry of motor transport	—	—	—	8	—	8
ИТОГО Total	2016	792	2046	2935	176	7965

Из числа окончивших училища и школы ФЗО большинство учащихся были переданы на предприятия Министерства строительных предприятий тяжелой индустрии – 2360 человек, или 29,6% от общего числа молодых рабочих. В течение 1947 г. 8 школ ФЗО подготовили для указанного министерства 1964 квалифи-

цированных рабочих, училища выпустили 377 человек. Также значительное число рабочих было подготовлено для Министерства путей сообщения – 1336 человек, или 16,7% от общего числа молодых рабочих. Большинство рабочих было выпущено из 6 ЖУ – 800 человек, 2 школы ФЗО подготовили 485 человек.

Для Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР было подготовлено 795 человек, или 9,9% от общего числа молодых рабочих; для Министерства тяжелого машиностроения – 702 человека, или 8,8%; для Министерства сельхозмашиностроения – 577 человек, или 7,2%; для Министерства цветной металлургии – 372 человека, или 4,6%; для Министерства текстильной промышленности – 300 человек, или 3,77%; для Министерства электропромышленности – 298 человек или 3,74%; для Министерства черной металлургии – 242 человека, или 3,04%; для Министерства станкостроительной промышленности – 190 человек, или 2,3%; для Министерства местной топливной промышленности – 161 человек, или 2,02%; для Министерства сельского хозяйства – 131 человек, или 1,64%; для Министерства авиационной промышленности – 129 человек, или 1,62%; для Министерства транспортного машиностроения – 106 человек, или 1,33%; для Министерства связи – 68 че-

ловек, или 0,85%; для Министерства электростанций – 68 человек, или 0,85%; для Министерства военно-морского строительства – 44 человека, или 0,55%; для Министерства материальных резервов – 25 человек, или 0,31%; для Министерства коммунального хозяйства – 24 человека, или 0,3%; для Министерства совхозов – 24 человека, или 0,3%; для Министерства автотранспорта – 8 человек, или 0,1%; для Министерства вооруженных сил – 3 человека, или 0,04%; для Министерства трудовых резервов – 2 человека, или 0,03%.

Основная задача системы государственных трудовых резервов заключалась в подготовке и передаче квалифицированных рабочих кадров на нужды народного хозяйства. Так, в период с 1945 по 1947 г. Чкаловское областное управление Министерства трудовых резервов передало на предприятия, стройки и транспорт 18 093 молодых рабочих, окончивших школы ФЗО, ЖУ и РУ (табл. 3).

Таблица 3. Выпуск молодых рабочих из учебных заведений системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в 1945 – 1947 гг. [9, л. 5; 20, л. 100]

Table 3. Graduation of young workers from educational institutions of the system of state labor reserves of the Chkalov region in 1945 – 1947 [9, л. 5; 20, л. 100]

Год Year	РУ и ЖУ Vocational and railway schools			Школы ФЗО Factory training schools			Всего Total		
	план plan	выполн. implement ation	процент percent	план plan	выполн. implement ation	процент percent	план plan	выполн. implement ation	про- цент percent
1945	3695	3816	103,3	3020	2800	92,7	6715	6616	98,5
1946	1660	1701	102,5	1810	1812	100,0	3470	3512	101,2
1947	3160	3111	99,4	5430	4854	89,0	8590	7965	92,7

За 1945 г. из системы трудовых резервов Чкаловской области было выпущено и передано на предприятия 6616 молодых рабочих при плане 6715 рабочих, или же 98,5% к плановому заданию. Вместе с тем училищами государственный план был перевыполнен и при плане

3695 человек было выпущено 3816 человек, или 103,3%. Недовыполнение госплана связано с недостаточным выпуском из школ ФЗО – 2800 человек, или 92,7% от плана.

В 1946 г. учебные заведения системы государственных трудовых резервов Чка-

ловской области выпустили 3512 человек, что составляет 101,2% от плана в 3470 человек. Училища и школы ФЗО смогли перевыполнить государственное задание по выпуску молодых рабочих. Училищами было выпущено 1701 человек, или 102,5%, при плане 1660 человек, школами ФЗО было выпущено 1812 человек, или 100,0%, при плане 1810 человек.

В 1947 г. трудовыми резервами вместо установленных госпланом 8590 человек было подготовлено 7965 человек, или 92,7%, из которых училищами было выпущено 3111 человек, или 99,4% от плана, школами ФЗО выпущено 4854 человек, или 89,0% от плана. Несмотря на то, что в 1947 г. было подготовлено в училищах и школах ФЗО Чкаловской области и направлено на предприятия и стройки 7965 молодых рабочих, что составляет 126,7% к числу рабочих, подготовленных и выпущенных ими в 1946 г., в целом по Областному управлению установленный Министерством трудовых резервов план подготовки квалифицированных рабочих для народного хозяйства за 1947 г. оказался невыполненным на 7,3%.

Вместе с тем система государственных трудовых резервов Чкаловской области обеспечивала региональные предприятия значительным количеством квалифицированных кадров. В общей сложности за 1947 г. на предприятия Чкаловской области было принято 30 335 человек, из них 6784 человека, или 22,3%, являлись выпускниками РУ, ЖУ, школ ФЗО Чкаловской области.

Выводы

Таким образом, в течение первых послевоенных лет сеть учебных заведений и контингент учащихся системы государственных трудовых резервов Чкаловской области имели положительную динамику. Значительно выросло общее количество училищ и школ ФЗО – с 32 единиц к 1 января 1946 г. до 40 единиц к 1 января

1948 г. За тот же период серьезно вырос общий контингент учащихся с 7564 человек до 11 623 человек.

В первую очередь происходило наращивание школ ФЗО, поскольку данный тип учебного заведения был рассчитан на массовую подготовку молодых рабочих кадров в сравнительно небольшие сроки – 6 месяцев. Если за первые три послевоенных года число училищ выросло на 1 единицу, то число школ ФЗО выросло на 7 единиц.

Распределение училищ и школ ФЗО по территории Чкаловской области происходило исходя из местоположения базового предприятия для учебных заведений. Поскольку Орск являлся наиболее промышленно-развитым городом Чкаловской области, большая часть учебных заведений, в первую очередь школ ФЗО, к 1 января 1948 г. были расположены в нем (всего 12 единиц, среди которых 8 школ ФЗО и 4 училища). В Чкалове, как в областном центре, в первую очередь располагались училища, являющиеся более престижным типом учебного заведения (всего 8 единиц, среди них 2 школы ФЗО и 6 училищ).

Поскольку система государственных трудовых резервов в первые послевоенные годы стала одним из основных механизмов пополнения рабочего класса СССР, выпуск молодых рабочих из училищ и школ ФЗО имел государственное значение. Всего в 1945–1947 гг. на предприятия и стройки Чкаловской области трудовыми резервами было выпущено 18 093 молодых рабочих. Большинство выпускников оканчивали школы ФЗО и училища и централизованно направлялись на предприятия Министерства строительных предприятий тяжелой индустрии, Министерства путей сообщения, Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР, Министерства тяжелого машиностроения и т. д.

Список литературы

1. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил : стат. исслед. / [Г. Ф. Кривошеев и др.]; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.
2. История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 4: Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945–1960 гг. / [В. Б. Тельпуховский и др.]; редкол.: В. Б. Тельпуховский (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1987. 519 с.
3. Развитие советской экономики: [стат. материалы] / сост. науч. сотрудник Кабинета соц.-эконом. наук Д. Г. Кузьменко; под ред. д-ра эконом. наук проф. Л. М. Гатовского; Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б). М.: Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1946. 166 с.
4. Павленко Г. К. Трудовые резервы – резервы тыла в годы Великой Отечественной войны // Инновационное развитие профессионального образования. 2019. № 2 (22). С. 125–131.
5. Выйкин Н. А. Исторический опыт регулирования советским государством развития системы начального профессионального образования в 1940–1990-х годах // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 62–71.
6. Хисамутдинова Р. Р., Хисамутдинов Д. Р. Реализация государственной политики призыва молодежи в систему трудовых резервов в период четвертой пятилетки на территории Урала (1946–1950 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 1 (41). С. 168–184.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сб. док. за 50 лет. Т. 3: 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 754 с.
8. Федорова А. В. Промышленное развитие Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 99–105.
9. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 2458. Оп. 1. Д. 22.
10. ОГАОО. Ф. 2458. Оп. 1. Д. 27.
11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9507. Оп. 2. Д. 452.
12. Хисамутдинов Д. Р. Учебные заведения системы Государственных трудовых резервов в 1946 г. на Южном Урале: призыв, сеть и контингент, выпуск учащихся // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. 2022. № 2. С. 78–88.
13. Хисамутдинов Р. Р. Создание системы государственных трудовых резервов и ее развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале (1940–1945 гг.): монография. Оренбург: Оренбург. гос. ун-т, 2004. 177 с.
14. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 477.
15. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 12. Д. 914.
16. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 478.
17. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 441.
18. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 597.
19. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 211.
20. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 13. Д. 910.

References

1. Krivosheev G. F., eds. Rossiya i SSSR v voynah XX veka. Poteri vooruzhennyh sil. Stat. issled. [Russia and the USSR in the wars of the XX century. Losses of the armed forces]; ed. by G. F. Krivosheev. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2001. 607 p.
2. Tel'puhovskij V. B., eds. Istoriya sovetskogo rabocheho klassa. T. 4. Rabochij klass SSSR v gody uprocheniya i razvitiya socialisticheskogo obshchestva, 1945–1960 gg. [History of the Soviet working class. Vol. 4. The working class of the USSR in the years of consolidation and development of socialist society, 1945–1960]; ed. by V. B. Tel'puhovskij (otv. red.), eds. Moscow, Nauka Publ., 1987. 519 p.
3. Razvitie sovetskoj ekonomiki. Stat. materialy [Development of the Soviet economy. Stat. materials]; ed. by D. G. Kuz'menko, L. M. Gatovskii. Moscow, Tip. Vyssh. part. shkoly pri CK VKP(b) Publ., 1946. 166 p.
4. Pavlenko G. K. Trudovye rezervy – rezervy tyła v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Labor reserves – reserves of the rear during the Great Patriotic War]. *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya = Innovative development of vocational education*, 2019, no. 2 (22), pp. 125–131.
5. Vyjkin N. A. Istoricheskij opyt regulirovaniya sovetskim gosudarstvom razvitiya sistemy nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya v 1940–1990-h godah [Historical experience of regulation by the Soviet state of the development of the primary vocational education system in the 1940s–1990s]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*, 2017, no. 4, pp. 62–71.
6. Hisamutdinova R. R., Hisamutdinov D. R. Realizaciya gosudarstvennoj politiki prizyva molodezhi v sistemu trudovyh rezervov v period chetvertoj pyatiletki na territorii Urala (1946–1950 gg.) [Implementation of the state policy of conscription of young people into the system of labor reserves during the fourth five-year plan on the territory of the Urals (1946–1950)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*, 2022, no. 1 (41), pp. 168–184.
7. Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. Sb. dok. za 50 let. T. 3. 1941–1952 gg. [Decisions of the Party and the government on economic issues. Collection of doc. for 50 years. Vol. 3. 1941–1952]; ed. by K. U. Chernenko, M. S. Smirtyukov. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 754 p.
8. Fedorova A. V. Promyshlennoe razvitie Chkalovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Industrial development of the Chkalov region during the Great Patriotic War]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2014, no. 1, pp. 99–105.
9. OGAOO (Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti) [United State Archive of the Orenburg Region], f. 2458, op. 1, d. 22.
10. OGAOO, f. 2458, op. 1, d. 27.
11. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 9507, op. 2, d. 452.
12. Hisamutdinov D. R. Uchebnye zavedeniya sistemy Gosudarstvennyh trudovyh rezervov v 1946 g. na Yuzhnom Urale: prizyv, set' i kontingent, vypusk uchashchihsya [Educational institutions of the system of State labor reserves in 1946 in the Southern Urals: conscription, network and contingent, graduation of students]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov Echo of centuries = Gasyrlar avazy – Echo of centuries Echo of centuries*, 2022, no. 2, pp. 78–88.
13. Hisamutdinov R. R. Sozdanie sistemy gosudarstvennyh trudovyh rezervov i ee razvitie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny na Yuzhnom Urale (1940–1945 gg.) [Creation of the system

of state labor reserves and its development during the Great Patriotic War in the Southern Urals (1940–1945)]. Orenburg, Orenburg, St. Univ. Publ., 2004. 177 p.

14. OGAAO, f. 371, op. 10, d. 477.

15. OGAAO, f. 371, op. 12, d. 914.

16. OGAAO, f. 371, op. 10, d. 478.

17. OGAAO, f. 371, op. 10, d. 441.

18. OGAAO, f. 371, op. 11, d. 597.

19. OGAAO, f. 371, op. 11, d. 211.

20. OGAAO, f. 371, op. 13, d. 910.

Информация об авторе / Information about the Author

Хисамутдинов Динар Рамилевич, аспирант исторического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: LexDH@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7622-2801

Dinar R. Khisamutdinov, Post-Graduate Student of the Faculty of History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: LexDH@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7622-2801

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-192-200>

Реализация задач инструкторского аппарата в системе образования в России 1919–1921 годов (на примере Курской губернии)

М. В. Соловьянова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: solo_sks@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи вытекает из важности исследования задач инструкторского аппарата в системе образования в России 1919–1921 годов, которые исследованы недостаточно глубоко. Исследование темы позволило, с одной стороны, выделить общегосударственные задачи, с другой – рассмотреть те из них, которые решались на уровне региона. Помимо теоретической значимости, статья актуальна с практической точки зрения, так как реформирование системы образования в России продолжается и опыт работы инструкторского аппарата вековой давности может быть созидательно использован.

Целью статьи является определение задач инструкторским аппаратом школ в 1919–1921 годах в России на примере Курской губернии.

Задачи исследования определяются поставленной целью и состоят в том, чтобы: определить особенности формирования инструкторского аппарата школ в первые годы советской власти; проанализировать задачи, поставленные перед инструкторами; выделить общегосударственные и «местные» направления работы инструкторов.

Методология статьи базируется на принципах историзма, объективности и системности, благодаря которым задачи инструкторского аппарата в системе образования в России 1919–1921 годов получили свое объемное, глубокое освещение.

Результаты. После установления советской власти указания и директивы новой власти требовали активной разъяснительной работы, которую осуществлял инструкторский аппарат. Деятельность инструкторов носила идеологический и контролирующий характер, обеспечивая власти внедрение социалистических принципов.

Выводы. Особенностью инструкторского аппарата являлась его контролирующая систему образования деятельность. Инструкторы контролировали работу всех образовательных учреждений и занимались разъяснительной работой, направленной на создание трудовой школы. В Курской губернии инструкторы решали указанные выше задачи, в большинстве случаев действовали согласно спущенным сверху инструкциям. Вмешательство в учебный процесс инструкторов нередко сковывало инициативу творчески работающих учителей, что не позволяло в полной мере раскрыться способностям учащихся.

Ключевые слова: система просвещения; трудовая школа; советская власть; инструкторский аппарат; коллегия инструкторов.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Соловьянова М. В. Реализация задач инструкторского аппарата в системе образования в России 1919–1921 годов (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 192–200. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-192-200>.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Принята к публикации 26.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Implementation of the Tasks of the Instructor Apparatus in the Education System in Russia 1919-1921 (on the Example of Kursk Province)

Marina V. Solovyanova¹ ✉

¹Southwest State University,
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: solo_sks@mail.ru

Abstract

The relevance of the article stems from the importance of studying the tasks of the instructor's apparatus in the system of education in Russia 1919-1921. which have not been examined in sufficient depth. The author's coverage of the problem was based on the materials of the State Archive of the Kursk region, which allowed, on the one hand, to highlight the national tasks, on the other, to consider those that were solved at the regional level. In addition to the theoretical significance, the article is relevant from a practical point of view, since the reform of the education system in Russia is ongoing, and the experience of the instructor's apparatus centuries ago can be used creatively.

The article is purpose at determining the tasks by the instructor's apparatus of schools in 1919 - 1921 in Russia on the example of the Kursk province.

The objectives of the study are defined by the goal and are to: to determine the features of the training staff of schools in the first years of the Soviet power; to analyze tasks assigned to the instructors; to allocate national and "local" train the trainer areas.

The methodology of the article is based on the principles of historicism, objectivity and system, due to which the tasks of the instructor's apparatus in the system of education in Russia 1919-1921 got their own voluminous, deep lighting.

Result. After the establishment of Soviet power in Russia, a new system of education is formed. The instructions and directives of the new authorities required extensive outreach by the instructor. The activity of the instructors was ideological, providing the state authority with the introduction of the principles of building socialism.

Conclusions. The study showed that the instructor's peculiarity was his supervisory system of education activities. The instructors supervised the work of all educational institutions in Russia, in addition to the instructors' task was educational work aimed at the establishment of a socialist school, deepening of labor education, inclusion of the younger generation in the building of a just socialist society. In the Kursk Governorate, which was a typical territory of Central Russia, instructors solved the above-mentioned tasks, in most cases they acted according to instructions issued from above, few of the instructors showed initiative. The instructor assigned to each county carried out the tasks of organizing Soviet education in accordance with the normative documents of the state authority. Interference in the teaching process by instructors often stifled the initiative of creative teachers and prevented students from realizing their full potential.

Keywords: education system; labour school; Soviet authorities; instructor's apparatus; collegium of instructors.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Solovyanova M. V. Implementation of the Tasks of the Instructor Apparatus in the Education System in Russia 1919-1921 (on the Example of Kursk Province). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 192–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-192-200>.

Received 16.12.2022

Accepted 26.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

С приходом советской власти в системе просвещения политика, направленная на создание трудовой школы, проводилась при помощи разъяснительной и контролирующей деятельности. В. И. Ле-

нин отмечал, что без учета и контроля переход к социализму невозможен [20, с. 195–205]. С 1919 г. в системе просвещения формируется контролирующий орган – аппарат инструкторов. Деятельность инструктора регулировалась сле-

дующими документами: «Инструкция для школьного инструктора Народного комиссариата просвещения», Постановление «О правильной постановке школьно-инструкторского дела», опубликованными в этом же году [1, с. 171–176]. Таким образом, к появлению советской системы инспектирования инструкторский аппарат имел юридическое оформление и повсеместно проводил государственную линию народного трудового образования.

Инструкторы не являлись должностными лицами, в отличие от инспекторов, которые активно осуществляли свою деятельность с 1921 г. [3, с. 17]

Отмечая в Программе VIII съезда партии 1919 г. равенство в получении образования, советская власть массово формировала социалистическое мировоззрение будущих граждан контролирующими органами. Обучаясь в институте инструкторов-организаторов, а также на различных курсах по повышению профессионального опыта, многие инструкторы имели достаточно высокую квалификацию.

Контролируя всю деятельность образовательного учреждения, инструкторы в первую очередь должны были являться хорошими методистами. Учебный процесс в сочетании с трудовой деятельностью должен был отражать главную роль партии. В Курской губернии созданный в 1919 г. инструкторский аппарат контролировал в школах весь учебный и воспитательный процесс. Организация образования, в особенности методы и формы преподавания, находились под контролем инструкторов, а позже – инспекторов. Таким образом, школьное самоуправление практически было лишено смысла.

Методология

Методология статьи базируется на принципах историзма, объективности и системности, благодаря которым задачи инструкторского аппарата в системе об-

разования в России 1919–1921 гг. получили свое объемное, глубокое освещение. Характер работы и структура инструкторского аппарата были представлены с помощью историко-генетического метода; характеристика общего и специфического – историко-сравнительного; возможность вписать деятельность инструкторов в процесс образования времен Гражданской войны предоставил контекстно-исторический метод исследования.

Результаты и их обсуждение

С приходом советской власти началось реформирование системы образования. Индоктринация коммунистических идей присутствовала во всех сферах общественной жизни. Таким образом, новая школа была пронизана идеологической направленностью государственной власти и являлась одним из основных средств пропаганды коммунистических принципов.

В Программе, принятой VIII съездом партии в 1919 г., отмечалось, что школа в своей деятельности должна активно внедрять в общество коммунистические принципы и воспитывать подрастающее поколение, стремящееся к построению коммунизма [4, с. 13]. В Программе определялись такие основы советского просвещения, как проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического образования для всех детей до 17 лет, осуществление принципов единой трудовой школы, подготовка новых кадров работников просвещения, поддерживающих советскую власть и др. [4, с. 14]

Таким образом, воспитание социалистической молодежи проходило параллельно с «перевоспитанием» учителей [5, с. 403–405]. Требовалась социалистическая школа, стоящая в неразрывной связи со всеми трудящимися и эксплуатируемыми на советской платформе [6, с. 431]. Н. К. Крупская отмечала, что с приходом советской власти трудящиеся могут воспитывать подрастающее поколение так,

как считают нужным [7, с. 76]. Основной задачей новой власти являлась организация трудовой школы [8, с. 5–14].

Трудовая школа представляла собой совершенно новую форму подхода к обучению. Унификация «старых» форм и методов образования, введение трудового обучения являлись неотъемлемой частью народного образования. Вся методика и формы преподавания должны были соответствовать требованиям государственной власти, которые отражались во всех документах школы [9, с. 44]. Введение трудового обучения способствовало как трудовому воспитанию [9, с. 395], так и укреплению материального положения школы [11; 12; 13; 14]. Строительство единой трудовой школы проходило в соответствии с нормативными документами государственной власти: Положение о единой трудовой школе¹ и Основные принципы единой трудовой школы [15, с. 40–47].

Видными деятелями в построении трудовой школы являлись А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, М. Н. Покровский. В 1919 г. издается книга педагога-практика П. П. Блонского «Трудовая школа» [16], в которой основным видом трудового воспитания был определен детский производительный труд.

Построение трудовой школы тесным образом связывалось с реализацией воспитательных процессов подрастающего поколения в духе социалистических взглядов и формирования нового мировоззрения. Инструкции, распоряжения и другие документы требовали разъяснительной работы среди педагогических коллективов. Ставился вопрос о необходимости контроля за выполнением распоряжений советской власти.

Таким образом, появилась необходимость создания аппарата для инструкторского

тажа по организационным, методическим и другим вопросам. Таким контролирующим органом стал инструкторский аппарат. В 1919 г. издается ряд нормативных документов, регулирующих деятельность инструкторов: «Инструкция для школьного инструктора Народного комиссариата просвещения» и постановление «О правильной постановке школьно-инструкторского дела». Принятые документы предполагали организацию советской системы образования и создание новых органов, контролирующих выполнение поставленных задач государственной властью. Определялись функции, формы и методы деятельности инструкторского аппарата.

Основной деятельностью инструктора народного просвещения было оказание максимальной помощи массам в строительстве новой школы [17, с. 23]. Инструкторы контролировали все вопросы организации трудовой школы: хозяйственную жизнь школы, физическое воспитание, вопросы методического характера, учебный процесс.

В Курской губернии предстояло провести большую работу. Одной из важнейших задач, требовавшей незамедлительного решения, была задача организации народного образования в Курской губернии. Всеми вопросами нового образования на местах занимался губернский отдел народного образования.

Созданный инструкторский аппарат способствовал внедрению новых форм и методов преподавания в школах Курской губернии в соответствии с идеологией государственной власти. В каждом уезде был свой инспектор. Согласно постановлению «О правильной постановке школьно-инструкторского дела» на один уезд приходился один инструктор. С приходом советской власти началось активное строительство школ. На 1 января 1920 г. в губернии функционировало значительное количество школ. Таким образом, инструкторы были достаточно загружены [18, с. 12–15].

¹ О Единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение): Декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942, ст. 812.

Инструктаж – институт, который ранее не был знаком широким слоям населения. Свое массовое распространение инструктаж получил после революции. От инструкторов Курской губернии требовался контроль за выполнением единых требований Наркомпроса и распространение идей построения новой системы просвещения. Инструктор являлся представителем Центра, выступающим от его имени, но не имеющим непосредственных административных прав, в отличие от инспекторов, деятельность которых развернулась с 1921 г.

Новизна инструкций, отсутствие какого-либо опыта и методических указаний приводило к полному подчинению инструкторскому аппарату. Таким образом, требовалась массовая подготовка инструкторов для работы на местах, ставился вопрос о расширении квалификации инструктора.

Изначально существовали клубные инструкторы, инструкторы детских площадок, инструкторы изб-читален и др. В соответствии с требованиями государственной власти были необходимы инструкторы-методисты школьного воспитания. Подготовка инструкторов осуществлялась в институте инструкторов-организаторов народного просвещения. Слушателям читались лекции на общественно-педагогические темы, проводились экскурсии в различные учреждения. Институт являлся руководящим организационным научным учреждением. В институт направлялись работники просвещения, уже имеющие методическую подготовку и работающие по принципам единой трудовой школы. Отмечалось, что часто делегировались слушатели, не подготовленные по данным направлениям, которых совету института приходилось откомандировывать обратно [19, л. 37].

В основу подготовки инструкторов была положена методическая квалификация. В 1919 г. Наркомпрос разослал на места «Материалы для образовательной работы школы». Это были программно-

методические материалы, имевшие не обязательный, а лишь рекомендательный характер, что усложняло работу. Инструктора стремились сделать методистом, полагая, что основные проблемы на местах заключаются в методической работе, что, несомненно, связано с организацией построения единой трудовой школы. Регулярно проводились совещания, на которых инструкторы выступали с докладами о поездке. В докладах обозначались задачи, состав поездки, характеристика работы и т. д.

К инструкторам предъявлялись следующие требования: 1) инструкторы должны были быть авторитетными и компетентными; 2) инструкторы обязаны работать в тесном контакте с педагогическим коллективом; 3) регулярно поддерживать тесную связь с местными партийными органами, обеспечивая содействие делу народного просвещения; 4) при работе в учреждениях народного образования должны учитывать все экономические, бытовые, этнографические и другие местные условия; 5) вся деятельность инструктора должна быть согласована с программами и указаниями Центра [20, л. 99].

На первой ступени деятельности инструктором ставились педагогические задачи, которые поднимались на вторую ступень в тех случаях, когда эти задачи так или иначе были связаны с другими отделами главка. Устанавливались формы участия инструкторов в местной работе в качестве эксперта, консультанта, члена коллегии, председателя различных комиссий. Важно отметить, что инструктор имел право участвовать практически в любом учебном мероприятии, но без занятия каких-либо штатных должностей.

Инструкторская работа в учительской среде носила двойной характер. С одной стороны, инструктор воздействовал на учительскую массу в целях поднятия ее педагогической квалификации, а с другой стороны – вовлекал в сферу социалистического строительства.

Основной целью власти стало объединение на идеологической почве учителей для активного построения советской системы просвещения. Первые документы о новой школе заинтересовали часть учителей своей фразеологией, обозначив демократизацию как важнейшее условие развития трудовой школы. Новая школа по замыслам советской власти была призвана стать мощным фактором формирования свободной, демократически ориентированной личности. Построить новую демократическую школу, как полагали руководители Наркомпроса, можно было только путем объединения сил всех заинтересованных сторон – учащихся, учителей, родителей, представителей общественности [21, с. 252]. Но многие учителя не приняли идеологию советской власти, и зачастую контролирующие органы сталкивались с недружелюбием и враждебным отношением к себе. Партийные деятели, работники просвещения, поддерживающие новую государственную власть, активно проводили разъяснительную работу.

Так, в Суджанском уезде вопросами организации, инструктажа и контроля народного образования занимался С. А. Бала-Добров, который в 1921 г. был назначен заведующим губернским отделом народного образования.

В 1920-х гг. инструкторский аппарат, а затем инспекторский активно занимался «перевоспитанием» учительской массы, стремясь побудить учителей к сотрудничеству. Вся работа инструктора на месте выполнялась в соответствии с фиксируемым заранее сроком, определявшимся периодическими конференциями инструкторов в Москве. Конференции являлись неотъемлемой частью деятельности инструкторского аппарата. В связи с частым проведением инструкторских конференций возникала проблема отсутствия инструкторов на местах. Таким образом, общий инструкторский состав делился на две группы, которые сменяли друг друга: одна группа работала на местах, а вторая

– принимала участие в конференции [20, л. 106 об. – 107]. На местах работа инструктора длилась около трех месяцев, а конференция в Москве – один месяц. Острыми являлись вопросы материального обеспечения инструкторов. Таким образом, перевод инструктора в другую губернию проводился в соответствии с обеспечением его жилищными условиями и продовольствием. Помимо одиночных разъездов инструкторов предусматривался групповой разъезд, что затрудняло обеспечение инструкторского аппарата материальными условиями.

Первоочередной задачей инструктора от Наркомпроса являлась организация инструкторских коллегий на местах. Инструкторские коллегии создавались повсеместно. Так, в уездные отделы Курской губернии была разослана инструкция по созданию инструкторских коллегий, в которой указывалось на то, что районные и городские инструкторы образуют инструкторскую коллегию при Уграмчека. Редгубграмчека входит в инструкторскую коллегию с правом решающего голоса. Инструкторская коллегия в полном составе или через своего председателя входит в Уграмчека с правом совещательного голоса. Постановление инструкторской коллегии о методах работы санкционируется Уграмчека. Инструкторская коллегия рассматривала распоряжения Уграмчека, Губграмчека, вырабатывала общие принципы мероприятий, методы работы, принимала решения по их реализации. Инструкторская коллегия решала вопрос о созыве конференции инструкторов для информации и разъяснения работы в общеуездном масштабе [22, л. 2].

Важную роль в ликвидации неграмотности играли опорно-инструкторские школы. От уездов Курской губернии требовались отчеты о наличии и деятельности опорно-инструкторских школ, к которым в обязательном порядке прилагались отчеты самих опорно-инструкторских школ и доклады их представителей.

Так, Курская губерния регулярно отчитывалась Центру о количестве специальных работников по ликвидации неграмотности в уездах, о количестве ликпунктов, о деятельности опорно-инструкторских школ. К отчетам опорно-инструкторских школ прикладывались непосредственно доклады самих инструкторов Курской губернии [23, л. 62].

Выводы

Проведенное исследование показало, что особенностью инструкторского аппарата являлась его контролирующая систему образования деятельность. Инструкторы контролировали работу всех образовательных учреждений России, помимо контроля в задачи инструкторов входила разъяснительная работа, направленная на создание социалистической

школы, углубление трудового образования, включение подрастающего поколения в строительство справедливого социалистического общества. В Курской губернии, которая являлась типичной территорией Центральной России, инструкторы решали указанные выше задачи. В большинстве случаев инструкторы действовали согласно спущенным сверху инструкциям. Закрепленный за каждым уездом инструктор реализовывал задачи организации советского образования в соответствии с нормативными документами государственной власти. Вмешательство в учебный процесс инструкторов нередко сковывало инициативу творчески работающих учителей, что не позволяло в полной мере раскрыться способностям учащихся.

Список литературы

1. Ленин В. И. Как организовать соревнование // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 35. 599 с.
2. Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию / Нар. ком. по прос. Вып. 2. [М.]: Гос. изд., 1920 (обл. 1921). 236 с.
3. Контроль и надзор в сфере образования: монография / Г. Т. Алимов, Н. М. Ладнушкина, Д. А. Пашенцев, С. И. Фёклин. М.: Книгодел, 2020. 184 с.
4. Программа Российской коммунистической партии (большевиков), принятая VIII съездом партии 18-23 марта 1919 г. М.: Коммунист, 1919. 24 с.
5. Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1981. Т. 41. 696 с.
6. Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г. // Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Политиздат, 1974. 747с.
7. Крупская Н. К. Проблема коммунистического воспитания // Педагогические сочинения: в 6 т. М.: Образование-Педагогика, 1978. Т. 2. 451с.
8. Протоколы I Всероссийского съезда по просвещению, созванного Наркомпросом в Москве 25 августа 1918 г. М.: Отделение съездов Народного комиссариата по просвещению, 1919. 82 с.
9. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1917–1941 гг. / [Н. П. Кузин, Ф. Ф. Королев, З. И. Равкин и др.]; отв. ред. Н. П. Кузин [и др.]. М.: Педагогика, 1980. 456 с.
10. Макаренко А. С. Сочинения: в 7 т. Т. 4: Воспитание в труде. М.: Изд-во Акад. педагогических наук РСФСР. 1951. 538 с.
11. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 14. Л. 4.
12. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 47. Л. 64–66.
13. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 70. Л. 46.
14. ГАКО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 50. Л. 28.

15. Основные принципы единой трудовой школы // Народное образование. 1999. №10.
16. Блонский П. П. Трудовая школа. Тифлис: Гос. изд-во, 1921. Ч. 2. 98 с.
17. История государственного контроля (надзора) в сфере образования в России (XVIII – начало XXI в.). Том 2: Советская Россия / под общ ред. А. В. Звонарева, Н. М. Ладнушкиной. М.: ГАОУ ВО МГПУ, 2016. 445 с.
18. Народное просвещение. 1921. № 2. С. 12–15.
19. ГАКО. Р-309. Оп. 5. Д. 292. Л. 37.
20. ГАКО. Р-309. Оп. 3. Д. 34.
21. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. / под ред. акад. РАО А. И. Пискунова. 2-е изд., испр. и дополн. М.: ТЦ «Сфера», 2001. 512 с.
22. ГАКО. Ф. 1835. Оп. 1. Д. 420. Л. 2.
23. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 6. Д. 135. Л. 62.

References

1. Lenin V. I. Kak organizovat' sorevnovanie [How to organize a competition]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. 5th ed. Moscow, Polit. lit. Publ., 1974, vol. 35. 599 p.
2. Sbornik dekretov i postanovlenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva po narodnomu obrazovaniyu [Collection of decrees and resolutions of the Workers' and Peasants' Government on public education]. Vyp. 2. Moscow, Gos. izd. Publ., 1920 (obl. 1921). 236 p.
3. Alimov G. T., Lаднушкина N. M., Pashencev D. A., Fyoklin S. I. Kontrol' i nadzor v sfere obrazovaniya [Control and supervision in the field of education]. Moscow, Knigodel Publ., 2020. 184 p.
4. Programma Rossijskoj kommunisticheskoy partii (bol'shevikov), prinyataya VIII s"ezdom partii 18-23 marta 1919 g. [The program of the Russian Communist Party (Bolsheviks), adopted by the VIII Party Congress on March 18-23, 1919]. Moscow, Kommunist Publ., 1919. 24 p.
5. Lenin V. I. Rech' na Vserossijskom soveshchanii politprosvetov gubernskih i uездnyh otделov narodnogo obrazovaniya 3 noyabrya 1920 g. [Speech at the All-Russian meeting of the political lights of the provincial and county departments of public education on November 3, 1920]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Moscow, Polit. lit. Publ., 1981, vol. 41. 696 p.
6. Lenin V. I. Rech' na II Vserossijskom s"ezde uchitelej-internacionalistov 18 yanvarya 1919 g. [Speech at the II All-Russian Congress of Internationalist Teachers on January 18, 1919]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works], Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 37. 747 p.
7. Krupskaya N. K. Problema kommunisticheskogo vospitaniya [The problem of communist education]. Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays]. Moscow, Obrazovanie-Pedagogika Publ., 1978, vol. 2. 451 p.
8. Protokoly I Vserossijskogo s"ezda po prosveshcheniyu, sozvanного Narkomprosom v Moskve 25 avgusta 1918 g. [Minutes of the First All-Russian Congress on Education, convened by the People's Commissariat of Education in Moscow on August 25, 1918]. Moscow, Otdelenie s"ezdov Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu, 1919. 82 p.
9. Kuzin N. P., Korolev F. F., Ravkin Z. I., eds. Oчерки istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR, 1917–1941 gg. [Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR, 1917–1941]; ed. by N. P. Kuzin, eds. Moscow, Pedagogika Publ., 1980. 456 p.

10. Makarenko A. S. Sochineniya. T. 4. Vospitanie v trude [Essays. Vol. 4. Education in work]. Moscow, Akad. pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1951. 538 p.
11. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-309, op. 2, d. 14.
12. GAKO, f. R-309, op. 2, d. 47.
13. GAKO, f. R-309, op. 2, d. 70.
14. GAKO, f. R-310, op. 1, d. 50.
15. Osnovnye principy edinoj trudovoj shkoly [Basic principles of the unified labor school]. *Narodnoe obrazovanie = Public education*, 1999, no. 10.
16. Blonskij P. P. Trudovaya shkola [Labor School]. Tiflis, Gos. izd-vo, 1921, pt. 2. 98 p.
17. Istoriya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere obrazovaniya v Rossii (XVIII – nachalo XX v.). T. 2. Sovetskaya Rossiya [History of state control (supervision) in the field of education in Russia (XVIII – early XXI century). Vol. 2. Soviet Russia]; ed. by A. V. Zvonarev, N. M. Ladnushkina. Moscow, GAOU VO MGPU Publ., 2016. 445 p.
18. *Narodnoe prosveshchenie = Public education*, 1921, no. 2, pp. 12–15.
19. GAKO, R-309, op. 5, d. 292, l. 37.
20. GAKO, R-309, op. 3, d. 34. l. 99, 106.
21. Istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Ot zarozhdeniya vospitaniya v pervobytnom obshchestve do konca XX v. [History of pedagogy and education. From the origin of education in primitive society to the end of the XX century]; ed. by A. I. Piskunov. 2th ed. Moscow, TC "Sfera" Publ., 2001. 512 p.
22. GAKO, f. 1835, op. 1, d. 420, l. 2.
23. GAKO, f. R-309, op. 6, d. 135, l. 62.

Информация об авторе / Information about the Author

Соловьянова Марина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: solo_sks@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4136-7066

Marina V. Solovyanova, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: solo_sks@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4136-7066

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-201-209>

Влияние немецко-фашистской оккупации на уровень механизации сельского хозяйства Ленинградской деревни

Д. Д. Кулярский¹ ✉

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая, д. 29, г. Санкт-Петербург 195251, Российская Федерация

✉ e-mail: dan8434@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы обусловлена тем, что в отечественной историографии вопросы влияния немецко-фашистской оккупации на уровень механизации сельского хозяйства Ленинградской области освещены достаточно слабо. Работы историков по данной теме преимущественно носят обобщающий и неконкретный характер и посвящены, как правило, всему Советскому Союзу, а не отдельным регионам страны.

Цель. Проанализировать влияние немецко-фашистской оккупации на уровень механизации сельского хозяйства Ленинградской деревни.

Задачи. Рассмотреть причины, тенденции и уровень изменения материально-технической базы сельского хозяйства Ленинградской деревни и дать оценку сущности и результатам этого процесса.

Методология. Работа строилась на принципах историзма и научной объективности, использовались историко-сравнительный, статистический, структурный, логический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. Немецко-фашистская оккупация негативно повлияла на уровень механизации сельского хозяйства Ленинградской области. Пострадали как районы области, подвергшиеся оккупации, так и районы, которые оккупированы не были. Часть сельскохозяйственных машин была украдена немцами как трофеи, часть уничтожена при отступлении, а оставшаяся техника в большинстве своём требовала капитального либо частичного ремонта или же вовсе не подлежала восстановлению. Сохранившиеся в Ленинградской области сельскохозяйственные машины представляли собой сильно изношенные довоенные модели, вышедшие из производства в конце 1930-х годов. В значительной мере низкому качеству сельскохозяйственной техники способствовало также и то, что значительная часть механизаторов ушли на фронт, а на их место приходили неопытные работники, не умеющие правильно обращаться с сельскохозяйственными машинами.

Вывод. Ленинградская деревня в годы войны лишилась огромного количества сельскохозяйственной техники, а также необходимых площадок по её содержанию и ремонту. Больше всего пострадали районы области, находящиеся в оккупации. Не менее тяжёлая участь постигла и неоккупированные районы. Часть техники они были вынуждены передать на фронт, другая же часть ввиду отсутствия запасных деталей или опытных кадров простаивала и приходила в негодность.

Ключевые слова: Ленинградская область; немецко-фашистская оккупация; сельское хозяйство; механизация; машинно-тракторные станции.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кулярский Д. Д. Влияние немецко-фашистской оккупации на уровень механизации сельского хозяйства Ленинградской деревни // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 201–209. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-201-209>.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Принята к публикации 25.01.2023

Опубликована 27.02.2023

The Influence of the Nazi Occupation on the Level of Mechanization of Agriculture in the Leningrad Village

Daniil D. Kulyarskiy¹ ✉

¹Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
29 Politekhnikeskaya Str., St. Petersburg 195251, Russian Federation

✉ e-mail: dan8434@yandex.ru

Abstract

The relevance of the topic is due to the fact that in Russian historiography the issues of the influence of the Nazi occupation on the level of mechanization of agriculture in the Leningrad Region are rather poorly covered. The works of historians on this topic are mainly of a generalizing and non-specific nature and are dedicated, as a rule, to the entire Soviet Union, and not to individual regions of the country.

Purpose. To analyze the influence of the Nazi occupation on the level of mechanization of agriculture in the Leningrad village.

Objectives. Consider the causes, trends and level of change in the material and technical base of agriculture in the Leningrad village and assess the essence and results of this process.

Methodology. The work was based on the principles of historicism and scientific objectivity, historical-comparative, statistical, structural, logical and problem-chronological methods were used.

Results. The Nazi occupation had a sharp negative impact on the level of mechanization of agriculture in the Leningrad Region. Both the areas of the region that were occupied and the areas that were not occupied suffered. Part of the agricultural machinery was stolen by the Germans as trophies, part was destroyed during the retreat, and the remaining equipment for the most part required major or partial repairs, or was not subject to restoration at all. The agricultural machines that survived in the Leningrad region were heavily worn pre-war models that went out of production in the late 1930s. To a large extent, the low quality of agricultural machinery was also facilitated by the fact that a significant part of the machine operators went to the front, and inexperienced workers who did not know how to properly handle agricultural machinery came in their place.

Conclusion. During the war, the Leningrad village lost a huge amount of agricultural machinery, as well as the necessary sites for its maintenance and repair. The areas of the region that are under occupation suffered the most. An equally difficult fate befell the unoccupied areas. They were forced to transfer part of the equipment to the front, while the other part, due to the lack of spare parts or experienced personnel, stood idle and fell into disrepair.

Keywords: Leningrad region; Nazi occupation; agriculture; mechanization; machine and tractor stations.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kulyarskiy D. D. The Influence of the Nazi Occupation on the Level of Mechanization of Agriculture in the Leningrad Village. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(1): 201–209. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-201-209>.

Received 19.12.2022

Accepted 25.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

В годы Великой Отечественной войны материально-технической базе сельского хозяйства Советского Союза был нанесён серьёзный ущерб. Одним из наиболее пострадавших регионов СССР была Ленинградская область, познавшая на себе все тяжести немецко-фашистской

оккупации. В данной статье мы попробуем проанализировать, как немецко-фашистская оккупация сказалась на уровне механизации сельского хозяйства Ленинградской области.

Тема нашей статьи остаётся актуальной в первую очередь ввиду её слабой изученности в отечественной историо-

графии. Большинство работ, посвященных проблеме нашего исследования, появились ещё в советский период и представляют собой обобщенные труды группы историков и экономистов либо отдельные монографии, которые лишь по касательной затрагивают тему нашего исследования [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Особую ценность представляют монографии историков, написанные на материалах Ленинградской области [9; 10]. В этих трудах собран обширный материал по последствиям оккупации, однако вопросы механизации сельского хозяйства практически не затронуты. В постсоветское время вырос интерес к истории отдельных регионов, что было обусловлено общими тенденциями в развитии исторической науки, пришедшей к нам с запада на рубеже XX–XXI вв. На этой волне появилось несколько серьёзных исследований, посвященных последствиям оккупации Ленинградской области, но в них по-прежнему мало внимания уделено проблеме состояния материально-технической базы сельского хозяйства [11; 12].

Методология

В качестве методологической основы исследования применялись частные и общие методы научного анализа. Работа строилась на традиционных для исторического исследования принципах историзма и научной объективности. Особое место в проведении исследования имело использование историко-сравнительного метода. Данный метод позволил сопоставить уровень механизации сельского хозяйства Ленинградской области до и после оккупации. Одним из ведущих в исследовании был статистический метод, благодаря которому на основе большого количества статистических данных удалось проанализировать общие потери в материально-техническом оснащении сельского хозяйства Ленинградской области, установить общие итоги оккупации.

Также нами были использованы структурный, логический, проблемный и хронологический методы, которые позволили с научных позиций раскрыть тему исследования.

Результаты и их обсуждение

Перед войной Ленинградская область была важнейшим поставщиком продуктов и других ресурсов для второго по величине города СССР – Ленинграда. На 1 января 1941 г. в Ленинградской области проживали 1 505 тыс. человек, среди которых население деревень составляло 875 тыс. человек. На территории области в 1940 г. находилось 2904 колхоза, имевшие в своём распоряжении 3560 молотилок, 8000 жатвенных машин, 9850 зерноочистительных машин, 790 картофелекопалок, 1380 конных приводов, 3520 конных граблей и большое количество другого сельскохозяйственного инвентаря. Для оказания помощи колхозам на территории области работали 46 МТС, имевших 1505 тракторов и 175 комбайнов. Также на территории области имелось 45 совхозов, располагавших 131 трактором, 9 комбайнами и другой мелкой сельскохозяйственной техникой [13, л. 1, 2].

Если немного подробнее рассмотреть сельскохозяйственную технику, которая была в распоряжении тружеников села, то нашим глазам откроется следующая картина: преимущественно на территории Ленинградской области были тракторы марок СТЗ и ХТЗ 15/30 (Сталинградский и Харьковский заводы). Эти тракторы были созданы на базе американского и являлись самыми распространёнными на территории СССР. В области также присутствовали, но уже в меньшей степени, гусеничные тракторы марок «Сталинец-60» (Челябинский тракторный завод) и колесные тракторы для междурядной обработки пропашных культур с прицепными и навесными машинами «Универсал-2» (Кировский завод). Однако на территории Ленинградской области либо от-

существовали, либо были представлены в небольшом количестве современные советские тракторы СХТЗ-НАТИ (Сталинградский и Харьковский заводы совместно с Научным автотракторным институтом) и первый дизельный трактор «Сталинец-65», которые удостоились мирового признания [14, с. 6]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что, с одной стороны, ленинградская деревня обладала большим количеством сельскохозяйственной техники, но, с другой стороны, современные модели поступали в Ленинградскую область с задержкой.

В годы войны полностью были захвачены 43 района Ленинградской области и частично пять, при этом Всеволожский и Парголово-Ленинградский районы оказались в блокадном кольце вместе с Ленинградом. Только 9 северо-восточных районов (Боровичский, Ефимовский, Капшинский, Любытинский, Мошенский, Окуловский, Опеченский, Пестовский и Хвойнинский) не были оккупированы. Целиком территорию Ленинградской области удалось освободить только к сентябрю 1944 г. [15, с. 4-5] За это нелёгкое время материально-техническая база ленинградской деревни была серьёзно подорвана, особенно это касается районов, подвергшихся оккупации.

В оккупированных районах области оккупанты вели себя бесчеловечно. Их главной целью было выкачать как можно больше ресурсов с данной территории. Это подтверждают слова Германа Геринга, сказанные на совещании 6 августа 1942 г. с представителями военного командования: «Вы посланы туда, – указал Геринг, – не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное» [16, с. 612]. Нельзя обойти стороной высказывание всё того же Геринга, изложенное им в известной «Зелёной папке»: «...Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Вос-

становление порядка должно проводиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы с/х продуктов и нефти. А в остальных... экономическая деятельность должна ограничиться использованием обнаруженных запасов...» [16, с. 611]. В связи с тем, что Ленинградская область расположена в нечерноземной полосе СССР в не самой благоприятной климатической зоне, вероятнее всего, пребывание немцев здесь должно было ограничиваться лишь выкачиванием имеющихся ресурсов [17].

Акты районной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков наглядно подтверждают наши предположения. Согласно актам комиссии по отдельным районам области наблюдалась весьма удручающая картина. В Тосненском районе 34 населенных пункта полностью разрушены, от 2 МТС ничего не осталось [18, л. 144], в Шимском районе разрушены 2 МТС и 2 электростанции [18, л. 151], в Славковском районе постройки колхозов, совхозов и МТС сожжены полностью, ни одного трактора не сохранилось [19], в Молосковичской МТС Волосовского района все ремонтные мастерские сожжены, ремонтного оборудования и инструмента нигде нет [20, л. 11], в Кингисеппском районе до войны было 152 колхоза, осталось 17, все 3 МТС уничтожены, из сельскохозяйственной техники остался один неисправный трактор и молотилка БДО-34 в рабочем состоянии [20, л. 99, 100]. Этот список можно продолжить, однако и данных примеров достаточно, чтобы понять, какой колоссальный ущерб был нанесён материально-технической базе сельского хозяйства Ленинградской области.

Какое-то количество техники в начале войны всё-таки удалось эвакуировать либо передать на нужды армии. Тем не менее из-за того, что эвакуация проводилась в спешке, а порой и в панике, часть техники была потеряна на этом этапе. Так, например, из-за того, что «шоссей-

ные дороги не могли быть использованы, вывоз комбайнового парка не производился. В этих случаях с комбайнов снимались основные наиболее ценные части, а остальное оставались на месте [15, с. 32–33]. Стоит отметить, что для Ленинградской области и других северных районов выпускались специальные комбайны, которые соответствовали природно-климатическим особенностям местности, их производство остановилось с началом войны, а с окончанием уже не восстановилось. Таким образом, потеря большинства комбайнов в военное время привела к тому, что на протяжении нескольких лет после войны в Ленинградской области ощущалась их острая нехватка.

В северо-восточных районах, не подвергшихся оккупации, ситуация была немного иной. В таблице 1 можно видеть,

что общее количество техники сократилось не так сильно. На 1942 год количество тракторов сократилось на 69 штук, а количество комбайнов – на 20 штук. Однако не всё было так однозначно. Несмотря на имеющуюся технику, из-за нехватки топлива, запасных частей либо механиков часто возникала ситуация, когда машины простаивали. Часть техники в дальнейшем могла быть использована в качестве тягачей для армии либо переоборудовалась под реактивные миномёты. В результате к концу войны количество сельскохозяйственной техники в МТС области неоккупированных районов серьёзно сокращалось. Наглядно мы можем это увидеть в таблице 2. Примерно на треть сократилось общее количество сельскохозяйственных машин и другой техники.

Таблица 1. Справка Ленинградской областной плановой комиссии В. Д. Семину о балансе трудовых ресурсов в области и его использовании [15, с. 308–309].

Сельскохозяйственные машины	1940 г. вся область	1942 г. действующие районы	1942 г., % к 1940 г.
Тракторы в МТС, шт.	975	906	92,9
Комбайны, шт.	112	92	82,2

Таблица 2. Сельскохозяйственные машины и инвентарь на 1 января 1941 г. и 1 января 1945 г. [21, л. 2-3]

Название машин и орудий	Количество	
	1941 г.	1945 г.
Тракторы		
СТЗ и ХТЗ	18	5
Универсал	11	6
ЧТЗ С-60	3	-
ВСЕГО	32	11
Комбайны		
Северные СКАГ-5	3	1
Прочие с/х машины и орудия		
ВСЕГО	91	33

Несмотря на то, что в северо-восточных районах области оставались сельскохозяйственные машины, зачастую работать на них было попросту некому. Это было связано с тем, что у большин-

ства трактористов, комбайнеров и других механизаторов отсутствовала бронь, вследствие чего их забирали на войну. На их место приходили совсем неопытные подростки или женщины, которые не все-

гда могли справиться с управлением или тем более с ремонтом сельскохозяйственных машин. Вот так, например, ситуацию с механизаторами оценивали представители Тосненского райсовета: «...Трактористы прибыли совершенно неопытные, за исключением одного. Такие трактористы, как например Соколова А. В. Маловишерского района, Юрова Ольга – Окуловского района, почти совершенно не владеют рулём, не говоря о других понятиях о тракторе...» [22, л. 93]. Даже те специалисты, которые оставались трудиться на полях области, зачастую были так измождены, что попросту не могли работать. Согласно докладной записке главного врача Колтушской МТС из-за недоедания 33 человека из 85 страдали дистрофией. Как отмечал доктор, если питание не будет улучшено, то многие работники будут выбывать из строя [15, с. 205–206].

В результате военных действий и страшного режима оккупации большинства районов Ленинградской области полностью было разрушено 1892 и частично повреждено 280 колхозов. Колхозы области потеряли 14 тракторов, 37196 плугов, 25685 борон, 5450 сенокосилок, 2272 жатки, 3619 молотилок, 8475 сортировочных машин и большое количество другого сельскохозяйственного инвентаря и машин [13, л. 3]. Общий ущерб колхозам области оценивается в 4 284 395 479 рублей [13, л. 15]. Из 2278 тракторов осталось 809 (563 колесных, 117 пропашных, 129 гусеничных) [15, с. 508–521], комбайнов из 680 сохранилось только 97 [3, с. 308–309]. До войны главной ведущей силой в механизации сельского хозяйства выступали машинно-тракторные станции. За годы войны из 46 МТС было уничтожено 37 [10, с. 215].

Выводы

На начало 1940-х гг. сельское хозяйство Ленинградской области обладало существенным количеством сельскохозяйственных машин. Это было связано с тем, что в Советском Союзе в предвоенное время наметился определённый прогресс в развитии механизации сельского хозяйства. В больших количествах производились тракторы и комбайны, в строй были введены новые заводы, сельскохозяйственная техника постепенно модернизировалась, а успехи в тракторостроении и вовсе получили мировое признание. Война оборвала наметившийся прогресс в сельскохозяйственном машиностроении и затормозила его дальнейшее развитие.

Ленинградская деревня в годы войны лишилась огромного количества сельскохозяйственной техники, а также необходимых площадок по её содержанию и ремонту. Больше всего пострадали районы области, находящиеся в оккупации. Сельскохозяйственные машины в этих районах в большинстве своём были угнаны, уничтожены или требовали серьёзного ремонта. Не менее тяжёлая участь постигла и неоккупированные районы. Часть техники они были вынуждены передать на фронт, другая же часть ввиду отсутствия запасных деталей или опытных кадров простаивала и приходила в негодность.

В результате немецко-фашистской оккупации уровень механизации сельского хозяйства Ленинградской области существенно уступал довоенным показателям. В дальнейшем перед советским правительством, жителями Ленинграда, Ленинградской области и других регионов СССР встала непростая задача – восстановить разрушенное хозяйство страны.

Список литературы

1. Анисимов Н. И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М.: Госполитиздат, 1952. 216 с.

2. Венжер В. Г. Вопросы комплексной механизации колхозного производства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 332 с.
3. Дегтярь Д. Д. Возрождение районов РСФСР, подвергшихся немецкой оккупации. М.: Госполитиздат, 1947. 47 с.
4. Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. (Формирование кадров массовых квалификаций). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 341 с.
5. Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М.: Мысль, 1972. 293 с.
6. Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М.: Мысль, 1976. 263 с.
7. Стрешинский М. П., Франтишев И. М., Князев С. П. На защите невисской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1965. 643 с.
8. Основные достижения сельского хозяйства СССР за 60 лет. М.: ВНИИТЭИСХ, 1977. 144 с.
9. Абрамова М. А. На освобожденной земле: Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобожденных от немецко-фашистской оккупации районов северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 112 с.
10. Кутузов В. А. Возрождение земли ленинградской: Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1985. 246 с.
11. Иванченко Н. Ю. Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 208 с.
12. Майер Н. Ю. Последствия оккупации немецкими и финскими войсками территорий Северо-Запада страны в период Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. СПб.: Атмосфера, 2012. 256 с.
13. ЦГА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 271А.
14. Кучумов П. С. Механизация и электрификация сельского хозяйства СССР: Машино-тракторные станции и их роль в подъеме колхозного производства / Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б). М., 1951. 40 с.
15. Из районов области сообщают...: свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 : сборник документов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 628 с.
16. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов. М.: Госюриздат, 1957. Т. 1. 800 с.
17. Красноженова Е. Е. Хозяйственно-экономические особенности нацистской оккупационной политики 1941–1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) // Вопросы истории. 2020. № 11, ч. 1. С. 56–64
18. ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга). Ф. Р-24. Оп. 5-5. Д. 6072.
19. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 5. Д. 6068.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 5. Д. 6070
21. ЛОГАВ (Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 95.
22. ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 14. Д. 88.

References

1. Anisimov N. I. Razvitie sel'skogo hozyajstva v pervoj poslevoennoj pyatiletke [Development of agriculture in the first post-war five-year plan]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952. 216 p.
2. Venzher V. G. Voprosy kompleksnoj mekhanizacii kolhoznogo proizvodstva [Issues of complex mechanization of collective farm production]. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1955. 332 p.
3. Degtyar D. D. Vozrozhdenie rajonov RSFSR, podvergshihsia nemeckoj okkupacii [The revival of the regions of the RSFSR, subjected to German occupation]. Moscow, Gospolitizdat, 1947. 47 p.
4. Harutyunyan Yu. V. Mekhanizatory sel'skogo hozyajstva SSSR v 1929-1957 gg. [Agricultural machine operators of the USSR in 1929–1957. (Formation of personnel of mass qualifications)]. Moscow, Acad. nauk SSSR Publ., 1960. 341 p.
5. Volkov I. M. Trudovoj podvig sovetskogo krest'yanstva v poslevoennye gody: Kolhozy SSSR v 1946–1950 gg. [Labor feat of the Soviet peasantry in the post-war years: Collective farms of the USSR in 1946–1950]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 293 p.
6. Vyltsan M. A. Vosstanovlenie i razvitie material'no-tekhnicheskoy bazy kolhoznogo stroya (1945–1958) [Restoration and development of the material and technical base of the collective farm system (1945–1958)]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 263 p.
7. Streshinsky M. P., Frantishev I. M., Knyazev S. P. Na zashchite nevskoj tverdiny: Leningradskaya partijnaya organizaciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [On the defense of the Nevsky Stronghold: The Leningrad Party Organization during the Great Patriotic War]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1965. 643 p.
8. Osnovnye dostizheniya sel'skogo hozyajstva SSSR za 60 let [The main achievements of agriculture in the USSR for 60 years]. Moscow, VNIITEISH Publ., 1977. 144 p.
9. Abramova M. A. Na osvobozhdennoj zemle: Deyatel'nost' Kommunisticheskoy partii po vozrozhdeniyu osvobozhdennyh ot nemecko-fashistskoj okkupacii rajonov severo-zapadnyh oblastej RSFSR [On the liberated land: The activities of the Communist Party to revive the areas of the northwestern regions of the RSFSR liberated from Nazi occupation. 1944–1950-s]. Leningrad, Leningrad St. Univ. Publ., 1981. 112 p.
10. Kutuzov V. A. Vozrozhdenie zemli leningradskoj: Kommunisty v avangarde voss-tanovleniya narodnogo hozyajstva Leningradskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Revival of the land of Leningrad: Communists in the forefront of the restoration of the national economy of the Leningrad region during the Great Patriotic War]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1985. 246 p.
11. Ivanchenko N. Yu. Posledstviya fashistskoj okkupacii na territorii Leningradskoj oblasti. Diss.kand. ist. nauk [Consequences of the fascist occupation on the territory of the Leningrad region. Cand. hist. sci. diss.]. St. Petersburg, 2004. 208 p.
12. Mayer N. Yu. Posledstviya okkupacii nemeckimi i finskimi vojskami territorij Severo-Zapada strany v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1944 gg [The consequences of the occupation of the territories of the North-West of the country by German and Finnish troops during the Great Patriotic War of 1941–1944]. St. Petersburg, Atmosfera Publ., 2012. 256 p.
13. CGA SPb (Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga) [Central State Archive of St. Petersburg], f. R-9421, op. 1, d. 271A.
14. Kuchumov P. S. Mekhanizaciya i elektrifikaciya sel'skogo hozyajstva SSSR: Mashinno-traktornye stancii i ih rol' v pod"eme kolhoznogo proizvodstva [Mechanization and electrification of agriculture in the USSR: Machine and tractor stations and their role in the rise of collective farm production]. Moscow, Vysh. Part. shkola pri CK VKR(b) Publ., 1951. 40 p.

15. Iz rajonov oblasti soobshchayut... : svobodnye ot okkupacii rajony Leningradskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945. Sbornik dokumentov [From the districts of the region report ... : free from occupation areas of the Leningrad region during the Great Patriotic War 1941–1945. Collection of documents]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2006. 628 p.

16. Nyurnbergskij process nad glavnymi nemeckimi voennymi prestupnikami. Sbornik materialov [The Nuremberg trials of the main German war criminals. Collection of materials]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957, vol. 1. 800 p.

17. Krasnozhenova E. E. Hozyajstvenno-ekonomicheskie osobennosti nacistskoj okkupacionnoj politiki 1941–1944 gg. (na materialah Severo-Zapada Rossii) [Economic and economic features of the Nazi occupation policy of 1941–1944. (on the materials of the North-West of Russia)]. *Voprosy istorii = Questions of history*, 2020, no. 11 pt. 1, pp. 56–64.

18. CGAIPD SPb (Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskoy dokumentacii Sankt-Peterburga) [Central State Archive of Historical and Political Documentation of St. Petersburg], f. P-24, op. 5-5, d. 6072.

19. CGAIPD SPb, f. R-24, op. 5, d. 6068.

20. CGAIPD SPb, f. R-24, op. 5, d. 6070.

21. LOGAV (Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv v gorode Vyborge) [Leningrad Regional State Archive in the city of Vyborg], f. R-47, op. 1, d. 95.

22. CGA SPb, f. R-7179, op. 14, d. 88.

Информация об авторе / Information about the Author

Кулярский Даниил Дмитриевич, аспирант кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: dan8434@yandex.ru

Daniil D. Kulyarskiy, Post-Graduate Student, Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: dan8434@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-210-221>

Научный экскурс в историю военного искусства

А. П. Абрамов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Резюме

Актуальность. Научный интерес к вопросам истории военного искусства, стратегии и тактики ведения боя существовал всегда. С возникновением государств глобальные и локальные мировые кризисы нередко приводили к войнам и вооруженным конфликтам. Наряду с технологизацией всех сфер жизнедеятельности человека, совершенствованием систем, средств и методов вооруженной борьбы трансформировалось и военное искусство, стратегия и тактика ведения боя.

Именно в истории мы находим массу примеров диалога культур восточной, западной, греко-римской и других цивилизаций, которые смогли мирно сосуществовать без войн и конфликтов. Вместе с тем интересы национальной безопасности требуют активного научного поиска новых средств и инструментов ее обеспечения.

Цель – на основе научного анализа провести экскурс в историю военного искусства, стратегию и тактику ведения войны и определить их эволюцию в контурах будущего.

Задачи: раскрыть логику современного мышления в области военного искусства и стратегии войны; представить основные направления развития тактики ведения боевых действий; определить главные особенности современной войны.

Методология. Исторический, диалектический и социокультурный подходы в познании феномена военного искусства, основанные на представлении о всеобщей взаимосвязи всех явлений и процессов окружающего мира, положены в основу исследовательских процедур.

Результаты. Историография военного искусства подтверждает состоятельность доводов научного сообщества о том, что в его основу положены вековые традиции и культурная матрица народа, пронизывающая все сферы деятельности военной организации общества. Ожесточенное противостояние современных цивилизаций за культурное, технологическое и экономическое доминирование приводит к новым нелинейным «правилам» ведения войны.

Вывод. Любая армия мира при разработке стратегии и тактики ведения войны впитывает в себя все достижения культуры нации, которая ее формирует.

Ключевые слова: военная история; военное искусство; стратегия; тактика.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Абрамов А. П. Научный экскурс в историю военного искусства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 210–221. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-210-221>.

Поступила в редакцию 29.12.2022

Принята к публикации 26.01.2023

Опубликована 27.02.2023

Scientific Excursion into the History of Military Art

Alexander P. Abramov¹✉

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Abstract

Relevance. Scientific interest in the history of military art, strategy and tactics of warfare has always existed. With the emergence of states, global and local world crises often led to wars and armed conflicts. Along with the technologization of all spheres of human life, the improvement of systems, means and methods of armed struggle, the art of war, the strategy and tactics of warfare have also been transformed.

It is in history that we find a lot of examples of the dialogue between the cultures of Eastern, Western, Greco-Roman and other civilizations that could coexist peacefully without wars and conflicts. At the same time, the interests of national security require an active scientific search for new means and tools to ensure it.

The purpose – on the basis of scientific analysis, conduct an excursion into the history of military art, strategy and tactics of warfare and determine their evolution in the contours of the future.

Objectives: to reveal the logic of modern thinking in the field of military art and strategy of war; to present the main directions of development of tactics of warfare; identify the main features of modern warfare.

Methodology. Historical, dialectical and sociocultural approaches to understanding the phenomenon of military art, based on the idea of the general interconnection of all phenomena and processes of the surrounding world, form the basis of research procedures.

Results. The historiography of military art confirms the validity of the arguments of the scientific community that it is based on centuries-old traditions and the cultural matrix of the people, penetrating all spheres of activity of the military organization of society. The fierce confrontation of modern civilizations for cultural, technological, and economic dominance leads to new non-linear "rules" of warfare.

Conclusions. Any army in the world, when developing a strategy and tactics of warfare, absorbs all the achievements of the culture of the nation that forms it.

Keywords: military history; military art; strategy; tactics.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Abramov A. P. Scientific Excursion into the History of Military Art. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 210–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-210-221>.

Received 29.12.2022

Accepted 26.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Военная история выступает стержнем нашей нравственности [1, с. 119], а использование опыта былых военных баталий и конфликтов помогает решать практические задачи в деле укрепления обороноспособности России.

Научный интерес к вопросам истории военного искусства, стратегии и тактики ведения боя существовал всегда. С возникновением государств глобальные и локальные мировые кризисы нередко

приводили к войнам и вооруженным конфликтам. Наряду с технологизацией всех сфер жизнедеятельности человека, совершенствованием систем, средств и методов вооруженной борьбы, трансформировались и военное искусство, стратегия и тактика ведения боя.

Каждый народ имеет свою историю, основанную на вековой ментальности его представителей, но мировая история выстраивает определенные закономерности, в том числе и в организации военного де-

ла. Именно в истории мы находим массу примеров диалога культур восточной, западной, греко-римской и других цивилизаций, которые смогли мирно сосуществовать без войн и конфликтов. Вместе с тем интересы национальной безопасности требуют активного научного поиска новых средств и инструментов ее обеспечения. В военном искусстве, как в зеркале, отражались научные, экономические, технологические, культурные и политические достижения той или иной цивилизации. Ее изучение позволяет минимизировать угрозы и риски в непрекращающейся экспансии, в том числе военной, недружественных стран против России.

Кроме того, изучение военного искусства обусловлено следующими объективными причинами:

- во-первых, стремительные социокультурные трансформации породили наукоемкую задачу изучения военного искусства с культурных позиций, поскольку кадровый состав армии в полной мере отражает ментальную плотность народа;

- во-вторых, процессы глобализации отразились на военной организации современных обществ, которые консолидировались в различные блоки и союзы, в том числе и против России, что актуализирует поиск новых стратегий, средств, приемов и методов вооруженной борьбы как части военного искусства;

- в-третьих, изучение военного искусства в междисциплинарном дискурсе охватывает не только прошлое и настоящее, но и намечает контуры будущего, поэтому заявленная проблематика имеет не только культурно-историческую и научно-теоретическую, но и практическую значимость.

Методология

Исторический, диалектический и социокультурный подходы в познании феномена военного искусства, основанные на представлении о всеобщей взаимосвязи всех явлений и процессов окружающего мира, положены в основу исследова-

тельских процедур. Подобное построение позволило рассматривать развитие военного искусства в историческом хронотопе как систему структурных, институциональных, социально-политических, социально-экономических и социокультурных изменений.

Ретроспектива и возможности воспроизводства стратегии и тактики ведения войны рассмотрены через междисциплинарную призму истории, социологии, культурологии и политологии. Будучи конкретно историческим понятием, военное искусство в каждую эпоху имеет различное социальное, в том числе и ценностное, содержание, поэтому использование общенаучных методов исследования: систематизации, сравнения, сопоставления и обобщения данных – дало возможность охарактеризовать основные подходы к пониманию и трактовке военного искусства в контексте определения его научной и практической значимости.

Результаты и их обсуждение

Историческая наука не обладает точными данными о времени возникновения первых военных школ, в которых бы изучались вопросы тактики и стратегии ведения войны. Вместе с тем с огромной долей вероятности стоит предположить, что еще в глубокой древности существовала объективная необходимость в подготовке грамотно устроенных и организованных воинских формирований, управляемых обученными командирами. Опыт военного искусства древности изучается и систематизируется не только историками, но и действующими военными. Например, учение об искусстве ведения войны древнекитайского исследователя Сунь-Цзы по-прежнему находит множество сторонников во всем мире и признается выдающимся научным трактатом по теории организации военного дела с учетом ментальной специфики народов Юго-Восточной Азии [2].

Важно отметить, что история России начиная с глубокой древности и до

настоящего времени всегда отличалась степенью военных угроз. Следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что вся история нашей страны может рассматриваться как постоянная череда разнообразных войн и лишь кратких периодов затиший, когда осуществлялась подготовка к ним. Россия всегда находилась на перекрестке интересов многих держав и цивилизаций. Русский народ, воспитанный в постоянных экспансиях, превратился в наиболее сильного военного игрока на мировом пространстве. России практически всегда удавалось быть на острие военно-технического прогресса, успешно вести крупные и малые войны [3, с. 43].

На протяжении столетий менялись диалектика ведения военных действий, приемы и методы их ведения, вооружение, структура и принципы комплектования войск. Сама война приобретала различные объемы.

Подавляющее большинство выдающихся советских полководцев много времени уделяли изучению трудов видных русских военачальников и организаторов военного дела. Сочинения А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Д. А. Милютин, М. Д. Скобелева и их биографии стали для многих путеводными ориентирами.

«Не рассказ, а показ, дополняемый рассказами. Сообщи сначала только одну мысль, потребуй повторить ее и помоги понять, потом сообщи следующему. На первых порах обучай только самому необходимому. Не столько приказывай, сколько поручай. Наше назначение – губить врага, воевать так, чтобы губить и не гибнуть, невозможно; воевать так, чтобы не гибнуть и не губить, глупо», – эти советы М. И. Драгомирова решил для себя сделать твердым правилом на все время военной службы маршал М. А. Василевский [4, с. 18].

С конца XIX – начала XX в. в России сложилась целостная система, охватывавшая государственные и общественные организации, генерировавшие военно-

исторические знания. Все уровни военного образования, начиная с кадетских корпусов, проходили трансформационные периоды в соответствии с диалектикой и логикой развития военного искусства в мире. Реализация практик профессиональной социализации на каждом конкретном историческом этапе была детерминирована социальными условиями и факторами развития общества, его структурой и средой, воспроизводящей модальную личность будущего офицера [5, с. 140].

Российская академия Генерального штаба, в которую было не так просто поступить и не менее сложно было учиться, длительное время была кузницей подготовки будущих полководцев. В своей биографической книге А. Игнатьев достаточно подробно описал этот запоминающийся для него период жизни (1899–1902 гг.), который заложил основы его будущей военной карьеры в императорской армии, а затем и в РККА [6, с. 120–156].

Изучение искусства ведения войны объективно подтверждает, что эволюция и развитие теории военного искусства носили ярко выраженный социокультурный характер, исходя из цивилизационных особенностей народов мира. Процесс становления военной науки у того или иного народа последовательно проходил схожие эволюционные периоды совершенствования применения различных видов оружия, тактики и стратегии использования армии. Имея свои национальные культурные черты и самостоятельность в становлении искусства ведения войны, в конечном счете военачальники и полководцы приходили к одним и тем же выводам.

Н. Михневич в конце XIX в. достаточно убедительно констатировал: «История показывает, что высшее состояние военного искусства всегда отвечало высочайшей культуре и цивилизации, при которых только и возможно необходимое для

войны высокое напряжение нравственных и материальных сил людей» [7, с. 18].

Подтверждением состоятельности подобных выводов П. Михневича могут стать труды российских ученых-историков, посвященные конкретным сюжетам совершенствования военного искусства различными народами на протяжении определённого исторического периода. Например, в исследовании А. Панеш показаны основные тактические приемы, применявшиеся адыгами в конкретной военной обстановке [8]. Отсюда использование социкультурного подхода в изучении военного искусства с точки зрения гуманитарных наук, в том числе и с позиций историко-социологического знания, по сей день, по нашему мнению, является определяющим.

С начала 1920-х гг. и по настоящее время вопросам истории военного искусства уделяется пристальное внимание учеными всего мира. На основе конкретных военно-исторических фактов событий XX в. в СССР были изданы научные труды, в которых была представлена история развития средств и способов ведения вооруженной борьбы с применением различных технических устройств с древнейших времен до наших дней. Так, использование и боевое применение моторизованных и танковых частей и соединений в условиях войны достаточно подробно раскрыто П. Ротмистровым [9]. В трехтомнике А. Строкова освещается искусство ведения войны многих выдающихся военачальников и военных теоретиков всех времен и народов [10]. Глубокое осмысление использования приемов применения различных вооружений в военном деле средневековой Руси мы находим в работах А. Кирпичникова [11].

В последние годы издано достаточное количество научной и учебной литературы по истории искусства ведения войны, которая служит конкретным теоретическим инструментарием для будущих военачальников [12; 13].

Не случаен в этой связи неослабевающий интерес российских ученых к вопросам развития военного дела в других странах мира [14].

Современные стратегии ведения гибридной войны коллективного Запада против России нашли свое отражение в монографии А. Шагова [15].

В настоящее время Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации по праву является в нашей стране форпостом военно-исторической науки [16].

Особого внимания заслуживают научные изыскания зарубежных исследователей. Один из теоретиков военного искусства Лиддел Гарт, детально изучивший опыт компаний прошлых столетий, классические примеры реализованных стратегических замыслов полководцев Велизария, Сунь Цзы, Наполеона и др., пришел к выводу, что наиболее эффективным способом современной войны может стать доктрина «непрямых действий» [17]. Победа достигается в том случае, если противник не знает и не понимает твои намерения и замыслы. Прямые массированные удары также редко приводят к желаемому результату. Необходимо отметить, что концептуальные обоснования Гарта были положены в основу тактики быстрой войны (блицкрига) фашистской Германией и вполне успешно реализовались на практике Э. Роммелем в африканской кампании 1941–1943 гг. и Г. Гудерианом, применявшим тактику глубоких прорывов с использованием бронетанковых и моторизованных частей в качестве основной ударной силы на полях сражений в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. [18]

В одной из своих наиболее известных работ американский аналитик по вопросам войны и мира Э. Люттвак определяет своеобразную логику современного мышления в области стратегии современной войны, которая предполагает несколько уровней: технологический; так-

тический; оперативный; стратегический. Э. Люттвак проанализировал характер многих войн начиная с глубокой древности до середины XX в. и попытался объединить исторические исследования в единую канву. Стратегия первых крупных военных сражений характеризовалась как эластичная оборона с дальнейшим переходом к наступательным действиям. В дальнейшем военное искусство состояло в том, чтобы, наступая на врага, получить преимущества для себя, закрепившись в обороне, предотвращая угрозу нападения с тыла. В основу подобной стратегии не прямых действий положен тезис «заманивай врага и устраивай ему ловушку» [19].

Страх огромных потерь, которым сопровождалась войны XX столетия, породил новый формат военных столкновений – «постгероические войны» [19], поэтому наращивание экономической мощи, по мнению Люттвака, становится в будущем доминантой современной геополитики.

В настоящее время существенно изменился характер современных войн. Технологическое оснащение армий ведущих ядерных держав мира в XXI в. достигло апогея. Наличие высокоточного оружия большой дальности, современные средства обнаружения, способные не только в сжатые сроки определить точные координаты потенциальных целей, но и сканировать океанское дно, не оставляют шансов противнику, не обладающему всем комплексом средств защиты. Да и претендовать на полную победу над ядерной державой вряд ли представляется возможным.

По мере исторической эволюции военного искусства изменялся и характер взаимосвязей его составных элементов: тактики, оперативного искусства и стратегии. Тактика в данном контексте прогрессирует над другими элементами. Исследования, проведенные военными учеными, позволили определить основные

направления развития тактики современной войны:

1) значительное расширение пространства военных действий, где дальний, дистанционный бой будет преобладать над ближним;

2) массированное использование разнотипных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА);

3) активное использование в боевых действиях робототехнических комплексов (РТК);

4) поиск и использование новых способов ведения боевых действий, где решающими факторами победы над противником будут выступать маневр и внезапность;

5) достижение огневого превосходства над врагом с использованием комплекса сил и средств триады «разведка – управление – поражение», что, в свою очередь, позволит:

– сократить время для решения задач (разведка – принятие решения – огневое поражение);

– достичь внезапности в огневом поражении и упредить действия;

– обеспечить комплексное использование средств разведки, управления и поражения как единой огневой системы;

– повысить точность огневых ударов, в том числе с использованием высокоточного оружия;

6) неуклонная решительность для достижения поставленных целей боя.

Одной из главных особенностей современной войны уже не становится захват территорий, которые удерживаются противником. Целями общевойскового боя становятся:

– подавление пунктов управления противника с использованием высокоточного оружия;

– уничтожение в сжатые сроки основных сил и средств противника действиями тактических десантов, штурмовых и разведывательных отрядов и подразделений;

– завоевание и сохранение инициативы над противником, постоянное стремление к его уничтожению.

Для достижения этих целей каждому командиру необходимо правильно выбирать способ выполнения боевой задачи, сознавая, что пассивность или бездеятельность могут привести к тяжелым потерям личного состава и боевой техники [20, с. 37], причем к младшему командиру (отделения, расчета, танка) предъявляются особые требования. Ему необходимо обладать навыками самостоятельного принятия решений в огневом поражении противника и маневре на поле боя. В свое время даже наши противники отмечали роль командира в бою. «Армия хороша или плоха в той же степени, что и ее командир. На современном этапе необходимы офицеры с широким политическим кругозором, которые смогут просветить своих солдат. Только тогда человек в мундире перестанет быть просто членом политических партий, а станет солдатом, размышляющим категориями государственной политики...», – так писал в своих мемуарах германский генерал-фельдмаршал А. Кессельринг [21, с. 454].

Отделение, взвод, рота, батальон определяются в современной войне основными оперативно-тактическими единицами, поскольку использование и сосредоточение крупных соединений на одном участке становится проблематичным из-за возможности его быстрого обнаружения, а затем и поражения высокоточными и дальнобойными средствами РСЗО противника.

Быстрота, натиск, маневр – основные атрибуты современного боя. Только тщательно разработанный план и специальная подготовка способствуют успеху в сражении.

История показывает, что победитель еще до начала военной баталии создавал для врага невыгодную для него психологическую обстановку [19, с. 179], в современной войне – без информационного

сопровождения. Организация деятельности массмедиа на поле боя становится частью военного искусства и от того, кто победит в этом информационном противоборстве, во многом зависит успех всей кампании. Современные массмедиа не только меняют нашу социальную реальность, но и создают новую символическую конструкцию, определяют новые векторы общественного развития, меняют сложившиеся социализационные практики и формируют виртуальное пространство со своими контурами морали и нравственности [22, с. 209].

В таком едином пространстве формируются образы героев и образы врагов. В отечественной историографии накоплен фактический материал в дискурсе «герой-враг» [23; 24], поэтому и в военной доктрине Российской Федерации, на наш взгляд, необходимо конкретизировать эти понятия.

История представляет достаточно много подтверждений того, что некоторые высокоразвитые державы рушились от внутреннего разложения, а не от прямых военных действий со стороны противника.

Главный ресурс войны – люди. Одни разрабатывают стратегию и тактику ее ведения, другие реализуют на практике приемы и методы боя, поэтому важнейшим элементом военного искусства является подготовка мобилизационного ресурса. История России насчитывает как минимум пять мобилизаций¹:

- 1) 1876 – 1877 гг. (Русско-турецкая война, призвано 376 тыс. чел.);
- 2) 1904 – 1905 гг. (Русско-японская война – 1 754 тыс. чел.);
- 3) 1914 – 1917 гг. (Первая мировая война – 15 млн чел.);
- 4) 1941 – 1945 гг. (Великая отечественная война – 35 млн чел.);
- 5) 2022 г. (специальная военная операция на Украине – 300 тыс. чел.).

¹ В истории России было пять мобилизаций. URL: <https://dzen.ru/a/YzBDyJ9L2F1nrg59> (дата обращения: 21.12.2022).

Не все мобилизации принесли желаемый результат на поле боя и не все привели к победе в войне, поэтому политическое руководство СССР после окончания Второй мировой войны выстроило стройную систему организационно-мобилизационной готовности страны к отражению любой внешней агрессии. За постсоветский период эта система была разрушена и принята навязанная западными странами во главе с США смешанная модель комплектования армии, на две трети состоящая из контрактников (наемников). Последние тридцать лет армия и ее элементы подвергались бесконечным трансформациям, модернизациям и оптимизациям. Особенно это отразилось на состоянии военной науки и военного образования. По сей день идет дискуссия по поводу необходимости только профессиональной армии, что, по своей сути, для рыночного государства обходится весьма дорого. Вместе с тем исторический опыт наглядно иллюстрирует, что именно русская, а потом и советская армия по призыву всегда побеждала своих противников. В свою очередь, наемные армии постоянно терпели фиаско даже перед более слабым в техническом оснащении противником.

Втянувшись в западный рыночный проект, мы, сами того не желая, вычеркнули из своей исторической памяти своих героев, имена которых были навечно зачислены в списки воинских частей и военно-учебных заведений. В настоящее время уже нет ни этих воинских формирований, ни этих имен наших советских героев, а ведь советский патриотизм успешно развивался и обогащался во взаимодействии с такими важными «скрепами» общества, как интернационализм, героизм, коллективизм и гражданственность.

Трансформация социальной структуры современного российского общества, детерминируемая дихотомиями экономи-

ческого развития, демонстрирует устойчивую закономерность. В периоды войн, конфликтов и кризисов усиливается социальное расслоение, прогрессирует социальная поляризация, увеличивается численность беднейших слоев населения перманентно с редуцированием и без того сравнительно небольшой доли среднего класса. Крайняя неравномерность в распределении экономических благ коррелирует с диспропорциями символического, культурного капитала и иных многомерных социальных переменных [25, с. 190]. Отсюда искусство ведения войны находится в прямой зависимости от общественно-экономического устройства государства.

Выводы

Для научного понимания истории развития военного искусства, стратегии и тактики ведения вооруженной борьбы необходимо задействовать весь арсенал накопленных человечеством знаний, опираясь на конкретные события и факты в их хронологической последовательности.

Историография военного искусства подтверждает состоятельность доводов научного сообщества о том, что в его основу положены вековые традиции и культурная матрица народа, пронизывающая все сферы деятельности военной организации общества. Любая армия мира при разработке стратегии и тактики ведения войны впитывает в себя все достижения культуры нации, которая ее формирует. Ожесточенное противостояние современных цивилизаций за культурное, технологическое, и экономическое доминирование приводит к новым нелинейным «правилам» ведения войны. Лучшая стратегия военного искусства – победить другую армию и народ, который ее комплектует, не сражаясь на поле боя. Информационное пространство предстает в настоящее время в качестве главной арены битвы цивилизаций.

Список литературы

1. Зарудницкий В. Б. Военная история России – стержень нашей нравственности // Военная мысль. 2021. № 10. С. 119–134.
2. Цзян Ч., Ян Кэ. Распространение трактата Сунь-Цзы «Искусство войны» за пределами Китая // Современные востоковедческие исследования. 2021. Т. 3, № 1. С. 74–84.
3. Вакарёв А. А., Гришин И. А. Военная безопасность России: угрозы и современный уровень // Вестник Волжского института экономики, педагогики и права. 2021. № 1. С. 43–48.
4. Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 1. 6-е изд. М. : Политиздат, 1983. 320 с.
5. Abramov A. P. Cadet education in the imperial Russia genesis, dialectics and the social structure of the society // Bylye Gody. 2014. Vol. 32 (2). P. 140–144.
6. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Молотовское областное государственное изд-во, 1951. 592 с.
7. Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия : с помещенными в тексте картами, планами, портретами полководцев, генералов, рисунками форм обмундирования и вооружения войск и современными картинами некоторых сражений. 2-е изд., доп. СПб. : Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. 520 с.
8. Панеш А. Д. Из истории военного искусства // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. 2022. № 30 (54). С. 93–97.
9. История военного искусства: в 2 т. / под общ. ред. д-ра воен. наук, проф. Главного маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова. М.: Воениздат, 1963. Т. 1. 1963. 526 с.
10. Строков А. А. История военного искусства: в 3 т. М.: Военное издательство МО СССР, 1955–1967.
11. Лапшин В. А. А. Н. Кирпичников – историк военного дела средневековой Руси // Археологические вести. 2022. № 36. С. 9–15.
12. История военного искусства / [В. В. Абатуров, Б. А. Божедомов, С. В. Воробьев и др.; научный редактор А. А. Кольтюков]; Министерство обороны Российской Федерации, Главное управление кадров. М.: Военное изд-во, 2011. 398 с.
13. История военного искусства: коллективная монография / [С. М. Лопин, С. И. Пасичник, Д. Н. Колесников и др.]; Министерство обороны Российской Федерации. М.: Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных сил Российской Федерации, 2021. 224 с.
14. Штупка А. В. История развития военных наук в Австрии // Военные науки versus наука о войне в Австрии и в России: коллективная монография. М.: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 2021. С. 77–82.
15. Шагов А. Е. История происхождения и эволюция концепции и методов ведения гибридной войны. М. : ООО Изд-во «Мир науки», 2022. 155 с.
16. Басик И. И. Форпост военно-исторической науки. 55 лет со дня создания Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации // Военно-исторический журнал. 2021. № 11. С. 64–71.
17. Лиддел Гарт Б. Г. Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий / ред. С. Переслегин. М.; СПб.: АСТ: Терра Фантастика, 2003. 656 с.

18. Guderian H. *Erinnerungen eines Soldaten*. Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1979. 464 s.
19. Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира / пер. В. Желнинов. М.: Изд-во АСТ, 2021. 448 с.
20. Бувальцев И. А., Абдрашитов О. А., Гарвардт А. В. Развитие тактики в современных условиях // *Военная мысль*. 2021. № 10. С. 30–37.
21. Кессельринг А. Солдат до конца: Воспоминания / перев. с нем. Е. В. Злобникова. Минск: ООО Попурри, 2004. 512 с.
22. Абрамов А. П. Военные массмедиа в условиях информационной войны // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12, № 2. С. 206–218.
23. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
24. Багдасарян В. Э. Образ врага в исторических фильмах 1930-1940-х годов // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 31–46.
25. Сапронов А. В., Абрамов А. П. Социальная поляризация российского общества: динамика неравенства // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2017. Т. 7, № 3 (24). С. 185–192.

References

1. Zarudnitsky V. B. *Voyennaya istoriya Rossii – sterzhen' nashey npravstvennosti* [The military history of Russia is the core of our morality]. *Voyennaya mysl' = Military Thought*, 2021, no. 10, pp. 119–134.
2. Jiang Ch., Yang Ke. *Rasprostraneniye traktata Sun'-TSzy "Iskusstvo voyny" za predelami Kitaya* [Distribution of Sun Tzu's treatise "The Art of War" outside of China]. *Sovremennyye vostokovedcheskiye issledovaniya = Modern Oriental Studies*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 74–84.
3. Vakarev A. A., Grishin I. A. *Voyennaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i sovremennyy uroven'* [Military security of Russia: threats and the current level]. *Vestnik Volzhskogo instituta ekonomiki, pedagogiki i prava = Bulletin of the Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law*, 2021, no. 1, pp. 43–48.
4. Vasilevsky A. M. *Delo vsey zhizni* [The work of a lifetime]. Book 1. 6th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 320 p.
5. Abramov A.P. Cadet education in the imperial Russia genesis, dialectics and the social structure of the society. *Bylye Gody*, 2014, vol. 32 (2), pp. 140–144.
6. Ignatiev A. A. *Pyat' desyat let v stroyu* [Fifty years in the ranks of Prince]. Moscow, Molotovskoe oblastnoye gosudarstvennoye izd-vo, 1951. 592 p.
7. Mikhnevich N. P. *Istoriya voyennogo iskusstva s drevneyshikh vremen do nachala devyatsatogo stoletiya* [The history of military art from ancient times to the beginning of the nineteenth century]. 2nd ed., add. St. Petersburg, Parovaya Skoropechatnya P. O. Yablonskogo, 1896. 520 p.
8. Panesh A.D. *Iz istorii voyennogo iskusstva* [From the history of military art]. *Vestnik nauki Adygeyskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy imeni T. M. Kerasheva = Bulletin of Science of the Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerashev*, 2022, no. 30 (54), pp. 93–97.

9. Istoriya voyennogo iskusstva [History of military art]; ed. by P. A. Rotmistrov. Moscow, Voenizdat Publ., 1963, vol. 1. 526 p.
10. Stokov A. A. Istoriya voyennogo iskusstva [History of military art]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo MO SSSR, 1955–1967.
11. Lapshin V. A. A. N. Kirpichnikov – istorik voyennogo dela srednevekovoy Rusi [A. N. Kirpichnikov – military historian of medieval Rus']. *Arkheologicheskiye vesti = Archaeological news*, 2022, no. 36, pp. 9–15.
12. Abaturov V. V., Bozhedomov B. A., Vorobyov S. V., eds. Istoriya voyennogo iskusstva [History of military art]; ed. by A. A. Koltyukov. Moscow, Voennoe izd-vo, 2011. 398 p.
13. Lopin S. M., Pasichnik S. I., Kolesnikov D. N., eds. Istoriya voyennogo iskusstva [History of military art]. Moscow, Obshchevojskovaya ordena Zhukova akad. Vooruzhennykh sil Rossijskoj Federacii Publ., 2021. 224 p.
14. Shtupka A. V. Istoriya razvitiya voyennykh nauk v Avstrii [The history of the development of military sciences in Austria]. *Voennye nauki versus nauka o vojne v Avstrii i v Rossii [Military sciences versus the science of war in Austria and Russia]*. Moscow, Moscow St. Linguistic Univ. Publ., 2021, pp. 77–82.
15. Shagov A. E. Istoriya proiskhozhdeniya i evolyutsiya kontseptsii i metodov vedeniya gibrinoy voyny [The history of the origin and evolution of the concept and methods of conducting a hybrid war]. Moscow, Mir nauki Publ., 2022. 155 p.
16. Basik I. I. Forpost voyenno-istoricheskoy nauki. 55 let so dnya sozdaniya Nauchno-issledovatel'skogo instituta (voynnoy istorii) Voynnoy akademii General'nogo shtaba Vooruzhennykh sil Rossiyskoj Federatsii [Outpost of military-historical science. 55th Anniversary of the Foundation of the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal = Military History Journal*, 2021, no. 11, pp. 64–71.
17. Liddell Garth B. G. Entsiklopediya voyennogo iskusstva. Strategiya nepryamykh deystviy [Encyclopedia of military art. Strategy of indirect actions]; ed. by S. Pereslegin. Moscow, St. Petersburg, AST Publ., Terra Fantastica Publ., 2003. 656 p.
18. Guderian H. [Memories of a soldier]. Stuttgart, Motorbuch Verlag, 1979. 464 p. (In German)
19. Luttwak E. Strategiya: logika voyny i mira [Strategy: the logic of war and peace]. Moscow, AST Publ., 2021. 448 p.
20. Buvaltsev I. A., Abdrashitov O. A., Harvardt A. V. Razvitiye taktiki v sovremennykh usloviyakh [Development of tactics in modern conditions]. *Voyennaya mysl' = Military Thought*, 2021, no. 10, pp. 30–37.
21. Kesselring A. Soldat do kontsa: Vospominaniya [Soldier to the end: Memoirs]. Minsk, Popurri Publ., 2004. 512 p.
22. Abramov A. P. Voennyye massmedia v usloviyakh informatsionnoy voyny [Military mass media in the conditions of information war]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 206–218.
23. Aniskov V. T. Krest'yanstvo protiv fashizma. 1941–1945. Istoriya i psikhologiya podviga [Peasantry against fascism. 1941–1945. History and psychology of achievement]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2003. 502 p.

24. Bagdasaryan V. E. *Obraz vraga v istoricheskikh fil'makh 1930-1940-kh godov* [The image of the enemy in historical films of the 1930–1940 s]. *Otechestvennaya istoriya = Domestic History*, 2003, no. 6, pp. 31–46.

25. Sapronov A. V., Abramov A. P. *Sotsial'naya polyarizatsiya rossiyskogo obshchestva: dinamika neravenstva* [Social polarization of Russian society: the dynamics of inequality]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2017, vol. 7, no. 3 (24), pp. 185–192.

Информация об авторе / Information about the Author

Абрамов Александр Петрович, доктор социальных наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: abramov_ap@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-9913-2449

Alexander P. Abramov, Dr. of Sci. (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: abramov_ap@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-9913-2449

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-222-241>

Развитие городского электрического транспорта в городах Центрального Черноземья в преддверии Великой Отечественной войны: особенности и результаты

А. С. Давыдов¹ ✉¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: oi46@mail.ru

Резюме

Актуальность. До недавнего времени в Российской Федерации интересы развития городского электрического транспорта находились на периферии внимания как федеральных, так и местных органов государственной власти. Одновременно происходил неуклонный и непрерывный рост городов с возникновением новых обширных районов. Для решения проблемы транспортной доступности, связи новых жилых районов с основными городскими магистралями требовалась модернизация транспортной системы городов и интеграция в нее наиболее подходящих видов транспорта для удовлетворения потребностей в перевозках горожан. Существующие системы общественного транспорта, опирающиеся на транспортные средства малого и среднего класса, не справляются с новыми задачами. Одним из способов решения возникшей проблемы является развитие городского электрического транспорта, что находит свое отражение и в федеральной программе Министерства транспорта Российской Федерации «Модернизация пассажирского транспорта в городских агломерациях». В этой связи обобщение опыта функционирования городского транспорта в предшествующие периоды истории представляется весьма актуальным.

Цель – раскрыть специфику развития городского электрического транспорта в городах Центрального Черноземья в период с 1938 по 1941 год.

Задачи: на основе анализа материалов Государственного архива Российской Федерации, местных архивов и соответствующей литературы выявить общие тенденции и особенности развития городского электрического транспорта в городах Центрального Черноземья.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались основные принципы исторической науки: историзм, объективность и системность. В ходе написания статьи были применены как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, аналитический метод), так и специальные исторические методы: ретроспективный, сравнительно-исторический.

Результаты. На основе анализа литературы и архивных материалов были выявлены общие принципы и направления развития трамвайных хозяйств в городах Центрального Черноземья, проанализированы результаты реализации запланированных работ до начала Великой Отечественной войны.

Вывод. Несмотря на наличие ряда отдельных работ, посвященных трамвайным хозяйствам городов Центрального Черноземья, отсутствуют исследования, обобщающие их развитие накануне Великой Отечественной войны с выделением для них характерных аспектов и особенностей, а также общим соотношением их развития с состоянием трамвайных хозяйств в целом по РСФСР.

Ключевые слова: главтрамвай; трамвайное хозяйство; подстанции; депо; планирование.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Давыдов А. С. Развитие городского электрического транспорта в городах Центрального Черноземья в преддверии Великой Отечественной войны: особенности и результаты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 222–241. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-222-241>.

Поступила в редакцию 28.12.2022

Принята к публикации 27.01.2023

Опубликована 27.02.2023

The Development of Urban Electric Transport in the Cities of the Central Chernozem Region on the Eve of the Great Patriotic War: features and Results

Alexey S. Davydov¹✉

¹ Southwest State University
50 let Otyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: oi46@mail.ru

Abstract

Relevance. Until recently, in the Russian Federation, the interests of the development of urban electric transport were on the periphery of both federal and local government bodies. At the same time, there was a steady and continuous growth of cities with the emergence of new vast areas. To solve the problem of transport accessibility, the connection of new residential areas with the main city highways, it was necessary to modernize the transport system of cities and integrate the most suitable modes of transport into it to meet the needs of citizens in passenger transportation. Existing public transport systems based on small and medium-sized vehicles are unable to cope with the new emerging challenges. One of the ways to solve the problem is the development of urban electric transport, which is also reflected in the federal program of the Ministry of Transport of the Russian Federation "Modernization of passenger transport in urban agglomerations". In this regard, the generalization of the experience of the functioning of urban transport in previous periods of history is very relevant.

The purpose is to reveal the specifics of the development of urban electric transport in the cities of the Central Black Earth Region in the period from 1938 to 1941.

Objectives: based on the analysis of materials from the State Archive of the Russian Federation, local archives and relevant literature, to identify general trends and features of the development of urban electric transport in the cities of the Central Black Earth Region.

Methodology. In the process of working on the study, the basic principles of historical science were used: historicism, objectivity and consistency. In the course of writing the article, both general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction, analytical method) and special historical methods were applied: retrospective, comparative historical.

Results. Based on the analysis of literature and archival materials, the general principles and directions for the development of tram facilities in the cities of the Central Black Earth Region were identified, and the results of the implementation of the planned work before the start of the Great Patriotic War were analyzed.

Conclusion. Despite a number of separate works devoted to the tram facilities of the cities of the Central Chernozem region, there are no studies that summarize their development on the eve of the Great Patriotic War, highlighting their characteristic aspects and features, as well as the general relationship between their development and the development of tram facilities in the RSFSR as a whole.

Keywords: main tram; tram economy; substations; depot; planning.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Davydov A. S. The Development of Urban Electric Transport in the Cities of the Central Chernozem Region on the Eve of the Great Patriotic War: features and Results. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(1): 222–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-222-241>.

Received 28.12.2022

Accepted 27.01.2023

Published 27.02.2023

Введение

Исследование развития городского электрического транспорта накануне Ве-

ликой Отечественной войны имеет важное значение в современных условиях модернизации систем общественного

транспорта в Российской Федерации. В сложившихся обстоятельствах особый интерес вызывает повышенное внимание со стороны властных структур к обновлению именно городского электрического транспорта как ключевой части городской транспортной системы. Дело в том, что для эффективной эксплуатации в городских условиях трамваев и троллейбусов следует учитывать специфику их работы и условия, в которых их применение будет иметь наибольший эффект.

В первую очередь этот транспорт рассчитан на перевозку больших пассажиропотоков на наиболее загруженных участках городских агломераций. В ходе развития и расширения городов, которые укрупняются и прирастают новыми районами, где сосредоточивается большое количество населения, сразу встает проблема транспортной связи. Подобные классические урбанистические проблемы имелись и в прошлом. С подобными трудностями столкнулся и Советский Союз в период проведения сталинской индустриализации, в результате которой неуклонно шел рост городов, а вместе с этим возникали проблемы транспортной доступности. Для решения проблем с перевозкой большого числа пассажиров был сделан акцент на развитии электро-транспортного хозяйства. После окончания второй пятилетки (1932–1937 гг.) городской электрический транспорт работал в Курске и Воронеже и нуждался как в расширении, так и в качественном обновлении всей инфраструктуры. Именно для рассмотрения специфики мероприятий, направленных на развитие городского электрического транспорта, нами был выбран период предвоенного развития отрасли, когда в ходе реализации третьего сталинского народно-хозяйственного плана (1938–1942 гг.) были завершены проектные работы по строительству трамвая в городах Тамбов и Липецк, а также выполнена работа по существенному обновлению инфраструктуры трам-

важных хозяйств в городах Курск и Воронеж.

Методология

В данной работе автор использовал комплекс научных методов и принципов, что позволило достичь поставленной цели и выполнить озвученные задачи. Автор при проведении исследования основывался на принципах историзма, объективности и системности, что способствовало взвешенному изучению архивных документов. Следует отметить, что при написании статьи применялись такие методы, как: анализ, синтез, индукция и дедукция, аналитический метод. Автор также в исследовании использовал проблемно-хронологический метод, позволивший отразить развитие отрасли городского электрического транспорта с начала 1917 г. по 1937 г. Сравнительно-исторический метод позволил отразить формы и содержание работы, направленной на развитие хозяйства городского электрического транспорта в преддверии Великой Отечественной войны с предшествующим периодом.

Использование перечисленного методологического аппарата позволило выявить особенности и оценить динамику развития городского электрического транспорта в городах Центрального Черноземья накануне Великой Отечественной войны.

Результаты и их обсуждение

Городской электрический транспорт в городах РСФСР динамично развивался. До 1917 г. электрический трамвай имелся в 23 городах. Как правило, он содержался на средства иностранных компаний (концессионеров) и не являлся тяжким бременем для городских властей, его трассировка проходила по наиболее оживленным городским дорогам, что давало хорошую выручку владельцам [1, с. 58]. Советская власть существенно пересмотрела сложившийся подход в развитии электрического транспорта. Наиболее

отчетливо новая политика была обозначена в докладных записках Главного управления трамваев о развитии электро-транспорта с 1917 г. [2, л. 1], в которых указывалось, что системы трамвая стали теперь создаваться преимущественно в промышленных центрах и старались об-

служивать рабочих промышленных предприятий. Приоритетным направлением для строительства трамвайных линий стали рабочие посёлки [3, л. 6]. В таблице 1 представлена динамика развития электротранспортного хозяйства в РСФСР.

Таблица 1. Рост трамвайного хозяйства в РСФСР в 1917–1937 гг. [3, л. 6–7]

Table 1. The growth of the tram economy in the RSFSR in 1917-1937 [3, l. 6-7]

Показатель	1917 г.	1937 г.	Рост, %
Число городов с трамваем	23	42	183
Население городов, обслуживаемое трамваем, тыс. чел.	6500	15400	246, 4
Длина одиночного трамвайного пути, км	927	2382,3	257
Число вагонов	2929	7291	248
Вагонов в движении	2142	6411	300
Пробег вагонов, млн ваг. км	125,5	611,2	487
Перевозка пассажиров, млн чел.	770	4306,7	560

Как видно из данных таблицы 1, трамвайное хозяйство в РСФСР после 1917 г. развивалось стремительно, а средний рост составил более 200%. И всё-таки, несмотря на высокие темпы роста, в отрасли ещё оставалось известное количество проблем и недостатков. О них упоминал в докладных записках и отчетах Главк и настаивал на скором решении. Среди основных проблем мы выделим следующие:

1. В городах РСФСР работа трамвая была организована неудовлетворительной, как по качеству перевозок, так и по их количеству. Основная причина заключалась в недостаточной мощности трамвайных хозяйств, выразившейся в слабом развитии трамвайной сети, недостатке подвижного состава [3, л. 1], отсутствии в ряде городов линий к крупным промышленным предприятиям и наличии однопутных путей, что снижало интенсивность трамвайного движения. Также ремонтная база хозяйств нуждалась в модернизации. Она представляла собой небольшие мастерские с одной-двумя смотровыми канавами, трамвайные депо тупикового типа, где без реконструкции не-

возможно было проводить поточный осмотр вагонов. Трамвайные пути в большинстве городов – это уложенные рельсы дореволюционного типа или вообще старогондние рельсы (т. е. рельсы, снятые с железнодорожных путей) [3, л. 2].

2. Главк в докладной записке в СНК РСФСР по производству трамвайных вагонов в апреле 1938 г. отмечал, что большая часть из них находится в эксплуатации 10 лет и требует замены ввиду морального и физического износа [4, л. 1].

3. Острой являлась проблема материального обеспечения. Главк прямо в докладной записке характеризовал снабжение как самое отсталое, что есть в отрасли. К примеру, потребность в запасных частях для проведения ремонтов в трамвайных хозяйствах была определена суммой в 4,5 млн руб., а советская промышленность приняла изготовление деталей на 450 тыс. руб., или 10% от потребности. Ряд дефицитных деталей (тележки, секции для моторов и другие запасные части) поставлялись в единичном количестве на протяжении ряда лет. На первый взгляд решение проблемы заключалось в увеличении производственных мощно-

стей существующих предприятий или в строительстве специализированных заводов по производству запчастей к трамваям, но, как отмечалось, трамвайные хозяйства крупных городов (Куйбышев, Ленинград, Краснодар и др.) могли бы изготовить в своих мастерских недостающие детали, но сделать это было нельзя по причине отсутствия фондов [3, л. 26].

На наш взгляд, дефицит как регулятор плановой системы хозяйствования являлся причиной такого положения дел, но необходимо согласиться с точкой зрения В. В. Розалиева о том, что у Главка «отстаивание своих интересов в союзных наркоматах при отсутствии собственных предприятий-производителей было ещё слабым. В подчинении Наркомата и Главка в довоенное время не было ни одного собственного предприятия-производителя или ремонтного завода» [5, с. 68].

Таким было состояние отрасли городского электрического транспорта к 1937 г., непрерывно увеличивавшейся в размерах, но имевшей целый комплекс проблем качественного характера, в том числе связанных с обслуживанием пассажиров.

К окончанию действия 2-го народно-хозяйственного плана (1932–1937 гг.) в сфере электрического транспорта произошли качественные изменения. Так, в системе Наркомата коммунального хозяйства в 1937 г. было образовано Главное управление трамвайного хозяйства (Главтрамвай). Постановлением СНК РСФСР от 9 июня 1939 г. и от 10 мая 1940 г. образовалось Главное управление трамваев и троллейбусов [5, с. 69]. Согласно положению о Главке от 15 июня 1940 г., Главное управление трамваев и троллейбусов Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР через краевые, областные, республиканские органы руководило трамвайными и троллейбусными предприятиями РСФСР, оказывало предприятиям и местным органам

коммунального хозяйства техническую помощь и осуществляло контроль за выполнением органами и предприятиями планов эксплуатации, приказов, инструкций и распоряжений правительства и Наркомхоза РСФСР. К основным задачам Главтрамвая следует отнести решение вопросов планирования, выделения средств на капитальное строительство и реконструкцию трамвайных и троллейбусных хозяйств, контроль хода строительства, разработку эксплуатации электротранспортных хозяйств, оказание им технической помощи, принятие годовых отчетов, назначение и смещение главных инженеров и управляющих троллейбусных и трамвайных предприятий [6, л. 1–3].

С этого времени начался процесс унификации и стандартизации городского электрического транспорта в РСФСР, а управление им было централизовано.

К началу реализации 3-го народно-хозяйственного плана (1938–1942 гг.) электрический трамвай имелся в 2-х городах Центрального Черноземья, – Курск и Воронеж.

Трамвайная сеть г. Курска к началу 1938 г. состояла из 15,7 км рельсового пути в одиночном исчислении и 4 участков:

- 1) линия от Московских шпилей по ул. К. Маркса – Ленина – Дзержинского до Херсонских шпилей общей протяженностью 9 км, введенная в эксплуатацию в 1898 г. (двойной путь);
- 2) линия от Херсонских шпилей до Херсонского кладбища общей протяженностью 0,45 км, введена в эксплуатацию в 1931 г. (двойной путь) [7, с. 90];
- 3) линия от мединститута по ул. Ямская гора – Шоссейной до вокзала общей протяженностью 5,25 км, была введена в эксплуатацию в 1935 г. (двойной путь);
- 4) линия от ул. Дзержинского по ул. Добролюбова длиной 1 км, введена в эксплуатацию в 1935 г. (одиночный путь) [7, с. 91].

Из всех участков самой проблемной была Ямская трамвайная линия, где требовалась полная смена всего рельсового полотна на протяжении 5,25 км одиночного трамвайного пути. Остальные участки трамвайной сети в городе находились в хорошем и удовлетворительном состоянии [8, л. 17].

Подвижной состав г. Курского трамвайного управления был представлен 26 моторными вагонами образца Мытищинского производства, преимущественно выпущенными на Коломенском тепловозостроительном заводе имени В. В. Куйбышева. Из них 8 вагонов работали с начала 1931–1932 гг. и, как следствие, имели высокий износ критически важного оборудования [5, л. 18]. Остальные вагоны находились в удовлетворительном состоянии.

Трамвайное депо в Курске было открыто в 1931 г. на ул. Карла Маркса с общей вместимостью на 20 вагономест, также оно имело ремонтные мастерские. Это было кирпичное здание с плоскими железобетонными перекрытиями и опиравшееся на железобетонные колонны, пол в мастерских был дощатый по эстакадам. В 1934 г. к зданию депо было пристроено помещение мастерских площадью 520 м² с кирпичными стенами и деревянными перекрытиями [7, с. 95]. Во второй половине 1937 г. были начаты работы по реконструкции и расширению депо. Пристроенным оказалось здание ремонтных мастерских и проложено дополнительно 430 м парковых путей для осуществления поточного метода осмотра вагонов [8, л. 18].

Трамвай обеспечивался электроэнергией от тяговой преобразовательной подстанции, оборудованной 2 ртутными выпрямителями РВ-5 на 300 кВт и 1 ртутным выпрямителем РВ-10 на 600 кВт. Их общая мощность составляла 1300 кВт. Контактная сеть по улицам: Дзержинского, Ленина, Добролюбова была смонтирована на поперечных растяжках, а по Ямской линии – на металлических мач-

тах. Как и в случае с трамвайными путями, воздушной сети требовалась смена на линии в Кировский район (современный Железнодорожный округ) [8, л. 18].

Рабочей силой трамвайное предприятие было укомплектовано на 98%, по плану должно было числиться 380 работников, фактически работало 368 человек. Общий годовой фонд зарплаты составлял 727 678 руб., а среднегодовая зарплата работника – 2119 руб. [8, л. 10]

В г. Воронеже трамвайное предприятие, называвшееся трестом Городского транспорта, к 1937 г. включало в себя пассажирский трамвай, грузовой трамвай и городскую ветку. Воронежское трамвайное хозяйство для обеспечения пассажирских перевозок имело 110 вагонов, из них моторных 2-осных 62 единицы, прицепных 2-осных – 48 единиц. Общая протяженность пассажирского пути составляла 52,3 км [9, л. 19]. Она включала в себя 10 участков, построенных в разное время:

1) линии от вокзала по проспекту Революции мимо Кольцовского сквера через Староконную площадь (в наст. время площадь Ленина), ул. Свободы до Маслозавода (район пересечения ул. 20-летия Октября и ул. Кирова) и от вокзала по проспекту Революции, ул. Ленина до парка Динамо общей протяженностью 9,4 км одиночного пути (двойной путь);

2) линия от вокзала по проспекту Революции, ул. Ленина до парка Динамо общей протяженностью 1,8 км одиночного пути (двойной путь);

3) линия от Кольцовского сквера по Плехановской ул. до Заставы общей протяженностью 3 км одиночного пути, введена в эксплуатацию в 1927 г. (двойной путь);

4) линии от проспекта Революции (Петровский сквер) по ул. Степана Разина до Чернавского моста и от Маслозавода (район пересечения ул. 20-летия Октября и ул. Кирова) до конца ул. Краснознаменной общей протяженностью 6 км оди-

ночного пути, введены в эксплуатацию в 1928 г. (двойной путь);

5) линия от парка Динамо до СХИ общей протяженностью 2 км одиночного пути, введена в эксплуатацию в 1928 г. (одиночный путь);

6) линия от Заставы по Плехановской ул. до экскаваторного завода им. Коминтерна общей протяженностью 3,2 км одиночного пути, введена в эксплуатацию в 1929 г. (двойной путь);

7) линии от Маслозавода через ВОГРЭСовский мост до конца ул. Героев Стратосферы и от ВОГРЭСовского моста до завода СК-2 общей протяженностью 11 км одиночного пути, введены в эксплуатацию в 1932 г. (двойной и одиночный путь);

8) вторая колея линии от парка Динамо до СХИ, общей протяженностью 2,7 км одиночного пути, введена в эксплуатацию в 1934 г.;

9) линия от ул. 20-летия Октября по Кольцовской ул. до Механического завода общей протяженностью 1,54 км одиночного пути, введена в эксплуатацию в 1935 г. [7, с. 92];

10) вторая колея от ВОГРЭСовского моста до конца ул. Героев Стратосферы и от ВОГРЭСовского моста до завода СК-2, вторая колея от ул. 20-летия Октября по Кольцовской ул. до Механического завода общей протяженностью 4,7 км одиночного пути, введены в эксплуатацию в 1937 г. [7, с. 93]

Трамвайное движение электроэнергией обеспечивали 2 тяговые распределительные подстанции с установленной

мощностью 1950 кВт и протяженностью кабельной сети, из которых 9 км – это питательная сеть, а 6,8 км – отсасывающая сеть [9, л. 21]. Трамвайное депо было построено в 1914–1915 гг. по проекту запуска электрического трамвая и занимало участок бывшего ипподрома за храмом св. Владимира по ул. 9 января. Оно включало в себя вагонный парк на 40 двухосных вагонов и административно-жилое здание. В 1931 г. началась реконструкция трамвайного парка для увеличения его емкости, он должен был иметь уже 100 вагономест с модернизированными ремонтными мастерскими. В итоге депо было увеличено до 65 вагономест, общая длина парковых путей составила 1429 м одиночного пути. Был организован собственный литейный цех с производительностью две тонны литья в смену, запущена подвесная дорога длиной 120 м для транспортировки тяжелых деталей из одного цеха в другой. Всего в ремонтных мастерских насчитывалось 30 станков и различных агрегатов [10, с. 285–286].

Грузовой трамвай имел в своём составе к началу 1938 г. 4 моторных вагона и 11 платформ, в его задачу входила перевозка грузов в пределах города и подвозка песка из карьера для Трампарка и к стройплощадкам различных городских организаций [11, с. 82].

Городская железнодорожная ветка функционировала как один из способов доставки товаров организациям в городе, работала круглосуточно. Подвижной состав состоял из 3 паровозов и 1 платформы.

Таблица 2. Технические характеристики трамвайных хозяйств городов Центрального Черноземья к началу 1938 г. [8, л. 17–23; 12, л. 2–5].

Table 2. Technical characteristics of tram farms in the cities of the Central Chernozem region by the beginning of 1938 [8, l. 17-23; 12, l. 2-5].

Показатель	г. Курск	г. Воронеж
Общая протяженность трамвайного пути в одиночном исчислении, км	15,7	52,3
Общая мощность тяговых подстанций, кВт	1200	1950
Общее количество подвижного состава, вагонов	26	110
Емкость трамвайного парка, вагономест	20	65

Как следует из приведенных данных (табл. 2), трамвайные предприятия обоих городов не были равны между собой.

В г. Курске трамвай в основном проходил только по центральным улицам города, а его сеть была в 3,5 раза меньше воронежской. Он не пользовался высоким спросом – всего насчитывалось 145 поездок на человека [13, л. 4]. Основной причиной являлась недостаточная мощность хозяйства. Оно нуждалось в расширении. Помимо этого, в Воронеже, кроме пассажирских, осуществлялись грузоперевозки поездами и трамваями, что вело к большим накоплениям, шедшими на развитие всего хозяйства. Тем не менее, несмотря на различия между двумя хозяйствами, оба нуждались в качественной модернизации своей инфраструктуры.

В г. Курске в ходе реализации третьего пятилетнего плана были запланированы масштабные работы, направленные на расширение трамвайного хозяйства. Председатель Курского Горсовета депутатов трудящихся Н. А. Масленникова в постановлении №541 от 3 октября 1938 г. президиума Госсовета о реализации Постановления СНК СССР от 28 апреля 1938 г. предлагала Управлению трамвая немедленно приступить к проектированию расширения трамвая:

а) трасса от ж/д вокзала до жилого поселка заводов крутильного машиностроения;

б) трасса от Барнышевской площади по ул. Литовской с выходом через ул. Энгельса в сторону нового жилого района, увязав направление перехода через шоссе со схемой планировки этого района;

в) остаток средств использовать на проектирование необходимых работ по Управлению трамвая, связанных с расширением и дооборудованием существующего хозяйства трамвая. Заведующему Горкомхозом Лузану до 8 октября 1938 г. уточнить стоимость перечисленных работ [14, л. 24].

В утвержденном плане работ на период с 1938–1942 гг. планировалось произвести следующие работы:

1) расширение трамвайного парка – 1545 тыс. руб.;

2) строительство 9,5 км двойного трамвайного пути от Барнышевской площади до ж/д станции Рышково. Линия должна идти по ул. Литовской до 3-й Песковской ул. к шоссе по ул. Энгельса и дальше к строящемуся заводу СК-6. На улице Энгельса должно быть оборудовано трамвайное кольцо. Трамвайные пути необходимы для соединения центра города с местом строительства новых промышленных предприятий (2-й Промышленный район) и связи города с парком «Солянка», являющегося единственным местом отдыха для горожан [14, л. 2];

3) строительство трамвайной линии по ул. Луговой протяженностью 1,5 км двойного пути от ул. Дзержинского до ул. Сороковой (в настоящее время ул. Бойцов 9-й дивизии) для организации транспортного сообщения с Казацкой слободой;

4) строительство трамвайных линий в Кировском районе (в настоящее время Железнодорожный округ) протяженностью 6 км двойного пути, от конечной остановки существующей трамвайной линии у железнодорожной станции по ул. Юных Пионеров под северным путепроводом по ул. Цурюпы, Парижской коммуны, Герцена до территории Шпагатной фабрики для соединения города с Восточным жилым районом и местом строительства предприятия 1-го Промышленного района. У вокзала должно быть предусмотрено тупиковое ответвление для возврата вагонов вокзального маршрута за территорией сквера у школы [14, л. 3];

5) строительство трамвайной линии по ул. К. Маркса до ул. Хуторская, где располагается Кирпичный завод с устройством трамвайного кольца и соединительной линии у Мединститута; общая протяженность трамвайного пути составит 1 524 м;

6) устройство питательной и отсасывающей сети длиной в 8 км – 96 тыс. руб.;

7) постройка трамвайной подстанции мощностью 1200 кВт – 300 тыс. руб.; постройка 5 км высоковольтной воздушной линии для питания подстанции – 50 тыс. руб.;

9) приобретение 59 трамвайных вагонов – 2065 тыс. руб. из расчета стоимости 1 вагона в 35 тыс. руб.; организация грузоперевозок потребует вложения 625 тыс. руб. на строительство 5 км специальных грузовых веток [14, л. 3];

10) приобретение грузовых моторных платформ – 400 тыс. руб.;

11) приобретение 2 снегоочистителей необходимо в связи с увеличением сети трамвайных путей, т. к. очистка путей ручным способом обходится дороже;

12) приобретение электросварочного агрегата с нефтяным двигателем – 20 тыс. руб.;

13) постройка дамбы на участке от моста через реку Сейм связана с тем, что на этом участке трамвайные пути должны пройти по болоту. Длина дамбы около 1,75 км; высота насыпи около 3 м; общая стоимость 750 тыс. руб.;

14) строительство павильона и посадочных площадок – 150 тыс. руб.;

15) строительство жилого дома для улучшения жилищных условий служащих трамвая общей стоимостью 600 тыс. руб.;

16) строительство дома Управления и культурно-бытового помещения – 500 тыс. руб. [14, л. 4]

Ввиду того, что техническое состояние трамвайных путей оказалось неудовлетворительным вследствие полного износа старогодних рельсов, предполагалось ежегодно производить капитальный ремонт пути на общей протяженностью 3 км. Стоимость капитального ремонта 1 км рельсов составляла 50 тыс. руб. Общая сумма капитального ремонта трамвайных путей составляла 750 тыс. руб. На капитальный ремонт сети, смену и перетяжку контактного провода требовалось 75 тыс. руб., на капитальный ремонт работающих более 10 лет вагонов – 165 тыс. руб. Расходы по изысканию, проектированию, утверждению проектов и

смет планировались в сумме 253,5 тыс. руб. [14, л. 5]

Таким образом, общая сумма капиталовложений на модернизацию курского трамвайного хозяйства составила 12 929,5 тыс. руб. Следует отметить, что по данным, представленным Областным плановым управлением Курской области, общие вложения составили 17210 тыс. руб. [12, л. 19] На наш взгляд, увеличение сметной стоимости строительных работ произошло после добавления новых объектов строительства. В частности, были запланированы работы по строительству нового депо для обслуживания Рышковской трамвайной линии недалеко от планировавшихся к постройке заводов: СК-6, завода № 378, Эбонитового завода и ТЭЦ. Основные работы должны были развернуться в период 1941–1942 гг. [13, л. 9]

Электрический трамвай в г. Воронеже, как и в г. Курске, не удовлетворял потребности населения в пассажирских перевозках. В 1942 г. согласно расчётам в правобережной части города должно быть перевезено 75 500 тыс. пассажиров [15, л. 1], в левобережной части города – 105 000 тыс. Таким образом, в 1942 г. на одного жителя г. Воронежа должно приходиться в год 220 поездок, а ее средняя длина составить 3,64 км [15, л. 1 об.].

В г. Воронеже намеревались серьезно обновить трамвайное хозяйство. По проекту развития городского трамвая трест Городского транспорта должен был иметь 164 вагона для регулярной перевозки пассажиров. Необходимое количество подвижного состава обосновывалось предварительными расчетами, исходившими из 105 млн перевезенных пассажиров в 1942 г. Для этого в период с 1938–1942 гг. требовалось приобрести 33 моторных вагона и 48 прицепных на сумму 1929 тыс. руб. [15, л. 2]

Путевое хозяйство в ходе строительных работ должно было значительно увеличиться за счет пуска новых участков трамвайной сети.

Был запланирован ввод в эксплуатацию следующих участков:

1. Прокладка второй трамвайной линии в правобережную часть г. Воронежа. К 1938 г. существовал только один трамвайный участок, позволявший проехать с правого на левый берег г. Воронежа. Это двухколейная линия от Маслозавода по ул. Варейкиса (в наст. время ул. 20-летия Октября) через ВОГРЭСовский мост. На данной линии работали только двухвагонные поезда, что было связано с тяжелым профилем трамвайного пути, предполагавшем эксплуатацию сочленённых трамвайных поездов, состоящих из 2-х или 3-х вагонов [15, л. 2 об.].

В ходе расчётов было установлено, что количество пассажиров, переезжающих с правого берега на левый, составит 19 250 чел. Трамвайная линия, проложенная через ВОГРЭСовский мост, не в состоянии обслужить указанное число пассажиров. Даже если принять во внимание смещение графиков работы промышленных предприятий Левого берега на 1 час, то необходимо перевезти из одной части города в другую 11 500 пассажиров, а пропускная способность равна 6500 пассажирам. Следовательно, для решения проблемы транспортной связи между правым и левым берегом было предложено проектное решение о строительстве нового трамвайного участка через Чернавский мост, и линия должно пройти через район Придача и центральный район левого берега, связав их с промышленными предприятиями [15, л. 3].

2. Прокладка 2-колейной линии длиной 4 км от Трамвайного парка до станции Воронеж II и по ул. Правосудия (в наст. время ул. Донбасская) до уже существующего участка трамвайной сети у Заставы. Строительство трамвайной линии необходимо для обслуживания крупных жилых районов станции Воронеж II и завода им. Сталина (в наст. время Воронежсельмаш, бывшие производственные помещения застроены офисными центра-

ми в связи с переездом завода в населенный пункт Масловка).

3. Постройка 2-колейной трамвайной линии длиной 2,5 км одиночного пути от завода им. Коминтерна по Задонскому шоссе мимо эскадрона и областной клинической больницы к парку «Динамо». Проложенная трамвайная линия должна была стать второй магистралью к парку «Динамо» и в будущем может быть продлена до СХИ. Ввод данной линии должен позволить добираться до парка быстрее и не нагружая линию в центре Воронежа по проспекту Революции, и без того обслуживающую высокий пассажиропоток. Помимо этого, будет осуществлена возможность связать дополнительным трамвайным маршрутом Областную клиническую больницу трамвайной линией по проспекту Революции.

4. Строительство 2-колейной линии протяженностью 3,5 км одиночного трамвайного пути по Набережной правого берега от Чернавского моста ниже ГЭС-1 до трамвайного участка на новой дамбе. Данный трамвайный участок должен был стать резервной транспортной магистралью на левый берег и обслуживать грузоперевозки по транспортировке угля с топливной базы ВОГРЭС на ГЭС-1 [15, л. 3 об.].

5. Строительство участка двухколейного трамвайного пути от СХИ до леса Культурного института общей протяженностью 1 км.

6. Строительство трамвайной линии от Кольцовского сквера по ул. Плехановской, Кирова, 9 января.

7. Прокладка второй колеи к трамвайной линии, ведущей к Областной клинической больнице, что должно стать вторым выходом к парку «Динамо» и улучшить связь между парковым пространством и городом [15, л. 4].

Для энергетического обслуживания движения одного вагона требуется 17 кВт, в частности на моторный вагон 20 кВт и прицепной 15 кВт. Отсюда необходимая мощность подстанций на 164 вагона составит 2738 кВт. Учитывая то, что для

стабильной работы подстанции необходим определенный резерв, а также дополнительная мощность для обслуживания вагоноремонтных мастерских депо, мастерских служб, то общая необходимая энергетическая мощность для работы трамвая 4000 кВт. Помимо этого, после проведения электрификации грузового движения понадобится 600 кВт для питания электроэнергией электровозов и моторных вагонов, и таким образом общая потребность составит 4800 кВт.

Планировалось построить 3 тяговые подстанции мощностью 2400 кВт. Они должны разместиться в районе трамвайного парка, парка «Динамо» и в левобережной части г. Воронежа. Общая стоимость работ составила 1300 тыс. руб. [15, л. 4 об.]

Трест городского транспорта для лучшего обслуживания вагонов нуждался в новых вагоноремонтных мастерских для проведения ремонтов. Увеличивающийся парк трамвайных вагонов остро нуждался в строительстве нового трамвайного депо, которое следовало частично включить в эксплуатацию с учетом размещения в нем 50–60 вагонов [15, л. 5].

Для улучшения диспетчеризации и связи между маршрутами в годы 3-й пятилетки следовало построить павильоны на ключевых участках трамвайной сети у СХИ, парка «Динамо», завода им. Коминтерна, завода №18, завода СК-2, Военного городка, завода №16, у ж/д станции Воронеж II и у Придачи. Павильоны должны были в том числе обслуживать связь между линейными работниками. Стоимость одного павильона 18 тыс. руб. [15, л. 6]

Таким образом, общие капиталовложения на модернизацию и развитие трамвайного хозяйства в г. Воронеже должны были составить 15 242 тыс. руб. [15, л. 14]

Город Липецк входил в состав Воронежской области к 1938 г. [16, с. 158], был городом с хорошо развитой промышленностью и численностью населения 63 тыс. чел., а за период 3-й пятилет-

ки согласно плановым расчётам должен был увеличиться до 117 тыс. чел. В городе пассажирскими перевозками занимался только автобусный транспорт, но его не хватало, чтобы обеспечить потребности динамично развивающегося города. Несколько раз местные власти просили рассмотреть вопрос об организации системы пассажирского трамвая. Основными предпосылками для трамвайного движения была внушительная площадь города более 1000 га, динамичность и подвижность городского населения, наличие крупных промышленных предприятий и необходимость обеспечения транспортной связи между ними.

Опираясь на указанные предпосылки, в 1935–1936 гг. по заказу Липецкого горсовета трестом «Комдортранстрой» Народной коллегии коммунального хозяйства (НККХ) был составлен технический проект строительства трамвая на основе проектного задания, разработанного «Комдортранстроем» и утвержденного 1 декабря 1935 г. НТС НККХ РСФСР. Представленный технический проект был рассмотрен и утвержден 9 декабря 1936 г. НТС НККХ РСФСР согласно протоколу № 384 [15, л. 9].

В соответствии с планом 3-й пятилетки (1938–1942 гг.) намечалось осуществить строительство 1-й очереди трамвая общей протяженностью 34,4 км в одиночном исчислении и с организацией движения на 4-х основных линиях:

1) Трамвайный парк – завод «Свободный Сокол» протяженностью 9 км двухпутного пути (одиночное исчисление); связывал центр города с металлургическим заводом, рядом с которым построен рабочий поселок на 10–15 тыс. человек;

2) Железнодорожный вокзал – Сталинская улица (в наст. время ул. Интернациональная) протяженностью 3 км (одиночное исчисление), должна осуществлять связь между центром города и железнодорожным транспортным узлом.

Эти первые две линии планировалось открыть в промежутке 1938–1940 гг.,

чтобы по ним начать эксплуатацию трамвая [14, л. 9];

3) Военный городок – улица Горького протяжением 1,5 км (одиночное исчисление) с организацией двухпутного движения, должна была соединить в центре Липецка две первые трамвайные линии в их средней части, что по задумке дало бы возможность организовать транспортную связь между вокзалом и заводом «Свободный Сокол», пересекая одновременно весьма оживленный район;

4) Трамвайный парк – Новолипецкий завод (в настоящее время Новолипецкий металлургический комбинат) протяженностью 7,4 км, обязана была стать основной транспортной магистралью города, соединяющей центральную часть города с Левобережным промышленным районом. Значимость и потребность в строительстве обозначенной линии объясняется тем, что левобережная часть г. Липецка имеет хорошо развитые и крупные промышленные предприятия: Новолипецкий завод, Станкострой (в 1944 г. на его месте появился Липецкий тракторный завод), а в рабочих поселках, построенных предприятиями, проживало 25–30 тыс. человек. Строительство данной линии было сопряжено с рядом трудностей: так необходимо было возвести новую дамбу через пойму реки Воронеж протяженностью 2,5 км и построить железобетонный мост через ту же реку в 228 м. Осуществление линии, тем не менее, несмотря на высокий объем работы, было запланировано на конец 3-й пятилетки [15, л. 9 об.].

Количество необходимого подвижного состава высчитывалось из общего количества населения Липецка в 117 тыс. чел., где 70 поездок в трамвае приходилось на 1 жителя. В ходе разнообразных расчетов показателей возможной работы трамвая было выяснено, что необходимо 30 моторных вагонов, а для организации грузоперевозок требовалось 3 моторных грузовых вагона и 3 грузовых прицепных вагона [15, л. 10].

Для осуществления энергоснабжения запроектировано было строительство трамвайной тяговой подстанции мощностью 1200 кВт, состоящей из 2-х ртутных выпрямителей РВ-10. Резервная энергетическая мощность подстанции в проекте заложена в связи с возможным расширением подвижного состава и, естественно, подстраховкой в случае аварии или поломки одного из агрегатов. Строительство планировалось завершить в 1938 г. Запланировано было также строительство трамвайного депо с мастерскими для обслуживания не менее 40 вагонов [15, л. 10].

По плану предполагалось в течение 1938–1939 гг. проложить однопутные трамвайные пути по направлениям: Трампарк – Свободный Сокол, ж/д вокзал – Сталинская улица, а также частично осуществить строительство парковых путей. Выполнить основные работы по строительству трамвайного парка, трамвайной подстанции, приобрести 8 моторных вагонов и открыть движение по указанным линиям. На 1940 г. запланирована была прокладка 2-го пути по направлению ж/д вокзал – Сталинская ул. и 2-путный участок Военный городок – ул. Горького с одновременным возведением моста и дамбы через пойму р. Воронеж [15, л. 10].

В 1941–1942 гг. должно было заканчиваться строительство моста и дамбы, прокладываться одноклейная линия Трампарк – Новолипецкий завод в левобережную часть города, прокладывался 2-й путь Трампарк – Свободный Сокол, вместе с которым заканчивались работы по строительству второй очереди трамвая.

Общая сумма капиталовложений для открытия трамвайного движения в г. Липецке была значительной, предполагалось потратить средства в размере 8931 тыс. руб.

К началу 1938 г. Тамбов [17, с. 114] имел население 122 тыс. чел., город промышленно развитый, с крупными промышленными предприятиями, такими как, к примеру, «Ревтруд», Тамбовский

вагоноремонтный завод, машиностроительный завод «Комсомолец», завод по производству тракторных запасных частей «Трактордеталь», моторный завод, завод по производству синтетического каучука СК-5, Шинный завод, Анилокрасочный завод, и недалеко от заводов соответствующие рабочие посёлки. Требовалось обеспечить связь между всеми городскими предприятиями, основными транспортными узлами и зонами отдыха. Следует отметить, что автобусного движения для выполнения перечисленных задач явно не хватало. Поставленным целям и задачам соответствовал городской электрический трамвай, способный работать в условиях больших пассажирских потоков с соблюдением расписания, подстраиваясь под графики городских предприятий.

Первые попытки организовать трамвайное движение в г. Тамбове предпринимались еще в 1900 г. а затем в период с 1923 по 1937 г., но из отсутствия вложений денежных средств строительство трамвая постоянно откладывалось [18, с. 266].

Учитывая запросы и записки городских властей, а также местных партийных органов, 2 ноября 1939 г. в Госплан РСФСР Дегтярю Д. Д. и в Наркомхоз РСФСР Померякову Н. Д. была адресована записка № Т-2-м920 от Управления делами СНК РСФСР, в которой согласно поручению СНК РСФСР предлагалось дать обоснование о необходимости строительства трамвая в г. Тамбове, а также предоставить проект в СНК РСФСР с общим указанием затрат на строитель-

ство трамвая и степенью участия промышленных предприятий в строительных работах [19, л. 1].

Ответ на запрос был предоставлен 28 декабря 1939 г., в записке № 30-2-33, согласно которой в соответствии с основными положениями развития механического транспорта строительство трамвая в г. Тамбове признано целесообразным, а проектные работы возлагаются на Дортранспроект. Госплан видел необходимость строительства трамвая в указанном уже нами высоком промышленном развитии города и регулярной транспортной связи между промышленными предприятиями [10, л. 2].

Первая очередь строительства трамвая включала в себя: прокладку трамвайного пути 13,4 км по направлению Автошколы – ж/д вокзал – завод СК-5; эта линия должна была проходить через центр города, где располагались крупные заводы и связать основную часть г. Тамбова с заводами СК-5, анилокрасочным, шинным и другими, расположенными в 2-3 км от городской черты и 4 км от рабочего поселка завода СК-5 [10, л. 2].

С целью энергетического питания трамвайного движения было запроектировано к строительству две подстанции общей мощностью 2400 кВт с наличием 3-х ртутных выпрямителей типа РВ-10. Трамвайное депо должно было иметь ёмкость на 30 вагономест, с наличием вагонных мастерских и сетью протяженностью 3 км одиночных парковых путей.

Строительство трамвая должно вестись в порядке долевого участия (табл. 3).

Таблица 3. Распределение средств на строительство трамвая в г. Тамбове [10, л. 3]

Table 3. Distribution of funds for the construction of a tram in Tambov [10, l. 3]

Источник финансирования	Общая сумма
Народный комиссариат химической промышленности СССР	2400 тыс. руб.
Народный комиссариат путей сообщения СССР	1350 тыс. руб.
Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР	1250 тыс. руб.

Материальные фонды необходимо было распределять между наркоматами

согласно их долевого участию в капиталовложениях.

В проекте постановления СНК РСФСР от декабря 1939 г. было признано целесообразным начать строительство в

1941 г. трамвая в г. Тамбове по принципу долевого участия с общими затратами 5000 тыс. руб. [19, л. 3]

Таблица 4. Планируемое развитие трамвайных хозяйств Центрального Черноземья в ходе реализации третьего пятилетнего народно-хозяйственного плана (1938–1942 гг.)

Table 4. Planned development of tram farms in the Central Chernozem region during the implementation of the third five-year national Economic Plan (1938–1942)

Показатель	г. Воронеж	г. Курск	г. Тамбов	г. Липецк
Строительство новых трамвайных путей, км	44,3	17	13,4	34,4
Строительство новых тяговых подстанций, ед.	3	1	2	1
Общая мощность вводимых тяговых подстанций, кВт	2400	1200	2400	1200
Строительство трамвайных парков, ед.	1	1	1	1
Ввод новых вагономест в трамвайных парках	60	–	30	40
Строительство новых линий контактной сети, км	44,3	17	13,4	34,4
Приобретение нового подвижного состава, вагонов	81	59	30	33
Общая сумма капиталовложений, тыс. руб.	15242	17210	5000	8931

Исходя из представленных в таблице 4 данных, за годы реализации третьего пятилетнего народно-хозяйственного плана (1938–1942 гг.) в городах Центрального Черноземья должен был произойти бурный рост трамвайного хозяйства. За последующие 5 лет, к началу 1943 г. трамвай должен был быть построен в г. Липецке и г. Тамбове, а в г. Курске и г. Воронеже значительно расширена и модернизирована инфраструктура трамвайного хозяйства. Как нами уже было отмечено, основное направление развития электротранспорта в рассматриваемый период – это создание возможности перевозок и связи между промышленными предприятиями и центральными районами городских агломераций. Следует отметить, что именно развитие крупной промышленности создало предпосылки для комплексного развития сети электрического трамвая.

В г. Курске работы, направленные на модернизацию и расширение трамвайного хозяйства, начались в 1938 г.

На наш взгляд, в первый год ход и общий характер строительных работ был скромным и незначительным. К наиболее значимым объектам, введенным в эксплуатацию, следует отнести увеличение трамвайных путей в единственном трамвайном депо на 0,45 км за счет постройки нового трамвайного кольца. Помимо этого был проведен капитальный ремонт на Кировской линии протяженностью 1310 м с заменой 100% рельс и 50% шпал. На Кировской линии также были проведены работы по текущему ремонту, было смонтировано 6 стрелочных переводов [20, л. 3].

В ходе работ по энергохозяйству был установлен один ртутный выпрямитель на тяговой подстанции на 600 кВт, заменив один из выпрямителей, рассчитанный на мощность 300 кВт. Таким образом,

общая установленная мощность составила 1500 кВт [20, л. 3 об.].

В полном соответствии с постройкой нового трамвайного кольца была увеличена контактная сеть на 0,5 км. В ходе ремонтных работ была произведена перетяжка и регулирование линии с заменой арматуры по всей ул. Ленина и части ул. Дзержинского. Была произведена частичная замена столбов. Подвижной состав пополнился 3-мя моторными вагонами. Капитальные вложения в трамвай составили 306,8 тыс. руб. из них было освоено 301,1 тыс. руб. Однако следует отметить, что введено объектов в действие было на сумму 460, 8 тыс. руб., за счёт остатка несданных капиталовложений за предыдущее время в сумме 140,0 тыс. руб. [20, л. 42]. Работы по капитальному ремонту были выполнены на 94,8 тыс. руб. из выделенных по плану 123,2 тыс. руб. [20, л. 53].

Масштабные работы были развернуты только в 1939 г. Строительство Рышковской трамвайной линии имело ключевое значение для социального развития г. Курска, оно связывало ряд крупных строящихся заводов, находящихся за пределами городской границы, с площадью Дзержинского, являвшейся важным транспортным узлом города, где заканчивался самый первый трамвайный участок, введенный в действие в 1898 г. Новый трамвайный участок обеспечивал последующее развитие и заводов, и новых районов, формирующихся из наскоро сложенных рабочих поселков, т. к. таким образом решалась проблема транспортной доступности.

Технический проект на строительство трамвайной линии к Рышковской промышленной площадке был утвержден 26 апреля 1939 г. НККХ РСФСР на сумму 2226,9 тыс. руб. По нему предусматривалось строительство 6 км трамвайного пути на сумму 1250 тыс. руб. [21, л. 12] Остальные работы должны были осуществляться в 1940 г. К финансированию работ был привлечен Наркомат химической промышленности СССР, общий

технический проект и смета была составлена Курской проектной конторой [21, л. 13], при этом строительство трамвая в Рышкове не было начато по причине отсутствия технической документации.

В ходе осуществления строительных работ было введено в эксплуатацию 4,9 км трамвайных путей, что позволило открыть новый участок трамвайной сети от Барнышевской площади (в наст. время площадь Добролюбова) до Кожзавода (ул. Кутузова) и продолжить трамвайную линию от Кожзавода до Мясокомбината (в наст. время трамвайная остановка Кожзавод). Из выделенных 1350,0 тыс. руб. было освоено 1288,5 тыс. руб., а также было потрачено ещё 90 тыс. руб. на приобретение вагонов, как и планировалось [22, л. 6].

Контактная сеть была увеличена до 21,9 км сообразно вводу нового участка трамвайной сети. В ходе ремонтных работ была произведена регулировка с подтяжкой, заменена часть растяжек и столбов. Продолжился капитальный ремонт по путевому хозяйству, были переложены трамвайные пути от Кировского моста до ул. Ворошилова (в наст. время ул. Дубровинского), полностью переложены рельсы и частично шпалы по ул. Добролюбова. Капитальный ремонт был выполнен не полностью: из 216,1 тыс. руб. освоено 191,7 тыс. руб.

В 1940 г. начались дополнительные работы по техническому оснащению подстанции, был поставлен ртутный выпрямитель РВ-10 с мощностью 600 кВт вместо РВ-5 с мощностью 300 кВт. Таким образом общая суммарная мощность подстанции составила 1800 кВт [23, л. 7]. В ходе строительных работ по расширению трамвайной сети было увеличено протяжение контактной сети до 25 км. Выполнена существенная работа по регулировке сети, замене столбов и растяжек [23, л. 8].

В 1940 г. капиталовложения составили 1060 тыс. руб. (изначальная сумма была снижена в течение 1940 г.), из них на приобретение вагонов – 180 тыс. руб. [23, л. 31]. Был полностью проложен новый

трамвайный участок от ул. Энгельса до парка Солянка (Соловьиная роща) длиной 4548 м с затратами 494,6 тыс. руб. Были проведены работы по возведению трамвайного кольца по ул. Дзержинского и в Кировском районе, выполненные на 75%. Всего в ходе строительных работ было освоено 788 тыс. руб. из выделенных по плану 804,3 тыс. руб. [23, л. 32 об.].

В г. Воронеже в 1938 г. на строительные работы было выделено 900 тыс. руб., хотя необходимо отметить такой факт, что изначально на работы по строительству Наркомхоз РСФСР предлагал выделить сумму 2000 тыс. руб., но Госплан РСФСР ее снизил [24, л. 25].

В ходе проведения работ по модернизации трамвайного хозяйства трестом городского транспорта в 1938 г. в области энергохозяйства была введена в строй 3-я тяговая распределительная подстанция с установленным ртутным выпрямителем РВ-10 на 600 кВт, что впоследствии увеличило суммарную энергетическую мощность до 2550 кВт [12, л. 5].

Осуществлялись работы по замене контактной сети, так троллейный провод протяженностью 3395 м был сменен. В ходе строительных работ по улучшению жилищных условий работников предприятия был сдан в пользование жилой дом для трамвайщиков площадью 1223 кв. м, в котором разместились 62 семьи, по нормативным расчётам на каждого человека приходилось 9 кв. м. Были построены детские ясли на 100 детей [12, л. 6]. Подвижной состав пополнился 11 новыми моторными вагонами. Трамвайная сеть была улучшена путем замены одноколейного трамвайного пути на двухколейный на участке через построенный виадук по Плехановской ул. и от Заставы до ул. Урицкого. Там было снято 789 м старого трамвайного пути и уложен 1881 м двухколейного пути с переноской разъезда от Студенческого городка к Рабочему поселку завода им. Коминтерна. Были расширены на 0,9 км и реконструированы парковые пути для усиления их манёвренности и пропускной способно-

сти. В ходе проведения капитального ремонта по трамвайному хозяйству было заменено 3571 м старых рельс, 2490 шт. старых шпал, приварено 1031 шт. электросоединений, а также заменено 23 шт. путевых спецчастей (переводов крестовин и пересечений) [12, л. 7]. Помимо этого была проведена целая серия работ по улучшению подвижного состава и работы всего вагонного парка.

В 1939 г. на строительные работы было выделено 2471,0 тыс. руб. Они распределились следующим образом:

- 1) трамвайный путь к заводу №18 (в настоящее время ВАСО) – 600 тыс. руб.;
- 2) трамвайный путь к заводу №511 (в настоящее время Воронежский шинный завод) – 300 тыс. руб.;
- 3) трамвайный путь к заводу СК-2 – 37,5 тыс. руб.;
- 4) трамвайный путь к поселку Подгорное – 1000 тыс. руб.;
- 5) строительство новой диспетчерской – 100 тыс. руб.;
- 6) монтаж подстанции – 60 тыс. руб.;
- 7) прочие работы – 23, 0 тыс. руб.

Недостаточная обеспеченность материалами, необходимыми для строительства, была системной для всей отрасли электрического транспорта накануне Великой Отечественной войны, она и не позволила развернуть работы по строительству трамвайного пути от завода им. Коминтерна до села Подгорного, этот амбициозный проект был осуществлен спустя несколько десятилетий. Из-за этого же не велось строительство линий к заводу № 511, уже сам завод, заинтересованный в трамвайной магистрали, не обеспечил работы материалами и было уложено 350 м трамвайных рельс с установкой деревянных мачт [25, л. 14].

Сорвались работы из-за отсутствия необходимого оборудования по монтажу подстанции. Была выполнена только прокладка подземного кабеля напряжением 6000 В от ГЭС-1 до подстанции, и снова дефицит материалов, в частности кабеля позволил выполнить данные работы на 71% [25, л. 55].

Несмотря на сопутствующие проблемы с наличием критически важных материалов был сдан во временную эксплуатацию однопутный трамвайный участок от кольца у завода № 18 по ул. Заводской и П. Осипенко и по проспекту им. Сталина (в наст. время Ленинский проспект) до поселка Придача длиной 4843 м. Его строительство велось согласно приказу НККХ РСФСР №597 от 19 августа 1939 г. Общая стоимость трамвайной линии составила 1779,4 тыс. руб., выполнено было на 1001 тыс. руб., остальные работы для полной сдачи участка были перенесены на 1940 г. ввиду недостаточного снабжения материалами [25, л. 15]. Подвижной состав пополнялся 5-ю вагонами. Для ремонтных мастерских было приобретено различное оборудование на 15 тыс. руб.

Всего в 1939 г. строительные работы были выполнены на 1718 тыс. руб., что позволило на 2% перевыполнить строительную программу, т. к. была уменьшена сумма капиталовложений по причине не-обеспечения работ должным снабжением.

В 1940 г. продолжило развиваться трамвайное движение в левобережной части г. Воронежа. Так на половине пути от завода № 18 до Придачи была устроена вторая колея длиной в 6,3 км оди-ночного пути. Для улучшения транспортного обслуживания рабочих завода №18 были переданы Воронежскому трамваю 10 моторных и прицепных вагонов (Х и М) с Усть-Катавского завода. Последний трамвайный участок перед началом Великой Отечественной войны был введен в эксплуатацию 1 февраля 1941 г. от Рабочего поселка до Алексеевки длиной 800 м оди-ночного трамвайного пути [10, л. 57–58].

Таблица 5. Трамвайные хозяйства городов Центрального Черноземья накануне Великой Отечественной войны [26, л. 2–4; 27, л. 2–6]

Table 5. Tram farms of the cities of the Central Chernozem region on the eve of the Great Patriotic War [26, л. 2–4; 27, л. 2–6]

Показатель	г. Воронеж	г. Курск	г. Тамбов	г. Липецк
Введено в эксплуатацию новых трамвайных путей, км	7,7	13,9	—	—
Общая протяженность трамвайных путей, км	60	29,5	—	—
Введено в действие новых тяговых подстанций, ед.	1 ед.	—	—	—
Общая мощность тяговых подстанций, кВт	2550	1800	—	—
Введено в действие трамвайных парков	—	—	—	—
Общее количество вагономест в трамвайных парках	65	20	—	—
Введено новых линий контактной сети, км	7,7	13,9	—	—
Общая протяженность контактной сети, км	60	29,5	—	—
Приобретено трамвайных вагонов	42	36	—	—
Общее число подвижного состава, вагонов	152	62	—	—

Начало Великой Отечественной войны не позволило до конца реализовать

намеченные планы по развитию трамвайного хозяйства в городах Центрального

Черноземья (табл. 5). В г. Тамбове только в 1941 г. планировалось развернуть строительные работы и по вполне объективным причинам этого сделано не было, а в послевоенное время решено было сосредоточить усилия на развитии электрического троллейбуса.

В г. Липецке, как мы можем понять, к каким-либо существенным работам по строительству трамвая до начала Великой Отечественной войны город не приступал. Данный вывод мы сделали, основываясь в первую очередь на полном отсутствии упоминания Липецкого хозяйства в справках Главного управления трамваев и троллейбусов за 1940 г. [21, л. 1–38] и отчете Главка о выполнении плана капитального строительства в трамвайных хозяйствах РСФСР за 1939 г. [22, л. 1–29]. Трамвайное движение было запущено в послевоенный восстановительный период в конце 1947 г.

Только в г. Курске и г. Воронеже активно шла модернизация трамвайного хозяйства, решались проблемы по расширению трамвайной сети и охвату трамваем новых районов. В г. Курске, как мы видим, по данным таблицы 5, протяженность путей увеличилось на 89,1%, а в г. Воронеже – на 14,2%, число вагонов – на 138,46% и 38,18% соответственно, имелись 152 пассажирских вагона. Даже несмотря на то, что строительные работы осуществлялись только на протяжении 3-х лет из 5-ти, можно констатировать, насколько намеченные и утвержденные планы превосходили возможности для их полного осуществления. Следует отметить, что главной особенностью в прокладке новых трамвайных путей и г. Курске, и в г. Воронеже стало удовлетворение потребности жителей в транспортной связи как с парковыми зонами отдыха,

так и в обеспечении перевозки рабочих промышленных предприятий. Именно реализация транспортной связи с промышленными предприятиями, концентрировавшимися в своих районах большие пассажиропотоки, послужило основным вектором, но не единственным в развитии городского электрического транспорта в преддверии Великой Отечественной войны.

Выводы

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что в условиях развития городских агломераций, укрупнения городов, формирования новых точек притяжения городского населения остро встает проблема транспортного обеспечения. В ходе нашего исследования было показано, что накануне Великой Отечественной войны направлениями развития для систем электрического транспорта стали именно те места, где концентрировался основной и значительный пассажиропоток. В нашем случае это районы дислоцирования промышленных предприятий и парковые зоны отдыха. Именно электрический трамвай способен перевозить наибольшее число пассажиров. Дело в том, что, как правило, трамвайные поезда состояли из 2 вагонов, а в г. Воронеже курсировали и трехвагонные поезда. Он имеет движение, изолированное от основных автомагистралей, что позволяло беспрепятственно осуществлять свою работу, поэтому основной акцент в предвоенные годы был сделан на развитие электрического трамвая. И именно озвученные преимущества становятся одним из решающих факторов при разработке и развитии систем общественного транспорта в современных условиях чрезвычайной автомобилизации населения.

Список литературы

1. Шпаков И. В. Становление и развитие трамвайного транспорта в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX в. Чарлстон: CreateSpace, 2015. 145 с.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6115.
3. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6120.
4. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6217.

5. Розалиев В. В. Городской электротранспорт: из истории государственного управления. М.: Тип Федоровец, 2004. 278 с.
6. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6383.
7. Шпаков И. В. Становление и развитие трамвайного транспорта в Центральном Черноземье в конце XIX – первой трети XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2013. 154 с.
8. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6164.
9. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6184.
10. Пашенко В. С. Трамвай и троллейбус в Воронеже. М.: Железнодорожное дело, 2013. 350 с.
11. Фурсов А. А. История Воронежского трамвая (1926–2009). Воронеж: Кварта, 2010. 164 с.
12. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6298.
13. ГАКО (Государственный архив Курской области) Ф. Р-3272. Оп. 1. Д. 51.
14. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6260.
15. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6251.
16. Гладнев И., Зимин Г. Липецкая область. Липецк: Липецкое кн. изд-во, 1959. 311 с.
17. Павлюченко П. А. Промышленность Тамбовской области. Тамбов: Тамбовское кн. изд-во, 1962. 320 с.
18. Городской электрический транспорт в России, СССР и Российской Федерации / под. ред. Ю. М. Косого. Н. Новгород: Изд-во Штрих-Н, 2007. 368 с.
19. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6382.
20. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6311.
21. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6428.
22. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6351.
23. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6406.
24. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6282.
25. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6356.
26. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6451.
27. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6465.

References

1. Shpakov I. V. Stanovlenie i razvitie tramvajnogo transporta v Central'nom Chernozem'e v konce XIX – nachale XX vv. [Formation and development of tram transport in the Central Chernozem region in the late XIX – early XX centuries]. Charlston, CreateSpace, 2015. 145 p.
2. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. A-314, op. 1, d. 6115.
3. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6120.
4. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6217.
5. Rozaliev V. V. Gorodskoj elektrotransport: iz istorii gosudarstvennogo upravleniya [Urban electric transport: from the history of public administration]. Moscow, 2004. 278 p.
6. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6383.
7. Shpakov I. V. Stanovlenie i razvitie tramvajnogo transporta v Central'nom Chernozem'e v konce XIX – pervoj treti XX vv. Diss. kand. ist. nauk [Formation and development of tram transport in the Central Chernozem region at the end of the XIX – first third of the XX centuries. Cand. history sci. diss.]. Kursk, 2013. 154 p.
8. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6164.
9. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6184.

10. Pashchenko V. S. Tramvaj i trollejbys v Voronezhe [Tram and trolleybus in Voronezh]. Moscow, Zheleznodorozhnoe delo Publ., 2013. 350 p.
11. Fursov A. A. Istoriya Voronezhskogo tramvaya (1926–2009) [The history of the Voronezh Tram (1926-2009)]. Voronezh, Kvarta Publ., 2010. 164 p.
12. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6298.
13. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk region], f. R-3272, op. 1, d. 51.
14. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6260.
15. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6251.
16. Gladnev I., Zimin G. Lipeckaya oblast' [Lipetsk region]. Lipeck, Lipeckoe kn. izd-vo Publ., 1959. 311 p.
17. Pavlyuchenko P. A. Promyshlennost' Tambovskoj oblasti [Industry of the Tambov region]. Tambov, Tambovskoe kn. izd-vo, 1962. 320 p.
18. Gorodskoj elektricheskij transport v Rossii, SSSR i Rossijskoj Federacii [Urban electric transport in Russia, the USSR and the Russian Federation]; ed. by Yu. M. Kossoj. N. Novgorod, Shtrih-N Publ., 2007. 368 p.
19. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6382.
20. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6311.
21. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6428.
22. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6351.
23. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6406.
24. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6282.
25. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6356.
26. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6451.
27. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6465.

Информация об авторе / Information about the Author

Давыдов Алексей Сергеевич, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: oi46@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Alexey S. Davydov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: oi46@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация бесплатная.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>